РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

основанное 1-го января 1870 г.

1897.

ІЮЛЬ.— АВГУСТЪ.— СЕНТЯВРЬ.

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ ДЕВЯНОСТО ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза", Бол. Подъяч., 39.
1897.

Библиотека "Руниверс"

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXVIII-й. АВГУСТЪ. 1897 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Марія Каттамирова. (Окончаніе). Акад. Л. Н. Майкова. ... 225—253
II. Россія и Франція въ первой половинѣ XVIII вѣка. Гл. I—II. Сообщ. В. В. 257—289
III. Воспоминанія сенатора барона Карла Гейнинга. Гл. I—II. А. А. Гирса. 291—308
IV. Жертва терроризма. (Князь княгини Розаліи Любомирской). Ф. В. Домбровскаго 309—332
V. Изъ воспоминаній Михайловскаго - Данилевскаго. 1818 г. Гл. IV V. Сообщ. Н. К. Шильдеръ.. 333 - 356
VI. Движеніе русскихъ войскъ отъ Москвы до Красной Пахры. Гл III. А. Н. Попова. Сообщ. П. Н Цуриковъ... .... 357—373
VII. Якутскій розыскъ о розни боярскихъ дѣтей и казаковъ. Н. Оглоблина. 375—392
VIII. Василій Григорьевичъ Рубанъ. Б. Л. Медзалевскаго.. . ... . 393 415
IX. Изъ бумагъ статсъ-секретаря А. Д. Комовскаго Сообщ. княгиня А. А. Солнцева — графиня Остерманъ.. .. 417 440
X. Еще къ вопросу о времени знакомства Гоголя съ Пушкинымъ. Вл. Шенрока и В. Апенаріуса. 441—447
XI. Записная книжка „Русской Старины“: Видѣнія артиста: I. «Во снѣ». II. «На яву». Стихотворенія Г. Сабинина. (стр 254). — Къ исторіи театральной цензуры. Всеподданнѣйшее письмо Нестора Кукольника въ ноябрѣ 1864 г. Сообщ. П. К. Работинъ. (255). — Къ біографіи Ѳеодосія, архіепископа новгородскаго (Письмо ген. Ушакова — архимандриту Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря отъ 7-го марта 1732 г.). Сообщ. Н П Успенскій. (290). — Всеподданнѣйшее поздравленіе имп. Александра I княгинею Суворовою-Рымникскою отъ 21-го марта 1801 г. и рескриптъ имп. Александра I княгинѣ Суворовой-Рымникской отъ 26-го марта. (374). — Два письма имп. Александра I князю Платону Зубову отъ 24-го дек. 1801 г и 1-го іюля 1802 г (416).
XII. Приложеніе. Журналъ дежурныхъ генералъ-адъютантовъ. Сообщ. Л В. Кадокиновъ.... . 177—192
XIII. Библіографическ. листокъ (на оберткѣ).
XIV. Объявленіе объ открытіи учено-литератур. общ. при Имп. Юрьевск. универс

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Василія Григорьевича Рубана. Гравир. К. Адтъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1897 г.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 по полудни

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза»,
Большая Подъяческая 39
1897.

Библиотека "Руниверс"

Библіографическій листокъ.

И. И. Өирсовъ. „Русскія торгово-промышленныя компаніи въ 1-ю половину XVIII столѣтія". Очерки изъ исторіи торгово-промышленной политики и соотвѣтствующихъ общественныхъ отношеній. Казань.

Авторъ названной книги поставилъ себѣ задачею представить значеніе русской торгово-промышленной компаніи не только въ сферѣ финансовъ, промышленности и торговли, но, главнымъ образомъ, въ области торгово-промышленнаго класса. Съ этою цѣлью онъ подробно останавливается на выясненіи оффиціальныхъ мотивовъ торгово-промышленной политики, на изученіи ея колебаній и реальной основы, на установленіи типовъ торгово-промышленныхъ компаній и компанейщиковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ разсматриваетъ тѣ отношенія, которыя вытекали изъ особаго положенія компанейщиковъ, созданнаго и политикой и самою жизнью.

Заглавіе книги большею частью не отвѣчаетъ вполнѣ содержанію сочиненія. „Читатель весьма ошибся бы, — говоритъ въ своемъ предисловіи г. Өирсовъ, — еслибы сталъ искать въ моей работѣ исторію русской торговли и промышленности въ отмѣченный хронологическій періодъ, съ изображеніемъ въ числовыхъ данныхъ стариннаго отечественнаго производства и торговаго оборота (съ исторіей цѣнъ на товары)".

Разсматриваемая нами книга состоитъ изъ трехъ очерковъ, въ свою очередь подраздѣляющихся на главы.

Въ первомъ очеркѣ—Торговыя компаніи—авторъ выясняетъ общія условія крупнаго торговаго оборота въ Московскомъ государствѣ и дѣлаетъ общія замѣчанія объ административной реформѣ торгово-промышленнаго класса. Торговый оборотъ въ Московскомъ государствѣ до второй половины XVI столѣтія сосредоточивался въ рукахъ правительства, представляя одну изъ самыхъ важныхъ статей государственнаго хозяйства. По словамъ Герберштейна, заграничные товары строго запрещалось показывать кому бы то ни было изъ подданныхъ великаго князя, пока онъ самъ не осмотритъ ихъ и не закупитъ для себя, что ему потребуется. Извѣстно, что цѣнные иностранные товары, взятые великимъ княземъ для себя, перепродавались затѣмъ туземнымъ купцамъ по цѣнѣ, назначенной самимъ княземъ. По свидѣтельству Флетчера, царь получалъ „отъ оброчнаго хлѣба и другихъ припасовъ около 200.000 руб. въ годъ, а отъ оброчнаго лѣса, сѣна и проч.—30.000 руб. въ годъ или около того". Царскіе товары, особенно мѣха [1]), посылались за границу. Отъ торговли царская казна,—говоритъ Олеарій,—„обогащалась наилучшимъ образомъ". Двумя грамотами Ивана Васильевича Грознаго (1555 и 1567 гг.) были даны небывалыя привилегіи образованной англичанами для торга съ Московскимъ государствомъ компаніи. Эта компанія получила право свободной и безпошлинной торговли оптомъ и въ розницу, право собственнаго суда и расправы, такъ что ни таможенники, ни воеводы, ни намѣстники не смѣли вмѣшиваться въ ихъ торговыя дѣла и задерживать ихъ. Безпошлинная свободная торговля англичанъ въ Россіи неблагопріятно отразилась на русскихъ купцахъ: члены компаніи „обогатѣли", а русскіе оптовые торговцы, такъ называемые „гости"—„обѣднѣли"; естественно поэтому, что „гости", бывшіе агентами великаго князя въ его личныхъ торговыхъ операціяхъ и пріобрѣвшіе замѣтное служебное положеніе, старались вліять на правительство въ смыслѣ уничтоженія англійскихъ привилегій. Дѣйствительно, привилегіи эти въ 70-хъ годахъ XVI столѣтія начинаютъ мало-по-малу сокращаться: безпошлинная и свободная торговля компаніи была пріурочена лишь къ Москвѣ, а для торговли въ Казани и Астрахани англичанамъ было поставлено въ обязанность испрашивать особое разрѣшеніе у царя и платить за товары половину положенной пошлины. Борисъ Годуновъ, сдѣлавшись царемъ, не только не исполнилъ желанія компаніи „затворить море-окіянъ" для всѣхъ кромѣ нея самой, но даже самъ старался другимъ европейцамъ доставить возможность свободной торговли съ Московскимъ государствомъ. При царѣ же Алексѣѣ Михайловичѣ коммерческому господству англичанъ въ Россіи былъ нанесенъ окончательный ударъ: московское правительство обвинило англичанъ въ томъ, что они „всею землею учинили большое злое дѣло – государя сына его Карлуса короля убили до смерти, и такое злое дѣло въ Московскомъ государствѣ имъ быть не довелось"; торгъ имъ былъ дозволенъ лишь у Архангельска и съ платежомъ установленныхъ пошлинъ.

Во второй главѣ перваго очерка авторъ останавливается на торговыхъ компаніяхъ

---

[1]) Котошихинъ говоритъ, что сибирскія мѣха доставляли казнѣ „приходу" больше чѣмъ 600.000 руб.

Библиотека "Руниверс"

ВЫШЕЛЪ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ:

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

СТАТЕЙ

РУССКОЙ СТАРИНЫ

ЗА 1891—1896 г.г.

СЪ ПЯТЬЮ ПОРТРЕТАМИ.

Третье прибавленіе къ систематической росписи «Русской Старины» изданной въ 1885 г.

Цѣна съ пересылкою: для подписчиковъ «Русской Старины» 1 руб., а для всѣхъ остальныхъ 1 руб. 50 коп.

Съ требованіемъ слѣдуетъ обращаться въ контору редакціи журнала «Русская Старина»: Фонтанка, д. № 145.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку указателя только передъ тѣми лицами, которыя обратятся съ требованіями въ ея контору.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка.

Редакція считаетъ долгомъ заявить, что Указатель напечатанъ въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ.

Библиотека "Руниверс"

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1897 годъ.

Основанный въ 1870 году, ежемѣсячный историческій журналъ **«РУССКАЯ СТАРИНА»**, вступая въ 1897 году въ двадцать восьмой годъ своего существованія, остается въ будущемъ вѣренъ своей первоначальной программѣ—разработывать русскіе историческіе матеріалы и знакомить читателей съ историческими дѣятелями Русской земли. Независимо отъ строгой разработки чисто историческаго матеріала, на страницахъ **«РУССКОЙ СТАРИНЫ»** читатели найдутъ личныя записки и мемуары частныхъ лицъ, освѣщающіе дѣятельность лицъ историческихъ и современной имъ эпохи.—Для того же, чтобы читатели **«РУССКОЙ СТАРИНЫ»** имѣли возможность слѣдить за вновь выходящими историческими сочиненіями и статьями, помѣщаемыми въ періодическихъ изданіяхъ, съ 1894 г. введенъ особый библіографическій указатель.

Программа изданія остается прежняя и будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Семейныя хроники; 3) Записки и воспоминанія; 4) Очерки и разсказы; 5) Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 6) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 7) Переписка замѣчательныхъ лицъ, автобіографіи, замѣтки и дневники; 8) Историческіе разсказы и преданія; 9) Челобитныя и разные документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 10) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 11) Народная словесность; 12) Архивные документы; 13) Родословія.

Редакція не считаетъ нужнымъ перечислять статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ нашего изданія можно считать вполнѣ обезпеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками.

Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Н. Дубровинъ.

Лица, не бывшія подписчиками въ 1895 и 1896 гг., если пожелаютъ получить двѣ части **Записокъ В. А. Инсарскаго**, которыя были напечатаны въ 1894 и 1895 гг., приплачиваютъ 1 р.

Войсковыя части могутъ выписывать **«РУССКУЮ СТАРИНУ»** чрезъ редакцію **«Досугъ и Дѣло»**.

Библиотека "Руниверс"

ВАСИЛІЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ

РУБАНЪ.

Библиотека "Руниверс"

Княжна Марія Кантемирова[1]).

IV.

Княжна Марія высоко чтила память своего отца и, оставшись послѣ его смерти старшею представительницею его потомства, признавала себя обязанною блюсти общіе семейные интересы и достоинство рода Кантемировъ. Мы уже видѣли, какъ дѣятельно хлопотала она объ имущественномъ обезпеченіи семьи. Едва ли не еще болѣе усердія проявляла она къ устройству женитьбы своихъ братьевъ. Она твердо держалась убѣжденія, что на бракъ слѣдуетъ смотрѣть исключительно съ точки зрѣнія выгодъ и приличій; по ея мнѣнію, невѣсты должны были принести молодымъ Кантемирамъ хорошее приданое и—что еще важнѣе—хорошія связи. Поэтому она въ свое время благопріятствовала браку князя Константина съ дочерью сильнаго въ ту пору вельможи, князя Д. М. Голицына, а затѣмъ, когда послѣдній впалъ въ немилость, крѣпко досадовала на себя за вмѣшательство въ это дѣло. При императрицѣ Аннѣ возвысились родственные государынѣ Салтыковы: тогда княжна вздумала пріискать изъ этого рода невѣсту для брата Матвѣя. Но князь Матвѣй былъ человѣкъ безпутный, и какъ нарочно, около того времени, когда княжна намѣтила ему въ невѣсты тридцатипятилѣтнюю сестру новгородскаго губернатора П. И. Салтыкова, Авдотью Ивановну, онъ произвелъ новое буйство, повергшее княжну Марію въ полное сокрушеніе. Огорченіе свое она

[1]) См. январскую, мартовскую и іюньскую книжки „Русской Старины“ за текущій годъ.

Библиотека "Руниверс"

высказала въ письмѣ къ брату Антіоху отъ 18-го января 1733 года: «Братъ водилъ знакомство съ «Харайкой» (такъ княжна называла вдову какого-то чиновника Неронова) и ротмистромъ Дубасовымъ. Однажды онъ былъ у нея вмѣстѣ съ Сережей; подпивъ, они поссорились съ Дубасовымъ изъ-за этой презрѣнной женщины; наши слуги жестоко избили ротмистра, какого-то подпоручика, жившаго въ той же квартирѣ, и даже его жену. Представьте себѣ что̀ ожидало нашихъ братьевъ по военному артикулу. Однако Богъ смиловался надъ нами, и они отдѣлались дешево. Но я такъ тогда горевала, что не дай Богъ кому-либо, даже врагу... Я такъ расхворалась, что еле могла двигаться; однако ѣздила къ княгинѣ Марьѣ за Москву-рѣку въ ужасные морозы, и не одинъ, а три раза. Она переговорила съ Семеномъ Андреевичемъ, и онъ—дай Богъ ему здоровья—все уладилъ, такъ что никакого дѣла не поднялось... Мѣсяцъ спустя я заплатила поручику двѣсти рублей, а съ Дубасовымъ братья помирились. Слугъ нашихъ высѣкли батожьемъ за то, что они принимали главное участіе въ баталіи». Нужно объяснить, кто были лица, помогшія княжнѣ Маріи выпутать братьевъ изъ грозившей имъ бѣды. Княгиня Марья—мать предполагаемой невѣсты Матвѣя Кантемира, бывшая во второмъ бракѣ за княземъ И. С. Куракинымъ, а Семенъ Андреевичъ—тоже родственникъ невѣсты, графъ Салтыковъ, тогдашній московскій генералъ-губернаторъ. Дубасовъ и его товарищъ, поручикъ Спѣшневъ, уже успѣли подать ему челобитье «въ бою ихъ ночнымъ временемъ князь Матвѣемъ да князь Сергіемъ Кантемировыми»; но предупрежденный княгинею Куракиной, московскій градоначальникъ такъ направилъ слѣдствіе, что сами буяны были выгорожены, а виновными оказались только дѣйствовавшіе по ихъ приказу ихъ же крѣпостные люди, которые одни и подверглись наказанію. Въ такомъ видѣ С. А. Салтыковъ донесъ объ этомъ происшествіи императрицѣ, которая положила резолюцію: «Понеже они въ той ссорѣ помирились, того ради оное дѣло оставить и больше не слѣдовать» [1]). Рѣшеніе совершенно въ духѣ того времени, когда, въ подобныхъ дѣлахъ, знатный человѣкъ всегда имѣлъ возможность выйти сухъ изъ воды, а платился за него только простолюдинъ. И умная княжна Марія, какъ видно, была не выше такихъ воззрѣній. Не менѣе характерно то, что родственники невѣсты сами старались замять проступокъ жениха; тѣмъ не менѣе, женитьба князя Матвѣя на А. И. Салтыковой, несмотря на всѣ старанія княжны Маріи, все-таки не состоялась, и 18-го апрѣля 1733 года княжна писала брату Антіоху: «Мнѣ не удалось устроить бракъ Ма-

[1]) Книга записная именнымъ письмамъ и указамъ императрицъ Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны С. А. Салтыкову 1732—1742 годовъ.—Чтенія въ Моск Общ. исторіи и древн. росс. 1878 г., кн. I, стр. 97 и 98.

Библиотека "Руниверс"

твѣя, хоть я и старалась услужить ему. Даровому коню въ зубы не смотрятъ, а онъ все отговаривался тѣмъ, что приданое незначительно и невѣста не молода. Я съ трудомъ отдѣлалась отъ ея родственниковъ: вы знаете, что это за люди. Я дала себѣ зарокъ не искать болѣе для него невѣсты; пусть дѣлаетъ, какъ хочетъ. Боюсь только, чтобы въ концѣ концовъ онъ не женился на Харайкѣ. Меня эта неудача очень опечалила, такъ какъ я дала слово брату невѣсты устроить это дѣло». Годъ спустя однако князь Матвѣй уже по собственному выбору женился на княжнѣ Агр. Як. Лобановой-Ростовской, и княжна Марія была очень тому рада.

Князь Сергѣй причинялъ сестрѣ горе другого рода: онъ вовсе не хотѣлъ вступать въ бракъ и возился съ любовницами. Кромѣ того, сестрѣ приходилось платить его долги и тревожиться за него, когда онъ находился въ походахъ. Онъ желалъ выслужиться и въ 1735 году прикомандировался волонтеромъ въ корпусъ, отправленный на Рейнъ подъ командой генерала Лесси; въ военныя дѣйствія онъ не попалъ, но будучи въ Германіи, сильно нуждался въ деньгахъ и писалъ сестрѣ, что хлѣбъ цѣнится у нихъ на вѣсъ золота, а квартиры дороги какъ серебро, не говоря уже о порціяхъ и винѣ. Благоразумная сестра не замедлила отвѣтить ему приличнымъ наставленіемъ: «Хлѣбъ придаетъ бодрости, а вино веселитъ душу, но безъ хлѣба ни порціи, ни вино ничего не стоятъ. Видно, и въ Германіи живутъ не все Іосифы или Тантамы, но есть и подобные намъ Козьмы и Даміаны». Однако, вмѣстѣ съ наставленіемъ сестра послала брату и денегъ. Позже князь Сергѣй участвовалъ въ походахъ Миниха противъ турокъ, между прочимъ былъ при осадѣ Очакова, и княжнѣ Маріи приходилось тревожиться за жизнь брата по неимѣнію о немъ извѣстій, но въ концѣ концовъ онъ возвратился съ войны цѣлъ и невредимъ, да еще съ плѣнною турчанкой. Пострадать этому безпокойному человѣку пришлось только отъ пьяныхъ ямщиковъ, которые избили его въ Тоснѣ на пути въ Петербургъ въ 1740 году. Впрочемъ, такія происшествія съ братьями были, по видимому, не въ диво княжнѣ, и объ этомъ послѣднемъ случаѣ она даже не сообщала князю Антіоху.

Неудачный бракъ князя Константина и не состоявшаяся попытка женить князя Матвѣя на Салтыковой не охладили матримоніальнаго усердія княжны Маріи; она только перенесла его на своего младшаго любимаго брата. Было уже упомянуто, что еще до отъѣзда князя Антіоха за границу она желала повѣнчать его съ княжной В. А. Черкасской. На этотъ разъ сестрины соображенія о выгодахъ совпадали съ сердечнымъ расположеніемъ самихъ молодыхъ людей. Но Антіоху пришлось оставить Москву и Россію почти внезапно, и притомъ въ полной неизвѣстности, на долго ли онъ уѣзжаетъ. Правда, во второй половинѣ

*

Библиотека "Руниверс"

1732 года это обстоятельство выяснилось: онъ былъ облеченъ въ званіе чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра при Сентъ-Джемсскомъ дворѣ. Тѣмъ не менѣе, сестра не теряла надежды на скорое его возвращеніе въ Россію и на возможность осуществить столь желанный для нея бракъ; поэтому въ письмахъ своихъ къ молодому дипломату она постоянно возвращалась къ этому предмету.

Княжнѣ Маріи тѣмъ легче было сообщать Антіоху извѣстія о семействѣ Черкасскихъ, что по отъѣздѣ двора изъ Москвы въ январѣ 1732 года одинъ князь Алексѣй Михайловичъ послѣдовалъ за нимъ въ Петербургъ, между тѣмъ какъ его жена и дочь остались на жительство въ древней столицѣ. Княгиня Марья Юрьевна Черкасская оправдывала передъ государыней свое пребываніе въ Москвѣ постоянными болѣзнями, а княжнѣ Кантемировой говорила о дороговизнѣ жизни въ Петербургѣ, гдѣ всѣ стараются перещеголять другъ друга, иныя стремятся стать выше ея, и ей нельзя играть первую роль въ обществѣ; этими послѣдними словами она, очевидно, намекала на совмѣстничество своей двоюродной сестры, вдовы господаря, княгини Анастасіи Ивановны, съ которою была не въ ладахъ. На самомъ дѣлѣ причина, почему княгиня Марья Юрьевна не переселялась въ слѣдъ за мужемъ въ Петербургъ, была иная: она заключалась въ нерасположеніи русской знати къ Петровскому «парадизу», который сталъ теперь сущимъ раемъ для всякихъ нѣмцевъ. Это давно наболѣвшее чувство оставалось въ полной силѣ во все царствованіе императрицы Анны. «Русскіе только и мечтаютъ о житьѣ въ Москвѣ и считаютъ себя чужими въ Петербургѣ», писалъ въ одной изъ своихъ депешъ 1740 года французскій посолъ маркизъ де-ла-Шетарди, незадолго передъ тѣмъ прибывшій въ Россію [1]). «Изъ русскихъ дворянъ нѣтъ ни одного, который не желалъ бы видѣть Петербургъ на днѣ морскомъ, а завоеванныя (Петромъ Великимъ) области пошедшими къ чорту, лишь бы имѣть возможность возвратиться въ Москву, гдѣ, вблизи своихъ имѣній, они могли бы жить съ большею роскошью и съ меньшими издержками», замѣчалъ со своей стороны англійскій резидентъ Финчъ въ 1741 году [2]). Короче сказать, и теперь чувствовалось и втихомолку говорилось то же, что̀ открыто выражалось за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, при воцареніи Петра II. Чувство это еще болѣе усиливалось теперь подъ впечатлѣніемъ тѣхъ отношеній въ какія стало къ русской знати наполненное нѣмцами правительство временъ Анны. Въ февралѣ 1740 года французскому послу пришлось присутствовать при извѣстной свадьбѣ князя М. А. Голицына въ ледяномъ домѣ, и это дикое празднество побудило утонченнаго дипло-

[1]) Сборникъ Импер. Русск. Истор. Общества, т. 86, стр. 573.
[2]) Тамъ же, т. 91, стр. 107 и 108.

Библиотека "Руниверс"

мата къ размышленіямъ такого рода: «Эта забава вызвана не столько желаніемъ тѣшиться, сколько несчастною для дворянъ политикою, которой всегда слѣдовалъ здѣшній дворъ... Посрамленіе князя Голицына неумѣстно, такъ какъ этимъ самымъ презрѣны службы его предковъ и тѣхъ его родственниковъ, которые теперь состоятъ на службѣ. Подобными дѣйствіями время отъ времени напоминаютъ знатнымъ людямъ этого государства, что ихъ происхожденіе, достояніе, званія и награды, которыми ихъ удостоиваетъ государь, никоимъ образомъ не охраняютъ ихъ отъ малѣйшей прихоти ихъ властителя, а онъ, чтобы заставить любить, слушаться и бояться себя, можетъ повергать своихъ подданныхъ въ ничтожество, которое никогда прежде не было имъ извѣстно» [1]). Тягость такого порядка вещей сознавалась даже въ малоразвитомъ русскомъ обществѣ того времени, и кто только могъ, старался держаться подальше отъ опасности: въ Москвѣ все-таки жилось полегче и посвободнѣе, чѣмъ на берегахъ Невы.

Но пренебреженіе правительства къ родовитымъ людямъ вызывало не только пассивный отпоръ съ ихъ стороны; на многихъ, въ особенности на тѣхъ, кого увлекало честолюбіе или грызла жажда прибытка, систематическое униженіе дѣйствовало развращающимъ образомъ. Тотъ же французъ-наблюдатель писалъ: «Знатные только по имени, они—рабы въ дѣйствительности и такъ свыклись съ рабствомъ, что не чувствуютъ своего положенія» [2]). Таковыми въ особенности оказывались люди безцвѣтные, слабохарактерные, пожалуй честные на столько, чтобы хоть внутри себя таить недовольство, но совершенно неспособные къ протесту и потому впадавшіе въ уступчивость и угодливость передъ грубою силой пришлыхъ иноземцевъ. Къ числу такихъ именно людей принадлежалъ князь А. М. Черкасскій, и его жена, конечно, должна была слѣдовать его примѣру. Чтобы покупать себѣ тотъ относительный покой, какимъ она пользовалась въ Москвѣ, ей приходилось угождать первой статсъ-дамѣ императрицы, супругѣ «всесильнаго» оберъ-камергера. Вотъ напримѣръ, что писала княгиня графинѣ Бирона 25-го октября 1732 года: «Сіятельнѣйшая графиня, моя милостивая государыня! Желая вѣдать о благополучномъ здравіи вашего сіятельства, приняла смѣлость васъ, милостивая государыня, симъ покорнѣйшимъ утрудить писаніемъ. Что же закоснѣла нѣсколько времени утрудить ваше сіятельство моимъ покорнымъ писаніемъ, то истинно отъ моей болѣзни. И уже всякими способы докторъ меня пользуетъ и на малое время боль въ боку прерываетъ, но по нѣсколькомъ времени опять по прежнему приходитъ, какъ бывала; хотя докторъ и обѣщаетъ нѣкото-

---

[1]) Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общества, т. 86, стр. 226 и 227.

[2]) Тамъ же, стр. 337.

Библиотека "Руниверс"

рой способъ дать, но я уже безнадежна отъ такой застарѣлой болѣзни. При семъ вамъ, моей милостивой государынѣ, посылаю башмаки, шитые по гродитуру алому, другіе тканы; изволь носить на здравіе въ знакъ того, чтобъ мнѣ въ отлученіи быть увѣренной, что я всегда въ въ вашей милости пребываю. Вашего сіятельства нижайшая и покорная услужница княгиня Марья Черкасская». Къ этому же письму приписывала и дочь княгини: «При семъ я вашему сіятельству отдаю мой нижайшій поклонъ и принимаю смѣлость послать вашему сіятельству туфли тканыя серебромъ, и прошу принять и носить на здоровье, и не прогнѣваться, что такая бездѣлица. Надѣючись на вашу къ себѣ милость, нижайше прошу, милостивая государыня, не оставить меня въ своей милости, въ чемъ надежна остаюсь вашего сіятельства нижайшая услужница княжна Варвара Черкасская». Посланіе заключалось новою припиской, опять отъ матери: «Прошу, моя матушка, отписать, по какимъ цвѣтамъ прикажете вышить башмаки, что я себѣ за великое счастіе пріиму, чѣмъ бы могла вамъ услужить». Въ другомъ письмѣ, отъ 30-го октября 1732 года, княгиня Марья Юрьевна благодарила жену оберъ-камергера «за неизреченныя его сіятельства, вашего графа, также и за ваши, государыни моей, милости... а паче за предстательство ваше у ея императорскаго величества» [1]). Предстательство это понадобилось вотъ зачѣмъ: «Княгиня Марья Юрьевна просила, дабы ей позволить жить въ Головинскихъ палатахъ того ради, что къ нимъ близко живетъ докторъ, и для ея пользованія ѣздить туда ему способнѣе». Докладывалъ эту просьбу императрицѣ Аннѣ Биронъ, и она, согласно его представленію, предписала С. А. Салтыкову 10-го февраля 1732 года: «Велите оныя палаты очистить и ей (княгинѣ Черкасской) объявить, чтобъ переѣхала» [2]). Вообще Салтыковъ, котораго сынъ былъ женатъ на сестрѣ княгини Марьи Юрьевны, неоднократно служилъ посредникомъ въ сношеніяхъ государыни съ княгиней и княжной Черкасскими; черезъ него она пересылала имъ поклоны, поздравленія и выраженія благодарности за ихъ письма; черезъ него же было сообщено княжнѣ Варварѣ, что императрица жалуетъ ей калмычку для услугъ [3]). Анна интересовалась даже—конечно, по своему—занятіями княжны Черкасской; однажды въ 1738 году, пріѣхала въ Петербургъ жена управителя дворцоваго села Дѣдинова, простая женщина; государыня спрашивала ее: «Скажи-тко, стрѣляютъ ли дамы въ Москвѣ?»

---

[1]) Историческія бумаги XVIII вѣка—Русская Бесѣда 1860 г., кн. II, отд. 2-й, стр. 187 и 188.

[2]) Чтенія въ Моск. Обществѣ исторіи и древностей Росс. 1878 г., кн. 1-я, стр. 6.

[3]) Тамъ же, стр. 62, 77, 102, 107, 109 и 110.

Библиотека "Руниверс"

«Видѣла я, государыня», отвѣчала та,—«князь Алексѣй Михайловичъ учитъ княжну стрѣлять изъ окна, а поставлена мишень на заборѣ». «Попадаетъ ли она?» «Иное, матушка, попадаетъ, а иное криве нько» «А птицъ стрѣляетъ ли?» «Видѣла, государыня, посадили голубя близко-мишени, и застрѣлила въ крыло, и голубь ходилъ на кривобокъ, а въ другой разъ уже пристрѣлила» [1]). Изъ всѣхъ подобныхъ мелочей можно заключать, что жена и дочь тяжеловѣснаго кабинетъ-министра пользовались большимъ расположеніемъ императрицы; но все это вниманіе пріобрѣталось и поддерживалось не иначе, какъ лестью и послугами со стороны Черкасскихъ предъ могущественнымъ фаворитомъ оберъ-камергеромъ и его женой.

Между княжной Маріей и княгиней Черкасскою истинной близости не было; княжна сознавала свое умственное превосходство надъ нею и иногда высказывала о ней довольно строгія сужденія. Въ 1733 году, по возвращеніи изъ Петербурга, княжна писала брату: «Въ четвергъ княгиня Черкасская пригласила меня къ себѣ и прислала за мною карету, такъ какъ мои лошади еще въ деревнѣ... Она была очень польщена привѣтомъ, который государыня велѣла мнѣ передать ей, и мнѣ сдается, что она нарочно собрала при мнѣ порядочное количество гостей, чтобы всѣ слышали, что я скажу ей отъ имени государыни. Я угодила княгинѣ тѣмъ, что въ присутствіи всѣхъ передала привѣтствіе. Когда вышелъ Семенъ Андреевичъ, она и ему объявила о томъ же, и вѣрно, цѣлый мѣсяцъ будетъ твердить объ этой монаршей милости. Говорятъ, что женщины тщеславны; княгиня превосходитъ всѣхъ въ этомъ отношеніи». Въ 1730—1731 годахъ, когда впервые возникла мысль о бракѣ между Антіохомъ Кантемиромъ и княжной Варварой, ея мать отнеслась къ этому проекту холодно; ревнивая сестра опасалась, что то же повторится и теперь. Недовольная матерью, она напротивъ того питала искреннее расположеніе къ дочери-«тигрицѣ»: часто хвалила ее въ письмахъ къ брату, и между прочимъ, въ томъ письмѣ, изъ котораго сейчасъ приведенъ отрывокъ, говорила о ней: «Мой разговоръ съ тигрицей имѣлъ характеръ какъ бы письма ея къ вамъ. Зная, что вы любите ее какъ достойную дѣвушку, я сама привязалась къ ней и молю Бога, чтобъ она, моя теперешняя пріятельница, сдѣлалась въ будущемъ моею невѣсткой». Однако, въ бытность свою въ Петербургѣ, княжна Марія не рѣшилась просить у самого Черкасскаго руки его дочери для брата и могла лишь убѣдиться въ томъ, что у отца нѣтъ ей никакого жениха на примѣтѣ. Онъ даже находилъ, что дочери еще нужно продолжать свое образованіе. «Дай Богъ», писала сестра брату изъ Петербурга 20-го марта

---

[1]) Сборникъ II-го отдѣл. Имп. Акад. Наукъ, т. IX. Историческія бумаги, собранныя К. И. Арсеньевымъ, стр. 135.

Библиотека "Руниверс"

1733 года, чтобы дочь черепахи не засидѣлась въ дѣвицахъ: время летитъ и не возвращается. Но нѣмцевъ вамъ нечего бояться, такъ какъ Миниха въ опалѣ... Если явится какой-нибудь иноземецъ, черепаха, пожалуй, спятитъ съ ума, а пока онъ въ здравомъ разсудкѣ». Повидимому, у Кантемира возникало опасеніе, какъ бы дочь богача-князя не стали снова прочить за жениха въ родѣ графа Левенвольде, напримѣръ, за только что пріѣхавшаго изъ-за границы сына фельдмаршала Миниха; но князь Антіохъ не зналъ, что самъ Минихъ былъ въ то время не въ ладахъ съ Бирономъ, слѣдовательно, не могъ разсчитывать на особенное вниманіе къ себѣ со стороны государыни [1]). На это-то и намекали слова сестры.

Не рѣшаясь вступать въ непосредственные переговоры съ родителями тигрицы, княжна предпочитала дѣйствовать чрезъ посредниковъ и желала запастись вѣрными справками прежде, чѣмъ самой предпринять рѣшительный шагъ. Но попытки, сдѣланныя ею въ этомъ смыслѣ въ Петербургѣ, оказались безуспѣшными. Между тѣмъ мѣсяцы проходили за мѣсяцами, а дѣло сватовства не двигалось впередъ. Въ началѣ 1734 года князь Антіохъ указалъ сестрѣ надежнаго, по его мнѣнію, помощника въ лицѣ жившаго въ Москвѣ барона С. Г. Строганова; но княжнѣ этотъ выборъ былъ не совсѣмъ по душѣ, и 10-го іюня того же года она писала брату: «До сихъ поръ я не находила удобной минуты переговорить со Строгановымъ; постараюсь или его прислать къ княгинѣ за рѣшительнымъ отвѣтомъ, или пріищу другого посредника для этого дѣла. Очень стремлюсь осуществить ваши желанія, и если не найду подходящаго человѣка, сама объяснюсь съ матерью, хотя вполнѣ убѣждена, что она съ презрѣніемъ назоветъ меня свахой; если же она позволитъ себѣ сказать что-нибудь обидное про васъ, я не стерплю». До такихъ крайностей дѣло однако не дошло, ибо княжна воздержалась отъ прямаго объясненія съ княгиней Черкасскою, быть можетъ, опасаясь полнаго разрыва. Мало того: ея давнее предубѣжденіе противъ Марьи Юрьевны стало смягчаться. Этому повороту обстоятельствъ содѣйствовалъ врачъ Севастъ, жившій у княжны Кантемировой и лѣчившій у Черкасскихъ. Извѣстія по вопросу о сватовствѣ, приносимыя имъ изъ Головинскаго дворца, имѣли вообще ободрительный характеръ: изъ его словъ княжна Марія могла выводить заключеніе, что со стороны матери нельзя ожидать сопротивленія. Кромѣ того, до княжны Маріи дошелъ слухъ, будто бы тигрица говоритъ: «Я выйду за князя Кантемира, и ни мать, ни отецъ не удержатъ меня отъ этого». Все это укрѣпляло сестру дипломата въ увѣренно-

[1]) Объ этой размолвкѣ Миниха съ Бирономъ, виновникомъ которой былъ Левенвольде, см. записки Миниха-сына: Россія и русскій дворъ въ первой половинѣ XVIII вѣка. С.-Пб. 1891. стр. 32–35.

Библиотека "Руниверс"

сти, что ея надежды и желанія дѣйствительно близятся къ осуществленію. 15-го іюля 1734 года она написала брату слѣдующее: «Не могу настаивать на томъ, чтобы вы просились въ отпускъ въ Россію прежде, чѣмъ будете награждены достойнымъ образомъ за вашу службу. Но если бы вы пріѣхали, тигрица вышла бы за васъ. «Ея мать, продолжала княжна въ веселомъ тонѣ, — посылаетъ вамъ поклонъ и велитъ сказать, что вы слишкомъ спѣсивы, не написали ей ни строки съ самаго отъѣзда, а сама она не станетъ вамъ писать первая, хоть вы и министръ». Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 8-го августа, сестра опять сообщала брату утѣшительныя извѣстія: «Если судить по любви, которую оказываютъ мнѣ Черкасскія, онѣ почти согласны на предложеніе; напишите только матери нѣсколько любезностей въ отдѣльномъ письмѣ». Но въ томъ же письмѣ княжны Маріи заключались и другія строки, тревожнаго свойства: «Мать однако не будетъ въ состояніи ничего сдѣлать, если самъ черепаха не дастъ своего согласія».

Дѣйствительно, въ серединѣ 1734 года бракъ князя Антіоха съ княжной Варварой могъ считаться въ Москвѣ совсѣмъ налаженнымъ. Княгиня Марья Юрьевна окончательно склонилась въ его пользу—если не изъ особеннаго расположенія къ Кантемиру, то уступая желанію дочери и принимая въ расчетъ, что она была на возрастѣ: красивой тигрицѣ шелъ уже двадцать-четвертый годъ. Княжна Марія была того убѣжденія, что если бы бракъ дочери зависѣлъ только отъ матери, «тигрица давно была бы выдана за какого-нибудь льва или, лучше сказать, «золотаго осла». Но произнести послѣднее слово въ этомъ дѣлѣ предстояло не матери, а отцу. По свѣдѣніямъ, которыя имѣла княжна Марія, и князь Алексѣй Михайловичъ питалъ къ ея брату несомнѣнное расположеніе; самъ человѣкъ довольно просвѣщенный, пріятель Ѳеофана Прокоповича и В. Н. Татищева, Черкасскій не могъ не отдавать справедливости блестящимъ дарованіямъ и обширному образованію молодаго дипломата; оцѣнивъ его еще юношей, онъ сохранялъ къ нему добрыя отношенія въ теченіе его заграничной службы. Но осторожный кабинетъ-министръ былъ не только медлитель,—по характеру своему онъ былъ человѣкъ мнительный, и остановиться на какомъ-либо опредѣленномъ рѣшеніи всегда составляло для него мучительно-трудную задачу. Такъ оказывалось и въ настоящемъ случаѣ. Зная и безъ формальнаго предложенія намѣренія князя Антіоха, Черкасскій взвѣшивалъ выгоды и невыгоды предполагаемаго брачнаго союза, обдумывалъ, какъ бы не возбудить противъ себя неудовольствія при дворѣ неосторожнымъ рѣшеніемъ, и—не высказывался. Это упорное молчаніе сфинкса стало преградой, преодолѣть которую не могло ничто.

Въ такомъ неопредѣленномъ положеніи дѣло протянулось еще два года. Княжна Марія пережила ихъ въ безпрерывномъ волненіи, тѣмъ

Библиотека "Руниверс"

болѣе, что рядомъ съ неразъяснявшимся брачнымъ вопросомъ съ 1736 года поднялся опять процессъ о Кантемировскомъ наслѣдствѣ. Княгиня и княжна Черкасскія тоже оставались въ тревожной неизвѣстности, и только самъ нареченный женихъ ожидалъ отвѣта князя-черепахи относительно спокойно. Великая сила времени уже успѣла сдѣлать надъ нимъ свое безпощадное дѣло: продолжительное отдаленіе отъ Москвы, заботы дипломатической службы, заграничная жизнь съ ея разнообразными интересами, новыя знакомства и привязанности, наконецъ постоянная хворость Кантемира, все это охладило его прежній юношескій пылъ и дало новое направленіе его желаніямъ.

Между тѣмъ княжна Марія не переставала звать брата въ Россію. Въ началѣ 1736 года она съ особенною увѣренностью ожидала его возвращенія и уже писала ему, что выѣдетъ въ Петербургъ къ нему на встрѣчу. Но изъ переписки нашего дипломата, на сколько она извѣстна, вовсе не видно, чтобъ онъ возбуждалъ въ это время вопросъ о своемъ отозваніи изъ Лондона. Быть можетъ, тутъ работало только воображеніе любящей сестры, но въ письмѣ отъ 1-го марта 1736 года она выражала брату удивленіе, почему князь Черкасскій не старается о скорѣйшемъ вызовѣ его изъ Англіи, «тогда какъ это входитъ въ его личные интересы». Весьма вѣроятно однако, что именно по этой причинѣ чересчуръ осмотрительный сановникъ воздержался бы отъ подобныхъ стараній. Въ томъ же письмѣ княжна еще разъ повторяла брату, что увѣрена въ согласіи княгини Черкасской на бракъ и даже брала ее подъ свою защиту: «Не думайте, чтобъ она была дурная или тщеславная женщина; если она не собралась написать вамъ въ теченіе полутора года, то лишь потому, что стыдится написать хотя бы двѣ строчки». Литературная извѣстность Кантемира, очевидно, внушала страхъ нелитературной барынѣ.

Единственное объясненіе, какое можно дать возродившимся у княжны Маріи надеждамъ на возвращеніе князя Антіоха въ Россію въ 1736 году, заключается въ томъ, что въ это время шла война между Россіей и Турціей, предпринятая съ цѣлью загладить неудачи Прутскаго похода Петра Великаго, и что при успѣшномъ исходѣ этой борьбы родина Кантемировъ, Молдавія, могла отойти подъ покровительство Россіи; въ такомъ случаѣ — надѣялась княжна — ея младшій братъ будетъ назначенъ правителемъ этой области. Въ семьѣ Кантемировъ твердо помнили обѣщаніе, данное Петромъ покойному господарю, въ такомъ смыслѣ [1]). Несомнѣнно, что князь Антіохъ, вѣрный своимъ родовымъ преданіямъ, сочувствовалъ возгорѣвшейся войнѣ и желалъ пораженія угнетателямъ

[1]) Satyres du prince Cantemir, traduites du russe, avec l'histoire de sa vie. Londres. MDCCL, pp. LXVI и LXVII.

Библиотека "Руниверс"

своей родной земли. Дѣйствительно, первый крупный успѣхъ русскихъ войскъ—взятіе крѣпости Азова (20-мая 1736 года), которую Петръ принужденъ былъ возвратить туркамъ по Прутскому договору,—вызвалъ патріотическое воодушевленіе въ дипломатѣ-стихотворцѣ, и онъ написалъ по этому случаю «похвальную пѣснь», которую въ исходѣ того же года отослалъ въ Петербургъ къ князю Черкасскому съ просьбою представить государынѣ [1]). Тѣмъ не менѣе, едва ли князь Антіохъ простиралъ свои надежды и мечты такъ же далеко, какъ его сестра. Какъ бы то ни было, 29-го іюля 1736 года она написала ему слѣдующія строки, по которымъ можно судить о ея тогдашнемъ возбужденномъ настроеніи: «Мы прожили только половину нашей жизни; что будетъ дальше, зависитъ отъ воли и милосердія Господня. Можетъ быть, когда-нибудь мы увидимъ наше прежнее отечество и мирно доживемъ свой вѣкъ, каждый какъ бы ему хотѣлось. Но мнѣ кажется, что тотъ, кто становится владыкою цѣлой страны, долженъ принять на себя всѣ тягости правленія. Такимъ образомъ, если вамъ будетъ суждено сдѣлаться господаремъ нашей родины, вы должны будете проститься съ уединенною жизнью философа». Отъ этихъ прозрачныхъ намековъ на злобу дня, льстившихъ ея честолюбію, княжна Марія ловко переходила къ выводу, который касался излюбленной темы ея бесѣдъ съ братомъ—къ его женитьбѣ. «Не думаю», продолжала она,—«чтобы жениться значило навязать себѣ камень на шею: сужу по первому человѣку и множеству другихъ. Нужно только, чтобы жена была добрая, а не походила бы на Ксантиппу, жену философа Сократа, которая вмѣсто отвѣта облила его съ головы до ногъ. Мужчины дурно отзываются о женщинахъ, а женщины—о мужчинахъ. Мало ли у насъ прекрасныхъ дѣвушекъ? Надобно только, чтобы по возвращеніи въ Россію вы нашли себѣ подругу по сердцу, а совсѣмъ отказываться отъ брака—совершенно безразсудно. Тигрица больше всѣхъ годится вамъ въ жены и—надѣюсь—подождетъ васъ».

Ясно, что эта филиппика была отвѣтомъ на какое-то письмо князя Антіоха, излагавшее соображенія, противъ которыхъ сестра сочла нужнымъ протестовать. Но такого письма не сохранилось, и мы можемъ только догадываться о его содержаніи. Надо думать, что Кантемиръ выражалъ въ немъ равнодушіе къ своимъ прежнимъ брачнымъ планамъ и вообще высказывалъ намѣреніе остаться холостякомъ, такъ какъ супружество кажется ему несовмѣстимымъ съ наклонностью его къ созерцательной жизни. Такимъ «философомъ»

[1]) Объ этомъ, доселѣ не найденномъ стихотвореніи Кантемира упоминается въ перепискѣ его съ Черкасскимъ, относящейся къ декабрю 1736—январю 1737 гг. и сообщенной въ Академію Наукъ профессоромъ В. Н. Александренкомъ.

Библиотека "Руниверс"

сестра еще не знала князя Антіоха, и дѣйствительно, онъ не былъ таковъ шесть лѣтъ тому назадъ, когда влюбленнымъ юношей покидалъ Россію. Сестрѣ было извѣстно, что въ Лондонѣ у брата появилась какая-то пріятельница, но на эту связь, которой Антіохъ отъ нея не скрывалъ, она смотрѣла очень снисходительно, въ полной увѣренности, что она будетъ легко разорвана, какъ только Кантемиръ подымется въ обратный путь. Но княжна не подозрѣвала, что можетъ измѣниться самый образъ мыслей брата, а именно это-то и случилось въ той обстановкѣ, въ которую бросила его судьба. Кантемиръ не былъ склоненъ искать богатства или почестей, и даже когда вступалъ на дипломатическое поприще, меньше думалъ о блестящей будущности, открывавшейся предъ нимъ, чѣмъ о возможности продолжать за границей свое образованіе. Онъ ревностно исполнялъ свои посольскія обязанности, а въ часы досуга искалъ общества просвѣщенныхъ людей, много читалъ, знакомился съ произведеніями искусства и—размышлялъ. Плодомъ этихъ размышленій у него выработалось извѣстное міросозерцаніе, которое онъ и выразилъ въ своей VI-й сатирѣ—«Объ истинномъ блаженствѣ». Она была написана только въ началѣ 1738 года, но разумѣется, высказанныя въ ней мысли уже не были тогда для автора свѣжею новостью.

Тотъ въ сей жизни лишь блаженъ, кто малымъ доволенъ,
Въ тишинѣ знаетъ прожить, отъ суетныхъ воленъ
Мыслей, что мучатъ другихъ, и топчетъ надежну
Стезю добродѣтели къ концу неизбѣжну.
Малый свой домъ, на своемъ построенный полѣ,
Кое даетъ нужное умѣренной волѣ,
Не скудный, не лишній кормъ и средню забаву,
Гдѣ бъ съ другомъ съ другимъ я могъ, по моему нраву
Выбраннымъ, въ лишни часы прогнать скуки бремя,
Гдѣ бъ, отъ шуму отдаленъ, прочее все время
Провожать межь мертвыми греки и латины,
Изслѣдуя всѣхъ вещей дѣйства и причины,
Учася знать образцомъ другихъ, что полезно,
Что вредно въ нравахъ, что въ нихъ гнусно иль любезно:
Желавія всѣ мои крайни составляетъ.....
Добродѣтель лучшая есть наша украса;
Тишина ума подъ ней, и своя мнѣ воля
Всего драгоцѣннѣе. Кому богатствъ доля
Пала и славы, тѣхъ трехъ благъ можетъ лишиться,
Хотя бы крайней гибели и могъ ущититься.

Вотъ главныя мысли этого стихотворенія, конечно, не особенно новыя и оригинальныя, много разъ высказывавшіяся другими поэтами и не поэтами, но чрезвычайно характерныя для Кантемира; подъ перомъ этого мирнаго и нечестолюбиваго человѣка онѣ имѣютъ всю цѣну

Библиотека "Руниверс"

искренности и задушевности: въ своемъ частномъ быту, въ интимной жизни онъ—какъ видно изъ разсказа его друга аббата Гуаско—дѣйствительно старался по возможности приблизиться къ идеалу, начертанному въ приведенныхъ стихахъ. Понятно, что при такомъ стремленіи онъ долженъ былъ задавать себѣ вопросъ: можетъ ли онъ сохранить вѣрность своему идеалу, если разстанется съ холостою жизнью, въ которой умѣлъ достигнуть счастія хоть до нѣкоторой степени, и вступитъ въ бракъ? И въ тѣхъ исключительныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ онъ находился, давно разобщенный со средой, куда вернула бы его женитьба, онъ почувствовалъ сомнѣніе и сталъ склоняться къ отвѣту отрицательному. Тотъ же другъ-біографъ сообщаетъ, что впослѣдствіи Кантемиръ самъ ему признавался, какъ его смущала мысль вступить въ родство съ однимъ изъ важнѣйшихъ сановниковъ государства; по мнѣнію князя Антіоха, бракъ такого рода не согласовался бы съ тою тишиною жизни и ума, которая составляла для него потребность, и неизбѣжно вовлекъ бы его въ государственныя дѣла, тогда какъ онъ желалъ вполнѣ предаться развитію наукъ и искусства въ своемъ отечествѣ [1]).

Само собою разумѣется, что княжна Марія не раздѣляла подобныхъ воззрѣній брата и даже не была въ состояніи стать на братнину точку зрѣнія. При всемъ своемъ умѣ и образованіи она въ житейскихъ дѣлахъ все-таки руководилась исключительно такъ-называемыми практическими соображеніями. Возраженія князя Антіоха противъ ея брачныхъ затѣй она объясняла, конечно, какимъ-нибудь случайнымъ, минутнымъ его настроеніемъ, которое нельзя принимать въ дѣловые расчеты. Поэтому, и послѣ своей филиппики она продолжала твердить брату о возможности женитьбы на княжнѣ Черкасской. Князь Антіохъ большею частію отмалчивался на ея настоянія или совѣтовалъ ей отказаться отъ дальнѣйшихъ попытокъ добиться окончательнаго отвѣта отъ Черкасскихъ; къ прежнему предмету своихъ горячихъ желаній онъ сталъ теперь почти равнодушенъ. Но сестра не хотѣла слушать увѣщаній брата. Весною 1738 года князь Алексѣй Михайловичъ пріѣзжалъ въ Москву; видѣвшись съ нимъ и объясняясь по дѣламъ наслѣдства, княжна Марія не воспользовалась однако случаемъ посватать брата, и только въ концѣ того же года возобновила брачные переговоры, при чемъ повела ихъ опять-таки не сама, а черезъ какое-то третье лицо. Яснаго отвѣта опять не послѣдовало. Когда узналъ о томъ князь Антіохъ, у него зародилось опасеніе, какъ бы поведеніе сестры относительно Черкасскихъ не получило характера навязчивости; не извѣстно, высказалъ ли онъ ей свое неудовольствіе, или же она сама догадалась о томъ, только въ

[1]) Satyres du prince Cantemir, traduites du russe, avec l'histoire de sa vie, pp. LXXX et LXXXI.

Библиотека "Руниверс"

началѣ 1739 года, въ письмахъ своихъ къ брату, она нѣсколько разъ принималась объяснять свое поведеніе. «Что касается тигрицы, я вижу, что сдѣлала ошибку», сознавалась она въ письмѣ отъ 18-го января, а въ слѣдующемъ, отъ 12-го февраля, старалась оправдать себя, и притомъ довольно неловко: «Какъ Богъ святъ скажу вамъ: никакого предложенія я не дѣлала и никакого дурнаго отвѣта не получала. Виновата лишь тѣмъ, что, имѣвъ удобный случай и время, я не представила предложенія, какъ и вы мнѣ пишете. Я очень недовольна своимъ промахомъ; но я полагала тогда, что князь можетъ самъ исполнить свое намѣреніе, (то-есть, дать свое согласіе) и безъ моего вмѣшательства. Дай Богъ, чтобы онъ, какъ можно скорѣе, надоумился и исполнилъ бы ваше желаніе». Но очевидно, дѣло не слаживалось, а разстроивалось: ожидая, что самъ медлитель пойдетъ на встрѣчу ея желаніямъ, княжна запуталась въ тонкостяхъ своей политики и своими руками разрушила то, что такъ долго и усердно подготовляла. Она, видимо, старилась и утрачивала ту живость и чуткость ума, которыя были въ ней такъ привлекательны въ молодые годы. Съ этихъ поръ—судя по сохранившейся перепискѣ—ея участіе въ брачномъ проектѣ Кантемира стало только пассивнымъ и молчаливымъ, и самъ лишь князь Антіохъ, въ своихъ письмахъ, вспоминалъ иногда о тигрицѣ.

Между тѣмъ измѣнилось служебное положеніе Кантемира, да и въ Россіи совершился рядъ событій, оказавшихъ вліяніе на его судьбу. Еще въ апрѣлѣ 1738 года послѣдовало его назначеніе чрезвычайнымъ посланникомъ при Версальскомъ дворѣ, и въ сентябрѣ онъ прибылъ въ Парижъ, но оказался вынужденнымъ сохранять здѣсь инкогнито и долго не имѣлъ возможности представить свои вѣрительныя грамоты Людовику XV, такъ какъ оставался не выясненнымъ вопросъ о томъ, въ какомъ званіи—посланника или посла—будетъ назначенъ представитель Франціи къ русскому двору. Въ Петербургѣ находили, что Кантемиръ поспѣшилъ выѣхать изъ Англіи, и были недовольны его пребываніемъ въ Парижѣ «безъ оффиціальнаго характера». Какъ видно изъ письма княжны Маріи къ брату отъ 4-го декабря 1738 года, слухъ о томъ дошелъ и до нея черезъ княгиню Черкасскую, и нѣтъ сомнѣнія, что этотъ дипломатическій промахъ князя Антіоха, въ сущности довольно ничтожный, былъ принятъ также въ соображеніе робкимъ медлителемъ, княземъ-черепахой, когда онъ обдумывалъ многотрудный вопросъ: благоразумно ли будетъ отдать дочь за Кантемира. На самомъ дѣлѣ однако это обстоятельство не имѣло дурныхъ послѣдствій для дипломата-писателя, и въ 1739 году онъ даже былъ возведенъ въ званіе посла.

Еще до назначенія къ Версальскому двору Кантемиръ имѣлъ понятіе о Парижѣ, такъ какъ еще въ 1736 году ѣздилъ туда лѣчить свои больные глаза. Въ эту первую поѣздку Парижъ показался ему скучнымъ

Библиотека "Руниверс"

и мрачнымъ, а парижское общество—слишкомъ пустымъ. Такъ писалъ онъ тогда и сестрѣ, и своимъ лондонскимъ пріятелямъ. «Единственная выгода, вынесенная мною изъ этой поѣздки, заключается въ томъ, что я разочаровался въ высокомъ представленіи, какое имѣлъ до сихъ поръ объ этомъ городѣ и его обитателяхъ», говорилъ Кантемиръ въ письмѣ къ Замбони, моденскому резиденту въ Лондонѣ, отъ 18-го августа 1736 года. Не измѣнились впечатлѣнія князя Антіоха и два года спустя, когда онъ совсѣмъ переселился въ столицу Франціи. «Послѣ шести дней путешествія и десятичасоваго плаванія по морю при удивительно благопріятномъ вѣтрѣ», писалъ онъ въ сентябрѣ 1738 года другому италіанскому дипломату, жившему въ Лондонѣ, кавалеру Озоріо,—«я наконецъ прибылъ въ центръ удовольствій, но не нахожу ихъ здѣсь и, вѣроятно, долго не найду, такъ какъ разстался съ друзьями» [1]). Эта фраза нѣсколько походитъ на комплиментъ: пріятныя и полезныя знакомства Кантемиръ вскорѣ сумѣлъ пріобрѣсти и въ Парижѣ; тѣмъ не менѣе, смыслъ сказаннаго оставался въ сущности вѣрнымъ; даже послѣ полуторагодоваго пребыванія въ Парижѣ нашъ дипломатъ не могъ свыкнуться съ тамошнею жизнью и не находилъ себѣ полнаго удовлетворенія въ ея условіяхъ; 5-го апрѣля 1740 года онъ писалъ сестрѣ: «Свѣтъ такъ устроенъ, что въ немъ нигдѣ не встрѣтишь полнаго благополучія: то, чего мы желаемъ всего болѣе, сдѣлавшись нашимъ достояніемъ, причиняетъ намъ неудовольствіе. Мнѣ всегда хотѣлось пожить когда-нибудь въ Парижѣ; теперь я тамъ и—не дождусь часа, когда буду въ состояніи выбраться оттуда». А между тѣмъ Кантемиру очень нравилась его дипломатическая служба, и по крайней мѣрѣ въ то время онъ не имѣлъ ни желанія, ни даже возможности покинуть ее. «По правдѣ сказать», признавался онъ сестрѣ въ другомъ письмѣ (отъ 1-го сентября),—«жизнь посла самая пріятная, какую только можно вести; поэтому я не разстался бы съ нею, если бы только не желалъ видѣться съ вами и съ братьями, и если бы не находился постоянно въ денежныхъ затрудненіяхъ, такъ какъ жалованье мое недостаточно, да и высылается оно очень туго. Впрочемъ, и этому можно будетъ помочь со временемъ. Я уже привыкъ не огорчаться тѣмъ, что̀ можетъ быть измѣнено: у меня теперь своя прекрасная философія, избавляющая меня отъ многихъ заботъ». Въ этихъ словахъ ясно слышится голосъ автора сатиры «Объ истинномъ блаженствѣ». И въ ней можно прочесть такую сентенцію:

Мудрая малымъ прожить природа насъ учитъ
Въ довольствѣ, коль лакомство разумъ нашъ не мучитъ.

---

[1]) Письма Кантемира къ Замбони и Озоріо извѣстны намъ изъ сообщеній, присланныхъ въ Академію Наукъ профессоромъ В. Н. Александренкомъ.

Библиотека "Руниверс"

Любопытно, что въ томъ же письмѣ отъ 5-го апрѣля, въ которомъ Кантемиръ говоритъ о своемъ желаніи оставить столицу Франціи, онъ касается также стараго вопроса—о женитьбѣ. Упомянувъ о своемъ разочарованіи отъ Парижа, который когда-то манилъ его къ себѣ, онъ прибавляетъ: «Пожалуй, то же самое случилось бы съ тигрицей, если бъ она стала моею женой; поэтому я не особенно досадую на препятствія, воздвигаемыя черепахой». Итакъ, даже послѣ семилѣтнихъ безплодныхъ переговоровъ, Кантемиръ еще не вполнѣ отступался отъ брака съ княжной Черкасскою, но теперь онъ говорилъ объ этомъ уже безъ всякаго увлеченія. Со своей стороны сестра писала брату, что, по ея мнѣнію, нерѣшительность князя-черепахи болѣе всего вредитъ ему самому, и князь Антіохъ соглашался съ такимъ заключеніемъ: «Время старитъ тигрицу, а черепаху глубже погружаетъ въ разстройство и долги». Кантемиры почему-то полагали, что выдача дочери замужъ можетъ поправить финансовое положеніе Черкасскихъ, которое дѣйствительно было не блестящимъ, несмотря на ихъ огромное богатство. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя князь Антіохъ счелъ нужнымъ еще разъ возвратиться къ брачному вопросу въ своей перепискѣ; повидимому, онъ былъ на это вызванъ упрекомъ сестры которая напомнила ему прежнія его разсужденія о пріятностяхъ одинокой созерцательной жизни. «Что касается жены», писалъ Кантемиръ, 7-го ноября,—«я не думаю, чтобы бракъ не согласовался съ философіей; напротивъ того полагаю, что философъ долженъ быть женатымъ, дабы плотскія похоти не смущали его,—и потому я предпочелъ бы не быть одинокимъ. Но какъ это не легко осуществить, то пусть такъ и будетъ. Нѣтъ человѣческаго желанія, которое нельзя было бы побороть, коль скоро того требуетъ разумъ». Въ частности, о княжнѣ Черкасской и особенно объ ея матери Кантемиръ отзывался на этотъ разъ со строгостью, какой не замѣчалось у него прежде: «О тигрицѣ больше не думаю; мнѣ до-нельзя надоѣли постоянные праздные толки о ней, особенно когда вижу, что ея мать ждетъ кого-нибудь изъ сыновъ Юпитера, чтобы выбрать себѣ зятя, достойнаго ея непомѣрнаго тщеславія. Жалѣю только бѣдную дѣвушку, что она такъ печально проводитъ свои лучшіе годы. Молодость, какъ вы говорите, не возвращается, а ея молодость почти миновала. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, и она станетъ старою дѣвой, которая всегда найдетъ себѣ мужа, но онъ пожелаетъ жениться не на ней, а на ея богатствѣ. Это впрочемъ не наше дѣло; мнѣ досадно, что вы, прогадавъ удобное время, находитесь теперь въ затруднительномъ положеніи». На безплодныя старанія сестры князь Антіохъ сталъ наконецъ смотрѣть не безъ иронія.

17-го октября 1740 года скончалась въ Петербургѣ императрица Анна. Послѣдовавшее затѣмъ регентство герцога Курляндскаго дало Кантемиру случай доказать свою политическую проницательность и въ то же время

Библиотека "Руниверс"

окончательно уронило въ его глазахъ авторитетъ князя Черкасскаго, котораго онъ привыкъ уважать съ молодыхъ лѣтъ. Кантемиръ всегда пользовался вниманіемъ Бирона, но не имѣлъ случая узнать его близко; живя съ 1732 года за границей, онъ не былъ личнымъ, непосредственнымъ свидѣтелемъ того порядка вещей, который водворился въ Россіи въ періодъ Биронова могущества и заклейменъ въ народной памяти его именемъ. Княжна Марія, въ понятной осторожности, воздерживалась сообщать брату печальныя подробности о русскихъ дѣлахъ; другихъ надежныхъ корреспондентовъ у него не было, и всѣ извѣстія изъ Россіи, особенно о ея внутреннемъ положеніи, доходили до него только случайнымъ путемъ молвы или черезъ иностранныя газеты и кое-какіе памфлеты въ родѣ «Lettres Moscovites» графа Локателли, противъ которыхъ впрочемъ Кантемиръ долженъ былъ напечатать возраженіе [1]). Тѣмъ не менѣе, онъ хорошо понималъ, что̀ за время была бироновщина, и когда въ Парижѣ получено было извѣстіе о предсмертномъ манифестѣ императрицы Анны, которымъ герцогъ Курляндскій назначался регентомъ Россійской имперіи, Кантемиръ сообразилъ, что его управленіе не будетъ долго терпимо. Поэтому свое поздравительное письмо Бирону князь Антіохъ послалъ не прямо въ его руки, а въ пакетѣ на имя одного изъ своихъ петербургскихъ друзей, съ просьбой представить привѣтствіе по назначенію, если регентство еще существуетъ,—въ противномъ же случаѣ предать письмо огню. Расчетъ Кантемира оказался вѣрнымъ: когда его поздравленіе достигло Петербурга, Биронъ былъ уже арестованъ [2]), и 10-го ноября 1740 года новый манифестъ отъ имени императора-младенца возвѣстилъ, что правительницей государства назначена мать Іоанна Антоновича, Анна Леопольдовна, принявшая титулъ великой княгини.

Кантемиръ долго не зналъ подробностей о всѣхъ этихъ событіяхъ. Послѣ увѣдомленія о кончинѣ императрицы и о назначеніи регентства онъ получилъ только извѣстіе о новомъ переворотѣ, о возведеніи Миниха въ должность перваго министра, а Черкасскаго—въ званіе великаго канцлера, и о наградахъ важнѣйшимъ лицамъ, вошедшимъ въ составъ новаго правительства. Княжна Марія также послала брату списокъ этихъ новыхъ назначеній, но онъ ей отвѣчалъ 15-го января 1741 года: «Присланный вами списокъ лицъ, получившихъ высшія должности, я уже

---

[1]) См. статью проф. В. Н. Александренка: „Переписка барона М. А. Корфа съ княземъ М. А. Оболенскимъ по поводу „Московскихъ писемъ“ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1892 г., № 2.

[2]) Satyres du prince Cantemir, traduites du russe, avec l'histoire de sa vie, pp. LXIX et LXX.

Библиотека "Руниверс"

имѣлъ нѣсколько времени тому назадъ, но изъ него не могу понять, кто будетъ занимать вторыя мѣста возлѣ первыхъ. Догадываюсь, что принцъ Беверискій, графы Минихъ и Остерманъ и князь Черкасскій будутъ самыми вліятельными, но мнѣ хотѣлось бы также знать, кто будетъ около нихъ». Князь Черкасскій также писалъ Кантемиру вскорѣ послѣ низверженія Бирона, но извѣщалъ только о немедленномъ препровожденіи не досланныхъ ему денегъ, да просилъ о заказѣ въ Парижѣ какихъ-то лентъ, конечно, для жены или дочери; въ другомъ письмѣ Черкасскій давалъ Кантемиру обѣщаніе похлопотать о вызовѣ его въ Россію. Однако, эти письма подѣйствовали на нашего дипломата ободрительно; обрадованный поданною ему надеждой покинуть Парижъ и возвратиться, хоть на время, въ отечество, онъ высказалъ сестрѣ (въ письмѣ отъ 15-го января) предположеніе, что «черепаха теперь скорѣе согласится уступить тигрицу, да и матушка сама будетъ меньше противиться. Я и ея не оставляю безъ вниманія», прибавлялъ онъ,—«и постоянно пишу ей, хотя отвѣтовъ не получаю». По первымъ свѣдѣніямъ о переворотѣ 9-го—10-го ноября князь Антіохъ, повидимому, заключалъ, что князь Алексѣй Михайловичъ принялъ дѣятельное участіе въ низверженіи регента; новое повышеніе Черкасскаго давало поводъ къ такой догадкѣ. Но вскорѣ Кантемиръ узналъ совсѣмъ иное: не нѣмцы, а русскіе члены кабинета помогли Бирону возвыситься; Черкасскій съ А. П. Бестужевымъ-Рюминымъ первые гласно высказали желаніе видѣть его на регентствѣ въ случаѣ кончины императрицы Анны. Извѣстіе о такомъ недостойномъ поступкѣ привело Кантемира въ негодованіе. «Не могу понять», писалъ онъ сестрѣ 12-го марта,—«какъ это черепаха пустился летать вмѣстѣ съ Икаромъ. Такому благоразумному человѣку не слѣдовало бы забывать свой долгъ предъ царствующимъ домомъ». Съ Икаромъ, который, по античному преданію, вздумалъ подняться къ солнцу на восковыхъ крыльяхъ, а оно ихъ растопило,—Кантемиръ сравнивалъ Бестужева потому, что послѣдній, какъ фаворитъ Бирона, тотчасъ по его паденіи поплатился за приверженность къ нему, былъ отставленъ изъ кабинетъ-министровъ и подвергся аресту и ссылкѣ; но отъ «благоразумнаго человѣка» Кантемиръ, очевидно, не ожидалъ такого униженія предъ нѣмецкимъ проходимцемъ. Обращаясь затѣмъ къ своимъ личнымъ связямъ съ Черкасскимъ, князь Антіохъ въ томъ же письмѣ замѣчалъ: «Если черепаха спятилъ съ ума, то благодарю Бога, что Онъ охранилъ меня отъ его семейства; придется жалѣть о немъ, какъ объ утраченномъ благопріятелѣ, такъ какъ я—врагъ всѣмъ, кто не служитъ нашему государю вѣрой и правдой. Третьяго дня я получилъ отъ черепахи письмо, изъ чего заключаю, что онъ еще не попалъ въ ловушку. Никогда въ жизни не писалъ онъ мнѣ столько писемъ, какъ въ нынѣшнее время; несмотря на то, я отвѣчаю ему коротко, ибо сказанное слово—серебро, а не сказанное—золото». Теперь

Библиотека "Руниверс"

Кантемиру стало ясно, что князь-черепаха способенъ заботиться только о своей выгодѣ, а затѣмъ готовъ плыть по теченію, и честный дипломатъ потерялъ всякое довѣріе къ канцлеру, котораго не могъ уважать.

Князю Антіоху трудно было ладить съ двуличневою политикой Версальскаго двора, и это являлось одною изъ причинъ, почему онъ желалъ своего отозванія изъ Парижа; но еще болѣе хотѣлъ онъ возвратиться въ Россію ради устройства своихъ домашнихъ хозяйственныхъ дѣлъ: Кантемирамъ-кадетамъ грозилъ новый процессъ.

Всегда внимательная къ матеріальному благосостоянію своей семьи, княжна Марія въ концѣ 1740 года увѣдомила князя Антіоха, что ихъ братъ Константинъ, обладатель Кантемировскаго маіората, задумалъ продать всѣ имѣнія, входившія въ его составъ; князь Константинъ былъ бездѣтенъ, и въ случаѣ его смерти братья и сестра имѣли право ему наслѣдовать, между тѣмъ какъ капиталъ, полученный отъ продажи маіората, обладатель послѣдняго могъ завѣщать своей женѣ, той самой «Медеѣ», которую такъ не долюбливала княжна Марія. Въ интересахъ Кантемировъ-кадетовъ было остановить эту продажу, но привести это въ исполненіе было возможно только силою высшей власти. Чтобы направить дѣло на такой путь, княжна Марія намѣревалась съѣздить въ началѣ 1741 года въ Петербургъ. Князь Антіохъ находилъ эту поѣздку не безполезною, но, судя по прежнимъ примѣрамъ, не слишкомъ вѣрилъ въ успѣхъ ходатайствъ сестры и предпочиталъ взять ихъ на себя. Онъ началъ съ того, что написалъ рядъ просительныхъ писемъ къ петербургскимъ сановникамъ, а затѣмъ самъ надѣялся получить разрѣшеніе на пріѣздъ въ Петербургъ, въ чемъ—какъ мы уже видѣли—обѣщалъ ему поддержку Черкасскій. Но поѣздка княжны Маріи не состоялась: ей какъ-то трудно было двинуться изъ Москвы; на письма же свои князь Антіохъ не получалъ отвѣтовъ. Черкасскій также, по своему обыкновенію, не исполнилъ обѣщанія. Въ Петербургѣ признавали присутствіе русскаго посла въ Парижѣ необходимымъ въ виду дипломатическихъ усложненій вмѣсто дозволенія пріѣхать въ Россію, Кантемира постарались удовлетворить наградой: ему былъ пожалованъ чинъ тайнаго совѣтника и двадцать тысячъ рублей въ уплату долговъ, въ которые онъ вошелъ на-дустройство въ Парижѣ празднества по случаю объявленія Анны Леопольдовны правительницей. Впрочемъ, нѣсколько времени спустя, князь Константинъ самъ отказался отъ предположенной имъ продажи имѣній, и самое дѣло о Кантемировскомъ маіоратѣ приняло нѣсколько иной оборотъ. Неустойчивость тогдашняго правительства и частыя перемѣны въ его личномъ составѣ должны были оказывать несомнѣнное вліяніе на ходъ подобныхъ дѣлъ.

Едва минулъ годъ со дня низверженія Бирона, какъ въ Петербургѣ совершился новый переворотъ, возведшій на русскій престолъ дочь

Библиотека "Руниверс"

Петра Великаго (25-го ноября 1741 года). Съ воцареніемъ Елисаветы Петровны долго накипавшее негодованіе русскихъ противъ господства иноземцевъ нашло себѣ наконецъ удовлетвореніе: немного разбирали, кто виноватъ, кто правъ, за кѣмъ, рядомъ съ преступленіями, есть и дѣйствительныя заслуги; въ чаду побѣды радовались только, что нѣмцы, занимавшіе важнѣйшія должности въ государствѣ, подвергнуты теперь безпощадному суду и суровому наказанію; мало сожалѣли и о тѣхъ, впрочемъ очень немногихъ, русскихъ, которые пострадали вмѣстѣ съ иноземцами за свою приверженность къ павшему правительству. Иностраннымъ дипломатамъ, свидѣтелямъ глухого недовольства русскихъ противъ бироновщины, казалось, что когда оно наконецъ прорвется, то совсѣмъ оттолкнетъ Россію отъ западной Европы и снова погрузитъ ее въ старую московскую косность. Этого не случилось: правительство Елисаветы Петровны заявляло, что желаетъ возстановить истинное Петровское преданіе и намѣрено соблюдать выгоды и достоинство Россіи въ сферѣ внѣшней политики, а во внутреннемъ управленіи давать ходъ русскимъ людямъ безъ предпочтенія иноземцевъ, но и пользуясь послѣдними въ случаѣ надобности. Общество охотно приняло такую программу, и его сочувствіемъ обезпечилась прочность и устойчивость правительства.

Для семьи Кантемировъ новая перемѣна представляла свои выгоды и невыгоды. Дѣти одного изъ даровитѣйшихъ сотрудниковъ великаго государя могли разсчитывать на расположеніе его дочери. Княжна Марія была извѣстна Елисаветѣ Петровнѣ съ давнихъ поръ и даже въ тяжелое для цесаревны Аннинское царствованіе пользовалась ея вниманіемъ; но князь Антіохъ находился по своей службѣ въ слишкомъ близкой связи съ сановниками того времени, попавшими теперь въ опалу или подъ судъ; это обстоятельство могло оказать неблагопріятное вліяніе на положеніе самаго виднаго изъ представителей семьи покойнаго господаря. Новое правительство, естественно, должно было вызвать къ дѣятельности новыхъ людей, но по обстоятельствамъ не могло пренебречь и кое-кѣмъ изъ прежнихъ государственныхъ дѣятелей: давно привыкшій ко всякимъ перемѣнамъ и равнодушно ихъ переносившій старикъ Черкасскій сохранилъ за собою важное, но въ его рукахъ невліятельное званіе великаго канцлера; рядомъ съ нимъ возвысились теперь его свояк князь Н. Ю. Трубецкой, занимавшій должность генералъ-прокурора, и А. П. Бестужевъ-Рюминъ, возвращенный изъ ссылки и назначенный вице-канцлеромъ. Но на содѣйствіе князя-черепахи Кантемиръ, наученный многими опытами, не хотѣлъ болѣе опираться, а на благорасположеніе хитраго Бестужева не имѣлъ основанія разсчитывать; что же касается Трубецкаго, то въ молодости князь Антіохъ считалъ его своимъ другомъ, переписывался съ нимъ изъ-за границы, посвящалъ ему стихи и вѣрилъ въ его «ти-

Библиотека "Руниверс"

хіе, честные нравы и чистую совѣсть» [1]); но придворная жизнь давно обратила этого умнаго и образованнаго честолюбца въ холоднаго эгоиста, и Кантемиръ, хотя не зналъ о такой перемѣнѣ, началъ думать, что забытъ своимъ старымъ пріятелемъ. Такимъ образомъ, благоразуміе указывало нашему дипломату на необходимость пріобрѣсти новыя связи въ Петербургѣ и, главное, найти себѣ благорасположенныхъ людей среди новаго двора. «Съ нетерпѣніемъ», писалъ князь Антіохъ сестрѣ 4-го января 1742 года,—«жду отъ васъ свѣдѣній о новомъ составѣ нашего двора и министерства, чтобы знать, какъ себя держать и къ кому обращаться, въ особенности для устройства нашего общаго дѣла. Я по прежнему думаю, что вы поступили бы весьма хорошо, если бы съѣздили въ Петербургъ, такъ какъ вы знаете расположеніе къ вамъ ея императорскаго величества, которымъ можно бы воспользоваться. Но, судя по слухамъ, ея величество собирается прибыть въ Москву для коронованія. Въ такомъ случаѣ, ваша поѣздка была бы излишнею». Дѣйствительно, въ Москвѣ трудно было знать подробности новыхъ придворныхъ отношеній. Княжна Марія это хорошо понимала и сама находила, что ей слѣдуетъ представиться новой государынѣ. Но не успѣла она собраться въ путь, какъ стало извѣстно, что въ концѣ зимы дворъ переѣдетъ изъ Петербурга въ Москву. Княжна рѣшилась ожидать его прибытія. Въ теченіе февраля мѣсяца совершилось это переселеніе, а 28-го числа и сама государыня торжественно вступила въ древнюю столицу.

Съ пріѣздомъ петербуржцевъ княжнѣ Маріи открылась возможность собрать тѣ свѣдѣнія, которыхъ требовалъ отъ нея братъ. Всего легче могла она это сдѣлать при помощи своихъ родственниковъ Трубецкихъ, которые стояли тогда къ государынѣ очень близко. Еще при правительницѣ Аннѣ лучшимъ другомъ цесаревны Елисаветы считалась вдова князя Димитрія Кантемира Анастасія Ивановна, вышедшая потомъ за принца Гессенъ-Гомбургскаго; на ея отца, князя И. Ю. Трубецкаго, и на другихъ ея родныхъ, какъ на самыхъ надежныхъ своихъ сторонниковъ, указывала цесаревна маркизу Шетардиза долго до переворота 25-го ноября. Въ самыхъ событіяхъ этой достопамятной ночи Трубецкіе не принимали прямаго участія, но какъ только переворотъ совершился, на нихъ возлагаются самыя довѣренныя порученія государыни и сыплятся награды: побочный сынъ Ивана Юрьевича, И. И. Бецкій, служитъ посредникомъ въ сношеніяхъ воцарившейся Елисаветы съ французскимъ посломъ, и затѣмъ ведетъ протоколы слѣдственной коммиссіи надъ Остерманомъ, Минихомъ и др.; князь Никита Юрьевичъ, племянникъ князя Ивана, постоянно призывается государыней на

[1]) Сочиненія Кантемира, т. I стр. 321. Замѣтимъ кстати, что и Трубецкой въ молодости „не худые стихи составлялъ", какъ свидѣтельствуетъ Кантемиръ въ примѣчаніяхъ къ своей VII-й сатирѣ (тамъ же стр. 160).

Библиотека "Руниверс"

совѣтъ, а его, Никиты, сыну князю Петру поручается извѣстить иностранныхъ дипломатовъ, пребывающихъ въ Петербургѣ, о послѣдовавшей перемѣнѣ правительства; самой принцессѣ Анастасіи пожалованъ орденъ св. Екатерины, ея мужу принцу Людвигу-Вильгельму и старшимъ изъ Трубецкихъ даны новыя должности, званія и почетныя награды [1] Въ близкихъ отношеніяхъ къ Трубецкимъ находился одинъ изъ главныхъ участниковъ переворота 25-го ноября, довѣренный лейбъ-медикъ Елисаветы І.-Г. Лестокъ. Къ этому-то любезному и вліятельному при дворѣ человѣку княжна Марія и обратилась за покровительствомъ и въ то же время указала на него князю Антіоху, который не замедлилъ вступить съ нимъ въ переписку [2]). «Лестока я называю графомъ», писалъ князь сестрѣ 1-го октября 1742 года,—«потому что газеты дали ему этотъ титулъ; на будущее время беру его назадъ. Прошу васъ поблагодарить его за настоящія и обѣщанныя хлопоты».

Княжна Марія искала покровителей для успѣшнаго проведенія своихъ просьбъ. Онѣ касались, разумѣется, имущественныхъ дѣлъ. Выше было упомянуто о намѣреніи Константина Кантемира продать свой маіоратъ и о желаніи Кантемировъ-кадетовъ остановить эту продажу. Къ этому дѣлу и относилась первая просьба княжны; отказъ самого князя Константина отъ продажи сдѣлалъ ее излишнею. Но княжна не успокоилась; изобрѣтательность ея въ ходатайствахъ была неистощима; въ виду коронаціи Елисаветы ей вздумалось снова возбудить вопросъ, все еще остававшійся не вполнѣ рѣшеннымъ, о додачѣ Кантемирамъ-кадетамъ крестьянскихъ дворовъ, пожалованныхъ имъ императрицей Анной; по этому дѣлу княжна подала челобитную, которая впрочемъ залежалась у кабинетъ-секретаря И. А. Черкасова и, какъ слѣдовало ожидать, не получила движенія. Кромѣ Лестока, княжна Марія нашла доступъ къ другому близкому къ императрицѣ человѣку, вновь пожалованному камергеру Михаилу Иларіоновичу Воронцову, о чемъ также увѣдомила брата. Князь Антіохъ уже имѣлъ случай сноситься съ нимъ офиціально по своимъ посольскимъ обязанностямъ; посредничество сестры упростило характеръ этихъ сношеній, а мягкая натура Воронцова еще болѣе тому способствовала; съ половины 1742 года между нимъ и Кантемиромъ установилась дѣятельная переписка, которою дипломатъ искусно пользовался, чтобы излагать своему вліятельному корреспонденту разныя свои нужды и затрудненія. Князю Антіоху хотѣлось выяснить, можетъ

---

[1]) Сборникъ Имп. Рус. Истор. Общества, т. 96-й, стр. 348, 633—637, 648, 657, 669 и 677.

[2]) Письма Кантемира къ Лестоку извѣстны намъ изъ сообщенія профессора В. Н. Александренка въ Академію Наукъ.

Библиотека "Руниверс"

ли онъ разсчитывать остаться въ Парижѣ, или будетъ отозванъ, можетъ ли надѣяться на полученіе ордена св. Андрея, подобно маркизу Шетарди, можетъ ли получить дозволеніе съѣздить на минеральныя воды и т. п. Воронцовъ по возможности удовлетворялъ просьбы посла, только не могъ доставить ему ордена. Со своей стороны и Кантемиръ исполнялъ кое-какія порученія Воронцова въ Парижѣ [1]).

Торжество коронованія императрицы Елисаветы происходило 25-го апрѣля 1742 года, а празднества по этому случаю продолжались до 7-го іюня. Въ качествѣ фрейлины княжна Марія должна была присутствовать на многихъ изъ нихъ, особенно на пріемѣ 26-го апрѣля, когда принадлежавшія ко двору особы женскаго пола приносили поздравленія государынѣ, возсѣдавшей на тронѣ въ аудіенцъ-залѣ потѣшнаго двора. Кромѣ того, еще до коронаціонныхъ торжествъ княжна Марія имѣла случай представиться государынѣ, при чемъ подала свою неумѣстную челобитную о додачѣ крестьянскихъ дворовъ. Въ интимномъ женскомъ кругу императрицы княжна также позаботилась пріобрѣсти кое-какія знакомства, которыя находила полезными; въ особенности чувствовала она себя обязанною передъ М. Андр. Румянцовою, женою извѣстнаго генерала и матерью Задунайскаго героя, и передъ довѣренною камеръюнгферой императрицы, италіанкой Іоанной [2]). О знакомствѣ съ ними княжна тоже сочла нужнымъ написать брату; князь Антіохъ понялъ намекъ и догадался, что этихъ лицъ нужно отблагодарить подарками: камеръюнгферѣ онъ прислалъ золотую табакерку, а другую такую же табакерку, только «еще красивѣе», предназначилъ Румянцовой, вмѣстѣ съ парижскими духами, о присылкѣ которыхъ просила эта дама. Наконецъ, въ числѣ лицъ, о знакомствѣ съ которыми княжна Марія сообщала брату, нужно упомянуть еще генералъ-маіора Ѳ. С. Вишневскаго; онъ былъ близкій человѣкъ къ фавориту Елисаветы А. Г. Разумовскому, котораго когда-то и пристроилъ ко двору цесаревны [3]). Этотъ Вишневскій передалъ княжнѣ Маріи какой-то лестный отзывъ о Кантемирѣ, сдѣланный въ его присутствіи государыней. По этому поводу князь Антіохъ писалъ сестрѣ (4-го ноября 1742 года): «Весьма благодаренъ, что вы пишете мнѣ о разговорѣ, переданномъ вамъ г. Вишневскимъ такъ какъ всѣ мои желанія состоятъ въ томъ, чтобы заслужить благоволеніе всемилостивѣйшей государыни. Свѣдѣнія, подобныя этому,

---

[1]) Письма Кантемира къ М. И. Воронцову напечатаны въ I-мъ томѣ „Архива князя Воронцова".

[2]) Объ этой Іоаннѣ см. Heblig, Russische Günstlige, стр. 213 и 249.

[3]) О Вишневскомъ см. въ трудѣ А. А. Васильчикова: „Семейство Разумовскихъ", т. I, стр. 3 и 4.

Библиотека "Руниверс"

прошу васъ сообщать мнѣ поточнѣе; я буду вамъ очень за нихъ обязанъ и прошу васъ не переставать писать мнѣ о нихъ. Поклонитесь отъ меня г. Вишневскому, которому я чрезвычайно благодаренъ». Очевидно, князь Антіохъ не всегда бывалъ доволенъ характеромъ извѣстій, которыя сообщала ему сестра, и едва ли не подозрѣвалъ, что она придаетъ имъ свое личное освѣщеніе. Догадка эта подтверждается письмомъ Константина Кантемира къ Антіоху (отъ 3-го мая 1743 года); онъ тоже писалъ брату о петербургскихъ придворныхъ отношеніяхъ и далъ о нихъ гораздо болѣе ясное понятіе, чѣмъ княжна Марія, въ слѣдующихъ словахъ: «Не знаю, что написать вамъ о придворныхъ лицахъ, кто изъ нихъ пользуется большимъ вліяніемъ, такъ какъ ихъ счастіе, по видимому, перемѣнчиво. Теперь первенствуетъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій, за нимъ слѣдуетъ Воронцовъ; оба они—самыя вліятельныя лица. На ихъ сторонѣ, какъ кажется, находятся князь Никита Юрьевичъ Трубецкой, который, надо полагать, обдѣлываетъ дѣлишки чрезъ посредство сената. Лестокъ, видимо, немного стушевался, равно какъ и Шуваловъ... Вишневскій никакой роли не играетъ, а лишь старается кого-нибудь провести и получить за то подарокъ».

Среди новыхъ лицъ, которыя получили значеніе при дворѣ, князь Черкасскій оставался какою-то блѣдною тѣнью прошлаго; и въ прежнее время онъ не умѣлъ пріобрѣсти авторитета, а теперь находили, что онъ утратилъ и то слабое значеніе, какимъ пользовался прежде. Разстался съ нимъ и князь Антіохъ, но надобно сказать къ чести послѣдняго—разстался по своимъ личнымъ причинамъ, а не потому, что Черкасскій потерялъ всякое значеніе. Даже напоминанія о тигрицѣ, которыя изрѣдка позволяла себѣ сестра, уже не производили впечатлѣнія на прежняго поклонника красавицы. «Черепаха всегда останется черепахой», писалъ князь Антіохъ 1-го октября 1742 года, — «и я ничего отъ него не ожидаю; тигрицу уступаю кому угодно; по правдѣ сказать, мнѣ теперь все равно». То же самое повторялъ онъ и въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 4-го ноября того же года: «Если мое возвращеніе нужно только для того, чтобы гоняться за тигрицей, то увѣряю васъ—это будетъ напраснымъ: я уже совершенно не въ состояніи жениться... Было бы хорошо сообщить о томъ черепахѣ, а то я буду сочтенъ за врага, если онъ когда-нибудь вспомнитъ снова обо мнѣ; вотъ почему я и встрѣтиться съ нимъ желалъ бы не раньше, какъ черезъ годъ. Говоря проще, я разсчитываю провести жизнь одинокимъ, чтобы не сдѣлаться хвостомъ какой-нибудь кометы, и прожить свой вѣкъ мирно, вдали отъ бурь и зависти». Прочитавъ эти строки, княжна Марія наконецъ поняла, что рѣшеніе брата—совершенно безповоротное, и что на всѣхъ блестящихъ проектахъ, такъ долго ее занимав-

Библиотека "Руниверс"

шихъ и волновавшихъ, остается только поставить крестъ; на оборотѣ братнина письма она собственноручно отмѣтила: «пишетъ, что отказывается отъ тигрицы, и велитъ сообщить о томъ черепахѣ». Но содержаніе письма уже не могло быть передано старому медлителю: князь Черкасскій скончался въ Москвѣ въ тотъ самый день, когда князь Антіохъ писалъ въ Парижѣ вышеприведенныя строки. Шесть мѣсяцевъ спустя, въ апрѣлѣ 1743 года, княжна Варвара Алексѣевна была обвѣнчана съ камергеромъ графомъ Петромъ Борисовичемъ Шереметевымъ.

Кантемиръ чувствовалъ себя не въ состояніи жениться, потому что его здоровье было совершенно разстроено. Крѣпостью его онъ никогда не отличался, а съ 1740 года онъ сталъ хворать почти безпрерывно; неоднократно предпринималъ онъ поѣздки въ Ахенъ, въ Пломбіеръ, но минеральныя воды не помогали ему, и вообще болѣзни его не поддавались никакому лѣченію. Слабость его постоянно увеличивалась, и онъ жаловался, что у него не хватаетъ силъ даже на переѣздъ изъ Парижа въ Версаль. Путешествіе въ Россію казалось ему неодолимою трудностью, а между тѣмъ ему все-таки хотѣлось возвратиться въ отечество, но не съ тѣмъ, чтобы продолжать службу и «стремиться выше, ближе къ солнцу, гдѣ восковыя крылья таятъ, и откуда легко полетѣть внизъ головою на дно морское», а единственно для того, чтобъ устроить, наконецъ, свои хозяйственныя дѣла и провести остатокъ жизни въ покоѣ.

Хозяйственныя дѣла семейства Кантемировъ дѣйствительно нуждались въ упорядоченіи. Дѣтямъ покойнаго господаря словно на роду было написано вести безконечныя тяжбы, которыя возникали у нихъ безпрерывно одна за другою. Княжна Марія полагала, что она только отстаивала законныя права семьи, когда, по своей дѣятельной натурѣ, давала ходъ всѣмъ подобнымъ дѣламъ, а между тѣмъ, руководимая какими-то приказными искусниками, она все болѣе и болѣе втягивалась въ приказную волокиту и наконецъ, подъ старость, совсѣмъ наполнила этимъ занятіемъ праздность своего существованія. Такъ какъ въ 1742 году, послѣ празднествъ коронованія, дворъ зажился въ Москвѣ, то князь Антіохъ совѣтовалъ сестрѣ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ для личнаго ходатайства по накопившимся въ ея рукахъ дѣламъ. Но княжна не успѣла или не сумѣла сдѣлать это до самаго декабря, когда дворъ выѣхалъ въ Петербургъ. Поэтому весной 1743 года ей самой пришлось отправиться туда же, тѣмъ болѣе, что къ числу Кантемировскихъ тяжебъ прибавились въ это время еще двѣ новыя. На крестьянскихъ дворахъ, пожалованныхъ Кантемирамъ-кадетамъ, числилась значительная недоимка, накопившаяся еще до этого пожалованія, да притомъ со многихъ дворовъ населеніе сбѣжало; поэтому въ мартѣ 1743 года

Библиотека "Руниверс"

Кантемиры-кадеты подали въ сенатъ прошеніе о сложеніи недоимки. Полнаго удовлетворенія они не получили; но все же уплата денегъ была отсрочена впредь до изданія генеральнаго указа, который признанъ былъ необходимымъ въ виду поступленія въ сенатъ многихъ прошеній, подобныхъ Кантемировскому.

Это былъ едва ли не единственный результатъ хлопотъ княжны Маріи въ бытность ея въ Петербургѣ въ 1743 году. Предъ наступленіемъ осени она вернулась въ Москву, въ самый разгаръ другой тяжбы, въ которую она теперь и погрузилась. Тяжба эта касалась роковаго вопроса о Кантемировскомъ маіоратѣ. Отказавшись отъ намѣренія продать его, князь Константинъ вздумалъ ходатайствовать о выдачѣ ему подтвердительной грамоты на обладаніе отцовскимъ наслѣдствомъ. Князь Антіохъ писалъ сестрѣ, что, по его мнѣнію, «ради домашняго мира и душевнаго спокойствія» и наконецъ «во избѣжаніе лишняго скандала» не слѣдовало бы мѣшать брату въ его неумѣстномъ ходатайствѣ; но княжна Марія, а за нею и князья Сергѣй съ Матвѣемъ были иного мнѣнія и находили, что дѣйствія князя Константина нельзя оставлять безъ протеста съ ихъ стороны. Уступая ихъ желанію, князь Антіохъ долженъ былъ подать прошеніе на высочайшее имя, съ заявленіемъ своихъ правъ на маіоратъ, самъ же намѣревался, вступивъ во владѣніе отцовскимъ наслѣдствомъ, раздѣлить его между всѣми своими братьями и сестрой. Прошеніе князя Антіоха было подано императрицѣ черезъ М. И. Воронцова; государыня предложила раздѣлить имѣніе покойнаго господаря на двѣ равныя части и одну изъ нихъ оставить за Константиномъ Кантемиромъ, а другую предоставить братьямъ-кадетамъ и сестрѣ. Князь Антіохъ готовъ былъ согласиться на такое окончаніе тяжбы, но княжна Марія, посовѣтовавшись «съ искуснѣйшими въ дѣлахъ приказныхъ», нашла нужнымъ возразить противъ даннаго совѣта. Какъ ни казалось дипломату неудобнымъ это противорѣчіе, онъ, чтобы не обидѣть сестры, вынужденъ былъ измѣнить свое рѣшеніе и, скрѣпя сердце, снова писалъ о томъ Воронцову. Въ этихъ переговорахъ прошла вся вторая половина 1743 года. Между тѣмъ болѣзнь, давно мучившая Кантемира, развилась до такой степени, что онъ увидѣлъ невозможность продолжать свою дипломатическую службу; онъ уже просилъ сестру подготовить ему помѣщеніе въ Москвѣ и присмотрѣть для покупки подмосковную, но прежде, чѣмъ вернуться въ Россію, онъ намѣревался укрѣпить свои силы, проведя нѣсколько мѣсяцевъ въ тепломъ итальянскомъ климатѣ.

Очевидно, надежда поправить свое здоровье еще не покидала Кантемира; размѣры своей болѣзни онъ заботливо скрывалъ отъ сестры, и она еще не подозрѣвала ничего объ его слабости, когда въ началѣ января 1744 года писала ему, что намѣревается продать свои земли брату

Библиотека "Руниверс"

Сергѣю, а себѣ оставитъ лишь небольшой клочекъ, чтобы построить тутъ монастырь и постричься въ немъ. Раздосадованный этимъ извѣстіемъ, больной отвѣчалъ сестрѣ письмомъ на русскомъ языкѣ, въ которомъ сперва дѣлалъ распоряженія на случай своего прибытія изъ Италіи въ Москву, а затѣмъ говорилъ: «О томъ васъ прилежно прошу, чтобъ мнѣ никогда не упоминать о монастырѣ и постриженіи вашемъ; я черницовъ весьма гнушаюсь и никогда не стерплю, чтобъ вы вступили въ такой гнусной чинъ, или буде то противно моей воли учините, то я въ вѣкъ уже больше васъ не увижу. Я желаю, чтобъ по пріѣздѣ моемъ въ отечествѣ вы прожили всю жизнь со мною и въ домѣ моемъ были хозяйкою, чтобъ сбирали и потчивали гостей, однимъ словомъ—чтобъ были мнѣ увеселеніемъ и спомощницей». Сестра поспѣшила успокоить брата. «Когда вы вернетесь въ Москву», отвѣчала она на братнинъ выговоръ,—«я готова хозяйничать въ вашемъ домѣ и принимать вашихъ гостей, но отъ своего намѣренія все-таки не отказываюсь». Эти строки были уже послѣдними, которыя больному суждено было получить отъ сестры — въ началѣ февраля 1744 года; въ концѣ того же мѣсяца онъ отправилъ ей коротенькое письмо, съ увѣдомленіемъ, что ему становится лучше съ улучшеніемъ погоды въ Парижѣ; но тутъ же стояли и другія зловѣщія строки: «Это еще болѣе убѣждаетъ меня, что только теплый климатъ можетъ меня вылѣчить, и я болѣе, чѣмъ когда-либо, вижу необходимость ѣхать въ Италію». Только изъ этихъ строкъ княжна Марія догадалась объ опасности, въ которой находился братъ. Пользуясь пребываніемъ двора въ Москвѣ, она поспѣшила во дворецъ, чтобъ узнать: состоялось ли увольненіе брата въ Италію, и увѣдомила, что сама туда пріѣдетъ за нимъ ухаживать. «Если я долѣе останусь въ неизвѣстности относительно васъ», писала она Антіоху 12-го апрѣля,—«то непремѣнно заболѣю и умру прежде времени: я и безъ того разстроила себѣ здоровье отъ постоянныхъ тревогъ и волненій... Не странно ли, что я не боюсь такого дальняго пути, тогда какъ меня пугаетъ поѣздка въ Петербургъ? Да, но поѣздка въ Петербургъ связана для меня съ разными непріятностями, а собираясь въ Италію, я готова пренебречь всякими неудобствами въ надеждѣ на свиданіе съ дорогимъ братомъ». Надежда оказалась однако напрасною: когда княжна Марія писала вышеприведенныя строки, князя Антіоха уже не было въ живыхъ: онъ скончался въ Парижѣ еще 31-го марта; вскрытіе его тѣла показало, что причиной его смерти была водянка въ груди. До княжны Маріи извѣстіе о кончинѣ любимаго брата дошло не ранѣе, какъ въ исходѣ апрѣля 1744 года.

Смерть князя Антіоха была жестокимъ ударомъ для сестры. Какъ ни измѣнился съ годами ея характеръ, сдѣлавшись болѣе тяжелымъ, болѣе властнымъ, но любовь ея къ брату осталась все такою же пла-

Библиотека "Руниверс"

менною, какъ въ раннюю пору ея жизни, въ то время, когда ей пришлось замѣнить ему преждевременно скончавшуюся мать и впервые окружить его юность своими попеченіями. Еще съ тѣхъ поръ умная сестра стала гордиться блестящими дарованіями своего любимца, а впослѣдствіи съ такою же ревнивою гордостью продолжала смотрѣть на его общественные успѣхи. Когда братъ сталъ взрослымъ, сестра нашла въ немъ себѣ друга, и притомъ единственнаго, такъ какъ ни свойства ея характера, ни еще болѣе обстоятельства ея жизни не располагали ея къ короткости съ чужими людьми, а въ остальныхъ своихъ братьяхъ она слишкомъ хорошо знала недостатки ихъ натуры и видѣла очень мало достоинствъ. Не выйдя замужъ, она не узнала и семейнаго счастья; такимъ образомъ даже въ свои зрѣлые годы княжна Марія только на одномъ Антіохѣ могла сосредоточить свои привязанности, и только ему одному могла повѣрять свои радости и свое горе. Если къ сказанному прибавить, что со смертью князя Антіоха княжна Марія лишилась единственнаго человѣка, который умѣлъ питать ея умственные интересы, то слѣдуетъ признать, что съ этою утратой она теряла почти все, что еще скрашивало ея одинокую жизнь. Княжна Марія пережила брата на тринадцать лѣтъ, но отъ этого періода ея существованія осталось такъ мало памятниковъ и живыхъ слѣдовъ, что явнымъ образомъ со смертью любимаго брата оскудѣло самое содержаніе ея жизни.

Въ первое время по кончинѣ Антіоха Кантемира княжна Марія была погружена въ заботы о перевезеніи его тѣла въ Россію и объ исполненіи завѣщанія, которое онъ написалъ недѣли за три до своей смерти. Перевезти тѣло князя Антіоха оказалось дѣломъ дорогимъ и сложнымъ. Братья пытались уклониться отъ расходовъ и хлопотъ по этому предмету, но княжна Марія выразила готовность принять всѣ траты на себя. Впослѣдствіи однако нѣкоторую часть расходовъ приняли на себя и князья Матвѣй и Сергѣй. Тѣло князя Антіоха было доставлено въ Петербургъ моремъ только въ сентябрѣ 1745 года, и затѣмъ, перевезенное въ Москву, было предано землѣ въ нижней церкви Никольскаго Греческаго монастыря, рядомъ съ могилой отца. По волѣ покойнаго, погребеніе было совершено ночью, безъ всякихъ церемоній. Княжна пожелала почтить память любимаго брата добрымъ дѣломъ: зная, что въ Парижѣ находилась въ нуждѣ одна молодая особа, съ которою князь Антіохъ находился въ близкихъ отношеніяхъ, княжна послала ей отъ себя денежное вспомоществованіе.

Приведеніе въ исполненіе завѣщанія князя Антіоха обошлось не безъ значительныхъ затрудненій. Назначенные наслѣдниками князья Матвѣй, Сергѣй и княжна Марія вступали другъ съ другомъ въ споры, которые приходилось разрѣшать тяжебнымъ порядкомъ. Сестрѣ, по волѣ завѣщателя, предстояло получить принадлежавшіе ему сере-

Библиотека "Руниверс"

бряные сервизы, оцѣненные въ 9000 руб. По привозѣ этихъ вещей въ Петербургѣ онѣ были сданы на храненіе князя Константина Кантемира, который не соглашался отдавать ихъ сестрѣ. Князь Константинъ умеръ въ январѣ 1747 года, но и послѣ того, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, она не могла вступить въ обладаніе своимъ наслѣдствомъ. Между тѣмъ въ московскомъ домѣ княжны Маріи произошелъ пожаръ, почти вплоть истребившій его. У нея не было средствъ выстроиться вновь; поэтому она обратилась къ М. И. Воронцову съ просьбой содѣйствовать выдачѣ ей сервизовъ, которые она намѣревалась продать, а деньги употребить на постройку. Удовлетвореніе этой просьбы послѣдовало не ранѣе 1752 года. Такимъ образомъ, при всемъ умѣньи княжны Маріи жить разсчетливо и хозяйственно, денежныя затрудненія преслѣдовали ее до позднихъ лѣтъ ея жизни и вызывали ее на новыя тяжбы. По всему вѣроятію, это и было причиною, почему она не исполнила обѣта, даннаго ею еще въ молодости, принять монашество.

Съ 1743 года княжна уже не ѣздила въ Петербургъ; во уваженіе къ ея болѣзненности фрейлинское званіе было съ нея сложено; княжна постоянно жила въ Москвѣ и только лѣтніе мѣсяцы проводила въ своей подмосковной Марьинѣ.

Въ августѣ 1757 года княжна Марія рѣшила составить завѣщаніе. Первымъ его пунктомъ было выставлено желаніе, чтобы въ Марьинѣ былъ построенъ женскій монастырь; этимъ распоряженіемъ княжна какъ бы желала исправить то, что не исполнила даннаго ею обѣта; точно опредѣленъ былъ штатъ монастыря и назначены средства на его сооруженіе и содержаніе. Если же на основаніе монастыря не послѣдовало бы разрѣшенія, то часть опредѣленной на него суммы назначалась на раздачу бѣднымъ, а остальныя деньги, равно какъ все движимое и недвижимое имущество предоставлялись братьямъ и другимъ родственникамъ. Похоронить свое тѣло княжна завѣщала въ томъ же Марьинѣ, и съ тою же простотой, какъ погребено было тѣло князя Антіоха. Княжна уже хворала въ то время, когда писала эти строки, а мѣсяцъ спустя послѣ того, 9-го сентября 1757 года, ея не стало, и немедленно затѣмъ началось нарушеніе ея предсмертныхъ распоряженій: тѣло ея было предано землѣ не въ ея любимомъ Марьинѣ, а въ томъ же Никольскомъ Греческомъ монастырѣ, который служилъ уже усыпальницей для ея отца и матери, брата и сестры. Не состоялось также и основаніе женской обители въ Марьинѣ; наслѣдники не настаивали на исполненіи этого пункта завѣщанія, потому что сопровождавшая его оговорка давала имъ возможность уклониться отъ того. Въ жизни своей княжнѣ Маріи суждено было испытать немало разочарованій, и рядъ ихъ заключился только несоблюденіемъ ея предсмертной воли.

Л. Майковъ.

Библиотека "Руниверс"

Видѣнія артиста.

I. Во снѣ.

Бенефисъ, тройныя цѣны,
Нѣтъ билетовъ за два дня....
Онъ, любимецъ Мельпомены,
Полонъ страсти и огня.
Въ залѣ — звукъ глухихъ рыданій,
Дамскихъ слезъ нѣмой потокъ.
Цѣлый громъ рукоплесканій
И вѣнокъ, вѣнокъ, вѣнокъ.....

II. На яву.

Спятъ мужчины, дремлютъ дамы,
И почти пустѣетъ залъ,
Истязанье жалкой драмы,
Колосальнѣйшій провалъ.
Хохотъ публики; въ его же
Сердцѣ вопль нѣмой тоски,
Звуки шиканій—Боже!
И свистки, свистки, свистки.....

Г. Сабининъ.

Библиотека "Руниверс"

Къ исторіи театральной цензуры.

Всеподданнѣйшее письмо Нестора Кукольника

" ноября 1864 г. Таганрогъ.

Всемилостивѣйшій Государь!

Совершенно разстроенное здоровье заставило меня отказаться отъ службы, литературы и Петербурга и переселиться въ Таганрогъ. Вліяніемъ благодатнаго климата здоровіе мое, хотя и медленно, возстановилось, и я счелъ долгомъ совѣсти возвратиться на службу и на любимое литературное поприще, на которомъ я трудился слишкомъ тридцать лѣтъ. Болѣе года употребилъ я на обработку новой драмы моей: «Гофъ-Юнкеръ». Зная какія затрудненія постоянно встрѣчаютъ у насъ драматическаго писателя и какъ трудно за-глаза получить мѣсто на службѣ, я рѣшился собрать послѣдніе остатки истощенныхъ моихъ средствъ, даже войти въ долги и отправился въ Петербургъ. Соотвѣтственнаго для меня мѣста на югѣ не отыскалось и я, въ надеждѣ по крайней мѣрѣ на будущее, принужденъ былъ, несмотря на чинъ мой, прежнюю двадцати-семилѣтнюю службу и слишкомъ трудныя нужды мои,—поступить въ почтовое вѣдомство сверхъ штата и безъ содержанія. Драма же моя, одобренная театральнымъ комитетомъ, пропущенная цензурою, принята въ дирекцію и, назначенная къ представленію въ октябрѣ на петербургской и на московской сценахъ, обѣщала сколько нибудь помочь моему разстроенному положенію и обезпечить по крайней мѣрѣ на годъ мое существованіе. Съ этою успокоительной надеждой я возвратился въ Таганрогъ. Вдругъ послѣ двухмѣсячнаго ожиданія, когда драма въ обѣихъ столицахъ была уже разучена и приготовлена къ постановкѣ, получаю увѣдомленіе, что піэса: «Гофъ-Юнкеръ»—запрещена...

Такъ какъ піэса, пропущенная театральнымъ комитетомъ и одобренная театральною цензурою, не можетъ быть запрещена иначе, какъ по высочайшей вашего императорскаго величества волѣ, то естественно я былъ пораженъ до глубины души горестною мыслію, что самымъ невиннымъ образомъ, безъ малѣйшаго умысла, я могъ навлечь на себя неудовольствіе вашего величества съ такими ужасными для меня послѣдствіями. Одна совѣсть утѣшала меня и навела на мысль, что въ это несчастное для меня время ваше императорское величество изволили быть въ отсутствіи, и что по докладу за-глаза въ превратномъ видѣ могло только быть исходатайствовано такое убійственное для меня рѣшеніе, потому что невозможно и вообразить, чтобы запрещеніе піэсы, одо-

Библиотека "Руниверс"

бренной законными для того учрежденіями, могло послѣдовать безъ вашего, всемилостивѣйшій государь, вѣдома. Но для того чтобы уничтожить добросовѣстный, болѣе чѣмъ годовой трудъ автора, лишить его закономъ предоставленныхъ правъ, отнять у него кусокъ хлѣба, должны быть слишкомъ важныя причины,—а между тѣмъ ни многочисленныя мои сочиненія, ни многолѣтняя служба, ни вся жизнь моя, ничѣмъ не запятнанная, не представляли памяти моей ни малѣйшаго къ тому повода; а новая драма моя, по времени дѣйствія, по нравамъ и понятіямъ того вѣка ни въ какомъ случаѣ не могла повести къ какимъ бы то ни было предосудительнымъ сближеніямъ съ нашимъ временемъ,—и если кто искалъ и находилъ въ ней подобное сходство или намеки, тотъ очевидно и непростительно самъ оскорблялъ наше время, и обвинялъ не меня, а свои собственныя личныя опасенія.

Въ недоумѣніи, съ растерзанной душой я остановился на той мысли, что содержаніе драмы моей или отдѣльно вынутыя слова были превратно истолкованы и въ такомъ видѣ представлены вашему величеству.

Всемилостивѣйшій государь! Простите великодушно моей дерзости. Но кому же мнѣ жаловаться на мое несчастіе, кто рѣшится быть моимъ ходатаемъ и возвысить голосъ въ мое оправданіе?.. Просить не смѣю, но мнѣ остается желать и надѣяться, что справедливость и благость ваша признаютъ возможнымъ—повелѣть лицу постороннему, независимому и безпристрастному разсмотрѣть мою драмму вновь и передоложить о ней вашему величеству по строгой совѣсти. Я готовъ лучше переносить не только тяжкія угрожающія мнѣ лишенія, но и самую нищету,—готовъ положить перо и отказаться отъ театра, составляющаго одну изъ стихій моей жизни, чѣмъ носить мысль о вашемъ, всемилостивѣйшій государь, на меня неудовольствіи.

Съ безпредѣльною преданностію и благоговѣніемъ имѣю счастіе быть ваше императорскаго величества всемилостивѣйшаго государя вѣрноподданный Несторъ Кукольникъ.

Сообщилъ **П. К. Работинъ.**

Библиотека "Руниверс"

РОССІЯ и ФРАНЦІЯ

ВЪ

первой половинѣ XVIII вѣка [1]).

I.

Намѣреніе Петра Великаго заключить союзъ съ Франціей. — Колебанія герцога Орлеанскаго по этому вопросу.—Петръ Великій въ Парижѣ.—Его отношенія къ малолѣтнему Людовику XV.—Заключеніе конвенціи.—Пріѣздъ французскаго посланника Кампредона въ Петербургъ.—Пріемъ ему оказанный.—Празднество по случаю заключенія мира.—Царица и ея дочери.—Брачные проекты.—Предложенія Петра.—Нерѣшительность регента и инструкціи кардинала Дюбуа.—Свиданіе Кампредона съ царемъ.—Царь предлагаетъ руку Елисаветы Петровны герцогу Шартрскому.—Необъяснимое молчаніе Франціи.—Возобновленіе переговоровъ.—Кончина Петра I.

По началу XVIII столѣтія Россія не играла почти никакой роли въ европейской политикѣ. Кабинеты вѣнскій, версальскій и лондонскій весьма мало интересовались ея существованіемъ и не искали съ нею сближенія. Когда царь Михаилъ Ѳедоровичъ, вскорѣ по восшествіи своемъ на престолъ, желая снискать себѣ друзей, отправилъ въ 1615 г. посла къ королю Людовику XIII, чтобы привѣтствовать его и увѣрить въ своей дружбѣ, то это изъявленіе дружбы осталось безъ всякихъ послѣдствій [2]).

[1]) Матеріаломъ къ составленію настоящей статьи послужили „Сборники Императорскаго русскаго историческаго общества", „Архивъ графа Воронцова" и главнымъ образомъ сочиненія Альберта Вандаля: Исторія дипломатическихъ сношеній Россіи съ Франціей въ XVIII в.—Составлено по документамъ архива французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Louis XV et Elisabeth de Russie. Etude sur les rélations de la France et de la Russie au dix-huitième siècle, d'après les archives du Ministère des affaires étrangères par Albert Vandal. Ouvrage couronné par l'Académie française. Troisième edition. Paris 1896.

[2]) Сбори. Истор. Общ. т. 34, стр. 1.

Библиотека "Руниверс"

Между тѣмъ нарождавшееся могущество Московскаго царства, подготовлявшее Россію постепенно къ той первенствующей роли, которую она была призвана играть въ европейскомъ концертѣ, не могло пройти незамѣченнымъ западными державами, и въ 1630 г., Франція сочла нужнымъ имѣть своего постояннаго представителя при дворѣ московскаго царя. Въ этомъ году въ Москву былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ де-Гай-Курмененъ, которому было поручено заключить между обоими государствами торговый договоръ.

Въ своемъ письмѣ къ царю, по этому поводу, французскій король ссылался на то, что большія войны помѣшали ему отвѣтить ранѣе на его привѣтствіе, но что онъ желаетъ установить въ будущемъ дружбу и союзъ [1]).

— Ваше величество стоите въ главѣ восточныхъ народовъ, исповѣдующихъ православную вѣру, сказалъ посланникъ Михаилу Ѳедоровичу; Людовикъ, король Франціи, стоитъ во главѣ южныхъ народовъ; заключивъ съ королемъ дружественный союзъ, ваше царское величество ослабите этимъ своихъ враговъ. Царь московскій и король французскій должны дѣйствовать во всемъ согласно.

Между обоими державами былъ заключенъ дружественный и торговый договоръ, но отдаленность обоихъ государствъ и нерасположеніе французовъ къ торговлѣ были причиною, что этотъ договоръ не принесъ существенныхъ выгодъ въ торговомъ отношеніи; дипломатическія же сношенія не имѣли регулярнаго характера, и Франціи пришлось долго ожидать, пока Россія отозвалась окончательно на предложенія о союзѣ, сдѣланныя ей черезъ де-Гай-Курменена.

Во время войны со Швеціей, Петръ Великій добивался посредничества Людовика XIV; но французскій король возлагалъ въ то время слишкомъ большія надежды на своего союзника, Карла XII, чтобы вступать въ какія-либо переговоры съ его соперникомъ. Послѣ кончины Людовика XIV, послѣдовавшей 1-го сентября 1715 года, когда могущество Швеціи было уже сломлено, царь послалъ во Францію своего агента—Зотова [2]); ему было поручено развѣдать взгляды и намѣренія французскаго двора и подготовить почву для сближенія, которое Петръ Великій хотѣлъ осуществить лично, давно собираясь посѣтить Францію. Онъ полагалъ, что явясь въ Парижъ своею собственною персоною, чтобы предложить Франціи союзъ съ Россіей, ему, царю-побѣдителю, удастся скорѣе достигнуть желаемой цѣли, поэтому въ исходѣ 1716 г. онъ отправился во Францію, не объявляя впрочемъ оффиціально о цѣли своего путешествія. Проѣздомъ черезъ Германію

---

[1]) Сборн. Истор. Общ. т. 34, стр. 2.

[2]) Ковонъ Никитичъ Зотовъ † 1742 г. въ званіи контръ-адмирала.

Библиотека "Руниверс"

царь имѣлъ свиданіе въ Гавельсбергѣ съ королемъ прусскимъ, Фридрихомъ-Вильгельмомъ I, отцомъ Фридриха Великаго. Отъ природы въ высшей степени грубый, исключительно преданный милитаризму, Фридрихъ-Вильгельмъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ тонкій дипломатъ и человѣкъ крайне честолюбивый.—Какъ всѣ сѣверо-германцы, онъ глубоко ненавидѣлъ Францію и постоянно упрекалъ своего сына Фридриха за его любовь къ ней «и къ женщинамъ».—Но сознавая могущество этой державы онъ понималъ, что пренебрегать ею нельзя, и думалъ при случаѣ воспользоваться ею для своихъ личныхъ цѣлей. Подмѣтивъ въ Петрѣ большія симпатіи къ Франціи, Фридрихъ вздумалъ разъиграть роль посредника между нею и Россіей, хотѣлъ способствовать ихъ сближенію и участвовать, въ качествѣ договаривающейся стороны, что̀ сулило ему извѣстныя выгоды въ его борьбѣ съ Австріей. Съ этой цѣлью онъ поручилъ одному изъ своихъ министровъ, барону Книпгаузену, сопровождать царя въ его путешествіи и служить ему посредникомъ при переговорахъ съ французскимъ дворомъ.

Изъ Пруссіи Петръ отправился въ Голландію, куда съѣзжались въ то время для свиданія, переговоровъ и тайныхъ или явныхъ совѣщаній всѣ государственные люди Европы. По пріѣздѣ Петра въ Нидерланды первымъ встрѣтилъ его шведскій посланникъ, баронъ Герцъ, которому было поручено завести съ царемъ рѣчь о перемиріи. Вслѣдъ за нимъ явился англійскій и австрійскій посланники, жаждавшіе вывѣдать тайную цѣль его путешествія, но онъ отвѣчалъ всѣмъ уклончиво и открылся только французскому посланнику де-Шатоневу.

13-го января нов. ст. кн. Куракинъ, пріѣхавшій въ свитѣ царя, явился къ Шатоневу.

— Я буду говорить съ вами не какъ съ посланникомъ, сказалъ онъ, но какъ съ другомъ, которому я открою тайну, довѣренную мнѣ царемъ. Его величество призналъ полезнымъ вмѣстѣ съ королемъ прусскимъ заключить союзъ съ Франціей; онъ искренно этого желаетъ и хочетъ, чтобы переговоры по этому предмету начались безъ промедленія и происходили въ его присутствіи.

Восемь дней спустя послѣ этого разговора, имѣвшаго цѣлью подготовить почву для дальнѣйшихъ объясненій, Куракинъ оффиціально возобновилъ предложеніе о союзѣ отъ имени царя; Шатоневъ поспѣшилъ извѣстить о томъ свой дворъ.

Во главѣ французскаго правительства, за малолѣтствомъ короля, стоялъ въ это время Филиппъ, герцогъ Орлеанскій. Находясь весьма недавно у кормила правленія, онъ успѣлъ уже совершенно измѣнить политическую систему, которой держался его предшественникъ, Людовикъ XIV; онъ искалъ сближенія съ Англіей, которая недавно была въ числѣ враговъ Французской монархіи. Въ принципѣ, союзъ съ Англіей

*

Библиотека "Руниверс"

былъ совмѣстимъ съ сближеніемъ Франціи съ Россіей, но къ несчастью между Петромъ Великимъ и королемъ англійскимъ возникли въ это время нѣкоторыя недоразумѣнія: царь былъ возмущенъ двусмысленнымъ поведеніемъ короля во время Сѣверной войны, помощью, оказанной имъ втайнѣ Швеціи, а также публичными оскорбленіями, нанесенными царскому резиденту въ Лондонѣ, и гнусными пасквилями, которые печатались о Россіи въ Англіи [1]).

Герцогъ Орлеанскій опасался, сближаясь съ царемъ, вызвать неудовольствіе Георга I и тѣмъ порвать слабыя узы, соединявшія англійскаго короля съ Франціей. Поэтому онъ отнесся къ предложенію Петра Великаго чрезвычайно сдержанно и долго колебался, какой ему дать отвѣтъ, тѣмъ болѣе, что бывшій воспитатель герцога, аббатъ Дюбуа, который имѣлъ на него огромное вліяніе, узнавъ, что герцогъ приказалъ де-Шатоневу начать съ царемъ переговоры, рѣшительно возсталъ противъ союза съ Россіей, совѣтуя не полагаться на дружбу русскаго царя и не рисковать ради него союзомъ съ Англіей. Совѣты аббата подѣйствовали на регента: онъ измѣнилъ приказаніе, данное Шатоневу, и велѣлъ ему затянуть переговоры, придумывая всевозможныя препятствія къ заключенію союза съ Россіей.

Петръ Великій предлагалъ Франціи заключить оборонительный трактатъ, въ силу котораго Россія и Франція приняли бы на себя обязательство взаимно гарантировать цѣлость ихъ владѣній; царь желалъ включить въ этотъ договоръ и вновь пріобрѣтенныя имъ отъ Швеціи завоеванія, но когда Франція отвѣчала на это рѣшительнымъ отказомъ, то онъ не настаивалъ на этомъ требованіи и ограничился просьбою выдавать ему ежемѣсячно субсидію въ 25.000 экю [2]) впредь до окончанія Сѣверной войны. Эта уступка была сдѣлана Петромъ 30 марта н. ст. 1717 г.; въ тотъ же день вечеромъ онъ выѣхалъ неожиданно въ Парижъ, чтобы принять личное участіе въ заключеніи союза. Его отъѣздъ изъ Голландіи совершился въ величайшей тайнѣ; онъ предупредилъ о немъ регента, но желая избѣжать докучливыхъ церемоній, просилъ не оглашать этого извѣстія и полагалъ, что неожиданный его пріѣздъ въ Парижъ произведетъ бо́льшую сенсацію.

— Царь желаетъ, говорилъ Куракинъ де-Шатоневу, чтобы до его пріѣзда о немъ говорили во Франціи какъ можно мен̀ѣе.

---

[1]) Сборн. Истор. Общ. т. 40, стр. 343.

[2]) Экю—старинная французская серебряная монета, бывшая въ употребленіи со временъ Людовика XIII до начала нынѣшняго столѣтія и за это время нѣсколько разъ мѣнявшаяся въ своей цѣнности. Стоимость экю равнялась приблизительно 3 франкамъ или нашимъ 75 коп. По этому расчету 25.000 экю составляли приблизительно 18.750 рублей.

Библиотека "Руниверс"

Пріѣхавъ въ Парижъ, Петръ не захотѣлъ остановиться въ комнатахъ, приготовленныхъ для него въ Луврѣ, и помѣстился въ частномъ домѣ. Подробности его пребыванія въ этомъ городѣ, гдѣ онъ поразилъ всѣхъ своими вкусами и привычками, шедшими въ разрѣзъ съ тогдашними обычаями французскаго двора, слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы на нихъ останавливаться; гораздо интереснѣе и менѣе извѣстна политическая цѣль его поѣздки. Зачѣмъ царь отправился во Францію? вотъ вопросъ, который задавали себѣ всѣ дворы: у однихъ это путешествіе вызывало опасенія, у другихъ — надежды, но всѣ рѣшительно были до-нельзя имъ заинтересованы. Вначалѣ король прусскій хотѣлъ лично сопровождать Петра въ Парижъ, съ цѣлью наблюдать за нимъ, но побоялся парижанъ, ихъ насмѣшекъ, и отказался отъ своего намѣренія. Король польскій, имѣвшій до тѣхъ поръ въ Парижѣ одного дипломатическаго представителя, по пріѣздѣ Петра назначилъ къ французскому двору втораго посланника, и одинъ изъ нихъ слѣдовалъ неотступно за царемъ, куда бы онъ ни отправился. Датскій король завелъ въ Парижѣ форменнаго шпіона, коему было спеціально поручено наблюдать за Петромъ. Прусскіе и австрійскіе агенты слѣдили за нимъ даже во время его прогулокъ въ Фонтенебло, гдѣ они заставали царя бесѣдующимъ наединѣ съ Рагоцци—главою венгерскихъ мятежниковъ [1]). Царь обращалъ весьма мало вниманія на всѣ эти происки, разговаривалъ со всѣми посланниками, всѣхъ обнадеживалъ, но все его вниманіе было поглощено переговорами, ради которыхъ онъ пріѣхалъ въ Парижъ. Онъ чрезвычайно сожалѣлъ о томъ, что во Франціи не было монарха, которому онъ могъ бы въ личной бесѣдѣ изложить свои планы, и съ которымъ могъ бы договориться какъ равный съ равнымъ. Вмѣсто покойнаго Людовика XIV онъ нашелъ въ Парижѣ семилѣтняго ребенка, коему оказывалъ все время самое дружеское вниманіе и къ которому относился съ такимъ же уваженіемъ какъ къ взрослому. Такъ напр. онъ не пожелалъ никуда выѣхать до тѣхъ поръ, пока маленькій король не посѣтитъ его; когда тотъ пріѣхалъ, то царь встрѣтилъ его у дверецъ кареты, взялъ его на руки и приподнявъ поцѣловалъ нѣсколько разъ. Всѣ были поражены, говоритъ Сенъ-Симонъ [2]) въ своихъ запискахъ, тою

---

[1]) Рагоцци, кн. Францъ род. 1676 г.—одинъ изъ представителей нынѣ угасшаго венгерскаго и трансильванскаго княжескаго рода. Въ 1703 г. онъ сталъ во главѣ возставшихъ венгровъ, но въ 1708 г. былъ разбитъ австрійскимъ фельдмаршаломъ гр. Гейстеромъ и долженъ былъ бѣжать. Всю остальную жизнь провелъ въ скитаніяхъ по Европѣ. Умеръ въ Турціи въ 1735 г.

[2]) Сенъ-Симонъ, герцогъ де-Рувруа, род. 1675 г., служилъ долгое время при дворѣ Людовика XIV, послѣ его смерти былъ членомъ совѣта регентства; скончался въ 1755 г. Онъ оставилъ обширные мемуары, служащіе важнымъ источникомъ для изученія современной ему эпохи.

Библиотека "Руниверс"

любезностью, какую онъ оказывалъ королю, удивительной нѣжностью, съ какой онъ относился къ нему, и вообще отмѣнною вѣжливостью его обращенія, въ которомъ проглядывало величіе, равенство происхожденія и нѣкоторое превосходство лѣтъ—ибо все это какъ «нельзя лучше чувствовалось въ обращеніи царя».

Какъ знать, быть можетъ при видѣ этого красиваго ребенка, въ которомъ сказывались уже благородство и величіе его царственнаго происхожденія, въ умѣ Петра тогда же мелькнула мысль о возможности брачнаго союза между Людовикомъ XV и его дочерью, Елисаветой Петровной, которая была ровесницею короля. Бракъ французскаго короля съ дочерью русскаго царя могъ способствовать еще болѣе къ упроченію союза между двумя державами.

Послѣ свиданія съ королемъ, Петръ Великій возобновилъ формальнымъ образомъ предложенія, сдѣланныя имъ французскому посланнику въ Гагѣ. Регентъ долженъ былъ волей неволей-на что нибудь рѣшиться: онъ назначилъ маршала де-Тессе вести переговоры съ русскими уполномоченными—Шафировымъ, Толстымъ и Долгорукимъ. Впрочемъ, ихъ роль ограничилась только передачею маршалу записки, составленной подъ руководствомъ самого царя, въ которой, плохимъ французскимъ языкомъ, прямо и открыто были высказаны сокровенныя желанія Петра.

«Поставьте меня на мѣсто, которое занимала до сей поры по отношенію къ Франціи Швеція, говорилось въ этой запискѣ; карта Европы измѣнилась; Швеція полу-уничтожена и не можетъ оказать Франціи никакой помощи. Могущество моей имперіи чрезвычайно возросло, и я, царь, готовъ замѣнить вамъ Швецію. Я предлагаю вамъ свой союзъ и содѣйствіе Пруссіи и Польши и не только свой союзъ, я предлагаю вамъ и свое могущество. Равновѣсіе, которое было обезпечено союзомъ со Швеціей этимъ не только возстановится, но мое содѣйствіе дастъ этому союзу перевѣсъ. Все то, что я вамъ предлагаю, ни мало не противорѣчитъ союзу, заключенному вами съ Англіей и Голландіей. Англія подвержена такимъ раздорамъ и такъ непостоянна, что если бы на будущее время она отказалась отъ союза съ вами, то союзъ съ Россіею замѣнитъ вамъ все, на что бы вы могли разсчитывать со стороны Швеціи и Англіи. Я не прошу васъ гарантировать моихъ завоеваній, а прошу васъ только выдавать мнѣ то же пособіе, какое вы оказывали Швеціи».

Лично, регентъ былъ не прочь принять предложеніе царя; тѣмъ болѣе что при дворѣ была партія, желавшая союза съ Россіей; во главѣ ея стоялъ Сенъ-Симонъ, но вліяніе аббата Дюбуа взяло верхъ, и Петру дали уклончивый отвѣтъ. Въ этомъ случаѣ, по свидѣтельству самого

Библиотека "Руниверс"

маршала Тессе, ведшаго переговоры съ русскими, Франція дѣйствовала неискренно изъ боязни испортить свои отношенія къ Англіи.

«Новое правительство, говоритъ онъ въ своихъ мемуарахъ [1]), поставило себѣ цѣлью дѣйствовать уклончиво и забавлять царя до его отъѣзда, не рѣшая ничего окончательно». Маршалу было предписано настаивать на заключеніи торговаго договора, уклоняясь отъ обсужденія политическихъ вопросовъ. Вмѣсто того чтобы заявить царю прямо и откровенно, что Франція въ силу предыдущихъ договоровъ обязана еще въ продолженіе десяти мѣсяцевъ выдавать субсидію Швеціи, Тессе было приказано составить и показать русскимъ подложный трактатъ, яко бы заключенный съ Швеціей, въ который были включены только тѣ статьи, какія французы считали удобнымъ сообщить имъ [2]). Но что всего хуже, французское правительство, несмотря на торжественное обѣщаніе хранить эти переговоры въ тайнѣ, извѣстило о нихъ англійскій дворъ.—Такимъ образомъ тайна, которую хотѣлъ сохранить Петръ Великій, была нарушена; Англіи стало извѣстно, что первый шагъ къ сближенію былъ сдѣланъ царемъ, а это могло повредить его доброй славѣ. Узнавъ впослѣдствіи объ этомъ вѣроломномъ поступкѣ, Петръ требовалъ, чтобы ему назвали виновнаго, говоря, что если таковымъ окажется кто либо изъ его сановниковъ, то онъ его примѣрно накажетъ. Эти жалобы были переданы въ свою очередь англійскому королю, который принялъ ихъ въ шутку.

— Царю хочется посадить одного изъ своихъ сановниковъ на колъ, сказалъ онъ—и онъ ищетъ къ тому предлога.

Впослѣдствіи самъ Дюбуа сознался, что это нескромное сообщеніе исходило изъ французскаго источника.

Въ концѣ концовъ переговоры, которые велись во время пребыванія царя въ Парижѣ, не увѣнчались успѣхомъ. Можетъ быть въ этомъ былъ виноватъ отчасти самъ Петръ, который, выказывая при всякомъ удобномъ случаѣ чрезвычайное уваженіе къ памяти Людовика XIV и самое трогательное вниманіе къ малолѣтнему королю, относился пренебрежительно къ тогдашнимъ правителямъ Франціи, держалъ себя довольно высокомѣрно съ регентомъ, не отдалъ визита принцамъ крови и не особенно понравился высшей французской аристократіи тѣмъ, что онъ не подчинялся излюбленнымъ ею правиламъ придворнаго этикета.

17-го іюня 1717 года, наканунѣ отъѣзда Петра Великаго, парижане были изумлены невиданнымъ доселѣ зрѣлищемъ: московскій царь производилъ въ Елисейскихъ поляхъ смотръ придворному королев-

---

[1]) Mémoires du maréchal de Tessé, стр. 319.

[2]) Тамъ же стр. 347.

Библиотека "Руниверс"

скому штату и королевской гвардіи; царя сопровождалъ маршалъ Вилларъ [1]) во главѣ блестящей свиты изъ 80 штабныхъ офицеровъ. Петръ промчался галопомъ вдоль фронта войскъ и повидимому не былъ особенно пораженъ роскошью и блескомъ ихъ вооруженія и обмундировки. Утомленный жарою и пылью онъ сошелъ съ лошади и отправился въ Тюльерійскій садъ, гдѣ находились маленькій король и герцогъ Орлеанскій. Сказавъ нѣсколько словъ ребенку, царь вошелъ съ регентомъ и двумя высшими сановниками въ швейцарскую, гдѣ они долго бесѣдовали наединѣ [2]).

По всей вѣроятности царю удалось, въ этой бесѣдѣ, склонить герцога Орлеанскаго на свою сторону, такъ какъ, послѣ его отъѣзда на воды въ Спа, начатые имъ переговоры не только не были прерваны, но продолжались еще дѣятельнѣе съ тою лишь разницею, что они происходили уже не въ Парижѣ, а въ Голландіи. Переговоры эти привели къ заключенію договора, подписаннаго Франціей, Россіей и Пруссіей въ Амстердамѣ 4-го (15-го) августа 1717 г. Державы гарантировали этимъ договоромъ порядокъ престолонаслѣдія во Франціи, установленный Утрехтскимъ мирнымъ договоромъ; Франція со своей стороны обѣщала Россіи посредничество для заключенія мира со Швеціей и обязалась слѣдить за точнымъ соблюденіемъ условій этого договора. Кромѣ того, договаривающіяся стороны рѣшили приступить къ новымъ переговорамъ для выработки условій торговаго и политическаго союза, который онѣ намѣревались заключить впослѣдствіи. Очевидно, дворы, подписавшіе упомянутый договоръ, полагали, что онъ поведетъ къ болѣе тѣсному ихъ сближенію; между тѣмъ ни та ни другая сторона не подумала въ теченіе четырехъ послѣдующихъ лѣтъ сдержать обѣщанія, данныя другъ другу въ Амстердамѣ. Причиною этого было осложнившееся политическое положеніе въ Европѣ, спокойствію которой угрожали притязанія Испаніи и Швеціи.

Хотя со смертью Карла XII разсѣялись тучи, омрачавшія политическій горизонтъ, но Франція все-таки не рѣшалась открыто заявить о своемъ соглашеніи съ Россіей до тѣхъ поръ, пока ея исконная союзница, Швеція, не сложитъ оружія и не признаетъ себя окончательно побѣжденною.—Поэтому герцогъ Орлеанскій, желая содѣйствовать скорѣйшему заключенію мира, принялъ на себя, наконецъ, какъ имъ было обѣщано, роль посредника между Россіей и Швеціей.

Со времени путешествія Петра Великаго, въ Парижѣ находился русскій посланникъ, но Франція не имѣла еще постояннаго представителя въ Россіи; въ 1719 г. де-Кампредонъ, бывшій въ теченіе мно-

---

[1]) Вилларъ герцогъ, род. 1653 г. † 1734 г.

[2]) Buvat, journal de la Régence, т. I стр. 287.

Библиотека "Руниверс"

гихъ лѣтъ французскимъ резидентомъ въ Стокгольмѣ, получилъ приказаніе отправиться въ Швецію и употребить всевозможное стараніе, чтобы добиться соглашенія между Швеціей и Россіей.

На аудіенціи данной ему царемъ, когда онъ былъ проѣздомъ въ Петербургѣ, посланникъ совѣтовалъ Петру Великому умѣрить свои требованія и возвратить Швеціи часть Прибалтійскихъ губерній, но побѣдитель былъ непреклоненъ.

— Я не желаю видѣть изъ моего окна владѣній сосѣда, отвѣтилъ онъ.

Наконецъ Швеція покорилась своей участи и по заключеніи Ништадскаго мира Кампредонъ, подписавшій мирный договоръ въ качествѣ посредника, получилъ приказаніе отправиться въ Петербургъ и остаться тамъ въ званіи полномочнаго министра.

23-го октября 1721 г. Кампредонъ прибылъ въ Кронштадтъ на шведскомъ фрегатѣ; на слѣдующій день онъ обѣдалъ у коменданта крѣпости, когда его извѣстили о пріѣздѣ царя, который, пренебрегая всѣми правилами этикета, прибылъ въ Кронштадтъ, чтобы встрѣтить французскаго посланника. Петръ Великій отправился прямо на фрегатъ.

Поспѣшивъ вернуться изъ крѣпости, Кампредонъ засталъ царя на палубѣ. Петръ принялъ его очень милостиво, поздравилъ съ дипломатическимъ успѣхомъ и выразилъ свою признательность Франціи за посредническія услуги. Осмотрѣвъ шведскій фрегатъ отъ палубы до трюма, царь пригласилъ Кампредона въ свою шлюпку и произвелъ вмѣстѣ съ нимъ смотръ своимъ девятнадцати линейнымъ кораблямъ, показалъ ему «Андрея Первозваннаго», «Св. Екатерину» и «Мирнаго», съ изумительною точностью объясняя, какъ самый опытный строитель, всѣ преимущества этихъ судовъ съ точки зрѣнія ихъ конструкціи и вооруженія. Уѣзжая съ корабля «Св. Екатерина», царь, выпивши на дорогу чарку водки за здоровье посланника, приказалъ контръ-адмиралу Сиверсу позаботиться о томъ, чтобы на пути въ С.-Петербургъ окружали его всевозможными удобствами [1]).

Столь явное доказательство особаго благоволенія къ французскому посланнику взволновало всѣхъ прочихъ дипломатовъ, аккредитованныхъ при петербургскомъ дворѣ, въ особенности повергло въ совершенное отчаяніе австрійскаго посланника, которому, въ это именно время, было поручено хлопотать о самомъ тѣсномъ союзѣ между царемъ и австрійскимъ императоромъ.

Вернувшись въ столицу, Петръ принялъ Кампредона въ торжественной аудіенціи въ присутствіи канцлера Головкина, вице-канцлера Шафирова, Толстаго и Остермана. Отвѣчая на привѣтствіе французскаго

---

[1]) Кампредонъ къ кардиналу Дюбуа 27-го октября (7-го ноября) 1721 г. Сборн. Ист. Общ. т. 40 стр. 282—286.

Библиотека "Руниверс"

посла, царь еще разъ подтвердилъ ему свою признательность Франціи за участіе, принимаемое ею въ его славѣ и выгодахъ, и выразилъ свое искренное желаніе поддержать и упрочить доброе согласіе, существующее между обоими дворами.—Затѣмъ онъ предложилъ представителю Франціи присутствовать на назначенныхъ въ этотъ день церемоніяхъ и празднествахъ по случаю обнародованія мирнаго договора.

По окончаніи аудіенціи, Кампредона повели въ находившуюся у самаго Сената кофейню, гдѣ собрались всѣ вельможи двора и куда царь и самъ прибылъ; всѣ послѣдовали за нимъ въ соборъ, гдѣ должна была происходить церемонія обнародованія мира.

Въ церкви, куда царь прослѣдовалъ во главѣ своихъ сановниковъ, онъ поставилъ французскаго посланника на почетное мѣсто, приказавъ придворнымъ посторониться, чтобы онъ могъ лучше слѣдить за богослуженіемъ, а графу Матвѣеву приказалъ объяснять ему службу. Изъ церкви всѣ отправились въ зданіе Сената, гдѣ въ большой залѣ, окнами на Неву, были накрыты столы болѣе чѣмъ на тысячу персонъ.—Царь распорядился, чтобы за обѣдомъ всѣ пили, сколько кто пожелаетъ, и берегли свои силы къ вечернему фейерверку. По окончаніи пиршества начался балъ. Въ этотъ моментъ въ залу вошла императрица со своими дочерьми. Кампредонъ видѣлъ ихъ первый разъ и былъ пораженъ красотою и граціей царевенъ. Онѣ были остроумны, бѣгло говорили по французски и по нѣмецки и въ разговорѣ съ посланникомъ отозвались съ большою симпатіей о Франціи [1]).

Петръ въ продолженіе всего вечера былъ чрезвычайно предупредителенъ къ Кампредону; царица сдѣлала ему честь пригласила его танцовать съ нею; въ 11 часовъ вечера былъ сожженъ блистательный фейерверкъ, коимъ распоряжался самъ царь.

По окончаніи празднества его величество выразилъ посланнику желаніе, не теряя времени, приступить къ переговорамъ, подъ условіемъ что Франція обязуется держать ихъ въ величайшей тайнѣ.

Петръ хотѣлъ заключить съ Франціей дружественный торговый и оборонительный союзъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ его умѣ созрѣвала мысль о брачномъ союзѣ младшей дочери, царевны Елисаветы, съ однимъ изъ принцевъ французскаго королевскаго дома, который, связавъ домъ Бурбоновъ съ домомъ Романовыхъ узами крови, увѣнчалъ бы и упрочилъ ихъ политическій союзъ. Царь мечталъ даже о бракѣ своей дочери съ самимъ королемъ, несмотря на то, что онъ получилъ, незадолго передъ тѣмъ, оффиціальное извѣщеніе о помолвкѣ Людовика XV съ инфантой испанской. Трудно сказать, зародилась ли эта мысль въ

---

[1]) Депеша Кампредона отъ 27-го октября (7-го ноября) 1721 г. Сборн. Ист. Общ. т. 40 стр. 290—302.

Библиотека "Руниверс"

головѣ царя во время его поѣздки во Францію, или она подсказана была ему царицей или кѣмъ либо изъ его ближайшихъ совѣтниковъ. Какъ бы то ни было, вскорѣ по пріѣздѣ Кампредона въ Петербургъ, ему были сдѣланы въ этомъ смыслѣ весьма опредѣленныя предложенія.

«Одинъ пріятель, писалъ Кампредонъ аббату Дюбуа 8-го ноября 1721 года, заявилъ мнѣ, что лучшимъ средствомъ склонить царя къ заключенію союза съ Франціей на хорошихъ условіяхъ будетъ—предложить ему гарантировать его распоряженіе насчетъ престолонаслѣдія, которое онъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, утвердитъ за своей старшей дочерью. Съ другой стороны, чтобы окончательно привлечь царицу на нашу сторону, желательно было бы устроить бракъ младшей дочери царя, очень милой и очень хорошенькой особы, съ однимъ изъ французскихъ принцевъ, котораго легко, а, при могуществѣ царя, даже навѣрное можно бы сдѣлать польскимъ королемъ. Я убѣжденъ, что эти инсинуаціи исходятъ отъ Шафирова, и хотя мнѣ назвали принца Шароле [1]), я сдѣлалъ видъ, что принимаю все это за простой, незначащій разговоръ, и отвѣчалъ въ общихъ выраженіяхъ, что ничего не слыхалъ объ этомъ дѣлѣ.

«Ваше высокопреосвященство знаете, что я уже давно писалъ о немъ и точно такъ-же вамъ лучше, чѣмъ кому либо извѣстно, какъ легко выполнить этотъ проектъ и сколько выгодъ и почета это доставило бы Франціи» [2]).

Нѣсколько дней спустя, Кампредонъ имѣлъ объ этомъ разговоръ съ самимъ Шафировымъ, который подтвердилъ все сказанное, замѣтивъ, что изъ всѣхъ дѣлъ, царя наиболѣе озабочиваетъ прочное установленіе престолонаслѣдія и вопросъ о томъ, кого назначить въ преемники себѣ. Поэтому вѣрнѣйшимъ средствомъ заключить союзъ, которому препятствовали доселѣ продолжавшіяся смуты на сѣверѣ—было бы, конечно, включить въ него, какъ одно изъ главнѣйшихъ условій, гарантію престолонаслѣдія, что въ такомъ случаѣ царь охотно войдетъ въ интересы Франціи, отвергнетъ всѣ другія предложенія, и со своей стороны гарантируетъ порядокъ престолонаслѣдія. Если Франція на это согласится, то можно будетъ немедленно приступить къ переговорамъ, которые необходимо будетъ держать въ тайнѣ, такъ какъ всѣ прочіе сосѣди Россіи смотрятъ на нее недружелюбно и были бы рады случаю ввергнуть ее въ прежній мракъ, и если бы имъ были извѣстны всѣ подробности ея соглашенія съ Франціей, то они навѣрно помѣшали бы этому союзу осуще-

---

[1]) Карлъ, герцогъ Бурбонскій, графъ-де Шароле, изъ дома Бурбоновъ-Конде. Ему было въ то время 23 года.

[2]) Кампредонъ кардиналу Дюбуа, 8 ноября 1721 года Сборн. Ист. Общ. т. 40, стр. 303—304.

Библиотека "Руниверс"

ствиться. Франція одна только искренно желаетъ участія Россіи въ обще-европейскихъ дѣлахъ, и царь можетъ найти выгоду только въ союзъ съ этой державой [1]).

«Вчера, писалъ Кампредонъ кардиналу Дюбуа 17-го ноября 1721 г., у графа Кинскаго былъ большой пиръ, на которомъ присутствовалъ царь съ нѣсколькими вельможами двора и съ иностранными министрами. Какъ только я вошелъ, его царское величество съ самымъ любезнымъ видомъ подошелъ ко мнѣ и поцѣловалъ меня въ знакъ дружбы. Немного погодя, выходя изъ-за стола, монархъ снова подошелъ ко мнѣ, и я, выразивъ ему въ самыхъ короткихъ словахъ свое рвеніе и свою преданность его славѣ и интересамъ, высказалъ надежду, что Шафировъ докладывалъ ему о нашихъ разговорахъ и то, что онъ говорилъ мнѣ, было сказано по приказанія его императорскаго величества. Царь отвѣчалъ утвердительно и сказалъ, что надѣется, что все пойдетъ хорошо».

«Одно только достовѣрно, писалъ Кампредонъ нѣсколько дней спустя, что царь горячо желалъ бы видѣть одну изъ своихъ дочерей замужемъ за принцемъ французскаго дома, и если только его королевское высочество найдетъ это дѣло подходящимъ, я увѣренъ, что можно разсчитывать вмѣстѣ съ царской дочерью получить корону Польши, въ которой царь пользуется безусловной властью» [2]).

Въ концѣ ноября 1721 года, французскимъ посланникомъ былъ выработанъ проектъ союзнаго договора съ Россіею. Возникшая надежда на гарантію престолонаслѣдія, существенный личный интересъ Шафирова въ томъ, чтобы разыграть роль главнаго дѣятеля въ этомъ великомъ предпріятіи, давало Кампредону увѣренность, что старанія русскихъ объ успѣхѣ дѣла искренни, но такъ какъ сановники, съ коими ему приходилось вести переговоры, завидовали другъ другу и интриговали одинъ противъ другого, то вести переговоры при этихъ обстоятельствахъ было весьма затруднительно и требовало большой ловкости и осторожности. [3]).

Отвѣтъ на письма, коими Кампредонъ извѣщалъ свое правительство о желаніяхъ царя и о ходѣ переговоровъ, былъ полученъ имъ только осенью 1722 года, вмѣстѣ съ подробной инструкціей относительно дальнѣйшаго образа дѣйствій. Регентъ, герцогъ Орлеанскій,

---

[1]) Кампредонъ кардиналу Дюбуа, 10 и 17 ноября 1721 года, Сборн. Ист. Общ. т. 40, стр. 308—312 и 341.

[2]) Кампредонъ аббату Дюбуа отъ 24 ноября 1721 г. Сборн. Ист. Общ. т. 40, стр. 351.

[3]) Кампредонъ Дюбуа, 24 ноября 1721 г. Сборн. Ист. Общ., т. 40, стр. 356.

Библиотека "Руниверс"

будучи не прочь доставить польскую корону своему собственному сыну, герцогу Шартрскому, предлагалъ завести переговоры объ его бракѣ съ Елисаветой Петровной, но находилъ болѣе удобнымъ отложить этотъ бракъ до того времени, когда польскій престолъ окажется вакантнымъ [1]). Онъ требовалъ приданаго, т. е. обѣщанной короны до брака своего сына, и ставилъ избраніе герцога на польскій престолъ непремѣннымъ условіемъ этого брака. По счастію, говорилось въ инструкціи, сказанный принцъ обладаетъ всѣми качествами, какія царь можетъ пожелать найти въ кандидатѣ на польскій престолъ. Онъ членъ дружественнаго царю дома, не могущаго имѣть никакого враждебнаго ему интереса, вполнѣ чуждъ интересамъ сосѣднихъ съ Польшею государствъ и не имѣетъ по близости никакой опоры, которая могла бы сдѣлаться угрозой для вольности націи. Послѣднее обстоятельство справедливо служитъ главнымъ предметомъ заботъ и политики царя, который, сохраняя правительство этого королевства (Польши) въ его настоящемъ видѣ и соблюдая дружбу націи и царствующаго среди нея государя, дѣлаетъ изъ Польши защиту своихъ границъ и въ то же время всегда открытый, вѣрный и легкій путь къ нападенію на своихъ враговъ [2]).

Кампредону было приказано вести дальнѣйшіе переговоры, руководствуясь вышеприведенными соображеніями.

Когда курьеръ, привезшій французскому послу эту инструкцію отъ кардинала Дюбуа, прибылъ въ Петербургъ, Петра не было въ столицѣ. Раздѣляя опасности и труды своего войска онъ совершалъ съ нимъ, въ это время, походъ въ Персію, окончившійся взятіемъ Дербента. Въ исходѣ 1722 г. царь вернулся на зиму въ Москву, гдѣ его ожидалъ Кампредонъ.

Первымъ вопросомъ Петра, по пріѣздѣ въ Москву, было: какія извѣстія получены изъ Франціи? ему отвѣчали, что Кампредонъ получилъ наконецъ полномочія и инструкціи и проситъ аудіенціи. Царь принялъ его немедленно и, предвидя, что разговоръ коснется главнымъ образомъ вопроса о бракѣ, выслалъ изъ комнаты всѣхъ сановниковъ, не исключая и канцлера Остермана; съ ними осталась только одна императрица.

Когда Кампредонъ произнесъ имя герцога Шартрскаго:—«я его знаю и весьма уважаю», сказалъ Петръ и на его лицѣ такъ-же какъ на

---

[1]) Болѣзнь короля польскаго подавала надежду, что этотъ престолъ будетъ въ скоромъ времени вакантнымъ.

[2]) Мемуаръ Кампредону кардинала Дюбуа 14 октября 1722 г. и инструкціи, долженствовавшія служить ему руководящей нитью въ его дѣйствіяхъ въ отношеніи устройства интересовъ Франціи. Сборн. Ист. Общ., т. 49, стр. 184, и слѣд. также стр. XXXVI.

Библиотека "Руниверс"

лицѣ императрицы выразилось замѣтное удовольствіе [1]); но царь изъ гордости не далъ сразу никакого отвѣта. Впрочемъ, сознавая, что дѣло это требовало быстраго рѣшенія и соблюденія тайны, Петръ не хотѣлъ, чтобы оно шло обычнымъ медленнымъ путемъ, и, для веденія переговоровъ о бракѣ, назначилъ князя Долгорукова, бывшаго посланникомъ во Франціи, который только что пріѣхалъ изъ Версаля, гдѣ находился въ то время французскій дворъ. Князю Долгорукову было приказано вести переговоры съ Кампредономъ съ соблюденіемъ величайшей тайны и въ то самое время, когда Остерманъ обсуждалъ съ посланникомъ въ оффиціальныхъ засѣданіяхъ основные пункты союзнаго договора.

Остерманъ—типъ дипломата старой школы, ставившій выше всего притворство и умѣнье обмануть противника, притворявшійся больнымъ, когда надобно было высказать свое мнѣніе, и дѣйствовавшій охотнѣе всего въ пользу той державы, которая сопровождала свои требованія цѣнными подарками въ видѣ перстней, табакерокъ и т. п. Онъ всячески затягивалъ переговоры, тогда какъ князь Долгорукій, имѣя отъ Петра особыя инструкціи, старался вести дѣло какъ можно быстрѣе. Долгорукій былъ противъ того, чтобы откладывать бракъ Елисаветы Петровны до того времени, когда польскій престолъ станетъ вакантнымъ, и уже завелъ рѣчь о приданомъ, о вдовьей части изъ имѣнія герцога въ случаѣ вдовства принцессы и т. п. [2]).

Эта торопливость объясняется до нѣкоторой степени задней мыслію, которая была у царя. Рѣшившись возвести свою дочь на польскій престолъ, Петръ Великій лелѣялъ въ тайнѣ мысль, что Елисавета Петровна, выйдя замужъ за старшаго сына герцога Орлеанскаго, вступитъ, можетъ быть, со временемъ на престолъ Франціи, такъ какъ слабое здоровье Людовика XV и отдаленный срокъ его брака съ инфантой испанской позволяли думать, что онъ умретъ, не оставивъ наслѣдника. Во всякомъ случаѣ, откладывать этотъ бракъ казалось царю несовмѣстимымъ съ его планами и достоинствомъ.

— Что будетъ, говорилъ князь Долгорукій Кампредону, въ томъ случаѣ, если король польскій проживетъ еще лѣтъ пятнадцать? Въ такомъ случаѣ принцесса вовсе не выйдетъ замужъ и останется непристроенною.

— Словомъ, присовокупилъ онъ, царь велѣлъ мнѣ передать вамъ, что онъ желаетъ покончить это дѣло какъ можно скорѣе; если же съ вашей стороны будутъ затягивать переговоры и настаивать на согласіи Англіи, то объ этомъ бракѣ нечего и думать.

---

[1]) Депеша Кампредона отъ 5 февраля 1723 года.

[2]) Депеши Кампредона отъ 26 февраля 5 и 13 марта 1723 года.

Библиотека "Руниверс"

Въ концѣ концовъ Долгорукій высказалъ желаніе Петра, чтобы Франція и Россія обязались особымъ договоромъ заключить этотъ бракъ въ самомъ непродолжительномъ времени и дѣйствовать въ Польшѣ во всемъ согласно.

Выработанные въ этомъ смыслѣ Кампредономъ нѣкоторыя статьи союзнаго договора были имъ препровождены французскому правительству 13-го марта 1723 года при депешѣ, въ которой онъ испрашивалъ полномочія для подписанія этого договора.

Французскій дипломатъ былъ задѣтъ за живое необыкновенной важностью и значеніемъ, какія пріобрѣтало возложенное нанего порученіе. Онъ пустилъ въ ходъ всевозможные доводы, чтобы убѣдить свой дворъ въ необходимости согласиться на предложеніе царя, не забывъ ни одной мелочи, которая могла бы подкупить герцога Шартрскаго, тронуть регента и разсѣять предубѣжденія министра. Онъ доказывалъ, что успѣхъ дипломатическихъ переговоровъ между Франціей и Россіей зависитъ всецѣло отъ успѣха его тайнаго порученія; единственное средство заставить Остермана дѣйствовать энергичнѣе заключалось, по его мнѣнію, въ томъ, чтобы принять предложенія кн. Долгорукаго. Союзный договоръ будетъ подписанъ немедленно послѣ заключенія брака, и русскій императоръ, довольный тѣмъ, что ему удастся устроить свою дочь какъ онъ того желаетъ, согласится на всѣ условія, предложенныя Франціей. Что касается возведенія молодой четы на польскій престолъ, то это будетъ только вопросомъ времени.

«Это событіе не заставитъ себя вѣроятно долго ждать, присовокупляетъ Кампредонъ. Нѣкоторыя личности, видѣвшія польскаго короля послѣднее время, увѣряли меня, что онъ по всей вѣроятности долго не проживетъ» [1]).

«Наконецъ и сама принцесса (Елисавета) вполнѣ достойна того высокаго положенія, къ которому ее предназначаютъ; ея красота будетъ служить украшеніемъ блестящихъ собраній въ Версалѣ; нѣкоторая свобода въ обращеніи, свойственная ей, покажется, быть можетъ, вначалѣ нѣсколько странной, но несомнѣнно, что она всѣхъ очаруетъ. Съ свойственной русскимъ способностью быстро ко всему приспособляться, молодая принцесса скоро освоится со вкусами и привычками своего новаго отечества, и Франція довершитъ въ ней то, чего ей не достаетъ отъ природы. Впрочемъ, принцесса Елисавета сама по себѣ чрезвычайно милая. Ее можно даже назвать красавицей, въ виду ея стройнаго стана, цвѣта лица, глазъ и рукъ. Недостатки, если таковые вообще есть въ ней, могутъ оказаться лишь въ воспитаніи и въ манерахъ. Меня увѣряли, что она очень умна. Слѣдовательно, если въ ска-

[1]) Депеша Кампредона отъ 13-го марта 1723 г.

Библиотека "Руниверс"

занномъ отношеніи найдется какой-нибудь недостатокъ, его можно будетъ исправить, назначивъ къ принцессѣ, если дѣло сдѣлается, какую-нибудь свѣдущую и искусную особу» [1]).

Одновременно съ этимъ Кампредонъ думалъ возбудить опасенія своего двора, извѣщая его о пріѣздѣ въ Петербургъ двухъ принцевъ Гессенъ-Гомбургскихъ, коихъ молва называла претендентами на руку великихъ княженъ. Не упуская изъ вида ни одной мелочи, которая могла бы быть пріятною царю, Кампредонъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Дюбуа проситъ его позаботиться, чтобы отъ имени регента была прислана Петру «бочка хорошаго, настоящаго вина, которое царь выразилъ желаніе имѣть. Это маленькое вниманіе будетъ весьма пріятно е. и. в.— Я, со своей стороны, буду весьма признателенъ вашему высокопреосвященству, если вы соблаговолите прислать мнѣ портреты короля, королевы-инфанты, его королевскаго высочества и герцога Шартрскаго, дабы присылка портрета этого принца, который императрица желаетъ видѣть, не показалась странной» [2]).

Депеши Кампредона, по самой сущности затронутаго въ нихъ вопроса, требовали немедленнаго отвѣта; поэтому можно себѣ представить удивленіе этого дипломата, когда курьеръ пріѣзжалъ за курьеромъ не привозя ему никакого рѣшенія. Онъ писалъ вторично, прося инструкцій, но такъ же безуспѣшно. Такъ прошелъ конецъ зимы, настала весна, лѣто, а французскій дворъ все еще не обмолвился ни словомъ по поводу брака. Между тѣмъ, напоминанія русскихъ сановниковъ становились болѣе и болѣе настоятельны; встрѣчаясь съ Кампредономъ, они спрашивали всякій разъ, не получилъ ли онъ желаемаго отвѣта, и казались удивленными и обиженными столь продолжительнымъ молчаніемъ. Кампредонъ въ отчаяніи писалъ письмо за письмомъ кардиналу, регенту, даже самому королю, которому въ то время было всего 15-ть лѣтъ отъ роду [3]); не получая ни отвѣта, ни требуемыхъ инструкцій онъ не дерзаетъ болѣе являться во дворецъ и, сказавшись больнымъ, сидитъ безвыходно въ своей квартирѣ [4]).

Въ началѣ сентября Кампредонъ былъ приглашенъ въ Петергофъ— лѣтнюю резиденцію царя, который принялъ его со своею обычною благосклонностью, показалъ ему весь дворецъ и паркъ, не выказавъ на своемъ лицѣ во время разговора съ посланникомъ и тѣни неудовольствія; но Остерманъ отвелъ Кампредона въ сторону и заговорилъ съ нимъ, вѣроятно, по повелѣнію царя, болѣе откровенно чѣмъ когда-либо.

---

[1]) Кампредонъ кардиналу Дюбуа 13 марта 1723 г. Сборн. Ист. Общ. т. 49, стр. 324.

[2]) Письмо Кампредона отъ 19-го марта 1723 г.

[3]) Письмо Кампредона отъ 13-го іюня 1723 г.

[4]) Тоже, отъ 23-го іюня 1723 г.

Библиотека "Руниверс"

— Трудно себѣ объяснить,—сказалъ онъ,—по какой причинѣ король не даетъ до сихъ поръ какихъ-либо приказаній насчетъ начатыхъ въ Москвѣ переговоровъ. Многіе иностранные дворы, въ особенности вѣнскій, считаютъ ихъ уже оконченными. Вѣнскій дворъ выражалъ даже свое безпокойство царю, который не можетъ понять, что за причина побуждаетъ его величество такъ пренебрегать его союзомъ, заключенія коего его величество самъ желалъ. Вы не можете сомнѣваться,—прибавилъ Остерманъ,—въ искренности добраго расположенія государя, но не говоря уже о томъ, что онъ не привыкъ къ пренебреженію, его положеніе, очевидно, должно было бы внушить менѣе равнодушія къ союзу, выгодному главнымъ образомъ его величеству [1]).

Положеніе французскаго посланника становилося невыносимо; пятнадцать курьеровъ были имъ отправлены безъ малѣйшаго результата; наконецъ онъ получилъ депешу, въ которой французское правительство сваливало вину за всѣ проволочки на Англію, которая противилась будто бы этому союзу, при чемъ Кампредону еще разъ было поставлено на видъ, для дальнѣйшаго руководства, что Франція ни въ какомъ случаѣ не согласится на то, чтобы этотъ бракъ былъ заключенъ до избранія герцога Шартрскаго на польскій престолъ. Петръ такъ и не получилъ оффиціальнаго отвѣта на свое предложеніе; нѣсколько мѣсяцевъ спустя онъ былъ извѣщенъ о бракосочетаніи герцога Шартрскаго съ одной изъ германскихъ принцессъ.

«Извѣстіе о бракосочетаніи молодаго герцога было непріятно русскимъ», говоритъ Кампредонъ въ депешѣ отъ 22-го апрѣля 1724 г.

Между тѣмъ 2-го декабря 1723 г. скончался герцогъ Орлеанскій, и Людовикъ XV, хотя уже совершеннолѣтній, не вступилъ въ управленіе государствомъ, а поручилъ завѣдываніе дѣлами герцогу Бурбонскому. Кончина герцога Орлеанскаго не принесла никакого измѣненія въ отношеніяхъ Россіи съ Франціей. Давно уже начатые переговоры о союзѣ между ними продолжались по-прежнему, но по-прежнему затягивались съ обѣихъ сторонъ и велись вяло. Узнавъ о перемѣнѣ правительства во Франціи, Петръ построилъ на немъ новыя надежды.—Отказавшись на время отъ проекта выдать свою дочь за одного изъ принцевъ французскаго королевскаго дома, онъ не отказался отъ мысли заключить съ Франціей политическій союзъ и въ этомъ смыслѣ возобновилъ свои предложенія герцогу Бурбонскому въ началѣ 1724 года. Герцогъ приказалъ отвѣтить царю, что причины, въ силу которыхъ король считалъ необходимымъ настаивать до начала какихъ-бы то ни было переговоровъ на примиреніи Россіи съ Англіей, имѣютъ первостепенную государственную

[1]) Письмо Кампредона королю отъ 3-го сентября 1723 г. Сборн. Ист. Общ. т. 49, стр. 369—378.

Библиотека "Руниверс"

важность, поэтому король не можетъ отказаться отъ своего требованія [1]) и слѣдовательно о заключеніи союза не можетъ быть рѣчи до примиренія царя съ англійскимъ дворомъ.

Такимъ образомъ, хотя герцогъ Орлеанскій и настаивалъ все время на примиреніи Россіи съ Англіей, но онъ не дѣлалъ изъ этого условія sine qua non, тогда какъ герцогъ Бурбонскій поставилъ это соглашеніе непремѣннымъ условіемъ заключенія предполагаемаго союза между Франціей и царемъ.

Казалось, переговоры не могли долго продолжаться при такихъ условіяхъ; дѣйствительно, они были прерваны окончательно, но нѣсколько мѣсяцевъ спустя неожиданный случай далъ державамъ возможность возобновить ихъ.

Въ 1724 году едва не возгорѣлась война между Россіей и Турціей, которая смотрѣла съ большимъ неудовольствіемъ на пріобрѣтенія, сдѣланныя Россіей на берегу Каспійскаго моря, и на распространеніе русскаго владычества на Кавказѣ, населенномъ мусульманами; съ другой стороны, Петръ Великій, стремясь сохранить свои завоеванія и опасаясь войны съ Турціей, обратился къ посредничеству Франціи; французскому посланнику въ Константинополѣ де-Бонаку, который подобно Кампредону былъ убѣжденный сторонникъ франко-русскаго союза, удалось благодаря его энергіи и рѣшительности, уладить это дѣло на пользу Россіи. Онъ такъ живо представилъ Портѣ всѣ неудобства для нея войны съ царемъ и всѣ выгоды, какія она можетъ извлечь изъ союза съ нимъ, что она согласилась предоставить царю завоеванныя имъ у Персіи земли съ тѣмъ, чтобы и онъ не препятствовалъ туркамъ отнять у этого государства тѣ земли, которыя они себѣ намѣтили [2]).

Конвенція, заключенная Россіей съ Турціей, на основаніи которой Петръ Великій сохранилъ сѣверныя провинціи Кавказа, Дагестанъ и Ширванъ, была редактирована де-Бонакомъ, просмотрѣна въ Петербургѣ Кампредономъ и подписана въ Константинополѣ русскими и турецкими уполномоченными.

Послѣ такого дипломатическаго успѣха Кампредонъ надѣялся, что Петръ, изъ признательности къ Франціи, согласится примириться съ Англіей и такимъ образомъ явится возможность возобновить переговоры. Успѣхъ французскаго посредничества въ переговорахъ съ Турціей далъ французскому послу смѣлость сдѣлать слѣдующій рѣшительный шагъ.

Въ тотъ самый день, когда въ Петербургѣ была получена подписанная Портою конвенція, Кампредонъ, зная что царь отправится въ

---

[1]) Письмо графа де-Морвиля Кампредону, январь 1724 г.

[2]) Сборн. Истор. Общ. т. 52, стр. XVI.

Библиотека "Руниверс"

торжественной процессіи въ соборъ, всталъ на пути его возлѣ церкви. — Петръ появился верхомъ въ сопровожденіи многочисленной свиты. Замѣтивъ на его лицѣ выраженіе необычайной грусти, Кампредонъ пробрался сквозь толпу и неожиданно подошелъ къ царю въ томъ моментѣ, когда онъ сходилъ съ лошади, чтобы войти въ храмъ. Не прогнѣвавшись за такую фамильярность, Петръ взялъ посланника за руку и, намекая на договоръ, подписанный при его посредничествѣ съ Швеціей, сказалъ:

— Вы всегда были для меня вѣстникомъ мира.

— Позвольте мнѣ, ваше величество, имѣть честь быть имъ до конца, отвѣчалъ Кампредонъ. Вашему величеству извѣстно все то, что король сдѣлалъ для васъ; сдѣлайте со своей стороны пріятное его величеству, который, настаивая на примиреніи между вами и королемъ англійскимъ, только желаетъ этимъ содѣйствовать вашей славѣ и вашимъ собственнымъ интересамъ.

— Я не буду неблагодаренъ, отвѣчалъ Петръ, и тотчасъ дамъ моимъ сановникамъ приказаніе, коимъ вы навѣрно останетесь довольны [1]).

Царь сдержалъ свое слово. — Нѣсколько дней спустя онъ заявилъ оффиціально, что ему будетъ пріятно воспользоваться посредническими услугами французскаго короля въ дѣлѣ примиренія съ Англіей и вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ Франціи заключить союзъ на условіяхъ, которыя будутъ выработаны совмѣстно обѣими державами.

Столь благопріятный результатъ смѣлой выходки Кампредона удивилъ русскихъ сановниковъ, а еще болѣе французское правительство, которое выразило по этому поводу посланнику свое полнѣйшее одобреніе.

Казалось бы, что съ устраненіемъ единственнаго препятствія къ франко-русскому союзу ничто не могло помѣшать державамъ подписать союзный договоръ. Между тѣмъ, когда переговоры были возобновлены, французское правительство отвѣчало на уступчивость Петра новымъ требованіемъ. Ему казалось уже мало примиренія Россіи съ Англіей, оно требовало, сверхъ того, чтобы англійскій король подписалъ союзный договоръ въ качествѣ договаривающейся стороны. Россія протестовала противъ участія Англіи въ актѣ, ея вовсе не касавшемся.

«Переговоры съ Франціей не представляютъ никакихъ затрудненій, говорили Кампредону русскіе сановники; договоръ могъ бы быть подписанъ хоть сейчасъ, но его величество находитъ неудобнымъ заключеніе союза при участіи Англіи» [2]). Переговоры снова были прерваны.

---

[1]) Депеша Кампредона отъ 1 августа 1724.

[2]) Депеши Кампредона отъ 8 декабря 1724 и 9 января 1725 г.

Библиотека "Руниверс"

Настаивая на скорѣйшемъ заключеніи столь желаннаго имъ союзнаго договора, Петръ какъ будто предчувствовалъ, что дни его сочтены, и опасался, что въ случаѣ новой проволочки ему не удастся довести этого дѣла до конца. Полагаясь на свою желѣзную волю, на свое могучее здоровье, онъ не щадилъ своихъ силъ; его жизнь была сплошною борьбою; ему приходилось бороться съ внѣшними врагами, со своимъ народомъ, со своей семьею. Непрестанная борьба сломила наконецъ его крѣпкій организмъ; чувствуя, что силы начинаютъ ему измѣнять, онъ спѣшилъ утвердить порядокъ престолонаслѣдія и устроить судьбу своихъ дочерей. Старшая — была имъ выдана за герцога Фридриха Голштейнъ-Готторпскаго [1]), приглашеннаго незадолго передъ тѣмъ въ Россію; что же касается младшей, Елисаветы Петровны, то царь все еще не оставлялъ надежды выдать ее за французскаго принца и уже помышлялъ о бракѣ ея съ герцогомъ Бурбонскимъ, которому вмѣстѣ съ рукою принцессы онъ намѣревался предложить польскую корону. Въ этомъ смыслѣ въ октябрѣ 1724 г. были сдѣланы Кампредону довольно ясные намеки [2]).

Быть можетъ надежда, что его предложеніе будетъ этотъ разъ принято, была причиною, что Петръ не отказывался болѣе включить Англію въ союзный договоръ, какъ того требовала Франція. Въ концѣ 1724 г. царь обнадежилъ посланника, что онъ получитъ вскорѣ окончательный отвѣтъ, и вопросъ о союзномъ договорѣ уже былъ внесенъ на обсужденіе въ совѣтъ, какъ вдругъ, въ тотъ самый день, когда должны были начаться совѣщанія подъ предсѣдательствомъ самого царя, Петръ тяжко заболѣлъ и 28-го января (8-го февраля) 1725 г. его не стало. — Если вѣрить приближеннымъ царя, то на его письменномъ столѣ былъ найденъ, послѣ его кончины, вполнѣ выработанный проектъ союзнаго договора съ Франціей [3]).

Такимъ образомъ Петру Великому не удалось выполнить ту высокую задачу, которую онъ себѣ наметилъ, радѣя о благѣ своего отечества. Онъ хотѣлъ дать Россіи управленіе организованное на европейскій ладъ, хотѣлъ доставить ей преобладающее значеніе среди державъ сѣверной Европы, наконецъ хотѣлъ дать ей надежныхъ союзниковъ. Изъ этихъ трехъ цѣлей онъ успѣлъ достигнуть блистательнымъ образомъ только двухъ первыхъ. Осуществленіе третьей зависѣло всецѣло отъ

---

[1]) Герцогъ Голштейнъ-Готторпскій, Карлъ Фридрихъ, род. въ Стокгольмѣ 3 апр. 1700, былъ помолвленъ 16 янв. 1724 г. съ царевной Анной Петровной.

[2]) Депеша Кампредона отъ 21 октября 1724 г.

[3]) Объ этомъ упоминаетъ въ одной изъ своихъ депешъ (отъ 5 января 1762 г.) де-Бретейль, бывшій французскимъ посланникомъ въ Россіи съ 1760 по 1763 г. Его депеша хранится во французскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Библиотека "Руниверс"

согласія Франціи; такъ какъ ему не удалось заручиться ея содѣйствіемъ, то эта цѣль не могла быть имъ достигнута, и Петръ Великій, несмотря на свои выдающіяся побѣды, оставилъ Россію въ Европѣ одинокой. Союзъ съ Франціей, къ которому онъ такъ страстно стремился, будучи основанъ на общности интересовъ, обѣщалъ быть устойчивымъ и выгоднымъ для Россіи и несомнѣнно могъ бы быть заключенъ, если бы французское правительство было настолько дальновидно, чтобы оцѣнить предложенія, сдѣланныя ей Петромъ Великимъ, и если бы у него хватило энергіи побѣдить скорѣе кажущіяся, нежели существенныя препятствія, коими оно всячески старалось тормозить заключеніе союза съ Россіей.

II.

Положеніе Россіи и Франціи при Екатеринѣ I.—Выборъ невѣсты для французскаго короля.—Екатерина предлагаетъ руку своей дочери Елисаветы Петровны.—Переговоры по этому вопросу кн. Меншикова съ Кампредономъ.—Характеристика Елисаветы Петровны, сдѣланная французскимъ посланникомъ.—Интриги при французскомъ дворѣ.—Дѣвица де-Сенсъ.—Бракъ короля съ Маріею Лещинской.—Шлезвигскій вопросъ.—Договоръ Россіи съ Австріей и его послѣдствія.

Одною изъ первыхъ заботъ преемницы Петра Великаго было дать французскому правительству отвѣтъ, обѣщанный ей покойнымъ императоромъ. Екатерина I, такъ-же какъ ея покойный супругъ, сознавала чрезвычайную важность для Россіи союза съ одной изъ великихъ державъ Европы. Въ апрѣлѣ 1725 г. она созвала членовъ Верховнаго тайнаго совѣта: Толстаго, Остермана, канцлера Головкина, адмирала Апраксина и кн. Меншикова для обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ внѣшней политики. Въ этомъ собраніи князь Меншиковъ высказалъ мысль, что для обезпеченія союза Россіи съ Франціею слѣдовало согласиться и на сближеніе съ Англіей. Послѣ непродолжительныхъ преній всѣ прочіе члены собранія присоединились къ его мнѣнію [1]).

Тогда Екатерина приказала отвѣтить Кампредону въ утвердительномъ смыслѣ и изъявить ему согласіе Россіи на участіе Англіи въ договорѣ. Собственно говоря, рѣшеніе Екатерины было принято до засѣданія совѣта; ея уступчивость объясняется однимъ обстоятельствомъ, о которомъ большинству ея совѣтниковъ ничего не было

---

[1]) Кампредонъ передаетъ все происходившее на этомъ засѣданіи въ депешѣ отъ 13 апрѣля 1725 г. со словъ самого Меншикова.

Библиотека "Руниверс"

извѣстно, а именно, ею было получено изъ вѣрнаго и надежнаго источника извѣстіе, возбудившее въ ея сердцѣ давно лелѣянныя ею надежды. Ей сообщили изъ Парижа, что бракъ французскаго короля съ инфантой испанской не состоится вслѣдствіе огромной разницы лѣтъ между помолвленными (королю было въ то время уже 16 лѣтъ, а инфантѣ минуло только 7 лѣтъ). Слѣдовательно этотъ бракъ не могъ состояться ранѣе какъ черезъ нѣсколько лѣтъ, и порядокъ престолонаслѣдія во Франціи все это время не былъ бы обезпеченъ. Въ виду этого герцогъ Бурбонскій рѣшилъ пріискать королю другую, болѣе подходящую по лѣтамъ, невѣсту. Съ этой цѣлью къ разнымъ дворамъ Европы, гдѣ имѣлись взрослыя принцессы, были посланы тайные агенты съ приказаніемъ представить какъ можно болѣе вѣрные физическій и нравственный портреты этихъ принцессъ на основаніи ихъ личныхъ наблюденій и разспросовъ окружающихъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ Франціи, гр. де-Морвиль, получая донесенія отъ своихъ агентовъ, дѣлалъ изъ нихъ краткія извлеченія, на основаніи которыхъ была составлена сравнительная таблица, въ коей излагались всѣ преимущества и невыгоды предполагаемыхъ брачныхъ союзовъ. Французское правительство не послало своихъ агентовъ въ Россію, но въ спискѣ Морвиля, въ числѣ семнадцати принцессъ, на коихъ считали достойнымъ обратить вниманіе короля, имя второй дочери Петра Великаго, царевны Елисаветы Петровны, фигурировало по порядку вторымъ [1]).

Въ началѣ 1725 г. ничего еще не было рѣшено окончательно, когда Людовикъ XV такъ опасно занемогъ, что его жизнь была нѣсколько дней въ опасности. Герцогъ Бурбонскій до того былъ напуганъ этимъ, что рѣшилъ какъ можно скорѣе покончить съ вопросомъ о бракѣ. 11-го марта было рѣшено отправить обратно инфанту въ Испанію, которая жила и воспитывалась въ Луврѣ.—Екатерина I узнала объ этомъ чрезъ своихъ тайныхъ агентовъ, когда представители державъ не получали еще оффиціальнаго увѣдомленія, и тотчасъ рѣшила добиваться для своей младшей дочери престола, оставшагося вакантнымъ послѣ удаленія инфанты. Она имѣла полное право разсчитывать, что ни одна изъ принцессъ, бывшихъ въ возрастѣ, подходящемъ для вступленія въ бракъ, по своимъ личнымъ качествамъ и по своему положенію не могла выдержать сравненія съ Елисаветой Петровной. Хотя большинство изъ нихъ и принадлежало къ царствующимъ домамъ Германіи, которые кичились древностью своего рода, но всѣ онѣ были бѣдны.—Одна Елисавета Петровна была дочерью могуще-

[1]) D' Haussonville. Histoire de la réunion de la Lorraine à la France, т. IV стр. 175.

Библиотека "Руниверс"

ственнаго монарха, который силою своего генія и рядомъ блестящихъ побѣдъ поднялъ значеніе своей имперіи и заставилъ цѣнить съ нимъ союзъ. У царевны могла быть только одна опасная соперница: внучка англійскаго короля, но французскій король могъ жениться только на католичкѣ, а Англія, вѣроятно, не дозволила бы принцессѣ отречься отъ протестанской вѣры. Екатерина ничего не имѣла противъ перемѣны религіи ея дочерью.

Вечеромъ въ тотъ день, когда совѣтъ, по желанію императрицы, рѣшилъ вопросъ о союзѣ съ Англіей въ утвердительномъ смыслѣ, Кампредонъ былъ принятъ Екатериной въ частной аудіенціи.

— Правда ли, спросила его императрица неожиданно, что король отсылаетъ инфанту назадъ въ Испанію?

Посланникъ, не имѣвшій никакихъ положительныхъ извѣстій, отвѣчалъ уклончиво.

— Я получила изъ Голландіи письма, продолжала императрица, въ которыхъ меня увѣряютъ, что уже назначенъ день отъѣзда инфанты. Я давно предвидѣла, что столь юная принцесса не годится для короля, ни для блага его короны, требующаго скорѣйшаго появленія наслѣдника. Я желаю королю всевозможнаго счастія и благополучія и отъ души готова содѣйствовать ему, въ чемъ могу; прошу васъ увѣрить короля, что дружбу и союзъ съ нимъ я предпочла бы всѣмъ державамъ въ мірѣ [1]).

На другой день Кампредона посѣтилъ князь Меншиковъ, пояснившій слова императрицы.

— Есть вѣрное средство сдѣлать союзъ Франціи съ Россіей нерасторжимымъ, сказалъ онъ, и, на вѣки связавъ неразрывными узами интересы коронъ русской и французской, поставить ихъ въ возможность предписывать законы всѣмъ европейскимъ державамъ. Разъ король рѣшился отослать инфанту въ Испанію, то ему нельзя найти во всей Европѣ партіи болѣе подходящей, чѣмъ принцесса Елисавета. Она однихъ лѣтъ, она всего на полтора мѣсяца старше короля. Вамъ извѣстно какъ она хороша собою, какъ прекрасно сложена, сколько въ ней ума, веселости и живости, дѣлающихъ ее вполнѣ способной проникнуться французскимъ духомъ. Царица, мать ея, владѣетъ обширной имперій, пользуясь въ ней самой неограниченной властью, какою только можетъ обладать государь, и располагаетъ арміей и флотомъ, коихъ численность и превосходство хорошо извѣстны. Если король, не сдѣлавъ еще иного выбора, рѣшится остановить его на русской принцессѣ, то онъ можетъ вполнѣ разсчитывать на всѣ эти силы, на все могущество царицы,

---

[1]) Кампредонъ къ графу де-Морвилю отъ 3 апрѣля 1725 г. Сборн. Истор. Общ. т. 58. стр. 110–116.

Библиотека "Руниверс"

которыя обратятся противъ всякой державы, на какую его величеству угодно будетъ напасть. Такой союзъ дастъ королю возможность располагать короной польской и осуществить всякіе замыслы по отношенію къ имперіи.

Князь Меншиковъ совѣтывалъ Кампредону, не теряя времени, увѣдомить французское правительство о предложеніи императрицы, чтобы немедленно приступить къ его осуществленію.

— Здѣсь оно не встрѣтитъ никакого затрудненія, прибавилъ онъ, даже по вопросу о вѣрѣ, потому что тогда все устроится: принцесса Елисавета согласится перемѣнить религію. Заключивъ этотъ бракъ французскій король поступитъ по примѣру своего предшественника, Генриха I [1]), который вступилъ въ бракъ съ русской принцессой въ такое время, когда Россія была далеко ниже во всѣхъ отношеніяхъ, не то, чѣмъ она стала теперь [2]).

Два дня спустя по приказанію императрицы Кампредону было сообщено предложеніе, коимъ она хотѣла лично заинтересовать герцога Бурбонскаго въ успѣхѣ своего плана, суля ему въ будущемъ корону.— Екатерина велѣла передать герцогу ея совѣтъ жениться на дочери Станислава Лещинскаго, лишившагося польскаго престола въ 1712 г., и жившаго съ тѣхъ поръ уединенно во Франціи. У него была еще масса приверженцевъ въ Польшѣ, но онъ жаждалъ покоя и охотно отказался бы въ пользу своего зятя ото всѣхъ своихъ правъ и притязаній на этотъ престолъ. Бракъ герцога Бурбонскаго съ Маріей Лещинской могъ оправдать кандидатуру герцога на польскій престолъ и способствовать его избранію на ближайшемъ сеймѣ, въ чемъ поддержали бы его со своей стороны Россія и Франція. Словомъ, Екатерина предлагала Франціи вмѣстѣ съ рукою своей дочери самый тѣсный союзъ: преслѣдованіе одинаковыхъ цѣлей въ Польшѣ, возведеніе на польскій престолъ французскаго принца, наступательный и оборонительный союзъ и предоставленіе въ распоряженіе Франціи всѣхъ военныхъ силъ Россіи.— Таковы были бы главные пункты союзнаго договора, въ случаѣ брака Людовика XV съ Елисаветой Петровной. Этотъ секретный договоръ былъ бы заключенъ независимо отъ оффиціальнаго трактата, который Россія намѣревалась одновременно заключить съ Франціей на вышеприведенныхъ основаніяхъ.

Въ депешѣ, отправленной по этому случаю своему двору, Кампредонъ явился вѣрнымъ истолкователемъ чувствъ и предложеній императрицы. При этомъ онъ писалъ: «Насчетъ личныхъ качествъ принцессы

---

[1]) Въ одиннадцатомъ вѣкѣ Генрихъ I женился на дочери Ярослава Мудраго.

[2]) Кампредонъ графу де-Морвилю, 13 апр. 1725 г.

Библиотека "Руниверс"

Меншиковъ говорилъ сущую правду. Личности, коимъ ввѣрено было воспитаніе ея и сестры ея, принцессы Анны, были такъ мало образованы, что безъ большихъ природныхъ дарованій, принцессы никакъ не могли бы ни сдѣлать тѣхъ успѣховъ въ языкахъ французскомъ и нѣмецкомъ, на которыхъ онѣ говорятъ и пишутъ очень хорошо, ни пріобрѣсти тѣхъ прекрасныхъ манеръ и того умѣнья вести разговоръ и держать себя, какими онѣ обладаютъ. Къ тому же, въ Россіи издавна укоренилось правило, что женщина, безразлично принцесса она или простая мѣщанка, должна во всемъ подчиняться волѣ своего мужа» [1]).

Затѣмъ Кампредонъ перечисляетъ политическія выгоды этого союза.

«Царица согласится, говоритъ онъ, дѣйствовать съ нами во всѣхъ случаяхъ за-одно противъ Австріи, сосѣдство которой внушаетъ ей наиболѣе опасеній. Я имѣю возможность, помимо ея министровъ узнавать быстрымъ и надежнымъ путемъ ея сокровенныя мысли и тѣмъ же путемъ передавать ей желанія короля».

Лишь только депеша Кампредона была отправлена, какъ Екатерина узнала одновременно о переговорахъ, начатыхъ герцогомъ Бурбонскимъ относительно брака короля съ дочерью принца Уэльскаго, и результатъ этихъ переговоровъ: Англія отвѣчала рѣшительно отказомъ, ссылаясь на разницу вѣроисповѣданій.

Это извѣстіе успокоило Екатерину и увеличило ея надежды на успѣхъ ея плана, но нѣсколько дней спустя она получила отъ своего посланника во Франціи, кн. Куракина, весьма тревожныя вѣсти. Князь сообщалъ о романѣ, разыгравшемся при французскомъ дворѣ, въ которомъ король сыгралъ роль перваго любовника.

Въ Версалѣ появилась незадолго передъ тѣмъ девятнадцатилѣтняя красававица, m-elle де-Сенсъ, сестра герцога Бурбонскаго, которая своей молодостью и замѣчательной красотою плѣнила сердце юнаго монарха. Взаимная склонность молодыхъ людей не была ни для кого тайною; придворные были крайне встревожены, какъ вдругъ они узнали, что герцогъ отослалъ свою сестру обратно въ монастырь. Людовикъ въ отчаяніи призвалъ герцога Бурбонскаго и спросилъ его о причинѣ такого распоряженія.

— Сестра моя, отвѣчалъ герцогъ, не такого званія, чтобы быть любовницей.

На это король возразилъ, что онъ сдѣлаетъ ее своей женою.

По словамъ кн. Куракина, изъ этого можно было вывести заключеніе, что слѣдовало зрѣло обсудить всѣ выгоды за и противъ, прежде

---

[1]) Кампредонъ графу де-Морвилю отъ 13-го апрѣля 1725 г. Сборн. Истор. Общ. т. 58, стр. 116.

Библиотека "Руниверс"

нежели заключить союзъ съ дворомъ, въ которомъ духъ интриги заслоняетъ всѣ заботы объ общественномъ благѣ.

Сообщеніе кн. Куракина нанесло первый ударъ надеждамъ царицы и произвело въ Петербургѣ сильное впечатлѣніе. Кампредонъ справедливо опасался, что оно затруднитъ порученные ему переговоры [1]). Государыня послала Толстаго къ Кампредону, чтобы провѣрить справедливость фактовъ, переданныхъ ей Куракинымъ. Кампредонъ затруднялся отвѣтомъ; ему ничего не было извѣстно и онъ боялся скомпрометировать себя. На всякій случай онъ попытался замолвить слово въ защиту короля.

— Положеніе королей было бы весьма печально, если бъ они никогда не смѣли отдаться своему личному влеченію въ выборѣ того союза, съ которымъ связано счастье домашней жизни, сказалъ онъ Толстому.

— Государи, вступавшіе въ неравные браки, всегда много утрачивали въ славѣ и добромъ имени своемъ, живо возразилъ Толстой; французскіе короли всегда сохраняли въ этомъ отношеніи ту чистоту, какой блещутъ лиліи, украшающія ихъ корону. Взоры всей Европы устремлены на единственнаго потомка Людовика Великаго, и она ждетъ отъ него лишь такихъ поступковъ, которые были бы достойны безконечной славы, коей помянутый несравненный монархъ пользуется въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ міра [2]).

Послѣ этого свиданія, Кампредонъ взялся снова за перо и написалъ 24-го апрѣля еще одно письмо (къ гр. де-Морвилю), которое безъ сомнѣнія дѣлаетъ ему большую честь, ибо, настаивая въ немъ на пользѣ, какую могъ принести Франціи предполагаемый бракъ и союзъ съ Россіей, скромный представитель французскаго короля позволилъ себѣ дать своему правительству урокъ патріотизма и безкорыстія и рисковалъ, до нѣкоторой степени, своимъ положеніемъ.

«Партія, предложенная здѣсь королю черезъ меня, писалъ онъ, представляетъ во всѣхъ отношеніяхъ для него огромныя выгоды. Заключивъ этотъ бракъ, его величество имѣлъ бы въ своемъ распоряженіи одну изъ главнѣйшихъ державъ Европы. Эта держава обезпечила бы за нимъ поддержку Пруссіи и Швеціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и польскую корону Станислава. Царица еще вчера опять увѣряла меня въ этомъ черезъ князя Меншикова, присовокупивъ, что особенно благо-

---

[1]) Кампредонъ де-Морвилю 24-го апрѣля 1725 г. Сборн. Истор. Общ. т. 58, стр. 185.

[2]) Депеша Кампредона отъ 24-го апрѣля 1725 г. Сборн. Истор. Общ. т. 58. стр. 183.

Библиотека "Руниверс"

дарить вашу свѣтлость за услугу, которую вы окажете въ этомъ случаѣ его величеству и ей» [1]).

Первое письмо Кампредона было получено въ Парижѣ 8-го мая. Три дня спустя, а именно 11-го мая, Морвиль отвѣчалъ ему общими разсужденіями о текущихъ дѣлахъ. Не касаясь ни словомъ предложенія о бракѣ, онъ прибавляетъ въ postscriptum'ѣ: «Откладываю до слѣдующаго раза бесѣду о тѣхъ дѣлахъ, о коихъ вы пишете въ вашемъ послѣднемъ письмѣ. Если объ этомъ съ вами заговорятъ, ограничьтесь общими выраженіями дружбы и преданности» [2]). На депешу отъ 24-го апрѣля Кампредонъ не получилъ никакого отвѣта.—Трудно сказать, обсуждали ли даже серьезно во Франціи предложенія, сдѣланныя русскимъ дворомъ, и было ли о нихъ доложено королю, такъ какъ на поляхъ депеши отъ 24-го апрѣля, которая хранится въ государственномъ архивѣ Франціи, мы находимъ помѣтку «секретная», и къ этой депешѣ приложено краткое изъ нея извлеченіе, предназначавшееся вѣроятно для прочтенія королю и совѣту.

Екатерина терпѣливо ожидала нѣкоторое время отвѣта на свое предложеніе, но ея мечты мало-по-малу рушились: ограниченность и эгоистическое честолюбіе герцога Бурбонскаго все болѣе и болѣе становились очевидны. Въ то же время недруги Франціи не дремали, и при русскомъ дворѣ пріобрѣтали мало-по-малу вліяніе тѣ личности, которыя желали отвлечь императрицу отъ союза съ этой державой.

Въ половинѣ мая 1725 г. въ Петербургъ прибылъ иностранецъ, старавшійся окружить себя особой таинственностью, и тщательно скрывавшій отъ всѣхъ цѣль своего пріѣзда. Онъ остановился у лейбъ-медика царицы Блументроста, которому вручилъ рекомендательныя письма, удостовѣрявшія его личность, былъ принятъ имъ любезно и представленъ нѣкоторымъ сановникамъ. Впослѣдствіи оказалось, что это былъ англійскій офицеръ де-Гэй, посланный въ Россію съ секретнымъ порученіемъ. Въ это время образовался дипломатическій заговоръ противъ Франціи, во главѣ котораго стоялъ испанскій король Филиппъ V, принявшій отправку инфанты за личное оскорбленіе и жаждавшій отомстить за него французскому правительству. Душою этого заговора былъ первый министръ короля баронъ Ринперда, ловкій и страстный интриганъ, устроившій сближеніе между Филиппомъ V и австрійскимъ императоромъ Карломъ VI, которые нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ были заклятыми врагами. Союзники желали заручиться

---

[1]) Кампредонъ де-Морвилю 24-го апрѣля 1725 г. Сборн. Истор. Общ. т. 58 стр. 185.

[2]) Морвиль Кампредону, 11-го мая 1725 г.

Библиотека "Руниверс"

поддержкою Россіи и съ этою цѣлью послали въ Петербургъ тайнаго эмиссара, коимъ и былъ помянутый англійскій офицеръ.

Екатерина выслушала его, но не хотѣла связывать себя никакими обѣщаніями до тѣхъ поръ, пока не получится извѣстіе, что задуманный ею брачный проектъ не имѣетъ болѣе шансовъ на успѣхъ. Когда одинъ изъ ея приближенныхъ, Ягужинскій, совѣтывалъ ей начать какъ можно скорѣе переговоры съ Австріей и Испаніей, она отвѣчала вопросомъ: женился ли французскій король? Въ то же время кн. Меншиковъ спросилъ въ ея присутствіи французскаго посла, скоро ли онъ разсчитываетъ получить отвѣтъ на свои письма.

Кампредонъ, сознавая опасность, которая угрожала Франціи, постарался вывѣдать тайну отъ посланнаго Рапперды и предупредилъ свой дворъ [1]). Но всѣ его старанія не повели ни къ чему. Герцогъ Бурбонскій нашелъ, наконецъ, то, чего онъ такъ страстно желалъ, и, по странной случайности, его натолкнула на это сама царица. Если припомнимъ, Екатерина предлагала ему жениться на Маріи Лещинской, обѣщая въ то же время польскую корону. Это предложеніе заставило герцога обратить вниманіе на дочь короля Станислава, которая показалась ему самой подходящей особой для той второстепенной роли, на которую онъ хотѣлъ обречь французскую королеву. Людовикъ не противился его выбору, и этотъ бракъ, повергшій въ уныніе всю Францію, былъ заключенъ 27-го мая 1725 г. Ближайшимъ послѣдствіемъ его было то, что доброе согласіе, чуть-было не установившееся между Франціей и Россіей, было нарушено. Екатерина не хотѣла навязывать Людовику XV руку своей дочери, но была сильно задѣта этимъ извѣстіемъ [2]) и не могла простить французскому королю того, что онъ предпочелъ дочери Петра Великаго дочь короля Станислава, свергнутаго съ польскаго престола.

Императрица узнала объ этомъ бракѣ по слухамъ прежде, нежели былъ полученъ отвѣтъ на ея предложенія [3]). Франція рѣшилась отвѣтить только тогда, когда Станиславъ оффиціально извѣстилъ европейскія державы о бракѣ своей дочери. Письмо графа де-Морвиля, заключавшее этотъ отвѣтъ, было получено въ Петербургѣ 30-го іюня; хотя оно было написано въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ, но доводы, коими мотивировался отказъ французскаго правительства, даютъ право предполагать, что депеши Кампредона врядъ ли были дочитаны до конца. Несмотря на рѣшительное заявленіе императрицы, что Елисавета

---

[1]) Депеши Кампредона отъ 19 мая и 12 іюня 1725 г.

[2]) Кампредонъ—де-Морвилю, 9-го іюня 1725 г. Сборн. Ист. Общ., т. 58, стр. 364.

[3]) Депеша Кампредона отъ 9-го іюня 1725 г.

Библиотека "Руниверс"

Петровна приметъ вѣру своего супруга, французское правительство продолжало настаивать на различіи вѣроисповѣданій и выставляло его непреодолимымъ препятствіемъ къ заключенію брака между Людовикомъ XV и Елисаветой Петровной.

«Настоящее письмо, писалъ Кампредону графъ де-Морвиль, служитъ отвѣтомъ на ваше посланіе, коимъ вы сообщаете мнѣ о предложеніи, сдѣланномъ княземъ Меншиковымъ, о женитьбѣ короля на принцессѣ Елизаветѣ. Вы сами легко поймете, что когда зашла рѣчь о выборѣ невѣсты для его величества, то здѣсь обращено было большое вниманіе на выгоды, которыя могъ бы доставить союзъ съ принцессою, дочерью почившаго царя. Съ одной стороны, высокія достоинства, возведшія царицу на ту высоту, на которой она нынѣ стоитъ, съ другой—личныя прелести, коими, какъ всѣмъ извѣстно, одарена принцесса Елисавета, такъ сказать, не дозволили бы его величеству остановить свой выборъ на комъ-либо иномъ, если бы можно было надѣяться, что исповѣдуемая царицею и ея семьею вѣра не послужитъ препятствіемъ къ исполненію желаній его величества. Но, соображая, какъ велика привязанность Россіи къ господствующей въ ней религіи, и какія неудобства могли бы возникнуть для самой царицы, если бы она, на глазахъ всѣхъ своихъ подданныхъ, дозволила принцессѣ, своей дочери, перемѣнить вѣру, его величество можетъ только навсегда сохранить безпредѣльную благодарность за полученное имъ доказательство дружбы такой великой государыни, какъ царица. Но впослѣдствіи, когда заключится союзъ, переговоры о коемъ вамъ поручены, монархиня сама убѣдится, что его величество умѣетъ давать такое же распространеніе дѣйствію своей дружбы и любви къ государямъ, союзникамъ своимъ, какъ если бы состоялъ съ ними въ самомъ близкомъ кровномъ родствѣ. Старайтесь какъ можно яснѣе утвердить эту истину. Увѣрьте царицу и князя Меншикова, что сдѣланное предложеніе будетъ сохранено въ глубочайшей тайнѣ, и достоинство монархини ничѣмъ не будетъ компрометтировано, и объясните въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, какъ глубоко тронутъ его величество и какъ искренно желаетъ найти случай доказать царицѣ почтеніе, которое онъ всегда сохранитъ къ этой государынѣ и ея семейству» [1]).

Къ этому отвѣту былъ приложенъ другой, также отрицательнаго свойства. Предлагая руку своей дочери Людовику XV и опасаясь, что царь связалъ уже себя иными обязательствами, императрица сдѣлала, подъ величайшимъ секретомъ, добавочное предложеніе о бракѣ Елисаветы Петровны съ герцогомъ Бурбонскимъ. Это предложеніе не могло понравиться любовницѣ герцога г-жѣ де-При и было отвергнуто точно

[1]) Сборн. Ист. Общ., т. 58, стр. 313, 314.

Библиотека "Руниверс"

такъ же, какъ первое. Герцогъ приказалъ отвѣтить въ выраженіяхъ самой горячей признательности, но въ письмѣ даже не было приведено никакой причины отказа.

«Тщетно старался бы я описать горесть его свѣтлости при мысли, что онъ не властенъ болѣе принять честь, которою монархиня соизволила удостоить его, прибавляетъ отъ себя гр. Морвиль, но, тѣмъ не менѣе, благодарность его свѣтлости безпредѣльна. Царица всегда найдетъ въ его свѣтлости ту же преданность и то же усердіе ко всему, что можетъ быть ей пріятно, какихъ въ правѣ была бы она ожидать отъ принца, удостоившагося чести быть ея зятемъ» [1]).

Послѣ этого двойнаго отказа между обоими дворами первое время не произошло замѣтнаго охлажденія. По прочтеніи писемъ Морвиля, Екатерина только замѣтила сухо, что относительно вопроса о религіи легко было бы придти къ соглашенію подъ условіемъ соблюденія тайны [2]); она медлила изъявить свое согласіе на предложенія, сдѣланныя ей Австріей и Испаніей и, повидимому, даже была расположена продолжать переговоры, начатые съ Франціей и Англіей, но относилась къ нимъ уже не такъ горячо, какъ прежде, дѣлая всевозможныя затяжки; казалось, императрица только ждала предлога, чтобы предоставить себѣ полную свободу дѣйствій. Случай къ тому представилъ императрицѣ въ скоромъ времени ея зять, герцогъ голштинскій, требовавшій отъ Даніи возвращенія Шлезвига, занятаго ею во время Сѣверной войны, и который она не соглашалась возвратить ему. Въ срединѣ 1725 г. шлезвигскій вопросъ обострился, Франція и Англія еще въ 1721 году гарантировали Даніи обладаніе этимъ герцогствомъ, тогда какъ императрица приняла сторону герцога и настаивала по меньшей мѣрѣ на томъ, чтобы ея зятю было назначено за Шлезвигъ извѣстное вознагражденіе и чтобы въ трактатъ, который будетъ ею заключенъ съ западными державами, была включена особая статья, которой опредѣлялись бы сущность и размѣръ этого вознагражденія. Англія рѣшительно отказалась отъ этого, изъ уваженія къ копенгагенскому двору, а Франція покорно присоединилась къ ея мнѣнію.—Россія же продолжала настаивать на своемъ требованіи; царица, въ вопросѣ о герцогѣ была непреклонна, ея министры утверждали, что она не можетъ отказаться отъ своихъ требованій, ибо это нанесло бы непоправимый вредъ ея доброму имени, долгу кровнаго родства и возложенному на нее покойнымъ царемъ обязательству доставить зятю справедливое удовлетвореніе. Для нея было бы просто постыдно, говорили они, договоромъ утвердить безвозвратную потерю

---

[1]) Графъ де-Морвиль Кампредону, 21-го мая 1725 г. Сборн. Истор. Общ. т. 58, стр. 322.

[2]) Депеша Кампредона отъ 30-го іюня 1725 г.

Библиотека "Руниверс"

наслѣдственныхъ владѣній герцога голштинскаго, не обезпечивъ ему справедливаго вознагражденія, на которое она сама же уговорила его согласиться. Союзъ съ царицей не такъ ужъ ничтоженъ, чтобы ей приходилось подчиняться законамъ, которые ей хотятъ навязать въ ущербъ ея чести, обязательствамъ и интересамъ ея семьи [1]).

Ягужинскій, вліяніе котораго усиливалось, не переставалъ внушать царицѣ, что Англія всегда будетъ противодѣйствовать всему, что можетъ усилить славу и выгоды Россіи, а Франція, хотя бы и захотѣла, при всемъ своемъ благорасположеніи, не въ состояніи будетъ отстоять ея интересы; никакія ея обязательства въ пользу безопасности царицы и удовлетворенія ея зятя не приведутъ ни къ чему, ибо, по отдаленности Франціи, ея помощь и ея добрая воля не могутъ быть дѣйствительны. Ягужинскій, со своей стороны, склонялъ Екатерину къ союзу съ Австріей, которая, предлагая ей вѣчный оборонительный и наступательный союзъ, вдобавокъ обѣщала возстановить герцога голштинскаго во владѣніе Шлезвига или, по меньшей мѣрѣ, доставить за него полное удовлетвореніе [2]).

Разногласіе, возникшее между Франціей и Россіей по вопросу о Шлезвигѣ, сдѣлалось камнемъ преткновенія при переговорахъ, которые были, наконецъ, прерваны.

25-го октября 1725 г. Людовикъ XV приказалъ Кампредону не касаться болѣе при переговорахъ вопроса о герцогѣ голштинскомъ. Одновременно съ этимъ французскій посланникъ въ Константинополѣ д'Андрезель, который старался, по мѣрѣ возможности, облегчить Россіи исполненіе договоровъ, заключенныхъ ею въ послѣднее время съ Портою, получилъ приказаніе не оказывать болѣе никакого содѣйствія русскимъ уполномоченнымъ и относиться къ нимъ впредь сдержанно и высокомѣрно [3]).

Въ то время какъ Франція колебалась заключить союзъ со вдовою Петра Великаго, Австрія неоднократно предлагала его. Осенью 1725 г. русскимъ правительствомъ былъ посланъ въ Вѣну Ланчинскій, уполномоченный подписать съ Австріей оборонительный союзъ; вслѣдъ за тѣмъ въ Петербургъ прибылъ австрійскій посланникъ гр. Рабутинъ, на коего было возложено особое порученіе. Австрія надѣялась подкупить Россію обѣщаніемъ совмѣстныхъ дѣйствій противъ турокъ; но переговоры тянулись цѣлый годъ, такъ какъ интересы обѣихъ монархій во многомъ

---

[1]) Кампредонъ королю 30-го октября 1725 г. Сборн. Истор. Общ. т. 64, стр. 36 - 39.

[2]) Сборн. Истор. Общ. т. 64, стр. 9.

[3]) Письма короля Людовика XV отъ 18-го октября 1725 г. и отъ 1-го марта 1726 года.

Библиотека "Руниверс"

расходились. Екатерина не особенно спѣшила связывать себя окончательно обязательствами и вспоминала иногда съ сожалѣніемъ о Франціи.

— Какъ честный человѣкъ, говорилъ однажды Кампредону чрезвычайный посланникъ герцога голштинскаго, Бассевичъ,—увѣряю васъ, что пока договоръ съ вѣнскимъ дворомъ не ратифицированъ, и даже если бы въ немъ одной только этой формальности не доставало, царица предпочтетъ союзъ съ Франціей, если она согласится обезпечить договоромъ интересы герцога, государя моего» [1]).

Наконецъ союзный договоръ съ Австріей, заключенный на 30 лѣтъ былъ подписанъ въ Вѣнѣ 25 августа 1726 г. Обѣ державы обязались дѣйствовать на дипломатическомъ поприщѣ не иначе, какъ съ обоюднаго согласія; въ случаѣ нападенія на одну изъ нихъ, другая держава обязывалась выставить вспомогательный корпусъ въ 30 тысячъ человѣкъ. Кромѣ того, договаривающіяся стороны обязались употребить свое посредничество, дабы полюбовно склонить короля датскаго къ удовлетворенію герцога голштинскаго, а если эти посредническія услуги оказались бы недостаточными, то онѣ обязывались прибѣгнуть къ силѣ и не слагать оружія, пока сказанное удовлетвореніе не будетъ достигнуто [2]). Отдѣльная секретная статья договора выяснила истинный смыслъ заключаемаго союза: она гласила, что обѣ стороны обязываются всѣми силами помогать другъ другу въ войнѣ съ турками, какова бы ни была причина войны и кѣмъ бы она ни была объявлена. Такимъ образомъ, договоръ, имѣвшій по отношенію къ прочимъ державамъ характеръ исключительно оборонительный, имѣлъ относительно Турціи характеръ наступательнаго союза.

Этотъ трактатъ, о которомъ исторія упоминала до сихъ поръ только вскользь, какъ бы мимоходомъ, былъ однимъ изъ важнѣйшихъ дипломатическихъ актовъ XVIII столѣтія. Уже нѣсколько лѣтъ передъ этимъ, настойчиво напрашивался вопросъ о томъ, вступитъ ли Россія въ европейскій концертъ и окончитъ ли она свое, такъ сказать, политическое воспитаніе подъ руководствомъ Германіи или Франціи? Вопросъ этотъ оказался рѣшеннымъ въ пользу Германіи. Хотя договоръ 1726 г. не вовлекъ Россію непосредственно въ войну съ Франціей, такъ какъ Австрія и Испанія, заключивъ противъ этой державы союзъ, къ которому примкнула Екатерина I, не рискнули вступить съ нею въ борьбу и ограничились однѣми враждебными демонстраціями, но этотъ договоръ пріучилъ Россію мало-по-малу считать себя въ лагерѣ противниковъ Франціи и подчинилъ ее непосредственно нѣмецкому вліянію. Благодаря дру-

---

[1]) Депеша Кампредона отъ 3-го января 1726 г.

[2]) Маньянъ гр. де-Морвилю, 27-го августа 1726 г. Сборн. Ист. Общ. т. 68, стр. 400.

Библиотека "Руниверс"

жескимъ отношеніямъ, установившимся между двумя императорскими дворами, все нѣмецкое пріобрѣло съ теченіемъ времени въ Россіи преобладающее значеніе. Германія дала Россіи администраторовъ, генераловъ, инженеровъ, которые, поступая на русскую службу, не забывали своей родины и внесли на берега Невы нѣмецкіе нравы, нѣмецкія чувства и стремленія. Это мирное, непрерывное завоеваніе неминуемо должно было оставить свои слѣды, которые времени не удалось еще стереть окончательно. Въ частности, вѣнскій договоръ надолго связалъ Россію съ Австріей въ отношеніи политическомъ и военномъ; на конгрессѣ въ Камбрэ въ 1727 г. русскимъ уполномоченнымъ велѣно было во всемъ сообразоваться съ поступками австрійскихъ уполномоченныхъ, и когда русскія войска выступили впервые на поляхъ битвъ средней Европы, имъ пришлось дѣйствовать въ качествѣ резерва Австріи.

В. В.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

Къ біографіи Ѳеодосія, архіепископа новгородскаго [1]).

Письмо генерала Ушакова—архимандриту Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря.

7-го марта 1732 г.

Пречестныя отецъ архимандритъ
Кирилы Белозерскаго мистря:

Сего марта 6-го дня ея императорское величество имянным своего величества изустным указом указали подать извѣстие, бывшего Ѳедоски тѣло подлинно л в кириловѣ мистре погребено и о погребении того тѣла откуды и какои указ были и ежели имѣетца указ то списав снего точную копию подать вскорости буде же у вас здесь с того указу копиі не имѣетца то по прибытиі в монстрь о вышеписанном же дать знать в самои скорости ж понеже ея императорскому величеству извѣстно учинилос что вышепоказанное Ѳедоскино тѣло в том мистре погребено: вашего преподобия слуга, генерал отютантъ Ушаков.

Сообщилъ Н. П. Успенскій.

---

[1]) Изъ архива Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Письмо написано на полулистѣ бумаги, имѣющей водяной знакъ: два дракона держатъ корону. Письмо это служитъ дополненіемъ къ тѣмъ указамъ о Ѳеодосіи, которые были напечатаны въ „Рус. Старинѣ“ 1896 г., т. LXXXII, № 8, стр. 312.

Библиотека "Руниверс"

Воспоминанія сенатора барона Карла Гейкинга [1]).

Подъ этимъ заглавіемъ въ Берлинѣ весьма недавно появилась въ печати (на нѣмецкомъ языкѣ) часть записокъ сенатора барона Карла Гейкинга (умершаго въ 1809 г.), обнимающая эпоху съ 1752 до 1796 г. и посвященная описанію событій, приведшихъ къ подчиненію Курляндіи Россіи и крушенію Царства Польскаго.

Въ предисловіи къ этой книгѣ, издатель ея, баронъ Альфонсъ Гейкингъ, родственникъ автора, между прочимъ сообщаетъ слѣдующее.

Мемуары, написанные на французскомъ языкѣ, составляютъ четыре рукописныхъ тома; около сорока лѣтъ тому назадъ они были подарены семейству Гейкинговъ барономъ Александромъ фонъ-Медемъ-Румбенгофъ, внучатымъ племянникомъ автора. Хотя нѣкоторымъ отдѣльнымъ лицамъ и было дозволено ознакомиться съ содержаніемъ рукописи, тѣмъ не менѣе дословное печатаніе ея признано родственниками еще преждевременнымъ.

Курляндскій дворянинъ по рожденію, баронъ Карлъ Гейкингъ былъ воспитанъ въ Варшавѣ, гдѣ и началъ службу въ качествѣ офицера польской арміи. Разстроенныя имущественныя дѣла отца Гейкинга затрудняли положеніе молодаго, отлично образованнаго и честолюбиваго курляндца, къ тому же ревностнаго приверженца (какъ и его отецъ), удаленнаго Россіею съ курляндскаго стула герцога Карла, сына

[1]) Извлеченіе изъ книги: „Aus Polens und Kurlands letzten Tagen“ (Изъ послѣднихъ дней Польши и Курляндіи). Memoiren des Baron Karl-Heinrich Heyking (1752–1796). Berlin 1897. Verlag von Johannes Räde Stursche Buchhandlung.

Библиотека "Руниверс"

короля польскаго Августа III. Онъ послѣдовалъ за герцогомъ Карломъ въ Саксонію, прожилъ нѣкоторое время въ Дрезденѣ, затѣмъ въ Тешенѣ, гдѣ принималъ участіе въ совѣщаніяхъ тайной польской конфедераціи въ качествѣ негласнаго делегата герцога Карла; поступилъ затѣмъ на службу къ брату герцога, курфюрсту Трирскому, но у послѣдняго оставался недолго. Послѣ пятилѣтняго скитанія по Германіи Гейкингъ вернулся въ Варшаву и поступилъ на дѣйствительную службу въ польскія войска, но и здѣсь пробылъ недолго, и въ 1777 г. отправился въ Петербургъ и поступилъ въ русскую службу: сначала военную, а потомъ въ гражданскую. При императорѣ Павлѣ былъ сдѣланъ сенаторомъ и президентомъ коллегіи, вѣдавшей лифляндскія, эстляндскія и финляндскія дѣла, но затѣмъ внезапно впалъ въ немилость и, удалясь отъ занимаемыхъ имъ должностей, поселился (по приказанію свыше) въ Митавѣ, и нѣкоторое время спустя въ близъ лежащемъ къ этому городу и данномъ ему въ аренду казенномъ имѣніи Бранденбургѣ. За это время насильственнаго досуга (1799 г.) онъ написалъ большую часть своихъ мемуаровъ, подъ заглавіемъ «Mes reminiscences» [1]).

По восшествіи на престолъ Александра I онъ предпринялъ большое путешествіе за границу, затѣмъ былъ снова призванъ на службу, въ 1809 году былъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, и осенью того же года скончался въ Петербургѣ, 57-ми лѣтъ отъ роду.

Въ предлагаемыхъ въ переводѣ выдержкахъ и отдѣльныхъ главахъ записокъ барона Гейкинга читатели найдутъ замѣтки, могущія служить матеріаломъ къ характеристикѣ русскихъ дѣятелей Екатерининской эпохи и къ оцѣнкѣ политической роли Россіи.

Мемуары написаны живымъ языкомъ, богаты эпизодическими разсказами изъ жизни петербургскаго и варшавскаго обществъ, сужденіями современниковъ, въ большинствѣ случаевъ лицъ посвященныхъ въ тайны важнѣйшихъ политическихъ событій того времени. Мы же, съ своей стороны, считаемъ необходимымъ рекомендовать воспоминанія Гейкинга всѣмъ тѣмъ, кто интересуется отечественною исторіею второй половины XVIII в. вообще, а въ частности исторіею сношеній нашихъ съ Польшею и съ ея вассальнымъ княжествомъ Курляндіею, наканунѣ подчиненія ихъ обоихъ русской державѣ.

А. Гиръ.

---

[1]) Мои воспоминанія.

Библиотека "Руниверс"

I.

Юношескія впечатлѣнія въ Курляндіи.

22-го іюня 1752 года, въ эпоху политическихъ бурь, взволновавшихъ мое отечество, я узрѣлъ свѣтъ въ имѣніи моего отца Оксельнъ, въ Курляндіи. Отецъ мой, Вильгельмъ-Александръ Гейкингъ, по порученію своей корпораціи, энергически выступалъ на защиту интересовъ рыцарства въ борьбѣ съ нѣкоторыми злоупотребленіями регентства.

Въ 1754 году отецъ былъ посланъ въ Польшу къ королю въ качествѣ делегата отъ рыцарства. Отъ его величества онъ получилъ въ высшей степени благосклонный рескриптъ, когда, въ 1755 году (25-го февраля) онъ представилъ ландтагу отчетъ о своей миссіи.

За время пребыванія въ Варшавѣ отецъ мой пользовался самымъ милостивымъ пріемомъ со стороны короля и королевской семьи. Когда первый министръ Брюль сообщилъ ему, что король желалъ-бы оказать ему знакъ своего благоволенія, отецъ мой заявилъ, что онъ имѣетъ двухлѣтняго сына, котораго хотѣлъ-бы посвятить службѣ его величества. На другой день въ пользу королевы для меня былъ изготовленъ дипломъ на званіе прапорщика, такъ что я уже почти отъ колыбели былъ офицеромъ.

Мать моя, Софія-Доротея фонъ-Рённе, была дочерью бывшаго кавалерійскаго генерала русской службы, которому Петръ Великій пожаловалъ Андреевскую звѣзду и свой портретъ, усыпанный брильянтами.

Августъ III пожаловалъ ему орденъ Бѣлаго Орла по случаю своего свиданія съ Петромъ Великимъ въ Бирзенѣ. Съ высокимъ положеніемъ и отличіями дѣдъ мой по матери соединялъ весьма значительное состояніе.

Дѣдъ мой съ отцовской стороны, Венедиктъ-Генрихъ, родившійся 1688 году, оберъ-гауптманъ Зельбурга и затѣмъ Митавы, былъ еще въ живыхъ. Онъ былъ человѣкъ строгихъ правилъ и обычаевъ и пользовался всеобщимъ уваженіемъ.

Мы поселились въ Митавѣ, гдѣ къ намъ приставили всѣхъ учителей, въ которыхъ мы нуждались. Когда отецъ былъ отправленъ въ Варшаву, насъ помѣстили приходящими въ школу г. Аменде. Хотя педантичные пріемы преподаванія мало насъ побуждали къ ученію, тѣмъ не менѣе мы были заняты, а это самое важное въ томъ возрастѣ, въ которомъ мы находились.

Приступаю теперь къ описанію одного событія, имѣвшаго особенно важное значеніе для моего отечества и оказавшаго наибольшее вліяніе на судьбу моей семьи. Разумѣю изгнаніе герцога Карла изъ Курляндіи.

Библиотека "Руниверс"

Всѣмъ извѣстно, что императрица Анна, выдвинувшая изъ ничтожества любимца своего Эрнеста-Іоганна Бирена (Bieren), возвела его въ званіе русскаго оберъ-камергера и выхлопотала для него у вѣнскаго двора дипломъ имперскаго графа, дипломъ, въ которомъ имя Бирена было передѣлано въ Бирона. Европа удивилась такой странной перемѣнѣ именн и всѣ были оскорблены тѣмъ, что блестящее имя съ такою легкостью было дано человѣку столь незначительному по рожденію.

Биренъ счелъ возможнымъ добиваться сана герцога Курляндіи. Если рыцарство наконецъ уступило, то оно это сдѣлало подъ давленіемъ угрозъ и насилій Россіи.

Сдѣлавшись герцогомъ Биренъ, при помощи накопленныхъ въ Россіи богатствъ, выстроилъ себѣ въ Митавѣ необычайно большой замокъ, а въ имѣніяхъ своихъ—дворцы съ богатою внутреннею отдѣлкою. Онъ, казалось, достигъ вершины славы, когда внезапный переворотъ свергнулъ его съ первыхъ ступеней престола въ суровое заточеніе. Приговоренный сначала къ смерти, онъ былъ затѣмъ отправленъ вмѣстѣ со всею семьею въ вѣчную ссылку.

Курляндскій герцогскій престолъ сталъ такимъ образомъ фактически вакантнымъ. Польша, не вдаваясь въ разсужденія объ основаніяхъ приговора, произнесеннаго надъ вассальнымъ ей княземъ, ограничилась тѣмъ, что поручила курляндскому правительству временно отправлять судебныя и административныя дѣла, руководясь законами страны.

Такое междуцарствіе продлилось 17 лѣтъ. Дворянство было крайне недовольно не только управленіемъ страны въ частностяхъ, но и общимъ положеніемъ дѣлъ. Понятно, поэтому, что измѣненіе установившагося порядка было предметомъ искреннихъ вожделѣній и что домогательство короля Августа III сдѣлать герцогомъ своего сына принца Карла Саксонскаго пало на благопріятную почву. Отецъ мой, состоявшій уже довольно продолжительное время при саксонскомъ дворѣ, ревностно хлопоталъ объ избраніи принца. Несмотря на разные происки и на скрытое сопротивленіе тѣхъ, кто не желалъ разстаться съ достигнутою за время регентства властью, принцъ Карлъ былъ избранъ герцогомъ почти единогласно.

Король выдалъ своему возлюбленному сыну инвеституру, и вскорѣ послѣ того герцогъ Карлъ прибылъ въ Курляндію для принятія присяги своихъ новыхъ подданныхъ. Но еще ранѣе того онъ рѣшилъ, ради блага страны и своего собственнаго, съѣздить въ Петербургъ. Императрица Елисавета была очень довольна его принять и не только сняла съ курляндскихъ коренныхъ имѣній секвестръ, но и заключила съ нимъ торжественную конвенцію, въ которой она, между прочимъ, гарантировала ему владѣніе герцогствами и возобновила положитель-

Библиотека "Руниверс"

ное увѣреніе, что Бирент, государственный преступникъ, никогда изъ ссылки не возвратится.

По возвращеніи своемъ въ Курляндію герцогъ Карлъ назначилъ моего дѣда оберъ-гауптманомъ Митавы, а отца моего гауптманомъ Дурбена, давъ въ аренду первому имѣнье Гаррозенъ, а послѣднему мѣстечки Дегаленъ и Дегуненъ.

Повидимому, все обѣщало моему отечеству счастливую будущность. Герцогъ былъ молодъ, происходилъ отъ одного изъ знатнѣйшихъ княжескихъ родовъ Европы, любилъ танцы, охоту, верховую ѣзду и всякія физическія упражненія. Онъ, казалось, былъ созданъ для того, чтобы нравиться дворянству, которое съ радостію раздѣляло съ нимъ его удовольствія. Но дворянство это было гордо, щекотливо и ревниво относилось къ довѣрію своего монарха. Оно съ болью усмотрѣло, что лишь иностранцы пользовались этимъ довѣріемъ; изъ послѣднихъ нѣкоторые саксонцы ненавидѣли старое дворянство страны, выставляли себя защитниками интересовъ герцога, и желали, чтобы за нимъ признавались такія права, которыя, какъ они сами знали, не согласовались съ конституціею. Карлъ пожаловалъ адвокату Цигенгорну званіе правительственнаго совѣтника [1]). Дворянство почувствовало себя обиженнымъ. Тщетно отецъ мой и другіе искренно преданные герцогу патріоты дѣлали ему представленія; противная сторона старалась ихъ очернить, какъ безпокойныхъ порицателей, хваля другихъ лицъ, болѣе податливыхъ и не отличавшихся твердостью основныхъ воззрѣній. Нѣкоторыя назначенія и извѣстныя мѣропріятія, принятыя въ противность общему желанію, умножили недовольство, которое рѣзко-бы прорвалось, если бы кончина императрицы не измѣнила внезапно положенія дѣла.

Петръ III вызвалъ изъ ссылки семейство Бирена и права Эрнста-Іоганна на Курляндію призналъ безспорными. Въ намѣренія императора входило привести Бирена къ уступкѣ своихъ предполагаемыхъ правъ герцогу Голштинскому. Но Петру III не довелось исполнить этотъ планъ. Вступивъ на престолъ, Екатерина II, хотя по другимъ побужденіямъ чѣмъ ея супругъ, хотѣла привести въ исполненіе часть этого плана. Лично обиженная герцогомъ Карломъ, относившимся къ ней во время своего пребыванія въ Петербургѣ нѣсколько свысока, она заявила, что Бирену должны быть возвращены его герцогства, «такъ какъ въ приписываемыхъ ему преступленіяхъ онъ не-

[1]) Цигенгорнъ былъ родомъ изъ Курляндіи и лишь позднѣе былъ возведенъ въ дворянское достоинство; онъ перешелъ на службу къ Прусскому королю, давшему ему должность при Кенигсбергскомъ судѣ.

Библиотека "Руниверс"

повиненъ, и все, что было противъ него ошибочно воздвигнуто, слѣдуетъ считать какъ «nul et non avenu».

Къ своему удивленію герцогъ Карлъ увидѣлъ, что окружавшіе его льстецы внезапно отъ него отшатнулись и что вокругъ него сплотились именно тѣ, которыми онъ пренебрегалъ. Онъ оцѣнилъ повидимому величіе и благородство ихъ преданности и выразилъ имъ свою признательность. Пытаясь выйти изъ тягостнаго положенія, въ которомъ очутился, онъ отправилъ моего отца въ Варшаву, поручивъ ему вызвать на поддержку Польшу, какъ сюзерена. Онъ льстилъ себя надеждою, что Августъ III—его отецъ, императоръ германскій—близкій родственникъ, король испанскій—своякъ, и король французскій, ради супруги дофина (матери Людовика XVI) объединятъ свои усилія съ цѣлью воспрепятствовать тому, чтобы столь близкими узами связанный съ ними монархъ былъ вынужденъ уступить всею Европою признанныя и самою Россіею ему гарантированныя права временщику, торжественно объявленному государственнымъ преступникомъ и болѣе двадцати лѣтъ содержавшемуся въ позорной ссылкѣ. Но отдаленность этихъ дворовъ отъ мѣста дѣйствія разыгравшейся драмы дѣлала всякое дѣятельное участіе невозможнымъ, а тѣмъ временемъ Россія приводила въ движеніе свои войска, чтобы возвратить князю, «безвинность котораго служитъ причиною его несчастія», «законныя» его владѣнія.

Несмотря на усиленныя старанія, отецъ мой добился лишь посылки двухъ сенаторовъ, кастелляновъ Платера и Липскаго, которые, прибывъ въ сопровожденіи тридцати лицъ, передали курляндскому рыцарству точный приказъ оставаться вѣрнымъ герцогу Карлу. Но пока Августъ III ограничивался поневолѣ столь слабыми мѣропріятіями, Екатерина пускала въ ходъ всѣ свои обольщенія и въ то же время дала почувствовать угрозу, что въ случаѣ нужды прибѣгнетъ къ силѣ.

Эрнстъ-Іоганнъ, находившійся въ ту пору въ Ригѣ со всей своею семьею, издалъ манифестъ, поддержанный русскимъ посланникомъ въ Митавѣ, Симолинымъ, въ оффиціальной нотѣ, въ которой послѣдній, подъ угрозой гнѣва своей государыни, требовалъ отъ курляндскаго дворянства, чтобы оно признало своего законнаго князя, которому долгое и незаслуженное несчастіе давало лишь бо́льшія права. Нота эта вызвала расколъ; образовалось двѣ партіи. Начали шить разные мундиры, и партійный духъ достигъ своего апогея, когда увидѣли, что два батальона пѣхоты вступили въ Митаву для обезпеченія въѣзда Эрнста-Іоганна. Герцогъ Карлъ былъ запертъ въ своемъ дворцѣ, герцогскія кассы были отобраны и назначенъ день для принесенія присяги Бирену, подъ угрозою суровыхъ наказаній тѣмъ, кто отъ того уклонятся.

Библиотека "Руниверс"

Дѣду моему, какъ митавскому оберъ-гауптману, предстояло созвать дворянство своего округа. Приказанія Бирена онъ отослалъ нераспечатанными обратно, и когда русскій подполковникъ Шредеръ заявилъ ему, что онъ подвергается опасности быть строго наказаннымъ, этотъ почтенный старецъ снялъ свою шапочку и отвѣтилъ: «вы видите мои сѣдые волосы; мнѣ все равно гдѣ быть похороненнымъ въ Митавѣ или въ Сибири. Исполняйте то, что вамъ приказано. Я готовъ на все, лишь не на нарушеніе присяги, данной моему законному государю, герцогу Карлу».

Тождественныя приказанія получилъ и отецъ мой въ Варшавѣ. Онъ также не колеблясь отослалъ ихъ назадъ. По этому поводу онъ написалъ оберъ-бургграфу фонъ-Оффенбергу рѣзкій отвѣтъ, который былъ впослѣдствіи отпечатанъ вмѣстѣ съ запискою, представленною созванному Биреномъ, какъ герцогомъ, ландтагу.

Наконецъ рижскій генералъ-губернаторъ Броунъ далъ знать герцогу Карлу, чтобы онъ покинулъ Курляндію, если не желалъ подвергнуться непріятностямъ, которыя ему были-бы неизбѣжно причинены. Характера гордаго, государь этотъ далъ достойный и энергическій отвѣтъ и рѣшился идти на встрѣчу всякимъ опасностямъ. Тогда отецъ и сюзеренъ его, король Августъ III, послалъ ему одного за другимъ двухъ курьеровъ съ приказаніемъ немедленно къ нему пріѣхать.

Насъ неоднократно водили ко двору герцога, и хотя мы были дѣтьми, мы охотно пролили-бы тогда свою кровь за монарха, котораго возвели себѣ въ кумиръ. Мы присутствовали при его разставаніи съ тѣми, кто ему остался вѣренъ. Мы видѣли какъ почтенные старцы, блестящіе офицеры и извѣстные своимъ мужествомъ дворяне были растроганы до слезъ и, выражая привязанность и отчаяніе, цѣловали руку государя, котораго не переставали любить. Это была трогательная и благородная сцена, способная воспламенить молодыя сердца.

Принцъ Карлъ покинулъ Курляндію и никогда въ нее не возвратился. Россія, желавшая придать своему образу дѣйствій законныя формы, обратилась въ Варшаву къ своимъ послушнымъ приверженцамъ въ сенатѣ и въ министерствѣ, побуждая ихъ объявить незаконною выданную герцогу Карлу инвеституру. Шагъ этотъ въ высшей мѣрѣ возбудилъ короля Августа III. Онъ удалился въ Дрезденъ, чтобы выиграть время.

Появилось множество всякихъ писаній за и противъ. Отецъ мой написалъ нѣсколько записокъ, отличавшихся ясною и рѣшительною рѣчью и побѣдоносною логикою; но ихъ можно однако упрекнуть въ излишне пылкихъ и рѣзкихъ выраженіяхъ.

Король предоставилъ моему отцу квартиру въ замкѣ республики, придворный экипажъ и пожаловалъ ему пенсію въ 3.000 талеровъ.

Библиотека "Руниверс"

Когда его величество предложилъ ему старостство, чтобы возмѣстить потерю своего мѣста и государственныхъ имѣній въ Курляндіи, онъ отклонилъ эту милость изъ излишней, быть можетъ, деликатности.

Таково было положеніе вещей, когда отецъ мой, предвидѣвшій, что его дѣла затянутся, и усмотрѣвшій изъ нашихъ писемъ, что въ Митавѣ мы успѣховъ не дѣлаемъ, рѣшилъ вызвать насъ въ Варшаву для непосредственнаго наблюденія за нашимъ воспитаніемъ, предметомъ его постоянной заботы.

II.

Учебные годы въ Варшавѣ.

Мы покинули нашу родину въ половинѣ мая (1763 г.). Прибывъ, послѣ скучнаго путешествія черезъ Мемель и Кёнигсбергъ, въ Прагу, предмѣстье Варшавы по сю сторону Вислы, мы были восхищены величественнымъ зрѣлищемъ красивой столицы съ замкомъ, занимающимъ господствующее положеніе, съ ея церквами, дворцами и домами, расположенными по ту сторону рѣки. Въ лодкѣ мы перебрались черезъ Вислу и съ каждымъ приближавшимъ насъ къ тому берегу ударомъ веселъ сердца наши бились все сильнѣе. Вѣдь намъ предстояло свидѣться съ горячо любимымъ отцомъ и поселиться отнынѣ въ мѣстѣ, которое мы считали средоточіемъ всякаго изящества и всякой роскоши.

Первою заботою отца было насъ проэкзаменовать и устроить наши учебныя занятія. Намъ дали учителей для французскаго, латинскаго, италіанскаго, польскаго и нѣмецкаго языковъ. Наше время было такъ заполнено, что отъ 7 часовъ утра и до 6 вечера мы имѣли лишь двухчасовой перерывъ для ѣды. Отъ 6 до 7 (вечера) мы должны были учить что-либо наизусть; тогда появлялся мой отецъ для провѣрки нашихъ трудовъ и чтобы убѣдиться, какъ онъ говорилъ, въ томъ, что nulla dies abeat quin linea ducta supersit [1]). Намъ принадлежали лишь воскресенія, такъ какъ остальные католическіе праздничные дни предназначались для чтенія библіи (въ теченіе двухъ часовъ), для повторенія всего того, что было дѣломъ памяти, и вписыванія въ книгу депешъ моего отца къ принцу Карлу. Въ гости ходили мы очень рѣдко; бывали, напримѣръ, у Щидтовскаго, бывшаго въ то время судьею первой инстанціи по гражданскимъ дѣламъ. Въ этомъ домѣ я увидѣлъ впервые столь-

---

[1]) Чтобы не проходилъ ни одинъ день безъ того, чтобы не оставалось (отъ него) проведенной черты (строки).

Библиотека "Руниверс"

ника Понятовскаго и пришелъ въ восхищеніе отъ его благородной осанки, изящнаго обращенія и чарующаго голоса. Я былъ тогда далекъ отъ мысли и даже не могъ подозрѣвать, что онъ такъ скоро станетъ польскимъ королемъ.

Мы были приблизительно уже три мѣсяца въ Варшавѣ, какъ однажды, въ три часа ночи, моего отца разбудили, чтобы вручить ему письмо, присланное съ курьеромъ изъ Дрездена. Лишь только онъ его прочелъ, съ нимъ сдѣлалось дурно. Кровь бросилась ему въ голову, но быстро принятыя мѣры предотвратили ударъ, котораго врачи опасались. Когда мы поспѣшили къ нему, ему было настолько лучше, что онъ пришелъ уже въ себя. «Ахъ, проговорилъ онъ съ трудомъ,—онъ умеръ». Такъ какъ говорить болѣе онъ не могъ, я взялъ письмо со стола и прочелъ. Оно было отъ герцога Карла, который въ немногихъ словахъ увѣдомлялъ отца о смерти Августа III. Королю было 62 года и, благодаря его тучности, нельзя было предвидѣть для него долгой жизни. Вскорѣ комната моего отца наполнилась, главнымъ образомъ, саксонцами, поспѣшившими къ нему при первой вѣсти о печальномъ событіи.

Въ замкѣ господствовало величайшее смущеніе среди придворныхъ чиновъ, не только вслѣдствіе неопредѣленности ихъ будущаго положенія, но и потому, что Августъ III былъ для нихъ добрѣйшимъ повелителемъ. Бирена они въ свое время привлекли къ суду какъ узурпатора и разбойника, а въ Варшаву былъ отправленъ уполномоченнымъ ландгофмейстеръ фонъ-деръ-Говенъ. Пока Августъ III жилъ, начатая борьба не казалась не ровною, но со смертью короля все пошло прахомъ, и Биренъ торжествовалъ.

Примасъ, князь лубенскій, въ званіи вице-короля во время междуцарствія, и великій канцлеръ Литвы, князь Чарторыйскій, содѣйствіемъ которыхъ Россія уже заручилась, не устыдились въ оффиціальныхъ нотахъ просить помощи императрицы противъ курляндцевъ, которыхъ они аттестовали какъ безпокойныхъ и неповинующихся своему государю.

Такой недостойный свободнаго народа поступокъ былъ внушенъ русскимъ посломъ. Это было первымъ звеномъ въ цѣпи, которая, мало-по-малу оковала Курляндію и Польшу, безповоротно закрѣпивъ ихъ подъ-конецъ за Россіею.

Опираясь на сюзеренную власть Польши и на могущество Россіи, Биренъ установилъ рѣшительный срокъ для принесенія присяги, а русскій министръ-резидентъ объявилъ, что экзекуціонныя войска [1]) будутъ отправлены къ тѣмъ, кто и теперь станетъ отъ присяги уклоняться.

---

[1]) Несчастный помѣщикъ, къ которому назначались такія „экзекуціонныя войска“, долженъ былъ ихъ содержать и платить имъ жалованіе во все время ихъ стоянки у него.

Библиотека "Руниверс"

Между тѣмъ, подъ рукою, Эрнстъ-Іоганнъ дѣлалъ своимъ противникамъ предложенія примириться, обѣщая за то возвращеніе имъ должностей и возмѣщеніе убытковъ. Нѣкоторые согласились, отецъ же мой остался при своемъ рѣшеніи не присягать. Вслѣдствіе сего, въ нашемъ имѣніи Оксельнъ было размѣщено извѣстное число солдатъ. Когда моя мать, жившая въ Оксельнѣ, спѣшно отправила къ моему отцу нарочнаго съ описаніемъ ужаснаго положенія, въ которомъ она находилась, то онъ отвѣтилъ, что на Оксельнъ онъ уже не смотритъ какъ на свою собственность, такъ какъ за вычетомъ изъ цѣны имѣнія долговъ, которыя онъ вынужденъ былъ сдѣлать, оставалось лишь ровно столько, чтобы покрыть приданое (illata) моей матери. Онъ предоставлялъ ей сдѣлать надлежащее заявленіе и вообще все, что она заблагоразсудитъ; но, прибавлялъ онъ, что узурпатору въ угоду онъ ничего не сдѣлаетъ. Моей матери удалось уговорить Бирена отозвать экзекуціонныя войска. Но съ той поры состояніе здоровья моего отца оказалось потрясеннымъ; онъ почти не выходилъ изъ дому, много работалъ и этимъ заглушалъ горе, разъѣдавшее его душу.

Между тѣмъ, Варшава сдѣлалась средоточіемъ политическихъ интригъ и ареной роскоши, выставляемой на показъ польскими магнатами, изъ которыхъ многіе разсчитывали на корону. Россія заявила, что она желаетъ Піяста, и хотя императрица уже рѣшила въ пользу стольника Понятовскаго, тѣмъ не менѣе для внѣшняго вида она согласилась на то, чтобы престола домогались и другіе.

Я воздерживаюсь отъ описанія всѣхъ интригъ, которыя сплетались до рѣшительнаго момента. Мы любовались выборнымъ полемъ, представлявшимъ величественное зрѣлище. Но видъ русскаго военнаго лагеря, уснащеннаго пушками и штыками, уменьшалъ интересъ, который должна была бы внушать собравшаяся для избранія повелителя свободная нація, и столь величественное зрѣлище давалось партіею, отдавшейся на волю чужеземной державы.

Князь Радзивилъ, графъ Браницкій [1]) и другіе преданные Саксоніи магнаты не приняли участія въ выборѣ и протестовали противъ всего, такъ какъ по основнымъ законамъ Польши никогда чужеземныя войска не могли быть терпимы на землѣ республики и, въ особенности, не могли окружать выборнаго поля. Несмотря на этотъ протестъ Станиславъ Понятовскій былъ провозглашенъ королемъ примасомъ, Чарторыйскими, ихъ родственниками и подкупленною Россіею мелкою шляхтою. Россія раздавала деньги массами и, во всякомъ случаѣ, можно сказать, что императрица уже тогда заплатила за провинціи, которыя взяла себѣ впослѣдствіи.

[1]) Не тотъ, который нѣсколько лѣтъ спустя былъ генералъ-лейтенантомъ коронныхъ войскъ, а другой.

Библиотека "Руниверс"

Едва Станиславъ вступилъ на престолъ, какъ приверженцы сдѣлали изъ него кумира, а противная партія унижала его съ ожесточеніемъ, которое можно встрѣтить лишь въ республикѣ. Всякое политическое событіе превращалось въ личное, и ненависть партій не имѣла предѣловъ. Противники Понятовскаго говорили: «Россія хочетъ намъ дать короля жидовскаго происхожденія [1]), человѣка воспитаннаго польскимъ Макіавелемъ [2]), обезчестеннаго приказаніемъ быть взятымъ подъ арестъ [3]), презрѣннаго за его неблагодарность къ своему благодѣтелю, Августу III. Онъ, король, осыпаетъ своего родственника богатствами и почестями, дѣлаетъ его своимъ камергеромъ и отправляетъ затѣмъ посланникомъ въ Петербургъ, гдѣ Понятовскій, вмѣстѣ съ Чарторыйскими, подготовляетъ планъ сверженія съ престола короля, своего благодѣтеля. Такого человѣка навязала Россія, который въ дружбѣ съ Вольтеромъ и всѣми прочими хулителями вѣры, который обязанъ своимъ возвышеніемъ лишь своей внѣшности и данному имъ обѣщанію править по приказаніямъ Екатерины II».

Приверженцы короля отвѣчали на эти поношенія утвержденіемъ, что въ Польшѣ указаніе на жидовское происхожденіе весьма обычный пріемъ клеветы, которая не стоитъ того, чтобы ее опровергали, такъ какъ мать и бабка короля принадлежали одной изъ первыхъ фамилій королевства; что Станиславъ воспитанъ отцами театинцами, извѣстными своими религіозными правилами и чистотою вѣры; что канцлеръ князь Чарторыйскій, пожелавшій возвести на престолъ Піяста, могъ безъ всякаго макіавелизма предпочесть своего племянника, познанія, сердце и умъ котораго служили предметомъ всеобщаго удивленія; во Франціи декретъ объ арестѣ за долги ни мало не безчеститъ, а тотъ, который былъ изданъ относительно Понятовскаго, состоялся лишь вслѣдствіе интригъ въ Парижѣ кучки завистливыхъ поляковъ; сношенія Понятовскаго съ Вольтеромъ и съ другими выдающимися умомъ людьми доказываютъ только, что и за границею цѣнили его умъ и любезность; о его неблагодарности по отношенію къ Августу III не могло быть и рѣчи, такъ какъ по рожденію своему онъ имѣлъ права на званіе камергера и посланника, и, наконецъ, упрекъ, что для достиженія престола онъ воспользовался поддержкою Россіи, тѣмъ болѣе неумѣстенъ

---

[1]) Лица занимавшія въ Польшѣ высокое положеніе и заслуживающія полнаго довѣрія, увѣряли меня, что дѣдъ Станислава Понятовскаго былъ крещеный жидъ, которому крестный отецъ, Понятовскій, далъ свое имя.

[2]) Такъ называли князя Чарторыйскаго, великаго канцлера и дядю короля, честолюбивая политика котораго имѣла въ виду лишь возвеличеніе своей семьи и желаніе играть въ своемъ отечествѣ выдающуюся роль.

[3]) Въ Парижѣ Понятовскій былъ за долги арестованъ.

Библиотека "Руниверс"

со стороны сторонниковъ Саксоніи, что и Августъ II и Августъ III обязаны короною лишь поддержкѣ Россіи, которая могла же быть союзницею республики, не помышляя о ея порабощеніи.

Всѣ эти обвиненія служили лишь къ озлобленію умовъ и произвели на меня столь глубокое впечатлѣніе, что съ той поры уже я возненавидѣлъ республиканское устройство.

Слѣдовавшія за коронованіемъ празднества превзошли изяществомъ и разнообразіемъ все, что я видѣлъ впослѣдствіи въ Парижѣ и въ Петербургѣ. Молодой, пріятный и любезный король, старавшійся вообще нравиться и привлекать къ себѣ мужчинъ, оказывалъ особое почитаніе женщинамъ; прекрасный полъ, имѣвшій въ Польшѣ столь большое вліяніе на политическія дѣла, былъ имъ очарованъ. Болѣе чѣмъ кто-либо Станиславъ обладалъ ловкимъ умомъ, даромъ быть любезнымъ, искусствомъ пользоваться любовью другихъ, однимъ словомъ, всѣми тѣми свойствами, которыя частнаго человѣка дѣлаютъ всеобщимъ любимцемъ, а монарху, обладающему всѣми дарами природы и уже прославленному тѣмъ, что былъ любимцемъ Екатерины, обезпечиваютъ вѣрный успѣхъ. Поэтому женщины всѣ дѣйствовали въ его пользу, побуждали мужей ѣхать въ Варшаву, цѣловать руку любезнаго Понятовскаго и, заодно, наслаждаться пріятностями столичной жизни.

Король выписалъ изъ Франціи превосходную труппу актеровъ, а изъ Италіи выдающуюся орега buffa. Бестрисъ и Пикъ [1]) оставили на нѣкоторое время Парижъ, и Варшава стала средоточіемъ изящныхъ развлеченій. Невзмѣримо было мое восхищеніе, когда я въ первый разъ былъ на представленіи итальянской оперы. Давали «La buona Figliosa» и примадонной была Ристорини! Какое пѣніе, какая музыка, какъ вмѣстѣ все шло хорошо!..

Въ то время какъ я занимался «Неистовымъ Роландомъ» и восторгался его геройскими дѣлами, вниманіе Варшавы привлекъ на себя на мгновеніе современный, гораздо менѣе привлекательный, но болѣе счастливый рыцарь. Это былъ Петръ Бирэнъ, курляндскій наслѣдный принцъ, прибывшій за полученіемъ инвеституры для отца своего и для себя. Церемонія эта крайне льстила тщеславію польскаго короля. Вассалъ приносилъ ленную присягу, преклонивъ колѣно, какъ то дѣлали имперскіе князья, присягавшіе германскому императору. Торжество инвеституры Петра обставили необычайною роскошью, и я все нашелъ красивымъ, благороднымъ, величественнымъ кромѣ самого принца, на которомъ сосредоточивалась вся церемонія.

Отецъ мой былъ въ отчаяніи отъ обстоятельства, облекавшаго повидимому въ законныя формы права Бирена, котораго онъ всегда упре-

[1]) Знаменитости парижской труппы того времени.

Библиотека "Руниверс"

какъ въ томъ, что, въ противность закону объ инвеституре, онъ не получилъ ее лично. Въ то время какъ король и республика торжественно признавали права семейства Бирена, надежды приверженцевъ герцога Карла теряли послѣднюю почву. Одинъ за другимъ они шли на примиреніе, и отецъ мой остался одинъ съ своимъ воззрѣніемъ.

Принцъ Ксаверій, правитель Саксоніи, отнялъ у отца пенсію, которая ему была назначена Августомъ III, такъ что онъ получалъ лишь ту, которую ему выдавалъ герцогъ Карлъ. Но она была такъ скромна, что ее хватало только на уплату нашимъ учителямъ и на наше содержаніе. Но отецъ скрывалъ отъ насъ какъ и отъ всѣхъ свое тяжелое положеніе и имѣлъ мужество во всемъ себѣ отказывать, лишь-бы обезпечить насъ. По его просьбѣ насъ приняли въ драгунскій принца Карла полкъ, часть котораго, подъ командою маіора фонъ-Пёльница стояла въ саксонскомъ дворцѣ. Для отца былъ праздникъ, когда мы надѣли саксонскіе мундиры. Мы были лишь прапорщиками à la suite [1]), но между тѣмъ пристойность требовала, чтобы отъ времени до времени ходили къ нашему командиру. Это былъ бравый вояка, отличившійся въ Семилѣтнюю войну, но умѣлъ лишь драться, играть и ругаться. Отецъ мой, мало выходившій, не подозрѣвалъ о тонѣ, который господствовалъ въ домѣ маіора. На меня это произвело непріятное впечатлѣніе, что было замѣчено и за что на меня косились. Братъ мой, много меня моложе, имѣлъ болѣе открытый характеръ, сталъ въ наилучшія отношенія съ этими господами, сдѣлался любимцемъ маіора, но при этомъ онъ разстроилъ себѣ здоровье и потерялъ охоту къ труду. Чтобы отомстить мнѣ, г. фонъ-Пёльницъ называлъ меня ученымъ, что въ его лексиконѣ означало самое бранное слово. Въ каникулы мы обучались военной службѣ и въ теченіе шести мѣсяцевъ ходили въ манежъ для упражненій.

Между тѣмъ мы заводили знакомства съ разными домами. Графиня Оссолинская, супруга волынскаго палатина и мать красавицы графини Потоцкой пригласила насъ и семейство д'А..., какъ весьма преданное саксонскому двору, къ себѣ и оказала самый радушный пріемъ.

У Оссолинской занимались чтеніемъ, толковали объ исторіи, о литературѣ, о политикѣ, и я преклонялся передъ тѣмъ пріятнымъ направленіемъ, которое умѣютъ въ этихъ кругахъ давать бесѣдѣ. Въ особенности-же я любовался княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ. Онъ читалъ и говорилъ съ большимъ изяществомъ; все, что онъ ни скажетъ, было всегда такъ ново и умно, что я слушалъ его съ напряженнымъ вниманіемъ. Замѣтилъ-ли онъ это, или просто по свойственной ему вѣжливости, но онъ началъ со мною заговаривать и выручать меня въ моей застѣнчи-

[1]) Т. е. состояли при полку.

Библиотека "Руниверс"

вости проявленіемъ расположенія, которымъ столь дорожатъ тѣ, кто вступаетъ въ высшій свѣтъ.

Князь Чарторыйскій былъ особенно богато одаренъ природою. Онъ обладалъ пріятною внѣшностью, живымъ умомъ, мягкимъ и чувствительнымъ характеромъ и поразительною памятью. Онъ говорилъ по-французски, по-нѣмецки, по-италіянски, по-англійски, по-гречески и по-турецки, былъ свѣдущъ почти во всѣхъ наукахъ и толковалъ о нихъ легко, со вкусомъ и интересомъ. Несмотря на молодость, онъ умѣлъ пользоваться своимъ неизмѣримымъ состояніемъ какъ истинный вельможа. Всякій заслуженный, либо даровитый человѣкъ могъ быть увѣренъ найти въ немъ усерднаго мецената, который ни въ поддержкѣ, ни въ помощи не откажетъ. Ни одинъ несчастный напрасно не прибѣгалъ къ его великодушію, и негласныя пенсіи, которыя онъ раздавалъ, поглощали порядочную часть его доходовъ. Секретарь его меня увѣрялъ, что въ теченіе 12 лѣтъ болѣе ста тысячъ дукатовъ [1]) было роздано на разныя благодѣянія французамъ, которые всегда окружали князя и которыхъ онъ содержалъ. Онъ вносилъ жизнь и веселье въ общество, въ которомъ находился. Онъ игралъ въ спектакляхъ какъ лучшій французскій актеръ и самъ сочинилъ нѣсколько прелестныхъ маленькихъ комедій. Его одинаково любили и женщины и мужчины и никому онъ не давалъ чувствовать своего превосходства.

При тѣхъ чувствахъ, которыя всѣ къ нему испытывали онъ былъ бы, конечно, предпочтенъ своему двоюродному брату Понятовскому, если бы императрица Екатерина не высказалась за послѣдняго при избраніи. Публика несомнѣнно склонялась въ пользу князя Адама, несмотря на то, что великій канцлеръ Чарторыйскій покровительствовалъ своему племяннику и воспитаннику Понятовскому. Въ пользу князя Адама были и болѣе знатное имя, и громадное состояніе; отецъ его пользовался всеобщимъ уваженіемъ, тогда какъ канцлера Чарторыйскаго, человѣка высокомѣрнаго, мстительнаго и лукаваго, боялись и ненавидѣли. Станиславъ, даже и послѣ того какъ достигъ престола, питалъ къ своимъ соперникамъ тайную зависть, чувство, укоренившееся въ немъ еще въ дѣтствѣ и, благодаря обстоятельствамъ, лишь усилившееся.

Отецъ мой, пріучившій насъ къ тому, чтобы мы сообщали ему наши впечатлѣнія относительно всего того, что мы въ обществѣ видѣли, велѣлъ намъ сдѣлать визитъ князю Адаму, о которомъ я ему разсказывалъ съ воодушевленіемъ. Въ ближайшее воскресенье мы къ нему отправились, и онъ принялъ насъ съ отличавшею его ласковостью. Поболтавъ съ нами немного онъ спросилъ меня: «отчего отецъ вашъ предназначилъ васъ для службы Саксоніи, когда вамъ, какъ курляндцу, въ Польшѣ

[1]) Дукатъ равнялся 12 франкамъ.

Библиотека "Руниверс"

всѣ двери открыты? По договорамъ, прибавилъ онъ, вы—наши собратья и сограждане. Зачѣмъ не пользоваться этими правами и ослаблять связь вмѣсто того, чтобы ее закрѣплять? Поговорите съ вашимъ отцомъ и скажите ему, что для меня будетъ лишь удовольствіе быть вамъ полезнымъ. Я люблю и высоко цѣню курляндское дворянство, значеніе и лояльность котораго мнѣ хорошо извѣстны».

Я поспѣшилъ разговоръ этотъ передать отцу. Хотя онъ былъ тронутъ проявленнымъ расположеніемъ, тѣмъ не менѣе, сказалъ мнѣ:

— Князь Адамъ—любимѣйшій человѣкъ своего вѣка, но немного легкомысленъ, и на постоянство его покровительства разсчитывать нельзя. Кромѣ того, положеніе Польши не твердо установлено и все здѣсь неустойчиво. Къ тому же дворянъ диссидентовъ здѣсь не любятъ и на дѣлѣ, нарушая святость Пактовъ, ихъ устраняютъ отъ всякихъ должностей. Въ Саксоніи туго подвигаются впередъ, но всякій увѣренъ, что пока живъ, своей должности лишенъ не будетъ. Предпочтите вѣрное блестящему и держитесь двора, гдѣ еще живы воспоминанія о принесенныхъ мною жертвахъ.

Вскорѣ будетъ видно, насколько предположеніе отца моего было неосновательно. Онъ поручилъ мнѣ поблагодарить князя и сказать ему, что онъ уже далъ саксонскому двору относительно насъ слишкомъ положительныя обязательства.

Среди блестящихъ празднествъ, данныхъ по случаю сейма, насильственное дѣйствіе, совершенное русскимъ посломъ, княземъ Репнинымъ, крайне возбудило умы поляковъ и иноземцевъ. Однажды, ночью, онъ велѣлъ схватить князя-епископа краковскаго, графа Солтыка, Залусскаго, гетмана Ржевусскаго и его сына, бывшаго депутатомъ въ сеймѣ [1]). Вставъ поутру послѣ этой ночи, мы увидѣли, что малый саксонскій садъ, который называли садомъ королевы, былъ переполненъ солдатами. Два окна нашей квартиры выходили въ этотъ садъ, сообщавшійся съ домомъ Брюля, гдѣ жилъ князь Репнинъ. Любопытствуя узнать, что это означаетъ, мы обратились съ разспросомъ къ одному офицеру. Онъ даже не удостоилъ насъ отвѣтомъ, и лишь два часа спустя мы узнали отъ нашего отца о томъ, что случилось. Онъ сообщилъ намъ, что князь Репнинъ всю ночь продержалъ подъ ружьемъ два полка пѣхоты и что его дворъ, садъ и смежныя улицы до сего времени полны солдатами.

Такой образъ дѣйствій характеризовалъ нравъ князя Репнина. Нужно было имѣть мало ловкости и искусства, чтобы прибѣгать къ такимъ на-

---

[1]) Это случилось 13-го октября 1767 года. Помянутыя лица были ярыми противниками увеличенія правъ диссидентовъ; тотчасъ по арестѣ они были отправлены Репнинымъ въ Калугу.

Библиотека "Руниверс"

сильственнымъ средствамъ, которыя могли довести до отчаянія даже еще болѣе приниженную націю, чѣмъ была въ то время Польша. Броженіе сдѣлалось всеобщимъ. Магнаты и депутаты хотѣли тотчасъ же удалиться изъ города. Но Варшава была окружена русскими войсками, и безъ дозволительнаго свидѣтельства посла не было возможности выбраться.

Русская императрица, ради закрѣпленія за собою прочнаго вліянія въ Польшѣ, объявила себя покровительницею дворянъ-диссидентовъ и уснастила изданный ею манифестъ громкими выраженіями терпимости, просвѣщенія и гуманности, ловко пущенными энциклопедистами въ ту пору въ оборотъ при всѣхъ дворахъ. Уже ради одного титула короля-философа, даннаго ему Вольтеромъ, Станиславъ сталъ бы на сторону диссидентовъ, если бы то не было отъ него прямо потребовано Екатериною, а дворы прусскій, англійскій, шведскій и датскій, конечно, приступили къ взгляду на это дѣло петербургскаго кабинета.

Сенатъ и большинство польскаго народа воспротивились требованію диссидентовъ установить полную ихъ равноправность съ католиками.

— Всякое государство, говорила партія большинства, должно имѣть господствующую религію, а въ Польшѣ и Литвѣ такою считается, по праву и на дѣлѣ, римско-католическая. Дворянамъ-диссидентамъ можно дать доступъ къ высшимъ должностямъ при дворѣ и въ войскѣ, но право вступать въ сенатъ и въ палату депутатовъ должно быть имъ отказано.

Поддерживаемые Россіею диссиденты находили, что этого для нихъ недостаточно. Они соединились въ генеральную конфедерацію, маршаломъ которой былъ избранъ генералъ Грабовскій. Курляндскому дворянству предложили къ ней присоединиться, что рыцарство и сдѣлало путемъ формальнаго акта, въ который, предосторожности ради, были включены нѣкоторыя условія. Такое рѣшеніе состоялось отчасти благодаря усиліямъ русскаго резидента въ Митавѣ Симолина, который обѣщалъ герцогу увеличеніе его герцогскихъ правъ, а дворянству— увеличеніе привилегій. Россія и польскій король напрягали всѣ усилія къ осуществленію своего проекта, означавшаго торжество терпимости. Но ни угрозы, ни обѣщанія не соблазнили большинства націи, и раздраженный сопротивленіемъ князь Репнинъ прибѣгнулъ къ насилію, о которомъ была рѣчь выше. Онъ былъ убѣжденъ, что этимъ онъ напугаетъ и одолѣетъ всѣхъ членовъ сейма, но достигъ лишь того, что нѣсколько сдержалъ недовольство въ столицѣ; въ провинціи же недовольные, возбужденные религіею и оскорбленнымъ чувствомъ патріотовъ, стали въ открытую оппозицію, но безъ должной осмотрительности и безъ единства.

— Будь у насъ на престолѣ саксонскій принцъ,—восклицали недо-

Библиотека "Руниверс"

вольные,—никогда бы онъ не потерпѣлъ такого посягательства на народную свободу и требованія диссидентовъ, одинаково противорѣчащаго и нашей религіи, и нашей конституціи.

Хотя безъ всякаго опредѣленнаго плана, но взоры обращались къ Саксоніи. Къ курфюрсту посылали разныхъ эмиссаровъ, предлагая ему корону. Онъ съумѣлъ отклонить всѣ сдѣланныя ему предложенія, но курфюрстина—мать, желавшая видѣть своего сына на престолѣ предковъ, протягивала посланцамъ руку и вела тайные переговоры съ недовольными въ Польшѣ и Литвѣ. Такимъ образомъ въ Дрезденѣ образовалось двѣ партіи: одна—курфюрстъ съ своимъ министерствомъ держалась пассивно, а другая,—состоявшая изъ курфюрстины-матери, принца Карла, французскаго и испанскаго посланниковъ, усиленно подъ рукою агитировала.

Князь-примасъ Подосскій, хотя окруженный русскими и открыто ставшій подъ ихъ защиту, счелъ нужнымъ, въ качествѣ главнаго іерарха католической церкви и ставленника Саксоніи, разыгрывать роль патріота и усерднаго католика, но такъ, чтобы себя не компрометировать. Фонъ-деръ-Говена и моего отца онъ неоднократно увѣрялъ въ своей преданности Саксоніи и предложилъ первому отправиться въ качествѣ тайнаго посланника къ саксонскому двору. Говенъ съ удовольствіемъ принялъ порученіе, при которомъ онъ, какъ посредникъ, могъ только выиграть и ничего не потерять.

Онъ вскорѣ отправился, а корреспонденція была возложена на меня. Примасъ вручилъ мнѣ шифры; черновыя отправленныхъ депешъ сжигались. Было выбрано два вымышленныхъ имени, и письма отправлялись путемъ, который не могъ возбудить подозрѣнія русскихъ. Своимъ проектомъ примасъ имѣлъ въ виду два дѣла: побудить Станислава отказаться отъ короны въ пользу курфюрста и вынудить Бирена возвратить Курляндію ея законному владѣльцу, герцогу Карлу.

Франція, завидовавшая господству Россіи въ Польшѣ и Курляндіи, согласилась на этотъ планъ, но выступать открыто не желала до тѣхъ поръ, пока конфедерація не сдѣлается общею и не создастъ себѣ центра, легальной, нѣкоторымъ образомъ, твердыни. При такихъ обстоятельствахъ герцогъ Карлъ рѣшился самъ отправиться въ Парижъ въ исполненіе желанія всѣхъ конфедератовъ и, прежде всего, усиленной просьбы своей супруги, графини Красинской. Въ бракъ этотъ онъ вступилъ еще при жизни короля Августа III, своего отца, но не рѣшился объявить о немъ открыто, такъ какъ, по германскимъ законамъ, дѣти отъ матери не равнаго съ мужемъ происхожденія не имѣютъ въ курфюршествѣ права наслѣдовать. Два дяди герцогини были душою недовольныхъ, въ особенности епископъ Каменца, большой руки интри-

Библиотека "Руниверс"

ганъ, болѣе чѣмъ кто-либо содѣйствовавшій быстрому образованію конфедераціи.

Въ Барѣ, неподалеку отъ турецкой границы, собралось не малое число магнатовъ. Турція объявила себя на сторонѣ Польши, чтобы воспрепятствовать окончательному подчиненію послѣдней Россіи [1]). Маршаломъ конфедераціи былъ избранъ староста графъ Красинскій, братъ епископа. Находившаяся въ Барѣ часть войска республики примкнула къ конфедераціи, а Варецкій староста, Пулавскій, былъ объявленъ маршаломъ нѣсколькихъ палатинатовъ. Вскорѣ образовались одна конфедерація въ Галиціи, а другая въ Брадовскомъ палатинатѣ Но въ то же время на конфедератовъ напали и русскія и королевскія войска; подавленные численностью конфедераты бѣжали на турецкую территорію съ намѣреніемъ выждать тамъ болѣе благопріятнаго момента. Насилія, совершенныя надъ польскимъ дворянствомъ, умножили конфедераціи, которыя часто разгонялись, но уничтожены не были. Вскорѣ вся Польша и Литва были объяты пламенемъ волненій.

Около этого же времени я вступилъ въ сношенія съ княземъ-примасомъ. Чѣмъ болѣе я имѣлъ случай ближе видѣть людей, тѣмъ яснѣе видѣлъ господствующую въ Варшавѣ испорченность нравовъ. Высшій іерархъ польской церкви открыто жилъ со своею прежнею любовницею г-жею О., и дочь послѣдней, бывшая замужемъ за полковникомъ В., шла по стопамъ матери. При этомъ тонѣ, господствовавшій среди жившихъ при князѣ дамъ, былъ менѣе всего приличенъ.

Я рѣшилъ покинуть Варшаву [2]). Братъ мой остался при отцѣ, которому черезъ русскаго посла была предложена выгодная сдѣлка съ Биреномъ. Полковникъ d'A., видѣвшій, что здоровье его друга расшатывалось съ каждымъ днемъ и что на принца Карла надежды мало, умолялъ моего отца вернуться въ отчизну. Получивъ отъ принца Карла письмо, въ которомъ тотъ его освобождалъ отъ принесенной присяги, отецъ мой извѣстилъ князя Репнина, что онъ предложеніе принимаетъ, но желаетъ, чтобы сдѣлка состоялась за поручительствомъ самого посла. Въ такомъ положеніи было дѣло, когда я уѣхалъ въ Дрезденъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Барская конфедерація обнародовала свой манифестъ 29-го февраля 1768 года.

[2]) Гейкингу было предложено поступить въ саксонскую службу въ вѣдомство иностранныхъ дѣлъ.

Библиотека "Руниверс"

ЖЕРТВА ТЕРРОРИЗМА.

(Казнь княгини Розаліи Любомірской [1]).

I.

30-го іюня 1794 года, на парижскихъ мостовыхъ, близъ бывшей «Тронной заставы» (barrière du trône), среди дико-разнузданнаго терроризма эпохи Робеспьера, погибла подъ ножемъ гильотины женщина извѣстнаго происхожденія, жена кастеляна кіевскаго, владѣльца Ополя, князя Александра Любомірскаго, оставивъ послѣ себя единственнаго ребенка — дочь, которая, благодаря счастливымъ стеченіямъ обстоятельствъ, была отыскана среди парижской черни и которою впослѣдствіи интересовалась вся Европа.

Мать ея Розалія Ходкевичъ—дочь Александра, графа шкловскаго, мышинскаго и чернобыльскаго, совѣтника литовской конфедераціи изъ эпохи послѣдней элекціи, позднѣйшаго старосты жмудскаго (умеръ въ 1781 г.)—родилась въ Чернобылѣ на Украйнѣ 16-го сентября 1768 г. [2]).

Она была родной сестрою извѣстнаго воина и ученаго Александра Ходкевича, бывшаго члена «Товарищества друзей науки», автора сочиненій: «Портреты прославленныхъ поляковъ» (1820 г.) и семитомной «Химіи». Ходкевичъ обладалъ самою цѣнною библіотекою въ краѣ, которую продали съ публичнаго торга его кредиторы, вмѣстѣ съ дворцомъ на Медовой улицѣ. Продажа эта была вызвана разореніемъ графа, благодаря значительнымъ расходамъ на научныя изысканія [3]).

---

[1]) Извлеченіе изъ книги А. Краусгара, подъ заглавіемъ: „Ложь и историческая правда о трагической кончинѣ княгини Розаліи Любомірской, казненной въ Парижѣ въ 1794 году".

[2]) „Wiad. Warsz." за 1768 г., № 81.

[3]) „Кладбище Повонское", гл. III, 183.

Библиотека "Руниверс"

Розалія Ходкевичъ вышла замужъ въ 1787 году за князя Александра Любомірскаго, кастеляна кіевскаго (титулованнаго: maréchal des camps et armées du Roy), владѣльца Ополя въ Люблинскомъ уѣздѣ. Человѣкъ этотъ, какъ о немъ пишутъ, былъ очень отважный и часто ѣздилъ изъ Петербурга въ Кронштадтъ на маленькой шлюпкѣ, искалъ приключеній, не боялся опасностей [1]).

О первыхъ годахъ супружеской жизни мы находимъ характеристическій матеріалъ въ «Запискахъ жены воеводы, Накваской», которая отлично знала княгиню Розалію, какъ ближайшую сосѣдку [2]).

«Въ Ополѣ, пишетъ Накваская, жилъ князь Александръ Любомірскій, который находился въ тѣсной дружбѣ съ моимъ отцомъ. Его жена, урожденная Ходкевичъ, одна изъ прелестнѣйшихъ дамъ того времени, въ полномъ расцвѣтѣ молодой жизни, срывала своей изящной ручкой весенніе цвѣты, жила все время за границей и рѣдко заглядывала въ Ополь».

И въ самомъ дѣлѣ молодые супруги очень рѣдко жили вмѣстѣ. Князь путешествовалъ по Англіи и Франціи [3]), а его молодая жена, сдѣлавшись въ 1788 году матерью Александры (позже—Розаліи Ржевуской), пребывала чаще всего въ Варшавѣ, гдѣ находилась въ кружкѣ пріятельницъ, артистовъ и литераторовъ, увлекая весь аристократическій міръ своею красотою, живымъ темпераментомъ и необыкновенною любезностью.

«Во время большаго сейма, пишетъ Козміанъ, три красивѣйшія женщины города Варшавы: жена коронаго подскарбія Коссаковская, урожденная Сангушко, княгиня Розалія Любомірская и Юлія Потоцкая, урожденная Чарторыйская, — добивались расположенія къ нимъ князя Іосифа.

«Молоденькія барыньки собрались въ день его именинъ «подъ Бляхой», подкупили камердинера, чтобы онъ впустилъ ихъ въ его спальню, и украсили постель его цвѣтами... Но случилось такъ, что князь Іосифъ неожиданно вернулся домой съ любимой имъ актрисой Ситанской и вошелъ въ комнату. Встрѣча эта для обѣихъ сторонъ оказалась крайне непріятной»...

Скандалъ этотъ увѣковѣчилъ покойный І. И. Крашевскій въ своемъ историческомъ очеркѣ: «Именины», помѣщенномъ въ «Фантастическихъ и литературныхъ путешествіяхъ» въ 1838 году, безъ названія дѣйствующихъ лицъ. Но болѣе рельефно охарактеризовалъ ихъ Войцицкій въ своемъ сочиненіи: «Варшава и ея общество въ нашемъ столѣтіи» (1875,

---

[1]) Свѣнцкій. „Ист. пам.“, т. I, 354.
[2]) „Семейн. Хрон.“, 1891, № 4.
[3]) X. M. R. „Ostatnia wojewod. Wil.“, стр. XLV.

Библиотека "Руниверс"

стр. 168—169), въ которомъ онъ описываетъ факты настолько ясно, что какой-нибудь талантливый драматическій писатель могъ бы получить богатый матеріалъ для бытовой и исторической шутки.

Войцицкій, намекая о двухъ дамахъ, несомнѣнно о Любомірской и Потоцкой, которыя были влюблены до безумія въ князя Іосифа, высказываетъ сомнѣнія въ дружбѣ этихъ женщинъ. Соперницы бывали другъ у дружки, обнимались и цѣловались, даже думали вмѣстѣ, какой бы с ю р п р и з ъ сдѣлать князю, но тайно рыли другъ дружкѣ яму, чтобы удалить пріятельницу и самой остаться съ предметомъ своей горячей любви.

Болѣе вѣроятные факты, касающіеся дѣятельности княгини во Франціи, выдвигаются оффиціальными доказательствами только въ ужаснѣйшемъ 1793 году, въ эпоху, когда княгиня пребывала съ своимъ ребенкомъ въ мѣстечкѣ Шелло, подъ Парижемъ, неподалеку отъ Елисейскихъ полей. Тамъ она входитъ въ сношенія съ луветьенскимъ дворцомъ, въ которомъ жила непринужденно по смерти Людовика XV извѣстная фаворитка его—графиня Дюбарри.

Съ этого времени источникомъ нашихъ извѣстій о судьбѣ княгини Любомірской будутъ преимущественно оффиціальные отчеты и документы, имѣющіе какую-либо связь съ ея процессомъ.

Главнымъ мотивомъ къ обвиненію, заключенію въ тюрьму и казни княгини Любомірской была находка въ бумагахъ Дюбарри нѣсколькихъ конфиденціальныхъ писемъ за 1793 годъ и, какъ мы ниже убѣдимся, самаго невиннаго характера, въ которыхъ выражено сочувствіе и сожалѣніе о судьбѣ сидѣвшей въ то время въ Консьержери несчастной королевы Маріи-Антуанеты.

Одно письмо, приложенное къ оффиціальнымъ документамъ обвиненія, послужило судьямъ вѣскимъ доказательствомъ, что княгиня Любомірская, интересуясь судьбою королевы, поддерживала сношенія съ роялистами и съ собранными на восточной границѣ Франціи силами коалиціи, что въ тогдашнемъ настроеніи республиканскихъ умовъ, видѣвшихъ во всемъ и всѣхъ одну измѣну, равнялось преступленію и рѣшало судьбу обвиняемыхъ.

Нисколько не удивительно сочувствіе Любомірской къ Маріи Антуанетѣ, но странны и весьма характерны ея отношенія къ обезславленной Жаннѣ Вобериьё, которая, насколько была возвеличена при жизни Людовика XV, уважаема со стороны придворной аристократіи и окружена самыми избранными лицами,—на столько же, по смерти Людовика, въ 1774 году, изгнанная тайнымъ приказомъ въ Луветьенъ (дворецъ въ окрестностяхъ Парижа), она упала въ мнѣніи общества и дошла до униженія лицъ, нравственно падшихъ и порицаемыхъ, съ которыми такія женщины, какъ Любомірская, не могли имѣть ничего общаго.

А между тѣмъ подлинные документы, не опровергнутые и самой

Библиотека "Руниверс"

обвиняемой, доказывали, что между этими женщинами, далекими другъ отъ дружки, какъ два полюса, существовала близкая, дружеская связь... Благодаря такимъ обстоятельствамъ, возникаетъ рядъ предположеній о свободныхъ нравственныхъ принципахъ, которыми руководились женщины конца XVIII вѣка.

Всѣмъ извѣстно, что по вступленіи на престолъ Людовика XVI былъ изданъ указъ объ изгнаніи г-жи Дюбарри изъ Версаля съ признаніемъ за ней права на полученіе пожизненной пенсіи въ количествѣ ста пятидесяти тысячъ ливровъ ежегодно. Послѣ этого любовница Людовика XV поселилась въ Луветьенскомъ замкѣ, роскошно отдѣланномъ архитекторомъ Леду, и тамъ, среди великолѣпія, постоянныхъ веселыхъ разговоровъ въ кружкѣ прежнихъ почитателей и придворныхъ прежняго режима, проводила остатокъ своей завидующей молодости на любовныхъ интригахъ съ лордомъ Сеймуромъ и княземъ де-Бризакомъ (казненнымъ въ Версалѣ въ 1792 году), ослѣпляя все общество своею пышностью и расточительностью въ самый разгаръ эпохи всеобщаго голода и неурожая, какими была въ то время обуреваема республиканская Франція.

Въ 1784 году королевская казна купила отъ Дюбарри ренту, дарованную ей покойнымъ королемъ, за два милліона пятьсотъ тысячъ ливровъ; а кромѣ того она получала по сто тысячъ франковъ ежегодной пенсіи, которые тратила на разные пиры и торжества, собирая и покупая всевозможныя драгоцѣнности и обращая на себя вниманіе кровожадныхъ злодѣевъ.

Въ 1791 году, то есть въ эпоху самаго сильнаго революціоннаго разгара, злодѣи ворвались въ Луветьенскій дворецъ и похитили шкатулку съ драгоцѣнностями Дюбарри. Обиженная такою потерей, она объявила въ парижскихъ газетахъ награду въ пятьдесятъ тысячъ франковъ тому лицу, кто откроетъ воровъ, но при томъ была настолько неосторожна, что перечислила и описала всѣ украденные брильянты, жемчуги, рубины и изумруды, подаренные ей Людовикомъ XV, а это обстоятельство еще больше возбудило зависть толпы и дало поводъ для ряда новыхъ проклятій на расточительность стараго режима.

Наконецъ, узнавъ, что похитители ея драгоцѣнностей были пойманы въ Лондонѣ, она поспѣшила въ Англію, откуда донесли во Францію, что она часто видѣлась съ министромъ Питтомъ и носила трауръ по арестованной королевской четѣ.

Получивъ найденную часть драгоцѣнностей, Дюбарри вернулась во Францію, но потомъ ѣздила еще нѣсколько разъ въ Лондонъ, подъ предлогомъ отысканія остальныхъ вещей. Въ 1793 году она была такъ неосторожна, что вернулась въ свой Луветьенскій замокъ и здѣсь ужъ застала на дверяхъ и всей домашней утвари печати, наложенныя ея

Библиотека "Руниверс"

собственными слугами, которые въ это время превратились въ совѣтниковъ мѣстнаго муниципалитета.

Негръ Заморе, воспитанникъ и лакей Дюбарри, оказался злѣйшимъ врагомъ своей госпожи и благодѣтельницы, и по его то иниціативѣ произошелъ арестъ владѣтельницы замка 27-го сентября 1793 года, а вслѣдъ затѣмъ—процессъ, въ которомъ обвинялась не столько сама Дюбарри, сколько бывшій порядокъ правленія во Франціи, благодаря которому насиловались права народа.

Въ тотъ же день (17 Frimaire l'an II), какъ только въ «Монитерѣ» появилось имя начальника артиллеріи нѣкоего Бонапарта (№ 77 «Монитера» за 1794 г.), Дюбарри стала передъ рѣшеткой революціоннаго трибунала и, несмотря на слезы и торжественнѣйшія клятвы, что она не принадлежитъ къ числу заговорщиковъ противъ республики, ее все-таки приговорили къ смерти.

Любовь къ жизни и всевозможнымъ удовольствіямъ заглушили въ несчастной чувства собственнаго достоинства. Защищая себя, она выдала суду многихъ лицъ изъ аристократіи, съ которыми имѣла какія-либо сношенія, чѣмъ, конечно, навлекла и на нихъ не только подозрѣніе, но и смерть.

На слѣдующій день по произнесеніи судомъ приговора, Дюбарри повезли гильотинировать. Вырываясь отъ палачей и рыдая, она просила ихъ подарить ей хоть одну минуту жизни. «Encore un moment, monsieur le Bourreau!» воскликнула она, лежа ужъ на фатальной доскѣ.

10-го декабря 1793 года «Монитеръ» лаконически заявилъ о казненной слѣдующими словами: «Elle avait vécu dans la débauche et le crime. Elle est morte sans courage»...

II.

Между бумагами, найденными при обыскѣ дворца графини Дюбарри, нашлись два письма, изъ которыхъ одно было писано 6-го іюля безъ даты года, подписанное: «Александра, княгиня Любомірская», а другое — не подписанное и тоже безъ даты; но очевидно, оно было писано 11-го августа 1793 года, такъ какъ въ немъ упоминалось о вчерашнемъ празднествѣ, состоявшемся наканунѣ въ Парижѣ въ честь соединенія республиканской Франціи въ братскихъ чувствахъ и равенствѣ. Содержаніе этихъ писемъ возбуждало предположеніе о тѣсныхъ отношеніяхъ корреспондентки съ Дюбарри, о ея сочувствіи къ судьбѣ несчастной Маріи-Антуанеты и о презрительномъ трактованіи

Библиотека "Руниверс"

«народнаго величія», объясняемаго въ ироническихъ намекахъ, которые она бросила вскользь по адресу могущественныхъ правителей тогдашней Франціи.

«Я только что узнала, писала Любомірская къ Дюбарри въ письмѣ отъ 6-го іюля, о вашемъ возвращеніи въ Луветьенъ и о несправедливомъ преслѣдованіи васъ. Первое побуждаетъ меня полетѣть къ вамъ на крыльяхъ дружбы, а второе—уполномочиваетъ обратиться къ т е б ѣ съ просьбой оповѣстить меня, въ видѣ особенной ласки, чѣмъ я могу быть тебѣ полезной?.. Если мои желанія не увѣнчаются успѣхомъ, то позволь мнѣ, по крайней мѣрѣ, раздѣлить съ тобою твое одиночество, чтобы хоть этимъ доказать тебѣ, что тѣ, которыхъ ты удостоила своей дружбой и отличіемъ отъ другихъ, не легко забываютъ о томъ. До свиданія! Остаюсь въ нетерпѣливомъ ожиданіи благопріятнаго отвѣта, достойнаго сочувствія, какое ты возбуждаешь во мнѣ, чтобы скорѣе быть вмѣстѣ съ тобою» [1]).

Въ другомъ инкриминированномъ письмѣ неизвѣстная корреспондентка писала слѣдующее:

«Воскресенье, утромъ. Должно быть, я представляюсь тебѣ очень виноватой, что такъ долго не писала и не была у тебя; но если-бъ ты знала, какъ я страдала и была опечалена долгой разлукой, то, безъ сомнѣнія, сжалилась бы надо мною. Я всегда буду прибѣгать къ этому чувству, сколько разъ обстоятельства заставятъ меня временно быть въ разлукѣ съ тобою. Ничего новаго и достойнаго вниманія я не могу сообщить тебѣ о событіяхъ дня. Празднество, состоявшееся здѣсь вчера доказываетъ только народное величіе... Королева и по-сегодня еще въ Консьержери. Говорили, что ее хотятъ перевести въ Темпль, но это неправда. Во всякомъ случаѣ, я спокойна за ея судьбу... Наши владыки измучены славой и навѣрное пожелаютъ, какъ я допускаю, отдохнуть на своихъ лаврахъ... Досвиданія, и позволь прижать тебя къ своему сердцу съ тѣмъ уваженіемъ, наслажденіемъ и чувствомъ, какія я питаю къ тебѣ. Тысячу поклоновъ Мими. Моя малютка цѣлуетъ твои ручки»... [2]).

Отрывокъ отъ словъ: «ничего новаго» до словъ «на своихъ лаврахъ» подчеркнутъ слѣдователемъ, какъ сильно подозрительный и доказывающій, что корреспондентка имѣла сношенія съ королевской семьей въ Консьержери. Изъ приписки, помѣщенной на письмѣ судебными слѣдователями Волономъ и Жаготомъ, видно, что они не знали фамиліи автора письма и приписывали его княгинѣ де-Бранка, которая, вмѣстѣ съ

---

[1]) „Arch. Nation W". 351, dossier 713, II. dok. 33.

[2]) Ibid. dok. 31.

Библиотека "Руниверс"

Дюбарри, была въ Лондонѣ, во время розыска послѣдней своихъ драгоцѣнностей. Но впослѣдствіи оказалось, что авторшей этого письма была княгиня Любомірская, о чемъ созналась сама Дюбарри на судѣ.

Послѣднее письмо имѣетъ для насъ особенное значеніе, такъ какъ оно свидѣтельствуетъ о дружескихъ отношеніяхъ княгини съ Дюбарри, и что она жила въ Шелло съ своей дочерью Розаліей, которая пользовалась большимъ расположеніемъ графини.

Празднество 10-го августа, о которомъ упоминаетъ княгиня Любомірская, состоялось по программѣ, составленной извѣстнымъ художникомъ Давидомъ,—который, прежде чѣмъ пристать къ Бонапарту, увѣковѣчилъ славу его своею художественною кистью, какъ художникъ Курбе, разрушитель Вандомской колонны,—ярымъ республиканцемъ и творцомъ разныхъ проектовъ уничтоженія всего, что напоминало прежнюю славу королевскаго правленія во Франціи [1]).

Независимо отъ приведенныхъ выше двухъ писемъ, между бумагами другой обвиняемой, де Розамбо, найдено безъименное письмо, написанное 11-го декабря 1789 г. изъ Ниццы, въ которомъ упоминалось имя Любомірской. Это письмо было достаточной уликой для суда, что пріятельница Дюбарри уже въ 1789 году имѣла сношенія съ французскими эмигрантами. [2]).

Возмутительнымъ выраженіемъ суда было слово—относительно намека о торжествѣ 10-го августа,—«scélérats», характеризующее степень преступленія корреспондентки...

Въ иллюстрированномъ изданіи: «La révolution française», съ текстомъ Жюля Жанена, помѣщенъ портретъ Дюбарри въ такой же позѣ и характерѣ одежды, какія мы видимъ на геліоминьятюрѣ княгини Любомірской. Несомнѣнно, оба портрета были работы извѣстной художницы Лебренъ, которая принадлежала къ постояннымъ посѣтителямъ Луветьенскаго дворца [3]).

Это доказываетъ степень дружбы между дамами; но содержаніе помянутыхъ писемъ нисколько не возбуждаетъ подозрѣнія въ томъ, чтобы дамы выходили изъ рамокъ нормальныхъ отношеній, за которыми скрывалась еще какая-то тайная цѣль, основанная на политическомъ заговорѣ.

Но въ эту эпоху достаточно было малѣйшаго подозрѣнія для обвиненія въ измѣнѣ.

---

[1]) Подробное описаніе празднества 10-го августа имѣется въ соч. К. А. Дюбана: „La démagogie en 1793". Парижъ. 1869, стр. 317.

[2]) „Arch. Nat. W." 351, doss. 713 dok. 25.

[3]) Дюбанъ: „Démagogie", стр. 596.

Библиотека "Руниверс"

III.

9-го октября 1793 года, для судебнаго слѣдствія по дѣлу графини Дюбарри были назначены «Комитетомъ общественной безопасности и охраны» два его члена: Волланъ и Жаго, съ цѣлью допроса обвиняемой относительно инкриминированныхъ писемъ. Делегаты поставили слѣдующіе вопросы:

— Кто та личность, которая писала письмо, помѣченное датой воскресенье утромъ?

— Польская княгиня Любомірская, отвѣчала Дюбарри.—Она писала ко мнѣ, насколько помнится, въ августѣ текущаго года изъ Парижа.

— А давно она живетъ во Франціи, и не извѣстно ли вамъ, гдѣ она въ настоящее время находится?

— Не знаю, какъ давно, какъ равно мнѣ неизвѣстно и ея мѣстожительство.

— Бывала ли она у васъ и въ какую эпоху?

— Я видѣлась съ нею нѣсколько разъ, прежде всего, въ 1789 году, а затѣмъ—въ іюлѣ текущаго года. Мнѣ кажется, она жила въ окрестностяхъ Шелло; прежде она тамъ занимала весь дворецъ Сальмъ.

— Какое объясненіе вы можете дать по этому письму?

— Никакого, потому что не я писала его. Если-бъ я писала, то могла бы объяснить свои побужденія...

«Послѣ этого, говорится въ протоколѣ, письмо это скрѣплено и подписано: Dubarry, Er. Jagot, Vaulland»[1]).

Чрезъ шесть мѣсяцевъ послѣ составленія протокола, когда онъ вошелъ въ законную силу и когда, такъ сказать, былъ покрытъ слезами тысячъ семей Франціи возбудилось снова дѣло княгини Любомірской, которое и передано революціонному трибуналу.

Эта ужасная магистратура, учрежденная сначала исключительно для суда роялистовъ, начала свою дѣятельность въ августѣ 1792 года, въ то время, когда на границѣ Франціи появились первыя войска коалиціи вспомогаемыя экскадронами эмигрантовъ, чтобы возстановить королевскую власть этой страны.

Судебныя дѣйствія были впослѣдствіи подкрѣплены реакціоннымъ движеніемъ въ Вандеи и пораженіями генерала Дюмурье въ Бельгіи и Голландіи. По предложенію Роберта Линде эти дѣйствія были ослаблены и освобождены отъ всякихъ формальностей, которыя, нѣкоторымъ образомъ, ручались за правильныя отношенія суда къ заподозрѣннымъ.

---

[1]) «Arch. Nat. W.», 351 doss. 713, dok. 26.

Библиотека "Руниверс"

Число дѣлъ увеличилось только во второй половинѣ 1793 года, и увеличилось настолько, что трибуналъ раздѣлился сначала на двѣ, а затѣмъ на три и болѣе секцій. Тысячи заподозрѣнныхъ переполнили парижскія тюрьмы. Въ нихъ сажали безъ различія пола и возраста лицъ съ самыми громкими именами исторической, военной, парламентарной и духовной Франціи. Власти нисколько не стѣснялись въ своихъ дѣйствіяхъ и привязывались къ малѣйшимъ намекамъ на подозрѣнія. Для ареста достаточно было самаго званія, сана, богатства. Люди были обвиняемы за то, что они жили по близости отъ заподозрѣнныхъ, за родство, родственное сходство, переписку съ членами семьи, отдѣленной пограничнымъ кордономъ; за религіозныя чувства, взгляды и мнимыя реактивныя убѣжденія. Собственно говоря, не было ни виноватыхъ, ни невинныхъ: были только подозрѣваемые и доносчики. Ни возрастъ, ни полъ, ни болѣзнь не исключали возможности обвиненія и даже смерти.

Арестъ княгини Любомірской былъ совершонъ неожиданно и моментально. Но, очевидно, она уже предчувствовала свою судьбу во время процесса Дюбарри, если старалась извѣстить своихъ родныхъ, живущихъ въ Польшѣ, о своемъ печальномъ и даже отчаянномъ положеніи.

Въ «воспоминаніяхъ» благополучно живущаго до настоящаго времени старика Генриха Олехновича-Стецкаго [1]) мы находимъ любопытный отрывокъ о княгинѣ Любомірской и о способѣ, какой она избрала для пересылки извѣстія своему мужу въ Польшу о своей дочери, которой ужъ было нѣсколько лѣтъ.

Уѣзжая изъ Польши во Францію, Любомірская взяла съ собою гардеробщицу и, въ помощь ей, простую деревенскую дѣвушку. Послѣдняя научилась говорить по-французски, и ее Стецкій видѣлъ уже старушкой въ Малиновѣ, имѣніи Ходкевича. Однажды бабушка Стецкаго позвала старушку и попросила ее разсказать приключенія изъ своей молодости въ эпоху пребыванія княгини Любомірской во Франціи.

Вотъ приблизительное содержаніе ея разсказа:

Однажды княгиня позвала дѣвушку въ свой будуаръ и сказала:

— Достаточно-ли ты любишь меня, чтобы сдѣлать мнѣ услугу, которую я отъ тебя потребую?

Дѣвушка упала передъ нею на колѣни и отвѣтила, что она охотно отдастъ за нее свою жизнь.

Тогда княгиня, поставивъ передъ ней распятіе, приказала присягнуть, что она исполнитъ ея волю.

Затѣмъ она расплела ея косу, причесала, опять заплела и приколола ее шпильками вокругъ головы. При чемъ, напомнивъ о присягѣ, по-

---

[1]) Львовъ, 1895. стр. 72 и слѣд.

Библиотека "Руниверс"

требовала отъ дѣвушки, чтобы она отправилась въ Польшу и разсказала ея мужу, что княгиня сдѣлала съ нею передъ отъѣздомъ, и просила точно также стать на колѣни передъ нимъ и попросить, чтобы онъ причесалъ ее, а до этого времени приказала не прикасаться къ своимъ волосамъ. Говоря это, она дала ей немного денегъ на дорогу и прибавила:

— Вотъ все, что я могу тебѣ дать: больше—не въ состояніи. Я ужъ давно не получала изъ своего отечества денегъ. Постарайся, чтобы тебѣ хватило на всю дорогу...

И, благословивъ, она со слезами отправила ее въ путь. Дѣвушка пошла пѣшкомъ въ своемъ крестьянскомъ нарядѣ. Къ счастью, ей удалось пройти безпрепятственно границу. Въ Германіи она шла смѣлѣе и, встрѣчая ѣдущихъ, просила подвезти ее за нѣсколько грошей. Отдохнувъ на какомъ-либо возу, она шла далѣе по маршруту, который ей написала княгиня.

Путешествіе это продолжалось около двухъ мѣсяцевъ. Наконецъ, дѣвушка пришла домой и поступила согласно приказанію княгини.

Какъ только князь расплелъ ея волосы, изъ нихъ вывалилась бумажка, которую онъ поднялъ... Прочитавъ ее, слезы градомъ покатились по его лицу, и онъ только воскликнулъ: Pauvre enfant!

Стецкій намекаетъ, что дочь Розаліи—по разсказамъ старушки—была отдана въ тюрьму Темпль, гдѣ воспитывалась у привратницы и должна была прислуживать тѣмъ, которые дали ей пріютъ и кормили ее: она носила воду, убирала комнаты и, вообще, исполняла разныя черныя работы...

IV.

19-го апрѣля 1794 года (30 Germinal l'an II de la Rep.) Комитетъ общественной безопасности и охраны, составленный изъ лицъ Амара, Луиса (Du bas Rhin), Вадьера. Дюбарра, Лавикомтерье (автора «Code de la nature), М. Байля, Жаго, Воланда, Давида (художника) и Лакоста (редактора рапорта о заговорѣ барона де-Басъ), вынесъ слѣдующій приговоръ:

«Комитетъ постановилъ отослать çi-devant княгиню Любомірскую, обвиняемую въ сношеніяхъ çi-devant съ графиней Дюбарри, приговоренной къ смерти, за поддержку съ нею противореволюціонной корреспонденціи,—въ трибуналъ, съ цѣлію разбора ея судебнаго дѣла подъ контролемъ народнаго прокурора». [1])

[1]) „Arch. Nat. W.“, 351, doss. 713, dok. 32.

Библиотека "Руниверс"

Этимъ прокуроромъ былъ извѣстный Антоній Квентинъ Фукье-Танвиль, называемый бичемъ революціи, который, посвятивъ себя адвокатурѣ, воспѣвалъ въ бездарныхъ рифмахъ добродѣтель Людовика XVI, а затѣмъ, увлеченный теченіемъ всевозможныхъ политическихъ событій и необузданнымъ стремленіемъ къ извѣстности, сдѣлался кровавымъ поборателемъ массовыхъ страстей и посылалъ тысячи невинныхъ жертвъ на эшафотъ. Съ 1792 до 9-го Термидора 1794 года Танвиль былъ грозою Франціи и, благодаря своей независимости и запальчивости, держалъ въ уздѣ своихъ страшныхъ союзниковъ: Дантона, обоихъ Робеспьеровъ, Сенъ-Жуста, Котона и Лебаса.

Именно, по его приказу была доставлена изъ тюрьмы «Porte Libre», иначе «la Bourbe», 21-го апрѣля 1794 года (2 Floréal de l'an II) княгиня Любомірская въ трибуналъ, въ которомъ, наканунѣ суда надъ нею, произведено было судебное слѣдствіе для собранія матеріала и составленія обвинительнаго акта.

Спрошенная: какъ зовутъ, сколько лѣтъ, какого званія, гдѣ родилась и гдѣ живетъ, обвиняемая отвѣтила:

— Меня зовутъ Розаліей Ходкевичъ; состою замужемъ за Александромъ-Людовикомъ Любомірскимъ; имѣю двадцать три года отъ роду; родилась на Украйнѣ въ Черноблѣ; живу въ Шело, № 33.

— Состояли-ль вы въ заговорѣ противъ свободы и народнаго всемогущества и не поддерживали-ль отношенія, посредствомъ корреспонденцій, съ внутренними и внѣшними врагами республики или какимъ либо другимъ образомъ?

— Не только не состояла въ заговорѣ, но и оставила свой родной край ради того, чтобы пользоваться полною свободой. Меня изгнали даже изъ Швейцаріи за демократическія убѣжденія, а съ той минуты, какъ я поселилась во Франціи, я живу исключительно въ кружкѣ артистовъ.

— Вы избрали себѣ защитника?

— Нѣтъ.

Трибуналъ назначилъ ей защитника по своему усмотрѣнію, въ лицѣ гражданина Шво-Лагарда [1]) бывшаго недюжиннымъ защитникомъ: ему поручалась защита всѣхъ болѣе извѣстныхъ женщинъ, которыя въ эту эпоху сажались за рѣшетку трибунала. Въ свое время, онъ былъ избранъ защитникомъ Каролины Корде, обвинявшейся въ убійствѣ Марата, судъ надъ которой состоялся 17-го іюля 1793 года подъ предсѣдательствомъ Монтана, вопреки ея волѣ, такъ какъ она не пожелала имѣть защитника [2]). Онъ же защищалъ 22-го сентября 1793 г., не-

---

[1]) „Arch. Nat. W." 351, doss. 713, dok. 35.

[2]) Кампардонъ, т. I. 66.

Библиотека "Руниверс"

счастную королеву Марію-Антуанету и, благодаря этой защитѣ, получилъ извѣстность. Принявъ на себя защиту королевы по приказанію «Комитета общественной безопасности», онъ былъ послѣ того арестованъ и допрошенъ, по какому предмету онъ говорилъ съ королевой?..

Именно къ нему и обратилась мученица съ тревожнымъ вопросомъ: не выказала ли она въ своихъ отвѣтахъ передъ трибуналомъ чрезмѣрнаго высокомѣрія, благодаря которому въ судебной залѣ раздался голосъ одной женщины: «Vois-tu comme elle est fiere!» [1]).

8-го ноября 1793 года онъ защищалъ г-жу Роланъ, но, какъ извѣстно, неудачно; точно также ему не посчастливилось въ защитѣ сестры короля Людовика XVI, княжны Елизаветы [2]). Лягардъ оставилъ послѣ себя записки, изданныя подъ заглавіемъ: «Notice histor. sur les procis de Marie-Antoinette et de Mad. Elisabeth. († 1841 г.).

Въ тогдашнемъ плачевномъ положеніи Франціи гуртовое обвиненіе и такіе же гуртовые приговоры судя были обыкновеннымъ явленіемъ и считались въ порядкѣ вещей. Въ одно засѣданіе трибунала приговаривали по нѣсколько десятковъ лицъ, не имѣющихъ между собою никакихъ отношеній, не знакомыхъ другъ съ другомъ и не связанныхъ никакими узами.

Тотчасъ послѣ допроса княгини Любомірской, прокуроръ Фукье-Танвиль написалъ обвинительный актъ, въ который включилъ и другихъ лицъ, посаженныхъ въ тюрьму Портъ-Либръ. Въ ней сидѣли арестованные съ громкими именами аристократической, дипломатической, юридической и литературной Франціи.

Веренницу сообвиняемыхъ мужчинъ и женщинъ открывалъ извѣстный Жанъ-Дюваль Даспремесниль, одинъ изъ трибуновъ бывшаго парижскаго парламента, философъ и юристъ; уважаемый старикъ Вильгельмъ Ламоаженонъ Мальшербо, защитникъ Людовика XVI, первый президентъ совѣта и бывшій министръ, котораго арестовали въ деревенскомъ затишьѣ съ ближайшими членами его семьи: дочерью и зятемъ де Розамбо, родственникомъ маркграфини Шатобріанъ, старшимъ братомъ извѣстнаго автора сочиненія: «Загробныя записки». Товарищами ихъ участи были: Шапелье, одинъ изъ редакторовъ республиканской конституціи; Туре, извѣстный юристъ; Гель, бывшій генеральный прокуроръ, эльзаскій синдикъ и администраторъ верхне-рейнскаго департамента.

Мотивъ обвиненія былъ одинъ для всѣхъ вышепоименованныхъ лицъ и обнималъ собою общій документъ, въ которомъ доказывалось, что обвиняемые «принимали участіе въ заговорѣ, существовавшемъ съ

---

[1]) Ibid, т. I. 119.
[2]) Ibid. 172, 318.

Библиотека "Руниверс"

1789 года, противъ народной свободы и всемогущества; благодаря чему всѣ они содѣйствовали злоупотребленіямъ властей, видѣли внутреннія и внѣшнія раздоры вслѣдствіе измѣны, насилій и денежной помощи врагамъ съ цѣлью ниверженія народнаго представительства и нарушенія установленнаго порядка».

Что касается княгини Любомірской, то прокуроръ Фукье-Танвилль бросилъ ей голословный упрекъ, будто «Любомірская, называющая себя польской княгиней, была дѣйствительно агентомъ контрреволюціонеровъ». Ее встрѣчаютъ въ 1790 году въ Ниццѣ въ обществѣ французскихъ эмигрантовъ съ какою то Леви, Рокюфель и другими. Въ 1793 году мы видимъ ее въ кружкѣ куртизанокъ и заговорщицъ Дюбарри. Письмо, писанное этой княгиней къ помянутой куртизанкѣ въ истекшемъ августѣ ироническимъ стилемъ, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ она говоритъ о величіи французскаго народа, доказываетъ, что она была посвящена въ тайну заговора, который составлялся въ пользу Антуанеты въ тотъ моментъ, когда ее везли въ Консьержери. «Королева: писала обвиняемая къ Дюбарри, еще въ Консьержери; это ложь, что ее намѣрены перевезти въ Темпль; во всякомъ случаѣ, я спокойна за ея судьбу». Это обстоятельство ясно доказываетъ, что она разсчитывала на удачу интригъ, затѣянныхъ въ то время австрійской архикняжной, съ цѣлью освободить ее отъ суда и устранить отъ заслуженнаго наказанія...

Положеніе Любомірской было отчаянное. Сотоварищамъ ея судьбы оставалась хоть та утѣха, что если они погибнутъ, то погибнутъ за традицію, представителями которой они были какъ по рожденію, такъ и по убѣжденіямъ, и что они лишатся жизни за права человѣчества, изнасилованныя демагогами; но что общаго могла имѣть съ ихъ убѣжденіями иностранка, случайно и неосмотрительно ведомая страстью впечатлѣній, заблудившаяся на парижской мостовой, безъ помощи, безъ пріятелей и безъ того единенія съ чуждымъ ей обществомъ и его жертвами, которое въ рѣшительныя минуты жизни соединяетъ лицъ одинаковыхъ традицій и дѣлаетъ для нихъ сносной самую ужасную судьбу?

Всѣ ея товарищи, безъ исключеній, защищаясь противъ обвиненій, чувствовали въ глубинѣ души своей, что ихъ убѣжденія, въ которыхъ ихъ обвиняли, какъ злодѣевъ, въ самомъ дѣлѣ были ихъ личными убѣжденіями; что всѣ желали скорѣйшаго возвращенія къ прежнему порядку, къ освобожденію сиротской королевской семьи отъ кровожадной банды Робеспьера и Фукье, которая держала въ эту эпоху судьбу Франціи въ своихъ когтяхъ; что они были солидарны съ своими сердцами, чувствами, могуществомъ традицій и съ полками эмигрантовъ, которые съ оружіемъ въ рукахъ шли съ помощью на границу Франціи.

Библиотека "Руниверс"

Такихъ убѣжденій и чувствъ не могла питать молодая женщина, польскаго аристократическаго рода; она была связана только чисто человѣческимъ состраданіемъ къ королевской судьбѣ и не имѣла никакой тѣсной связи съ чуждымъ ей обществомъ и съ борьбою сторонниковъ: якобинцевъ и жирондистовъ; для ея аристократической натуры они, въ сущности, ничего не представляли и даже были противны.

При томъ она была матерью ребенка, который, послѣ ея смерти, останется сиротою, лишится опеки родныхъ, будетъ отрѣзанъ отъ отечества цѣпью войскъ коалиціи и большимъ пространствомъ отъ всякихъ сообщеній съ арестованной, которая даже не узнаетъ о судьбѣ княжны; дочь можетъ остаться одна среди чужихъ людей, брошенная на издѣвательство обезумѣвшей толпы, безъ помощи и надежды, чтобы кто-либо позаботился о ней въ будущемъ и довелъ ее до спасательной пристани.

Обуреваемая такимъ отчаяннымъ чувствомъ, княгиня Розалія рѣшилась, несомнѣнно, по совѣту защитника Лягарда, прибѣгнуть къ послѣднему средству замедленія, хоть-бы ей пришлось на время надѣть маску республиканки и обратиться, во имя равенства, къ кровожадному Танвиллю.

Утромъ того дня, когда Любомірская должна была явиться за рѣшеткой трибунала, она написала прокурору слѣдующее характеристическое письмо:

«Гражданинъ! Прочитавъ врученный мнѣ обвинительный актъ, я убѣдилась, что меня смѣшиваютъ съ какою-то другою личностью, не имѣющею, кромѣ званія, ничего общаго со мною. Поэтому я прошу васъ, гражданинъ, нѣсколько дневной отсрочки, для доказательства моей невинности и убѣжденія судей, что я заслуживаю ихъ сочувствія. Salut et fraternité! 3-го Флореаля, изъ тюрьмы Консьержери. Александра Любомірская [1]).

Но у Фукье не было времени произвести добавочнаго слѣдствія... а потому онъ представилъ письмо княгини Любомірской въ трибуналъ, какъ новое доказательство увертокъ обвиняемой, и началось разбирательство дѣла.

V.

Для разбора этого дѣла былъ назначенъ предсѣдателемъ извѣстный юристъ Рене-Францъ Дюма, намѣстникъ кровожаднаго Германа, который

[1]) „Arch. Nat. W.“ 351, doss. 713, dok. 30.

Библиотека "Руниверс"

сидѣлъ на своемъ мѣстѣ до 9-го Термидора, то-есть, до дня паденія Робеспьера, до того момента, когда онъ былъ арестованъ на судебномъ засѣданіи, осужденъ и тотчасъ казненъ. Достойными его союзниками были: Гарне и Денизо. На скамьяхъ присяжныхъ, между многими скромными лицами съ скромными званіями, засѣдали: лакей Броше, столяръ Триншаръ, Ганней, Гравье, владѣлецъ винныхъ погребовъ въ Ліонѣ, художники Пріеръ и Самбаль, Дебоасо.

Обвиненіе княгини Любомірской было основано на ея письмахъ къ Дюбарри, въ которыхъ прокуроръ Танвилль находилъ участіе княгини въ заговорѣ въ пользу королевской семьи. Тождество втораго письма безъ подписи онъ доказывалъ сравненіемъ почерка съ первымъ, которое было подписано именемъ и званіемъ обвиняемой.

Княгиня чистосердечно призналась въ сношеніяхъ съ Дюбарри, объясняя ихъ самыми невинными стремленіями познакомиться съ артистическимъ міркомъ, который собирался въ Луветьенѣ.

Наконецъ пришла очередь защитника Шво-Лагарда; но послѣдній нисколько не старался подыскать смягчающихъ вину обстоятельствъ обвиняемой. Онъ даже не выяснилъ суду происхожденія княгини, занимаемаго ею положенія въ родномъ краѣ и банальности писемъ къ Дюбарри... потому что ужъ заранѣе составилъ для всѣхъ своихъ кліентокъ извѣстную формулу, которою руководился довольно неудачно въ своихъ защитахъ Каролины Корде, Маріи Антуанеты и княжны Елизаветы...

— Надѣюсь, вы замѣтили, господа судьи,—произнесъ онъ, – съ какою искренностью обратилась къ вамъ обвиняемая, въ оправданіе своихъ поступковъ! Она оказалась выше всякой правды, такъ какъ объяснила, что не желаетъ спасать своей жизни цѣною лжи... Вотъ все, что я могу сказать въ ея защиту!... [1]).

Трибуналъ ужъ заранѣе приготовилъ приговоръ... Въ своей поспѣшности онъ прихватилъ кстати и свидѣтеля Парментьера, который былъ вызванъ на судъ въ оправданіе княгини Любомірской. Уличенный, что онъ самъ помогалъ ей въ пересылкѣ денегъ, несчастный очутился на скамьѣ подсудимыхъ и, безъ всякихъ формальностей, былъ включенъ въ резолюцію судебнаго приговора [2]).

Поспѣшность, съ какою современный революціонный трибуналъ приговаривалъ къ смерти обвиняемыхъ и исполнялъ свои приговоры, шла параллельно и независимо отъ обвинительныхъ актовъ обезславленнаго Танвилля и его помощниковъ. Дошло до того, что ужъ заранѣе были напечатаны формуляры приговоровъ, на которыхъ, какъ-бы

[1]) „Arch. Nat. Bulletin“ Cz. IV, № 47.
[2]) Vallon III, 313.

*

Библиотека "Руниверс"

съ презрѣніемъ, прописывалось только имя и фамилія приговореннаго. Число обвиняемыхъ, увеличивавшееся съ каждымъ днемъ, содѣйствовало и какъ-будто само собою вводило обычай не объявлять судебныхъ приговоровъ въ засѣданіяхъ суда, а просто пересылать изложенные наскоро мотивы приговореннымъ въ тюрьму и приводить ихъ немедленно въ исполненіе. Это называлось ускореніемъ судебной процедуры въ силу реформы 22-го Преріаля. За нѣсколько недѣль до этой реформы, а именно въ Флореалѣ, судебные приговоры еще объявлялись въ присутствіи обвиняемыхъ въ самомъ засѣданіи, а потому декретъ отъ 22-го апрѣля 1794 года, составленный противъ Любомірской и ея товарищей по несчастію, былъ единственнымъ дословнымъ повтореніемъ обвинительнаго акта, начиная отъ упрека обвиняемой въ роли противуреволюціоннаго агента, до содержанія инкриминированныхъ писемъ къ Дюбарри, въ которыхъ были усмотрѣны улики въ заговорѣ съ цѣлью спасенія Маріи Антуанеты.

На основаніи этихъ данныхъ, трибуналъ приговорилъ всѣхъ обвиняемыхъ отъ 3-го Флореаля II года республики къ смерти, а также призналъ нужнымъ конфисковать ихъ имущества въ пользу казны [1]).

Любомірская, желая отсрочить хоть на нѣкоторое время исполненіе приговора, пошла по примѣру прежде казненныхъ женщинъ и объявила суду, что она находится въ «интересномъ положеніи»...

Бывали случаи, что и такія заявленія не спасали приговоренныхъ женщинъ, вопреки статей закона, примѣнявшихся къ несчастнымъ. Напримѣръ, была казнена въ такомъ положеніи извѣстная писательница, Олимпія де Гужъ [2]), несмотря на освидѣтельствованіе ея докторами Тьеромъ и Нури. Но между многими приговоренными дамами спаслись такимъ образомъ, госпожа де-Богарне, позднѣе—королева Жозефина, баронесса Гинзисдаль, г-жа де-Мюрсанъ, Жоли де-Флеръ, княгиня Бовиллеръ-Санъ Ажнанъ, княгиня Шоазель, Гримальди Монако и другія.

«Вольная газета Варшавская» за 1794 годъ, № 8, стр. 107, извѣщая своихъ читателей о процессѣ Любомірской, упомянула объ отсрочкѣ ея казни. Благодаря ей, семья приговоренной узнала о судьбѣ несчастной княгини и несомнѣнно приняла мѣры для ея спасенія; мѣры эти выразились вмѣшательствомъ Костюшки. Но въ 1794 году границы Франціи плотно были замкнуты. Даже если-бъ и можно было проникнуть въ Парижъ и добиться аудіенціи у Робеспьера, то какимъ образомъ было достигнуть отмѣны окончательнаго приговора, если его не могла отмѣнить никакая кассація?

---

[1]) Bulletin 4 part № 47. Muzeum XX Czartor. № 3.906.

[2]) Campardon I, 165.

Библиотека "Руниверс"

Княгиню привели въ Консьержери и поручили медикамъ. Изъ объявленныхъ въ прессѣ дневниковъ этой эпохи [1]) мы можемъ получить приблизительную картину того преддверія ада, которое называлось «сѣнями трибунала», гдѣ сотни семей, загнанныхъ въ тѣсныя кельи (pistoles), норы и тайники (pailleux, cachots), безъ кроватей и постели, брошенные на съѣденіе крысъ,—ожидали съ тоскою минуты своего фатальнаго освобожденія.

Къ счастью княгини Любомірской, въ Консьержери въ то время служилъ докторъ-полякъ, Іосифъ Марковскій, имѣвшій честь титуловаться: «médecin de toutes les prisons de Paris». Марковскій родился въ 1758 году въ Пиковѣ на Украйнѣ. По окончаніи университета, онъ былъ посланъ въ 1785 году главной Краковской школой (университетомъ) въ Парижъ для изученія хирургіи, съ цѣлію занятія послѣ того каѳедры въ Краковѣ.

Но тогдашнія событія задержали его въ Парижѣ больше, чѣмъ надо, а необыкновенныя его способности и довѣріе къ нему дали возможность ему занять мѣсто доктора при революціонныхъ тюрьмахъ. Находясь на этомъ посту, Марковскій старался принесть пользу и облегчить участь приговоренныхъ. Благодаря его опекѣ, приговоренная Жозефина Богарне, вдова казненнаго генерала, въ виду ея скораго разрѣшенія отъ бремени, спаслась отъ смерти. Сдѣлавшись затѣмъ женою Бонапарта, а потомъ королевой Франціи, она избрала Марковскаго своимъ лейбъ-медикомъ. Только въ іюлѣ 1810 года Марковскій вернулся въ Польшу и затѣмъ занялъ каѳедру химіи въ Краковскомъ университетѣ. (Умеръ въ 1829 году) [2]).

Сжалившись надъ участью соотечественницы, Марковскій старался продолжить срокъ докторскаго наблюденія за нею и, должно быть по его распоряженію, она была переведена изъ гадкаго въ то время Консьержери въ народный пріютъ революціоннаго трибунала, съ цѣлью доставленія ей большихъ удобствъ [3]).

VI.

Въ сентябрѣ 1793 года парижскій конституціонный епископъ Гобель сложилъ съ себя санъ. Оставшійся послѣ него епископскій дворецъ, по-

---

[1]) Г-жи Дюра и Морисъ: „Hist. polit. et anecd. des prisons de la Seine," 1840; Дюбана: „Les prisons", Парижъ, 1870.

[2]) Козьминскій: „Словарь польскихъ лекарей", стр. 308.

[3]) „L'Hospice National du Trib. Rév."

Библиотека "Руниверс"

строенный еще въ XII вѣкѣ и находящійся между каѳедральнымъ соборомъ Notre Dame и однимъ изъ рукавовъ Сены,—сдѣлался пріютомъ для клубскихъ революціонныхъ собраній, а главное, для центральнаго комитета, который вызвалъ потомъ паденіе жирондистовъ и побѣду сторонниковъ верхней палаты. Оставшуюся большую часть зданія, въ виду сосѣдства съ прежнимъ госпиталемъ «Hotel Dieu», громко названнымъ: «Grand Hospice d'Humanité», конвенція обратила въ пріютъ для арестованныхъ женщинъ, находящихся въ беременности.

Но когда Консьержери переполнился народомъ и въ немъ началъ свирѣпствовать пятнистый тифъ, заключенныхъ стали переводить въ бывшій епископскій дворецъ безъ различія пола; вслѣдствіе чего, 31-го января 1794 года, въ немъ была учреждена тюремная больница, подъ названіемъ «Hospice National».

Въ маѣ того же года Комитетъ по охраненію народнаго здравія поручилъ прокурору Танвиллю верховный надзоръ за этимъ учрежденіемъ, считающимся временно тюрьмою для арестантовъ; остальная часть больницы принадлежала вѣдѣнію министра внутреннихъ дѣлъ.

Мѣстный сторожъ Тореаль занималъ мѣсто тюремнаго смотрителя, и ему былъ довѣренъ надзоръ за поведеніемъ жителей тюрьмы. Его издѣвательства и насилія надъ узниками вызвали сильный протестъ арестантовъ, вслѣдствіе чего на его мѣсто былъ назначенъ другой смотритель, нѣкій Сенси, съ годовымъ окладомъ въ 2,000 ливровъ.

Два доктора, Нури и Енишаръ, были на всю больницу; они обязаны были дѣлать визитацію два раза въ день. Нури былъ рекомендованъ Танвиллю Робеспьеромъ, какъ «recommandable par son patriotisme», а портретъ Енишара увѣковѣченъ арестантомъ-женевцемъ, нѣкіимъ Парисомъ Лепинаромъ, написавшимъ его въ самыхъ яркихъ краскахъ. Енишаръ одѣвался какъ маріонетка, закручивалъ усы и густыя брови. Единственнымъ его лекарствомъ, которое онъ прописывалъ всѣмъ больнымъ арестантамъ, было повтореніе своего девиза: «La seignée, encore la seignée et toujours la seignée»...

Женская половина была отдѣлена отъ мужской. Тюремный смотритель получилъ строгій приказъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы арестованные обоихъ отдѣленій не видѣлись между собою. Но его нельзя было исполнить, въ особенности во время прогулокъ въ прилегающемъ къ больницѣ общемъ саду, въ которомъ арестантамъ разрѣшалось гулять въ извѣстные часы. Въ этомъ саду, по описанію Дюка Сурана, который былъ въ тюрьмѣ одновременно съ княгиней Любомірской, случился романическій эпизодъ.

Общее число арестантовъ въ «Hospice» достигало въ первой половинѣ 1793 года до 256 лицъ, изъ которыхъ 67 погибло на эшафотѣ. Въ интересующую насъ эпоху, между прочими, находились тамъ: патеръ

Библиотека "Руниверс"

Ноэль Пишери, 82 лѣтъ; Варѳоломей Дюга, ех-бенедиктинецъ, 78 лѣтъ; юноша-поэтъ Давидъ Этанъ, авторъ роялистской пѣсенки; Людовика Миллье, 17-ти лѣтняя дѣвушка, арестованная за протестъ противъ приказа, чтобы дворяне оставили Парижъ, и много другихъ ея ровесницъ. Вообще, аристократія имѣла здѣсь своихъ представителей и представительницъ. Преданность монархіи, сношенія съ эмигрантами и даже самое званіе арестантовъ сдѣлали ихъ невольными жителями Hospice. Цѣлыя семьи де-Ломенье, де-Бріена, де-Канисъ ожидали здѣсь послѣдней минуты. Ни рыцарскія заслуги для Франціи, ни занимаемое положеніе въ обществѣ не защитили отъ пребыванія въ этомъ замогильномъ пріютѣ даже такихъ лицъ, каковы были Карлъ де-Шоазель, Баумъ, Жанъ Розамбо, ех-маршалъ Франціи и герой американской войны.

Въ свою очередь и духовенство представляло немалый контингентъ арестованныхъ. Изъ высшаго клира тамъ находился въ заточеніи Франсуа Жумилакъ, ех-каноникъ и генеральный викарій изъ Арля, какъ равно и прежніе члены духовнаго сана: Жанъ Готье, кармелитъ, и Фукеръ, ех-капуцинъ и милостынникъ королевскаго драгунскаго полка. Вмѣстѣ съ ними сидѣли чиновники, доктора, архитекторы, профессоры университета, студенты и архиваріусы. Между ними были иностранцы: испанцы, бельгійцы, женевцы, итальянцы, англичане, нѣмцы и наконецъ полька Любомірская.

Изъ монахинь, арестованныхъ въ монастыряхъ, сидѣли: Роза Настрѐ, игуменья сестеръ-визитокъ, 69 лѣтъ, обвиняемая въ укрывательствѣ феодальныхъ титуловъ своей гимны, и Марія Гате, ордена св. Лазаря, приговоренная къ смерти за одинъ возгласъ: Vive le roi!

Дамы-аристократки тоже имѣли здѣсь своихъ представительницъ. Большинство изъ нихъ хотѣли отсрочить казнь, или совсѣмъ спастись, своимъ признаніемъ, что онѣ беременны. Доказательства о такихъ симптомахъ представляли лекари-хирурги Нури и Еннишаръ, вмѣстѣ съ акушеркой, гражданкой Піо. Протоколы посылались Танвиллю, который, въ сомнительныхъ случаяхъ, немедленно ходатайствовалъ передъ трибуналомъ казнить приговоренныхъ, такъ что и протоколы ничего не помогали. Кровожадный прокуроръ нисколько не стѣснялся въ своихъ поступкахъ. Но эта кровожадность его не кончилась добромъ, что̀ и было ему доказано на дѣлѣ: 9-го Термидора Танвилль былъ приговоренъ къ смерти и выведенъ на эшафотъ изъ того же учрежденія, надъ которымъ онъ такъ долго держалъ свой обоюдоострый мечъ...

Между арестантами въ Hospice находился и молодой князь Карлъ-Августъ-Готфридъ Тремуль, потомокъ одной изъ лучшихъ фамилій Франціи, красавецъ, какъ Аполлонъ Бельведерскій. Переведенный изъ Консьержери, онъ занималъ отдѣльную комнату, находившуюся въ коридорѣ, ведущемъ въ общій садъ. Между сотоварищами по тюрьмѣ легко

Библиотека "Руниверс"

завязываются знакомства и дружба. Необыкновенная красота Любомірской, ея одиночество въ кружкѣ людей, чуждыхъ ей по происхожденію и убѣжденіямъ, возбудили въ молодомъ князѣ сочувствіе къ несчастной, которое затѣмъ превратилось въ болѣе живую и пылкую страсть... Они постоянно встрѣчались въ саду, и во время этихъ краткихъ минутъ ихъ прогулки молодой человѣкъ выразилъ намѣреніе спасти прекрасную иностранку... Они ужъ уговорились о времени и мѣстѣ встрѣчи и обѣщали тюремному сторожу двѣ тысячи ливровъ за молчаніе, но опасеніе за послѣдствія превозмогло... Сторожъ увѣдомилъ прокурора Танвилля о ихъ заговорѣ, и князь былъ казненъ 27-го Преріаля 1794 года [1]).

Но это была не единственная и не послѣдняя жертва чувствъ, возбужденныхъ красотой Любомірской: на шеѣ вице-графа Базанкура, казненнаго 29-го Преріаля II г. за участіе въ такъ называемомъ заговорѣ «красныхъ рубашекъ», нашли медальонъ съ портретомъ княгини Розаліи.

VII.

По приказу предсѣдателя трибунала Дюма и по предложенію прокурора Танвилля, два доктора Нури и Еншаръ, а также акушерка-гражданка Піо, отправились 29-го іюня 1794 года въ Hospice и тамъ составили протоколъ слѣдующаго содержанія:

«Мы, нижеподписавшіеся, чиновники и охранители здоровья революціоннаго трибунала, въ присутствіи акушерки и гражданки Піо, по порученію гражданина Дюма, предсѣдателя трибунала, освидѣтельствовали и провѣрили состояніе здоровья Любомірской, заключенной въ бывшемъ епископскомъ домѣ, съ цѣлію убѣжденія въ ея отмѣнномъ состояніи; но никакихъ подозрительныхъ симптомовъ болѣзни не нашли. Вслѣдствіе чего опредѣляемъ, что она находится въ нормальномъ состояніи. Парижъ, 12-го Мессидора, II года республики, единой и нераздѣльной». [2])

Въ тотъ же день трибуналъ въ полномъ комплектѣ вынесъ слѣдующій приговоръ:

«Принимая во вниманіе декретъ отъ 3-го минувшаго Флореаля, которымъ Розалія Ходкевичъ, жена князя Любомірскаго, приговорена къ смерти, а также имѣя въ виду сегодняшній рапортъ чиновниковъ охраны здравія и по выслушаніи предложенія общественнаго обвинителя, три-

---

[1]) Campardon, II, 444.

[2]) «Arch. Nat. W». 351. IV Cz.; dok. 87.

Библиотека "Руниверс"

буналъ опредѣляетъ привести приговоръ въ исполненіе въ теченіе одних сутокъ. Протоколъ, подписанный докторами Нури и Енишаромъ, долженъ быть приложенъ къ актамъ сего процесса вмѣстѣ съ настоящимъ вердиктомъ. 12-го Мессидора II года республики единой и нераздѣльной» [1]).

И понынѣ сохранилась печальная память о предсмертныхъ минутахъ жизни княгини, послѣдній проблескъ ея мысли, направленной къ единственному дѣтищу и той личности, которая, согласно желанію приговоренной, должна была замѣнить ему мать. Память эта заключается въ визитной карточкѣ, на которой написано нѣсколько словъ по-французски и которая адресована къ «гражданкѣ Амеліи». Послѣдняя несомнѣнно была княгиня Гогенлоэ, пріятельница Любомірской, упоминаемая въ статьѣ Ролле объ «эмирѣ Ржевускомъ» [2]). Ролле приводитъ разсказъ племянника графини Розаліи Ржевуской, Чапскаго, изъ котораго видно, что сиротку взяла къ себѣ въ концѣ 1795 года графиня Гогенлоэ, подруга Любомірской, дѣлившая съ нею тюремное заключеніе и освобожденная только благодаря вмѣшательству прусскаго правительства.

«Княгиня Розалія, пишетъ Ролле, сохраняла, какъ реликвію, до самой смерти письмо матери, которымъ она поручила опеку надъ своею дочерью пріятельницѣ».

Именно это предсмертное письмо, а также и второе, писанное раньше, въ лучшіе дни жизни, къ той же подругѣ Амеліи, вмѣстѣ съ прядью свѣтлыхъ волосъ изъ дѣтскихъ лѣтъ, искусственными розами, кусочкомъ кружевъ, бѣлой ленточкой и образкомъ св. Терезы, вынутымъ изъ молитвенника,—остались по наслѣдству отъ Розаліи Ржевуской ея сыну, графу Леону Ржевускому, который подарилъ эти драгоцѣнности графинѣ Коссаковской, урожденной Ходкевичъ. Въ настоящее время онѣ хранятся въ семейной сокровищницѣ графа Станислава Коссаковскаго въ имѣніи Войтушки, Виленской губерніи.

Изъ содержанія перваго письма мы узнаемъ не только о дружескихъ отношеніяхъ, существовавшихъ между княгиней Любомірской и княгиней Гогенлоэ, но и о дружбѣ ихъ дѣтей, маленькаго Фридриха и Розаліи, которую Любомірская посылала въ деревню, чтобы она тамъ дышала свѣжимъ воздухомъ, почаще купалась и соблюдала діэту. «J'embrasse mon bien aimé Frédéric-писала Любомірская.—M'aime-t-il toujours un peu?» При чемъ она упоминаетъ о какомъ то портретѣ, который желала бы пріобрѣсти, и прибавляетъ слова: «l'abbé de «Lile» (Delille): Promettre c'est—donner; espérer c'est—jouir». И здѣсь проглядываетъ тотъ

---

[1]) «Arch. Nat. W» 351, doss. 713, dok 88.

[2]) Разсказы, серія IV, т. I, 171.

Библиотека "Руниверс"

энтузіастическій тонъ, который обнаруживаетъ живую, страстную натуру княгини, склонную къ увлеченію и благоговѣнію къ дружескимъ чувствамъ.

Къ этой же Амеліи княгиня обратилась въ послѣдній часъ своей жизни. «Прощай, Амелія! Скоро я перестану жить (Je vais bientôt cesser de vivre). Помни о своей пріятельницѣ и люби меня въ лицѣ моего ребенка (Aimez moi dans la personne de mon enfant). Розалія». Адресъ: A la Citoyenne Amélie. Нѣсколько ниже приписка, сдѣланная рукою обладательницы письма: «Cheveux et billet de la Princesse Lubomirska, le jour de sa mort... 1794».

Въ виду такого документа, можетъ ли существовать легенда о той прачкѣ, которая якобы пріютила Розалію? По разсказамъ, переходящимъ изъ устъ въ уста въ кружкѣ живущихъ лицъ, которыя знали графиню Розалію Ржевускую, князь Любомірскій, отыскавъ сиротку въ Парижѣ, уже при директоріи, сдѣлался предметомъ разговора при берлинскомъ и вѣнскомъ дворахъ, гдѣ маленькая дѣвочка должна была удовлетворять желанія любопытныхъ и разсказывать эпизоды изъ послѣднихъ дней жизни матери. Благодаря этимъ разсказамъ у потомковъ составилась легенда объ ея чудесномъ спасеніи.

До 8-го мая 1793 года казни совершались на площади Карусель; но съ этого числа до 5-го іюня 1794 года гильотину поставили на бывшей площади Людовика XV, а затѣмъ до 14-го іюня—на площади св. Антонія. Между 14-мъ іюнемъ и 29-мъ іюлемъ 1794 года гильотина совершала свою кровавую функцію у рогатки Винцентія [1]); названіе это переименовано на barrière du trône renversé, и здѣсь закончилась молодая романическая жизнь княгини Розаліи, 30-го іюня 1794 года.

Если-бъ не фатальное приключеніе съ графомъ Тремулемъ, то Любомірская, быть можетъ, дождалась бы 9-го Термидора, то-есть, времени паденія Робеспьера, которое случилось черезъ мѣсяцъ послѣ ея смерти, и тогда несомнѣнно, при стараніи родственниковъ, ее можно было спасти. Такимъ образомъ спаслась ея подруга по заключенію, княгиня де-Сенъ-Ажнанъ: было подано прошеніе въ конвентъ, и казнь отмѣнена [2]).

Въ инвентарѣ наслѣдствъ послѣ казненныхъ, хранящихся въ Парижскомъ архивѣ, уцѣлѣли тюремные пожитки княгини Любомірской, которые ясно свидѣтельствуютъ о той нуждѣ, какую она испытывала въ послѣдніе дни жизни,—она, одна изъ первыхъ наслѣдницъ по роду, богатству и громкому имени. Наслѣдство это зарегистрировано подъ рубрикой: «état des effets restés au magasin de l'Hospice National» и заклю-

[1]) Campardon, I, 370.
[2]) Campardon, I, 413.

Библиотека "Руниверс"

чаетъ слѣдующее: «Lubomirska, Polonaise: un desabillé, un jupon blanc, une robe de chambre, deux fichus de linon, un chall dechiré en morceaux» [1]).

Тѣла гильотинированныхъ у Тронной рогатки хоронились до 9-го Термидора на кладбищѣ Picpus. Тамъ, у самой стѣны сада, принадлежащаго въ настоящее время монахинямъ ордена св. Августина, среди общихъ тысячи трехсотъ пятнадцати жертвъ терроризма, казненныхъ въ теченіе какихъ-либо семи недѣль, почиваютъ понынѣ въ общей могилѣ бренные останки Любомірской. Вначалѣ долгое время никто не зналъ, гдѣ хоронились тѣла жертвъ. Но нашлась такая женщина, которая, разыскивая гробъ своего брата, купила кусочекъ земли въ Picpus и обнесла его каменною стѣною, для огражденія его отъ профанаціи. Затѣмъ два жителя изъ предмѣстья св. Антонія откупили маленькій садъ и построили тамъ часовню съ престоломъ, въ которой совершались панихиды и литургіи назначеннымъ для того патеромъ; назначеніе его зависѣло отъ великаго викарія парижскаго. Патеръ освятилъ землю, хранящую въ себѣ столько жертвъ, и поставилъ на ней крестъ съ соотвѣтственною надписью. Чрезъ нѣкоторое время многіе изъ семей погибшихъ выразили желаніе соединить кладбище и часовеньку съ большимъ садомъ монахинь. Проектъ этотъ вошелъ въ законную силу, и теперь, уже десятки лѣтъ, совершается на этомъ мѣстѣ, каждый годъ послѣ Пасхи, торжественное заупокойное богослуженіе за павшихъ жертвъ революціи. Значительную сумму на содержаніе этого памятника оставила г-жа де-Монтанъ, дочь графа де-Ноайль [2]).

Боевой шумъ, раздававшійся въ Европѣ въ первомъ десятилѣтіи текущаго вѣка, изгладилъ изъ памяти современниковъ воспоминанія о трагической кончинѣ княгини Любомірской; но теперь, по прошествіи ста лѣтъ отъ катастрофы, выплыли наружу всѣ подробности. Память о ней, однако, сохранялась въ сердцѣ дочери, графини Розаліи Ржевуской, которая относилась съ глубокимъ отвращеніемъ ко всѣмъ проявленіямъ вольнодумства,—отвращеніемъ, которое проявлялось въ добровольномъ устраненіи отъ свѣта и общества. Запершись въ своемъ Ополѣ, она вела послѣ замужества спокойную жизнь, воспитывая дѣтей.

Продавъ въ 1854 году наслѣдственныя земли Ополя, Ржевуская переѣхала въ Варшаву, гдѣ и умерла 11-го января 1865 года. Ея смерти посвятилъ сочувственное воспоминаніе только одинъ тогдашній «Варшавскій Курьеръ». Опольскій дворецъ, увѣковѣченный памятью пребыванія въ немъ въ 1787 году короля Станислава-Августа, во время его проѣзда въ Каневъ, она подарила правительству, а всѣ научныя книги и пособія—мѣстнымъ школамъ.

---

[1]) „Arch. Nat." Carton F. 3299. 19. Prisons d'Etat.

[2]) Campardon, I. 516.

Библиотека "Руниверс"

Въ память своей несчастной матери, графиня Ржевуская велѣла вдѣлать въ каменную стѣну Опольскаго костела надпись, гласящую на латинскомъ языкѣ слѣдующее:

«Розаліи, княгинѣ Любомірской, урожденной графинѣ Ходкевичъ, женѣ князя Александра Любомірскаго, награжденной судьбою великодушіемъ и красотой. Пребывая въ Парижѣ, она пала жертвой домашней междоусобицы и погибла ужаснымъ образомъ наканунѣ 1-го іюля 1794 года, на 23-мъ году жизни».

Ф. В. Домбровскій.

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ
МИХАЙЛОВСКАГО-ДАНИЛЕВСКАГО.

1817 годъ.

IV [1]).

Монастырь св. Георгія.—Разсказъ графа Милорадовича о свиданіи его съ Неаполитанскимъ королемъ въ 1812 году.—Севастополь.—Неожиданный и незаслуженный мною выговоръ, сдѣланный мнѣ государемъ на разводѣ.—Состояніе севастопольскихъ укрѣпленій и черноморскаго флота.—Развалины Инкермана.—Бахчисарай.—Ханскій дворецъ.—Татарская свадьба.—Представленіе и дары татарскаго муфтія и беевъ.—Чуфутъ-Кале.—Посѣщеніе государемъ караимскаго дома и гарема.—Перекопъ.—Бѣдственное положеніе татаръ въ Крыму.—Село Терпѣніе, населенное духоборцами.—Секта духоборцевъ.—Ея исторія.—Государь присутствуетъ при богослуженіи духоборцевъ и обѣщаетъ имъ свое покровительство.—Вѣротерпимость Александра.—Разсказъ по этому поводу принца Гессенъ-Гомбургскаго.—Маріуполь.

Въ прелестнѣйшее утро мы выѣхали изъ Байдаръ, оставили Балаклаву и большую дорогу въ сторонѣ и на нѣсколько минутъ остановились въ монастырѣ святаго Георгія, лежащемъ на скатѣ утеса, на берегу Чернаго моря. Никто изъ братіи не могъ сказать намъ ничего о времени построенія сего древняго монастыря и объ исторіи его и дать намъ нѣкоторыя свѣдѣнія о находящихся неподалеку отъ онаго развалинахъ храмовъ Ифигеніи, Ореста и Пилада и Діаны. Осмотрѣвши обитель, испросили мы у почтеннаго восьмидесятилѣтняго настоятеля проводника, для показа-

[1]) См. «Русскую Старину» іюль 1897 г.

Библиотека "Руниверс"

нія мѣста, гдѣ были сіи храмы. Мы сѣли верхомъ, и грекъ повелъ насъ версты за двѣ, на крутой берегъ мыса, гдѣ видны нѣкоторые слѣды древнихъ капищъ, расположенныхъ въ прекраснѣйшемъ мѣстоположеніи, которое являлось намъ во всемъ блескѣ отъ солнечныхъ лучей, отражавшихся на поверхности Чернаго моря, омывающаго скалы, на коихъ капища воздвигнуты. Ничто не прерывало глубокаго молчанія, царствовавшаго въ сихъ пустыняхъ, нѣкогда процвѣтавшихъ торговлею и славныхъ въ древности и въ среднихъ вѣкахъ. Молчаніе сіе и насъ поразило. Графъ Милорадовичъ и я, мы стояли въ задумчивости, и невольно родилась въ насъ мысль о превратности, коей подвержена судьба государствъ. И Россія, сказали мы, была недавно на краю гибели; это подало намъ поводъ, во всю дорогу до Бахчисарая, говорить о войнѣ 1812 года. Графъ разсказалъ мнѣ разныя подробности объ оной, между прочимъ о происшествіяхъ въ день оставленія нашею арміею Москвы, изъ чего я заимствовалъ многое въ статьѣ, помѣщенной въ «Русскомъ Вѣстникѣ» въ 1819 году, подъ заглавіемъ «О сдачѣ Москвы» [1]). Онъ мнѣ также сообщилъ о свиданіи своемъ съ неаполитанскимъ королемъ, о которомъ было напечатано въ «Сынѣ Отечества» въ 1812 году, но въ совершенно искаженномъ и превратномъ видѣ. Я помѣщаю здѣсь собственныя слова графа о семъ свиданіи; за справедливость ихъ я ручаюсь, потому что я записалъ ихъ въ тотъ же вечеръ въ Бахчисараѣ, но прежде упомяну только объ одномъ обстоятельствѣ, случившемся въ то время, какъ онъ мнѣ разсказывалъ. Мы ѣхали возлѣ Чернаго моря, какъ вдругъ услышали ружейный выстрѣлъ, долго раздававшійся въ утесистыхъ берегахъ онаго, и графъ Милорадовичъ, прервавъ свою рѣчь, съ жаромъ воскликнулъ: «прежде, напримѣръ въ италійскомъ походѣ, когда я, бывало, услышу выстрѣлъ, то я летѣлъ къ нему какъ на балъ».

«На другой день послѣ оставленія Москвы, сказалъ онъ, то-есть 3-го сентября, я устроилъ арьергардъ въ боевой порядокъ и, объѣзжая передовую цѣпь, увидѣлъ вдали впервые неаполитанскаго короля, который тоже былъ на своихъ аванпостахъ, и, сближаясь понемногу, мы подъѣхали другъ другу.

— Уступите мнѣ вашу позицію,—сказалъ онъ.

— Ваше величество,—отвѣчалъ я...

— Я здѣсь не король,—прервалъ онъ, а просто генералъ.

— Итакъ, господинъ генералъ,—продолжалъ я—извольте ее взять, я васъ встрѣчу. Полагая, что вы меня атакуете, я приготовился къ прекраснѣйшему кавалерійскому дѣлу; у васъ конница славная, и сегодня пусть рѣшится, которая лучше, ваша или моя. Мѣстоположеніе

[1]) «Русскій Вѣстникъ» 1819 года, № 5.

Библиотека "Руниверс"

для кавалерійскаго сраженія выгодно, только совѣтую вамъ съ лѣвой стороны не атаковать, потому что тамъ болота.

«Послѣ сего я повелъ его на лѣвое крыло, показать ему топкія болота, что его крайне удивило. Мы простились, и никакого дѣла не было; къ вечеру я отошелъ далѣе назадъ.

«На слѣдующее утро, то-есть 4-го сентября, онъ прислалъ извѣстить, что черезъ четверть часа намѣренъ меня атаковать. Между тѣмъ мы съ нимъ опять съѣхались на передовой цѣпи.

— Къ чему проливать кровь,—сказалъ онъ,— ваша армія отступаетъ, вы съ арьергардомъ должны соображаться съ ея движеніями, слѣдовательно уступите мнѣ безъ боя вашу позицію.

— Этого я сдѣлать не могу,—отвѣчалъ я,—и если вамъ угодно поѣхать со мною, то вы удостовѣритесь лично въ моихъ причинахъ.

«Мы поѣхали черезъ нашу цѣпь; король немного оробѣлъ и оглянулся на свиту свою, оставшуюся позади: «Не бойтесь ничего,— сказалъ я,—вы здѣсь безопасны»—и потомъ, обратясь къ стоявшимъ вдалекѣ адъютантамъ его и ординарцамъ, я закричалъ: Messieurs de la suite du roi de Naples». Я показалъ ему мою позицію, онъ просилъ меня уступить ему часть деревни, бывшей впереди оной, и потомъ всю деревню, на что я согласился; послѣ сего онъ хотѣлъ-было ѣхать далѣе со мною, но я, указавъ ему на нашихъ гренадеръ, сказалъ, что этимъ храбрымъ солдатамъ непріятно будетъ, если они увидятъ насъ долго разговаривающихъ вмѣстѣ, простился съ нимъ, провелъ до его аванпостовъ и на другой день скрылся отъ него боковымъ маршемъ на Калужскую дорогу вслѣдъ за главною арміею, оставя за собою по Рязанской дорогѣ казачій отрядъ полковника Ефремова.

«21-го сентября принудилъ я неаполитанскаго короля, послѣ жаркой стычки, отступить на нѣсколько верстъ и занялъ выгодное положеніе. На другой день, объѣзжая передовыя войска, сжалился я надъ непріятельскими ранеными солдатами, лежавшими на полѣ сраженія позади моей передовой цѣпи, потому что я удержалъ мѣсто битвы. Деревня, куда бы можно было перевезти ихъ, была далеко, и я, содрогаясь надъ состояніемъ ихъ, поскакалъ прямо на французскую передовую цѣпь, объявилъ о положеніи ихъ раненыхъ и присовокупилъ, что позволяю ихъ перевезти и для того пріѣхать за ними кому-нибудь изъ французскихъ офицеровъ. Едва я возвратился къ моимъ войскамъ, какъ прибылъ ко мнѣ французскій генералъ Пире, объявя мнѣ, что неаполитанскій король желаетъ со мною говорить. Я поѣхалъ къ нему и встрѣтился съ нимъ между моими аванпостами и французскими.

— Уступите мнѣ вашу позицію,—сказалъ онъ мнѣ опять,—отойдите на двѣ версты назадъ.

— Принудьте меня отойти,—отвѣчалъ я,—я васъ встрѣчу, мы для

Библиотека "Руниверс"

того оба здѣсь; но если вашему величеству угодно видѣть, что мнѣ добровольно нельзя вамъ уступить этого мѣста и что оно для меня важно, то я прошу васъ поѣхать со мною чрезъ мою передовую цѣпь, я вамъ подробно все покажу.

— Полагаясь на васъ,—сказалъ король,—я поѣду съ вами.

Свита его хотѣла за нимъ слѣдовать, но я остановилъ ее, сказавъ, что обязуюсь охранять короля. Онъ въ это время упомянулъ о мирѣ, но я сказалъ ему, ежели оный теперь будетъ заключенъ, то я первый съ себя сниму мундиръ.

— Вотъ—заключилъ графъ Милорадовичъ—въ чемъ состояли разговоры мои съ неаполитанскимъ королемъ, а что объ нихъ напечатано было въ журналахъ, то это сущая ложь».

Слушая занимательный сей разсказъ и много подобнаго, чего здѣсь не помѣщаю, я не примѣтилъ какъ мы пріѣхали въ полдень въ Севастополь, населенный почти единственно морскими чиновниками. У государя былъ обѣдъ, послѣ котораго мы осматривали адмиралтейство, гдѣ спустили 14-ти-пушечное судно, казармы, больницы и военно-сиротское отдѣленіе. Заведенія сіи, которыхъ мнѣ удалось видѣть множество во время путешествій съ государемъ, всѣ устройствомъ и порядкомъ похожи одно на другое; мы ихъ находили въ величайшей исправности, и сіе не могло быть иначе, ибо за нѣсколько мѣсяцевъ впередъ знали, что его величество ихъ посѣтитъ.

Мая 17-го. Государю представлялись, въ восьмомъ часу поутру, разные чиновники, а потомъ мы поѣхали на разводъ, на которомъ со мною случилось происшествіе, меня очень опечалившее. Когда я подходилъ по обыкновенію къ государю отдавать пароль, то его величество, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, чтобы никто не могъ слышать его словъ, съ важнымъ видомъ сказалъ мнѣ, что ему весьма непріятно объявить мнѣ, что до свѣдѣнія его дошло, будто я насмѣхался надъ графомъ Милорадовичемъ и надъ Уваровымъ. Я изумился, ибо это была сущая клевета, но не рѣшился въ оправданіе свое сказать ни слова, потому что мнѣ казалось неприличнымъ и даже непозволительнымъ объяснять о моей невинности на городовой площади, наполненной многочисленнымъ народомъ. Я въ семъ случаѣ молчаніе почиталъ должною данью уваженія къ государю, хотя я и зналъ, что при дворѣ его можно было выслуживаться болѣе дерзостію, чѣмъ скромностію; но я не хотѣлъ измѣнять правиламъ, принятымъ мною однажды навсегда за основаніе моего поведенія. Императоръ, видя, что выговоръ его меня поразилъ, присовокупилъ съ смягченнымъ видомъ:

— Я это говорю для твоей пользы, ибо я умѣю тебя цѣнить; ты будешь самъ со-временемъ въ ихъ чинахъ, посуди какъ тебѣ будетъ больно, ежели будутъ тогда смѣяться.

Библиотека "Руниверс"

При сихъ словахъ государь мнѣ поклонился и уѣхалъ, а я нѣсколько минутъ стоялъ, какъ прикованный, на одномъ мѣстѣ, пока мнѣ не сказали, что надобно было поспѣшать на катеръ, на которомъ мы поѣхали вдоль батарей, называемыхъ Константиновская и Александровская. Едва подняли штандартъ на катерѣ, какъ открыли пальбу съ батарей и съ военныхъ судовъ, на которыхъ вмѣстѣ находилось гораздо болѣе тысячи орудій. Мы проѣхали вдоль всѣхъ береговыхъ укрѣпленій, и симъ ограничился осмотръ оныхъ. Меня удивило, что государь не болѣе сего обратилъ на нихъ вниманіе; сухопутнаго же укрѣпленія, находящагося на сѣверной сторонѣ Севастополя, его величество даже и не посѣщалъ.

Сколько я могъ судить по поверхностному обзору и по планамъ, то система севастопольскихъ укрѣпленій во многихъ частяхъ ошибочна и не соотвѣтствуетъ важности сего порта, который, какъ извѣстно, есть одинъ изъ лучшихъ въ Европѣ, ибо въ немъ съ удобностью помѣщается флотъ, и линейные корабли могутъ приставать къ самому берегу. С ъ сухопутной стороны городъ ничѣмъ не защищенъ, а потому непріятель можетъ его отовсюду обойти, кромѣ сѣверной части, гдѣ сооружено одно укрѣпленіе, но оно слабо, не имѣетъ воды и, кажется, сдѣлано болѣе противъ крымскихъ татаръ, нежели противъ внѣшнихъ враговъ. Береговыя батареи устроены большею частію на скатѣ горъ, отчего онѣ должны находиться подъ выстрѣлами непріятельскими.

Доколѣ мы будемъ въ полуденной Россіи имѣть дѣло съ одними турками, опасаться нечего, хотя, однако-же, появленіе флота ихъ передъ Севастополемъ въ 1811 году было не безопасно, но не должно основывать могущества своего на невѣжествѣ непріятелей и сосѣдей. Ежели Диванъ соединится когда-нибудь съ Англіей или Франціей, или сіи державы будутъ въ возможности посылать военные корабли въ Черное море, то Севастопольская гавань и слѣдственно Черноморскій флотъ нашъ, для котораго она должна служить убѣжищемъ и подпорою, будетъ находиться въ великой опасности.

Черноморскій флотъ показался мнѣ тоже не въ блестящемъ видѣ. Меня увѣряли, будто иные офицеры въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ не ходили въ море, и что когда лѣтомъ эскадры посылаемы были для упражненія офицеровъ въ море, то сіе дѣлалось не болѣе, какъ на шесть недѣль, и что во время сего плаванія рѣдко теряли берега изъ виду. Говорили мнѣ также, будто магазейны, назначенные для сохраненія снарядовъ и припасовъ разнаго рода, были до того оными мало снабжены, что въ намѣреніи показать государю линейный корабль «Парижъ» перевезли на него снасти съ четырехъ кораблей, стоявшихъ у пристани.

По окончаніи прогулки нашей въ гавани, мы ѣздили на линейный

Библиотека "Руниверс"

корабль «Бріеннъ», а потомъ былъ большой обѣдъ на стопушечномъ кораблѣ «Парижѣ», послѣ котораго мы сѣли вновь на катера и поѣхали осматривать построенный генуэзцами городъ Инкерманъ. Наилучшее сохранившееся въ немъ зданіе есть родъ рыцарскаго замка, подобнаго тѣмъ, каковые находятся во множествѣ на берегахъ Рейна и въ разныхъ мѣстахъ Германіи.

Видѣвши Римъ, меня древности Инкермана не много занимали, но на воображеніе мое подѣйствовала сильно слѣдующая встрѣча. Я шаговъ на сто удалился отъ свиты государя и пошелъ къ старинному дому, стоявшему въ правой сторонѣ отъ дороги. Я былъ одинъ, все вокругъ меня молчало, и тишина сія казалась мнѣ глубочайшею послѣ того, что я во все утро былъ оглушенъ отъ пушечной пальбы, слышанной мною въ Севастополѣ. Подлѣ дома мнѣ представился человѣкъ, погруженный въ размышленія, и это былъ Аракчеевъ. Я не сравню его съ Маріемъ, сидящимъ на разрушенномъ Карѳагенѣ, но кто помнитъ, что значилъ Аракчеевъ, тотъ согласится, что нельзя было равнодушно увидѣть сего всесильнаго человѣка своего времени, погруженнаго въ задумчивость на опустѣлыхъ и поросшихъ травою развалинахъ древняго города.

Мы возвратились водою же до того мѣста, гдѣ ожидали насъ экипажи наши. Государь пригласилъ въ свою коляску графа Милорадовича, и мы отправились въ Бакчисарай. Не доѣзжая до него верстъ за шесть, насъ встрѣтила туча татаръ, одѣтыхъ въ блестящія платья; число ихъ умножалось по мѣрѣ, какъ мы приближались къ городу, расположенному на горахъ. Татары почитаютъ его настоящею своею столицею; на языкѣ ихъ Бакчисарай значитъ городъ изъ садовъ. Въ немъ находятся лучшія мечети, изъ коихъ однако же нѣтъ ни одной выстроенной со вкусомъ, училища татарскія, самые богатые жители и имѣетъ пребываніе свое первая духовная особа Крыма. Когда изъ Варшавы было писано къ таврическому губернатору о предполагаемомъ путешествіи государя по полуострову, то онъ извѣстилъ, что татары просили въ видѣ особенной милости, чтобы государь переночевалъ въ Бакчисараѣ и отслушалъ тамъ богослуженіе ихъ.

Государь остановился въ ханскомъ дворцѣ и вмѣстѣ съ нами его осматривалъ. Это огромное зданіе—совершенно въ азіатскомъ вкусѣ, какъ по наружности, такъ и по расположенію комнатъ. Тамъ видны большія залы, посреди коихъ бьютъ фонтаны, сады, разныя надписи на дверяхъ, галлереи, соединенныя между собою посредствомъ стеклянныхъ стѣнъ,—это истинный лабиринтъ, въ которомъ для меня все было ново. Послѣ мы пошли въ главную мечеть, гдѣ отправлялось торжественное богослуженіе по случаю прибытія въ Бакчисарай государя. По окончаніи молебствія, одинъ изъ дервишей сталъ посреди круга, со-

Библиотека "Руниверс"

ставленнаго изъ его собратій, и вертѣлся около четверти часа, между тѣмъ какъ прочіе его товарищи ходили равномѣрно вкругъ его и кричали, или лучше сказать ревѣли ужаснымъ голосомъ; въ заключеніе муфтій читалъ молитву. Въ продолженіе богослуженія государь стоялъ на хорахъ. По возвращеніи изъ мечети, насъ пригласили смотрѣть обряды татарской свадьбы, состоящіе въ слѣдующемъ: множество татаръ ввели жениха при самыхъ нескладныхъ звукахъ ненастроенныхъ скрипокъ и барабановъ и посадили его въ углу комнаты; около него сѣли нѣсколько стариковъ, и предъ нимъ былъ поставленъ столъ съ толокномъ и разнаго рода хлѣбомъ, которое они ѣли. Послѣ внесли нѣсколько корзинъ съ позолоченными булками и самой грубой работы игрушками, вырѣзанными изъ золотой бумаги. При шумѣ той же нестерпимой музыки начались танцы; сперва плясали два татарина, потомъ тѣ люди, которые въ корзинахъ принесли булки и игрушки, а въ заключеніе плясали опять два татарина, имѣя въ рукахъ гремушки. Симъ кончился свадебный обрядъ, въ продолженіе коего гости прохаживались, говорили между собою и не занимались женихомъ. Въ домѣ невѣсты происходило также особаго рода празднество, и, какъ говорили, подобное тому, которое мы видѣли.

Мая 18. Поутру, въ девятомъ часу, было представленіе. Сперва вошли къ государю человѣкъ 12 почетнѣйшихъ духовныхъ съ муфтіемъ. Императоръ желалъ, чтобы никого изъ насъ при сей аудіенціи не было, и запретилъ находиться при оной даже князю Балатукову, отправлявшему при его величествѣ должность переводчика, а велѣлъ избрать кого-либо другаго въ сіе званіе. Я разговаривалъ передъ аудіенціею съ муфтіемъ, который показался мнѣ человѣкомъ умнымъ: изъ языковъ ему извѣстны были арабскій, турецкій и татарскій. Я спрашивалъ его о значеніи церемоніи, что дервиши вертятся кругомъ; онъ отвѣчалъ, что это дѣлается въ ознаменованіе того, что свѣтила небесныя двигаются вокругъ Бога. Послѣ духовныхъ, представляли бековъ, то есть князей, и простыхъ дворянъ; это были люди самые необразованные, находившіеся на низшей степени просвѣщенія; ни одинъ изъ нихъ не зналъ другаго языка, кромѣ природнаго, и всѣ дурно говорили по-русски. Завтракъ, который принесли мнѣ и разнымъ особамъ нашей свиты, доказывалъ о варварствѣ жителей. Онъ состоялъ изъ жареной и печеной баранины, приготовленной такимъ образомъ, что при лучшемъ аппетитѣ оной ѣсть было нельзя.

Послѣ представленія, мы поѣхали въ Чуфутъ-Кале, мѣстечко, отстоящее отъ Бакчисарая верстахъ въ четырехъ, обитаемое одними караимами, или еврейскими раскольниками, которые не признаютъ Талмуда, или толкованія Ветхаго завѣта. Чуфутъ-Кале выстроенъ за нѣсколько сотъ лѣтъ и расположенъ на высокихъ скалахъ. Древность

Библиотека "Руниверс"

его свидѣтельствуетъ гробница, которую мы нашли на кладбищѣ; изъ надписи ея явствуетъ, что она сооружена болѣе нежели за 570 лѣтъ. Въ самомъ городѣ считаютъ до 250 домовъ, не большихъ, но довольно чистыхъ. Одѣяніе жителей доказываетъ, что они зажиточны. Мы сперва были въ церкви, а потомъ у одного караима на завтракѣ, состоявшемъ изъ орѣховъ, сотоваго меду, масла, сыра, плодовъ и константинопольскихъ конфектъ. Послѣ завтрака, караимъ пригласилъ государя въ свой сераль, гдѣ мы увидѣли женщинъ съ десять, которыя при появленіи нашемъ сперва закрыли лица руками, но когда имъ объявили, что между посѣтителями находится падишахъ, то-есть императоръ, то онѣ мало-по-малу начали на насъ глядѣть. Во взорахъ ихъ изображался какой-то видъ дикаго удивленія; онѣ смотрѣли на насъ, какъ на враждебныя существа, что иначе и быть не могло, потому что онѣ въ первый разъ въ своей жизни увидѣли въ мирномъ жилищѣ своемъ множество мужчинъ; иныя изъ нихъ дрожали отъ страха. Это были первыя женщины, которыхъ мы видѣли въ Крыму; возрастъ ихъ былъ различный: самой молодой было лѣтъ шестнадцать, а пожилой лѣтъ пятьдесятъ. У той, которая почиталась красивѣйшею, ногти выкрашены были до половины краскою; караимъ указывалъ на нее съ нѣкоторымъ торжествомъ. Въ гаремѣ царствовала величайшая неопрятность, а одежда и вообще убранство женщинъ были самыя простыя. Выходя, государь поручилъ переводчику сказать симъ женщинамъ, «что онъ очень радъ, что съ ними познакомился».

Изъ Чуфутъ-Кале мы поѣхали въ Греческо-Успенскій монастырь, которому тысяча триста лѣтъ отъ построенія. Всего примѣчательнѣе положеніе его, ибо онъ находится посреди скалы и почти виситъ надъ землею. Недалеко отъ монастыря мы видѣли цыганскую деревню, которой жители покрывали большую дорогу; бѣдности, нищеты и неопрятности ихъ и домовъ ихъ описать не можно. Мы возвратились въ Симферополь часу въ четвертомъ; здѣсь я услышалъ, что вдова знаменитаго Палласа находилась въ великой нуждѣ.

Мая 19. Поутру, въ десять часовъ, мы выѣхали изъ Симферополя и прибыли передъ вечеромъ въ Перекопъ, гдѣ и окончилось десятидневное путешествіе наше по Таврическому полуострову. Время сіе было слишкомъ коротко, чтобы основательно узнать сей край, любопытный по воспоминаніямъ древности, примѣчательный по необыкновеннымъ своимъ красотамъ природы и важный въ политическомъ отношеніи по мѣстности своей. Къ тому же мое положеніе по службѣ не позволяло мнѣ останавливаться тамъ, гдѣ бы я желалъ дѣлать наблюденія, и видѣть людей и заведенія въ такомъ состояніи, въ какомъ они обыкновенно находятся. При проѣздахъ монарховъ стараются взорамъ ихъ представить предметы въ наилучшемъ видѣ, на нихъ на-

Библиотека "Руниверс"

водятъ блестящій лакъ, ежели позволено мнѣ будетъ употребить сіе выраженіе: они видятъ не то, что есть, но то, что хотятъ имъ показать. Не взирая на сіе, двѣ главныя черты меня поразили: разореніе и невѣжество жителей съ одной стороны, а съ другой—безпечность нашего правительства.

На каждомъ шагу я встрѣчалъ бѣдность или, лучше сказать, нищету; у коренныхъ жителей, то-есть у татаръ, не видно и слѣдовъ промышленности, которая не можетъ существовать тамъ, гдѣ нѣтъ ручательства въ неприкосновенности собственности и въ прочности ея владѣнія. «Или мы выгонимъ русскихъ изъ Крыма,—говорятъ татары,—или они насъ истребятъ и выгонятъ». Ежели государственное хозяйство не умножается, то оно приходитъ въ упадокъ, и эта истина обнаруживается повсюду въ Таврядѣ. Татаринъ, сидя въ своей хижинѣ, покрытой сучьями и листьями, равнодушно смотритъ на орѣховое дерево своего огорода, нерѣдко составляющее все его имущество, которое питаетъ его семейство; не заботясь объ улучшеніи своего состоянія, онъ доволенъ, когда жена его и дѣти не умираютъ съ голода и когда прошелъ день, въ который его не притѣснили или не обидѣли.

Когда мы завоевали полуостровъ, то въ ономъ считалось до четырехъ сотъ тысячъ обывателей, а въ 1818 году оставалось ихъ только сто тридцать тысячъ.

Имъ позволено было выѣзжать за-границу въ извѣстные сроки; нѣкоторые распродали имущества свои и отправились въ приморскіе города, дабы сѣсть тамъ на корабли, но какъ велико было ихъ огорченіе, узнавши, что они пропустили нѣсколько дней за срокъ; они принуждены были возвратиться на родину свою и выкупать по высокимъ цѣнамъ то, что они не задолго передъ тѣмъ продали дешево.

Магометанскій законъ и благорастворенный климатъ располагаютъ татаръ къ лѣни и нѣгѣ; но сему можно помочь заведеніемъ училищъ и обезпеченіемъ собственности татаръ и трудовъ ихъ. Со стороны же нашего правительства не принято никакихъ мѣръ къ образованію ихъ; не было ни одного училища, гдѣ бы татары могли пріобрѣтать познанія русскаго языка и, съ тѣмъ вмѣстѣ, получать нѣкоторыя понятія о наукахъ, которыя бы поселили въ нихъ охоту къ дѣятельности, сему надежному источнику благосостоянія. Сверхъ того, просвѣщеніе ознакомило и сблизило бы ихъ съ русскими, привязало бы ихъ къ Россіи и уничтожило бы преданность ихъ къ туркамъ, которая въ нашемъ правительствѣ всякій разъ, когда мы имѣемъ войну съ Портою, возбуждаетъ противъ татаръ подозрѣніе въ тайномъ участіи ихъ съ ихъ единовѣрцами. Екатерина II, отъ прозорливости коей, кажется, ничто полезное въ ея имперіи не скрывалось, пригласила почетнѣйшихъ татаръ отдать сыновей своихъ въ существовавшій тогда въ Петербургѣ грече-

Библиотека "Руниверс"

скій корпусъ, не требуя, чтобы они перемѣняли вѣру свою. Нѣсколько молодыхъ людей получили въ немъ свое образованіе, они отбросили предразсудки своей отчизны и отличались службою, но благодѣтельное заведеніе сіе уничтожено при императорѣ Павлѣ.

Русскіе помѣщики въ Крыму, съ малымъ исключеніемъ, состоятъ большею частью изъ бродягъ, какъ сіе обыкновенно бываетъ въ странѣ, вновь заселяемой. Правительство раздавало земли всякому, безъ разбора; пришлецы сіи принесли съ собою пороки свои и начали угнетать коренныхъ, беззащитныхъ жителей, отчего возродилось множество тяжбъ. Они оспариваютъ право владѣнія землями у татаръ, выгоняютъ ихъ съ оныхъ, и несчастные сіи, не зная ни языка нашего, ни законовъ русскихъ, не находятъ покровительства въ судахъ, потому что чиновники, служащіе въ различныхъ присутственныхъ мѣстахъ, суть люди безъ образованія, имѣющіе одною цѣлью—составить себѣ состояніе; слѣдовательно, ни они, ни помѣщики русскіе не могли обращеніемъ своимъ и нравственностью привязать къ намъ татаръ и, распространяя разнаго рода полезныя свѣдѣнія въ краю полудикомъ, способствовать къ умноженію народнаго богатства.

Судебныя мѣста въ рѣшеніяхъ своихъ основываются на русскихъ законахъ, которыхъ въ Крыму приспособить нельзя, ибо законы, сколь бы они благоразумны ни были, годны только для той земли, для которой ихъ составляли. Я приведу для примѣра дѣло адмирала Мордвинова съ жителями Байдарской долины. Государственный Совѣтъ положилъ мнѣніемъ: «владѣть землями Мордвинову, доколѣ татары не представятъ документовъ на принадлежность имъ земель». Татары говорили мнѣ, что другихъ крѣпостей у нихъ не находится, кромѣ извѣстнаго преданія и права давности, или, лучше, вѣчнаго владѣнія. «Спросите,—говорилъ мнѣ проводникъ государя по южному берегу,—стариковъ въ Байдарской долинѣ и всѣхъ сосѣднихъ селеній, они вамъ скажутъ, что предки мои владѣли садомъ, доставшимся мнѣ по наслѣдству отъ отца моего, и который у меня отнялъ управитель Мордвинова, Платоновъ, въ 1812 году, когда я, служа въ Симферопольскомъ полку, защищалъ Россію и получилъ Георгіевскій крестъ, а онъ завладѣлъ моею землею подъ предлогомъ, что я не имѣю письменныхъ документовъ на принадлежность оной».

Количество просьбъ, поданныхъ государю въ Крыму, невѣроятно; я сосчиталъ, что близъ Байдаръ, на пространствѣ 32-хъ верстъ, подали болѣе семисотъ прошеній. Императоръ велѣлъ мнѣ принимать ихъ; наполнивъ ими всѣ свои карманы, я принужденъ былъ завязывать ихъ цѣлыми узлами въ платки и вручать ихъ слѣдовавшимъ за нами проводникамъ. Правда, что изъ числа ихъ были и недѣльныя просьбы такимъ образомъ, иные татары просили о вспоможеніи, дабы сходить

Библиотека "Руниверс"

на поклоненіе въ Мекку; однако же, не менѣе того, тысячи прошеній доказываютъ о бѣдственномъ положеніи жителей. Во время высочайшаго проѣзда въ Керчь и обратно въ Симферополь цѣлыя селенія выходили на встрѣчу государя съ жалобами; въ степяхъ случалось, что татары подъѣзжали къ государю верхомъ, вручали ему въ собственныя руки прошенія и вихремъ скрывались по полю во весь опоръ. Для отвращенія злоупотребленій, учреждена давно коммиссія, но дѣйствія ея были безуспѣшны. Когда государь поѣхалъ осматривать южный берегъ, то онъ приказалъ въ ней присутствовать графу Аракчееву, который, съ свойственною ему проницательностью, увидѣлъ, что переводы на русскій языкъ просьбъ, писанныхъ по-татарски, дѣланы были неправильные, почему онъ потребовалъ отъ муфтія особеннаго переводчика. Впрочемъ, Аракчееву при всей его дѣятельности невозможно было въ четыре дня уничтожить вѣковыя злоупотребленія въ краю, для него совершенно новомъ.

Мая 20-го. Въ девятомъ часу утра мы выѣхали изъ Перекопа въ Терпѣніе по необозримымъ степямъ, обитаемымъ нагайскими татарами. Французскій эмигрантъ, графъ де-Мезонъ, посвятилъ себя образованію ихъ: онъ довелъ уже ихъ до того, что они оставили кочующую жизнь и построили себѣ деревни. Правда, что для достиженія своей цѣли онъ принужденъ былъ употреблять насильственныя мѣры: напримѣръ, онъ однажды сжегъ нѣсколько тысячъ кибитокъ ихъ. Странная участь человѣческаго рода! Чтобы сдѣлать добро, надобно начинать иногда зломъ. Закоренѣлые вѣковые предразсудки нельзя, большею частью, истреблять какъ принужденіемъ, чему царствованіе Петра Великаго служитъ доказательствомъ и оправданіемъ. Прежде на сихъ степяхъ паслось безчисленное количество выгоняемыхъ ежегодно изъ Крыма лошадей, и казна, которой принадлежали земли, взимала самую малую пошлину; когда ихъ роздали частнымъ людямъ, то сіи потребовали съ табуновъ несравненно болѣе, нежели платилось прежде, отчего крымскіе татары начали мало лошадей выгонять на сіи степи и уменьшили свое скотоводство, а ремонтеры, находившіе здѣсь во множествѣ и покупавшіе за дешевую цѣну лошадей, принуждены были обратиться къ покупкѣ ихъ на конскихъ заводахъ. Кавалерія наша ежегодно получаетъ менѣе и менѣе степныхъ лошадей и въ скоромъ времени будетъ имѣть только заводскихъ—не столь крѣпкихъ и сносныхъ, какъ степныя. На сіе значило бы негодовать, что безконечные пространствомъ луга, отъ міросданія не воздѣланные рукою человѣческою, обращаются въ собственность частныхъ людей и будутъ приносить стократную прибыль владѣльцамъ своимъ и слѣдовательно государству. Это похоже на жалобы старожиловъ въ Россіи, которые съ сокрушеннымъ сердцемъ смотрятъ на истребленіе лѣсовъ, не уважая, что причиною тому умножающееся

Библиотека "Руниверс"

народонаселеніе, а съ тѣмъ вмѣстѣ возрастающіе успѣхи гражданской образованности. При Юліи Кесарѣ и даже при Карлѣ Великомъ Германія и Франція покрыты были дремучими лѣсами, мѣста которыхъ заступили тучныя пашни, составляющія источникъ обилія для жителей и предметъ удивленія для путешественниковъ.

Я пріѣхалъ часу въ девятомъ въ село Терпѣніе, обитаемое духоборцами и выстроенное лѣтъ за пятнадцать. Такъ какъ государь еще не прибылъ, то я пригласилъ къ себѣ нѣсколькихъ стариковъ, съ которыми разговаривалъ о сектѣ ихъ. Они мнѣ читали молитвы «Отче нашъ» и «Символъ вѣры», произносимыя ими безъ всякой отмѣны противъ православныхъ; но они не вѣруютъ въ таинства, не уважаютъ ничего наружнаго и все заключаютъ единственно во внутренности, въ молитвѣ не устной, а въ поклоненіи духомъ, подобно тому, какъ многія секты въ Англіи и въ сѣверной Америкѣ. Отцы и матери называютъ дѣтей своихъ по именамъ, а не говорятъ сынъ мой или дочь моя, утверждая, что это есть оскорбленіе Божества, которое одно есть «общій отецъ всѣхъ». Равнымъ образомъ и дѣти не называютъ родителей своихъ священнымъ именемъ отца и матери, но стариками, потому, говорятъ они, что мы о дѣтяхъ стараемся. Слѣдственно они производятъ слово старикъ отъ глагола «стараться». Кромѣ десяти заповѣдей Моисеевыхъ они признаютъ двѣнадцать другихъ, какъ-то: терпѣніе, покорность и подобныя названія добродѣтелей. Церквей у нихъ нѣтъ, и они сходятся для богослуженія ежедневно поутру и ввечеру на открытомъ мѣстѣ или въ молебномъ домѣ. Мужчины становятся по одну, а женщины по другую сторону; начинаютъ пѣть всѣ вмѣстѣ протяжнымъ голосомъ псалмы Давидовы и потомъ цѣлуются—мужчины между собою и женщины также одна съ другою. Образовъ и священниковъ у нихъ не имѣется, и они не дѣлаютъ знаменія крестоваго. Они управляются стариками, отмѣнно ими уважаемыми, которые для исполнительной части назначаютъ выборнаго, подобно тому, какъ сіе водится въ нашихъ деревняхъ. Я узналъ отъ нихъ, что есть духоборцы между крѣпостными людьми, принадлежащими разнымъ помѣщикамъ, и между казаками.

На вопросъ мой, давно ли существуетъ ихъ секта, именуемая ими «согласіе», они отвѣчали мнѣ, что со временъ Навуходоносора. Какъ изъ сего отзыва, такъ и изъ всего разговора нашего я усмотрѣлъ, что они не имѣютъ ни учености, ни историческихъ понятій о союзѣ своемъ, и что они большіе энтузіасты.

— Довольны ли вы вашимъ состояніемъ?—спросилъ я ихъ.

— Намъ не достаетъ словъ,—отвѣчали они,—возблагодарить государя за его покровительство, ибо въ его царствованіе гоненія противъ насъ прекратились. Многіе изъ братій нашихъ (ибо такъ они себя называютъ), находящіеся въ Сибири, въ Выборгской и Архангельской

Библиотека "Руниверс"

губерніяхъ, мало-по-малу возвращаются въ дома свои по повелѣнію императора.

Дѣйствительно, признательность ихъ къ Александру должна была быть безпредѣльною, потому что они видѣли въ немъ ангела-покровителя. Секта сія, коей начало теряется во мракѣ временъ, сдѣлалась извѣстна правительству съ 1770 года, и съ тѣхъ поръ мѣстныя начальства, почитая духоборцевъ опасными членами общества, ихъ всячески притѣсняли, пока Александръ, въ первый годъ своего вступленія на престолъ, не обратилъ на нихъ вниманія. Онъ отправилъ двухъ сенаторовъ, столько же отличныхъ по добродѣтелямъ своимъ, сколько и по просвѣщенію, Лопухина и Нелединскаго, удостовѣриться о положеніи духоборцевъ и принять мѣры къ будущему благосостоянію ихъ.

Донесенія сенаторовъ и отвѣты на оныя монарха должны послужить украшеніемъ нашей исторіи и радостнымъ явленіемъ для друга человѣчества. Сенаторы, употребляя мѣры кротости, узнали, что духоборцы бывали прежде въ церквахъ нашихъ, крестились, ходили къ св. Причастію и исполняли всѣ внѣшнія обязанности религіи, доколѣ не начались противъ нихъ гоненія и ссылки; тогда они изъ досады, по ихъ собственному признанію, перестали повиноваться уставамъ церковнымъ и стали отвергать все внѣшнее и образное. Ихъ подвергали самымъ варварскимъ истязаніямъ.

— За что вы ихъ били?—спросилъ Лопухинъ чиновника, бывшаго однимъ изъ мучителей ихъ.

— За то,—отвѣчалъ онъ,—что они въ церкви стоятъ, а не то думаютъ.

— Почему вы знаете, что они не то думаютъ?—продолжалъ Лопухинъ.

— Это видно,—отвѣчалъ чиновникъ,—посмотрите на нихъ, похожи ли они на христіанъ: кровинки въ лицѣ нѣтъ.

Сенаторы, представивъ сіи и подобные поступки на видъ государя, предложили перевести духоборцевъ изъ Харьковской губерніи, гдѣ они до того жили, въ Новороссійскій край, для устраненія ихъ отъ притѣсненій и для того, чтобы отдаленіемъ ихъ въ особыя селенія затруднить имъ способы размножать секту свою. Государь принялъ съ признательностью слѣдствіе, сдѣланное сенаторами, и приказалъ поселить духоборцевъ на Молочныхъ Водахъ.

Государь прибылъ поздно вечеромъ въ Терпѣніе, послѣ чего я пошелъ въ отведенный мнѣ домъ одного духоборца, который я нашелъ въ чрезвычайной чистотѣ.

Мая 21. Въ шесть часовъ утра государь слушалъ службу духоборцевъ, называемую «поклоненіе», и сказалъ имъ: «Я вашъ защитникъ», потомъ, обратясь къ намъ, присовокупилъ: «Они люди добродѣтельные».

Библиотека "Руниверс"

Въ девятомъ часу мы выѣхали изъ Терпѣнія въ Маріуполь, куда прибыли по захожденіи солнца. Сначала дорога шла по духоборческимъ селеніямъ, потомъ двѣнадцатью прекраснѣйшими колоніями меноннитовъ, которыя чистотою и опрятностью домовъ и садиковъ своихъ напоминаютъ самыя изобильныя страны Германіи. Послѣ сего везли насъ по селеніямъ нагайцевъ и казаковъ, а наконецъ по деревнямъ, обитаемымъ греками. Такимъ образомъ, на пространствѣ 180 верстъ живутъ спокойно и въ мирѣ пять народовъ, совершенно различные одинъ отъ другаго происхожденіемъ, вѣрою, языкомъ, просвѣщеніемъ и обычаями. Усладительна картина терпимости вѣръ въ Россіи, о которой государь часто и съ особеннымъ удовольствіемъ говорилъ, какъ ревностнѣйшій ея защитникъ. Чтобы угодить его величеству, принцъ Гессенъ-Гомбургскій разсказалъ государю, что съ нимъ случилось въ Крыму.

— Я, говорилъ онъ, протестантъ, со мною въ коляскѣ сидѣлъ графъ Кламмъ—католикъ, на козлахъ былъ кучеръ—русскій, слѣдственно греческаго исповѣданія, форейторъ былъ еврей, а переводчикъ, подлѣ меня ѣхавшій, магометанинъ.

Въ Маріуполѣ ожидалъ насъ екатеринославскій губернаторъ Калагеоргій, находившійся при воспитаніи цесаревича Константина Павловича. Онъ человѣкъ умный и жаловался мнѣ на невѣжество и грабежи гражданскихъ чиновниковъ.

— Зачѣмъ онъ сюда пріѣхалъ?—спросилъ меня императоръ съ видомъ неудовольствія, ибо государь запретилъ губернаторамъ выѣзжать къ нему на встрѣчу въ уѣзды. Ежели губернскіе города не находились на дорогѣ государя, то онъ проѣзжалъ по губерніи, не видавши начальника оной. Эта черта въ императорѣ была для меня непостижима, ибо хотя губернаторы вообще у насъ люди посредственные, но они, во всякомъ случаѣ, могли сообщать множество свѣдѣній объ управляемомъ ими краѣ.

Маріуполь—городокъ порядочный, обитаемый греками; онъ лежитъ на берегу Азовскаго моря. Мы изъ него выѣхали мая 22-го, часовъ въ десять поутру, и прибыли передъ вечеромъ въ несчастный Таганрогъ, который будетъ вѣчно напоминать, что Европа лишилась въ немъ своего миротворца, а Россія—своего избавителя и просвѣтителя.

Библиотека "Руниверс"

V.

Пріѣздъ въ Таганрогъ.—Неудовольствіе государя на таганрогскаго градоначальника Папкова.—Выговоръ графу Ланжерону.—Крѣпость св. Димитрія.—Новочеркасскъ.—Въѣздъ государя и балъ.—Могила графа Платова.—Случай съ камердинеромъ государя.—Павловскъ.—Графъ Ламбертъ.—Кончина фельдмаршала Барклая-де-Толли.—Его бумаги.—Хрѣновое.—Графиня Орлова-Чесменская.—Воронежъ.—Суконная фабрика Тулинова.—Губернаторъ Дубенскій.—Липецкъ.—Поэтесса Бунина.—Ея письмо ко мнѣ.—Рязань.—Крестьянскія встрѣчи государя по дорогѣ.—Балъ, данный рязанскимъ дворянствомъ.—Крѣпостной поэтъ-самоучка Сибиряковъ.—Возвращеніе въ Москву.—Расходы, сдѣланные во время путешествія государя.—Закладка храма Христа Спасителя въ Москвѣ.—Необычайная память императора Александра.

По пріѣздѣ въ Таганрогъ мнѣ дали непріятное порученіе—объявить градоначальнику онаго Папкову, отъ имени государя, чтобы онъ не являлся на глаза его величеству. Это произошло по причинѣ разныхъ жалобъ, поданныхъ на него. Папковъ показывалъ мнѣ множество приготовленныхъ имъ для пріѣзда государя плановъ и чертежей новымъ строеніямъ, какъ-то: гавани, карантина и другимъ, которыхъ онъ, послѣ запрещенія, мною ему объявленнаго, не намѣренъ былъ посылать къ императору. Мнѣ это показалось не простительнымъ эгоизмомъ.

Таганрогъ—красивый городъ, въ которомъ процвѣтала торговля, почти исключительно производимая русскими купцами. Я имѣлъ случай познакомиться съ почетнѣйшими изъ нихъ, потому что они приходили ко мнѣ, желая, чтобы я принялъ отъ нихъ прошеніе къ императору, въ которомъ они оправдывали своего градоначальника. Я замѣтилъ, что они завистливымъ окомъ смотрѣли на Одессу и на преимущества, дарованныя сему городу.

— Таганрогъ, говорили они мнѣ, имѣетъ только 20.000 дохода, въ то время какъ Одессѣ присвоено онаго болѣе 200.000. Мы отпускаемъ за море, продолжали они, произведенія старинныхъ великороссійскихъ губерній, въ то время какъ Одесса торгуетъ только пшеницею, присылаемою въ нее изъ края, въ недавнія времена присоединеннаго къ Россіи.

Мнѣ казалось, что государь былъ предупрежденъ въ пользу Одессы; это и неудивительно, потому что тамъ живутъ французы и италіанцы, мастера говорить, а за Таганрогъ, обитаемый русскими купцами, некому было вступиться; однако же, императоръ, по осмотрѣ Таганрога и гавани его, въ которой, несмотря на неудобства ея, находилось болѣе двухсотъ кораблей, и переговоривъ съ купцами, послалъ къ графу Ланжерону строгій выговоръ за несправедливыя его донесенія о семъ городѣ и о торговлѣ онаго.

Библиотека "Руниверс"

На другое утро, въ то время, какъ императоръ осматривалъ больницы, казармы, карантинъ и гавань, я ходилъ гулять въ общественный садъ, лежащій на берегу Азовскаго моря и часа два дышалъ на свободѣ; это былъ для меня настоящій праздникъ, въ чемъ со мною согласится только тотъ, кто подобно мнѣ, долго не властенъ былъ располагать своимъ временемъ. Я не думалъ, увы! что чрезъ семь лѣтъ, будетъ здѣсь въ послѣдній разъ въ жизни наслаждаться благорастворенным южнымъ климатомъ и прекрасною природою Александръ, страстный ея обожатель. Кончина его для вселенной была громовымъ ударомъ, но для полуденной Россіи она была всего бѣдственнѣе, потому что Александръ былъ первый изъ нашихъ государей, который, лично осмотрѣвъ сей край, восхитился имъ и дѣлалъ для благосостоянія его предположенія, которыя теперь долго, очень долго не приведутся въ исполненіе.

Въ Таганрогъ пріѣзжалъ нарочный чиновникъ отъ донскаго войска, чтобы освѣдомиться о днѣ и часѣ прибытія императора въ Черкасскъ. Государь, узнавъ отъ него, что тамъ поставлено было двое тріумфальныхъ воротъ еще покойнымъ графомъ Платовымъ, и что для тѣхъ, въ которые надобно было въѣзжать его величеству, приготовлены были стихи, изъявилъ желаніе, чтобы стихи сняли. Такимъ образомъ, заставили доскою слѣдующее произведеніе Донскаго Барда, достойное Тредьяковскаго.

«Объемлемы восторгомъ радостью сердца
Спѣшатъ во срѣтенье монарха и отца;
Се Александръ днесь ту же благость намъ явилъ.
Чѣмъ въ первый разъ великій Петръ насъ озарилъ».

Мая 23-го. Въ полдень мы выѣхали изъ Таганрога, который и для позднихъ потомковъ будетъ предметомъ горестныхъ воспоминаній. Дорога до Новочеркасска идетъ степями; проѣхавши верстъ около восьмидесяти, мы встрѣтили вдругъ три города: Ростовъ, крѣпость св. Димитрія и Нахичевань; сей послѣдній, обитаемый единственно греками и армянами. Множество прекрасныхъ гречанокъ смотрѣли въ окна; правильныя черты лицъ ихъ могли бы служить образцомъ для ваятелей. Крѣпость св. Димитрія важна для Россіи въ томъ только отношеніи, что, находясь въ тылу донскихъ казаковъ, она обезпечиваетъ насчетъ какихъ-либо могущихъ послѣдовать съ ихъ стороны непозволительныхъ покушеній. Самъ Платовъ, однажды, въ веселую минуту, по принесеніи жертвы Вакху, совѣтывалъ не упускать изъ вида сего обстоятельства. Былъ примѣръ, что надлежало взять подъ стражу войсковаго атамана, для чего былъ присланъ одинъ гвардіи капитанъ съ небольшимъ отрядомъ солдатъ и, едва онъ исполнилъ данное ему порученіе, какъ казаки за нимъ погнались; но къ счастію, онъ успѣлъ достигнуть крѣпости св. Димитрія, куда погоня не осмѣлилась за нимъ послѣдовать.

Библиотека "Руниверс"

По пріѣздѣ моемъ въ Черкасскъ, я со всѣми донскими генералами, которыхъ было тринадцать, и со штабъ-офицерами поѣхалъ верхомъ на встрѣчу государю. Его величество прибылъ въ сумерки, часу въ восьмомъ, сѣлъ на казачью лошадь и на казачье сѣдло и такимъ образомъ въѣхалъ въ Черкасскъ при обыкновенныхъ восклицаніяхъ народа; онъ посѣтилъ сперва церковь, передъ которой выставлены были атаманскія булавы, насѣки, жалованныя грамоты и знамена, а потомъ отправились въ домъ наказнаго атамана Иловайскаго 5-го. Здѣсь представлялись казачьи генералы, которыхъ государь благодарилъ за ихъ службу. Со временъ Петра Великаго, ни одинъ монархъ не бывалъ на Дону.

Въ 10-ть часовъ вечера, мы поѣхали на балъ; въ залѣ, въ которой танцовали, находилось множество образовъ въ богатыхъ окладахъ, а напротивъ ихъ висѣли историческія картины лучшихъ мастеровъ италіанской и французской школы. Онѣ были измяты, что доказывало способъ пріобрѣтенія оныхъ, и что ихъ перевозили на верховыхъ лошадяхъ. Женщины пожилыя почти всѣ были одѣты въ національномъ платьѣ, состоящемъ изъ капота съ длинными рукавами, который застегивается у самого подбородка и хотя въ числѣ ихъ были супруги генераловъ, но онѣ не имѣли никакого образованія. Напротивъ того, молодыя перестали носить національное платье и нѣкоторыя изъ нихъ говорили по-французски, чему ихъ учили выписныя иностранки.

Въ Новочеркасскѣ нѣтъ ни одного любопытнаго заведенія; я былъ въ войсковой канцеляріи и меня увѣряли, что въ оной совѣсть и судъ продажные, что по непросвѣщенію и алчности казаковъ и не удивительно. Они отмѣнно хитры; передо мною многіе ползали. Въ присутственной комнатѣ войсковой канцеляріи, кромѣ портрета императора, находилось изображеніе завоевателя Сибири Ермака, коего копію я также видѣлъ у генерала Иловайскаго, у котораго государь имѣлъ свое пребываніе. Сказываютъ, что портреты Ермака находятся во многихъ домахъ. Я посѣтилъ гробницу графа Платова, котораго имя гремѣло въ свѣтѣ, на берегахъ Темзы воздавали ему почести, какъ одному изъ избавителей Европы. Платовъ старость свою омрачилъ низкими слабостями, напримѣръ, въ оба дня Бородинскаго сраженія, гдѣ дѣло шло объ участи Россіи, онъ былъ мертвецки пьянъ, что я видѣлъ своими глазами. На Дону его не любили за разныя нововведенія, которыя, какъ мнѣ сказывали, были вредны для сего края, напримѣръ, перенесеніе города изъ стараго Черкасска въ Новый и запрещеніе нанимать за себя казаковъ въ военное время.

Мая 24-го. По утру государь объѣзжалъ городъ верхомъ, послѣ того болѣе трехъ часовъ занимался въ кабинетѣ съ графомъ Аракчеевымъ, а въ заключеніе поѣхалъ на большой обѣдъ къ казакамъ. Въ сіе

Библиотека "Руниверс"

время мнѣ приказали отправиться впередъ въ городъ Павловскъ, отъ Черкасска въ 384 верстахъ; я проѣхалъ сіе пространство съ небольшимъ въ сутки, не видавъ на семъ пути ничего, кромѣ неизмѣримыхъ степей, и жалѣя, что поспѣшность, съ каковою мы ѣхали, не позволила мнѣ короче познакомиться съ донскими воинами. По мѣрѣ, какъ я приближался къ Павловску, начинали показываться русскія селенія, видъ коихъ мнѣ былъ очень пріятенъ потому, что три мѣсяца я былъ между чуждыми народами.

Въ Черкасскѣ чиновники хотѣли подарить камердинеру государя тысячу рублей, который сихъ денегъ не принялъ и доложилъ о семъ императору, и его величество велѣлъ выдать ему изъ собственныхъ денегъ сію сумму.

Мая 25-го. Поздно вечеромъ я пріѣхалъ въ Павловскъ, гдѣ нашелъ командовавшаго тамъ войсками графа Ламберта, одного изъ отличнѣйшихъ генераловъ нашихъ; я думаю, что ежели бы онъ не былъ раненъ подъ Борисовымъ, то переправа непріятелей черезъ Березину сопряжена бы была для нихъ съ гораздо бо́льшими потерями, нежели какъ то случилось. Я основываю сіе заключеніе на томъ, что онъ былъ лучшимъ генераломъ молдавской арміи и, по любезности своего характера, заставлялъ слушать свои совѣты командовавшаго оною арміею Чичагова, который по совершенному незнанію военнаго искусства и упрямству своему имѣлъ надобность въ руководствѣ графа Ламберта.

Мая 26-го. Рано поутру въ Павловскомъ была панихида по фельдмаршалѣ Барклаѣ-де-Толли. Извѣстіе о его смерти, послѣдовавшей въ прусскомъ городѣ Инстербургѣ, на 59-мъ году отъ рожденія, получено было въ крѣпости св. Дмитрія; оно сильно поразило императора; его величество нѣсколько разъ перечитывалъ донесеніе, присланное къ нему по сему поводу отъ начальника главнаго штаба первой арміи Дибича. Князь Барклай-де-Толли не имѣлъ качествъ потребныхъ для высокаго званія, въ которое онъ былъ облеченъ, и для того преисполненнаго важнѣйшими событіями времени, когда на него возложена была защита Россіи противъ нашествія Западной Европы подъ предводительствомъ опытнѣйшаго полководца, но по благородному характеру своему и по добротѣ сердца его отмѣнно любили въ арміи.

Генералъ Дибичъ прислалъ государю большой ящикъ съ запечатанными бумагами покойнаго фельдмаршала, изъ коихъ императоръ фамильныя бумаги возвратилъ супругѣ его, а прочія, коихъ содержаніе неизвѣстно никому, оставилъ у себя. Я узналъ впослѣдствіи отъ сына фельдмаршала, что рукопись о войнѣ 1812 года, которую всѣ почитаютъ его сочиненіемъ, есть подложная, и что онъ ничего не писалъ о семъ походѣ. О войнѣ 1813 года издана подъ его руководствомъ

Библиотека "Руниверс"

полковникомъ Козеномъ по-нѣмецки книга подъ заглавіемъ: «Seit der Belagerung von Thorn bis zum Einnahme von Paris. Von F. K. bei Jartmann in Riga», къ которой собственноручныя замѣчанія и дополненія фельдмаршала, коихъ нельзя по разнымъ обстоятельствамъ издать въ свѣтъ, хранятся у его сына. По вскрытіи тѣла найдено въ груди его нѣсколько камней; не было-ли это слѣдствіемъ огорченій, понесенныхъ имъ въ 1812 году?

Послѣ обѣдни былъ смотръ учебнымъ эскадронамъ конныхъ егерей, а потомъ мы отправились въ село Хрѣновое, принадлежащее графинѣ Орловой-Чесменской. Я пріѣхалъ къ ней за часъ передъ государемъ, съ генераломъ Уваровымъ; она приняла насъ съ отмѣнною учтивостію, въ маленькомъ домикѣ; на окнѣ, близъ котораго она сидѣла, лежало письмо. Уваровъ сказалъ:—«Я отгадываю, что это письмо отъ императрицы Маріи Ѳеодоровны». И правда, нельзя безъ особеннаго чувства смотрѣть на согласіе, которое существовало между всѣми членами царствующаго дома. Вскорѣ пріѣхалъ императоръ; мы сѣли обѣдать, а потомъ осматривали конскій заводъ графини, который есть лучшій не только въ Россіи, но и въ Европѣ. Послѣ была скачка, на подобіе англійской, а въ заключеніе бѣгъ рысаковъ. Графиня Орлова подвела государю пять лошадей и подарила каждому изъ насъ по лошади.

Мая 27-го. Поутру я поѣхалъ изъ Хрѣноваго въ Воронежъ. Чѣмъ болѣе я приближался къ сердцу Россіи, тѣмъ населеніе становилось многолюднѣе, и чаще встрѣчались богатыя деревни. Часовъ въ пять я пріѣхалъ въ Воронежъ, одинъ изъ красивѣйшихъ губернскихъ городовъ. Здѣсь я нашелъ корпуснаго командира Бороздина, много генераловъ и губернатора Дубенскаго, которые всѣ приняли меня отличнѣйшимъ образомъ. Я остановился въ домѣ, приготовленномъ для государя и принадлежавшемъ г. Тулинову, у котораго была лучшая суконная фабрика въ Россіи. Она учреждена предкомъ его въ царствованіе Петра Великаго, который подарилъ ему три мериноса; по прошествіи столѣтія они такъ расплодились, что Тулиновъ пожертвовалъ въ пользу поселенныхъ войскъ по сту мериносовъ отъ каждаго пожалованнаго Петромъ Великимъ мериноса, то-есть всего триста головъ. Въ Россіи можетъ почесться феноменомъ видѣнное мною въ семействѣ Тулиновыхъ, что нѣсколько поколѣній сряду занимаются однимъ и тѣмъ же обще-полезнымъ заведеніемъ какъ, напримѣръ, суконною фабрикою, ибо, обыкновенно, сыновья разбогатѣвшихъ купцовъ и фабрикантовъ гнушаются ремесломъ своихъ родителей и покидаютъ оныя для пріобрѣтенія чиновъ. Табель о рангахъ, полезная при Петрѣ, есть нынѣ одно изъ большихъ золъ въ нашемъ отечествѣ.

Вечеромъ въ Воронежѣ былъ прекрасный балъ въ домѣ дворянскаго предводителя Черткова, на который государь послалъ меня за

Библиотека "Руниверс"

полчаса передъ собою для того, чтобы я сдѣлалъ списокъ почетныхъ дамъ и означилъ бы въ ономъ по порядку, съ кѣмъ его величеству надлежало танцовать польскія. Я поставилъ въ первомъ нумерѣ супругу генерала Загряжскаго, за что на меня сердился губернаторъ Дубенскій, желавшій, чтобы его жена открывала балъ. Я имѣлъ до него впослѣдствіи времени надобность, и онъ мнѣ даже не отвѣчалъ на мое письмо; я приписываю сію неучтивость его этому балу, хотя на другой день послѣ того онъ, прійдя ко мнѣ рано поутру и заставъ меня въ постели, находился при моемъ туалетѣ; правда, тогда онъ былъ только губернаторомъ, а я флигель-адъютантомъ, а когда я къ нему писалъ, то онъ былъ сенаторомъ, а я—деревенскимъ жителемъ.

Мая 28-го. Поутру былъ смотръ Драгунскимъ и Конно-егерскимъ эскадронамъ корпуса генерала Бороздина, а потомъ мы отправились ночевать въ Липецкъ, извѣстный цѣлительными водами.

Такъ какъ я туда пріѣхалъ гораздо ранѣе государя, то пошелъ въ церковь, гдѣ, по обыкновенію, вся публика ожидала его величество. Тутъ я встрѣтилъ супругу знаменитаго генерала Раевскаго, которая меня познакомила съ нашею стихотворицею Буниною, посвятившею жизнь свою исключительно музамъ; это былъ рѣдкій примѣръ въ Россіи, ибо словесностію занимаются у насъ большею частію между-дѣльемъ. Съ сего времени я остался съ нею въ связяхъ, часто видался въ Петербургѣ и получалъ отъ нея множество писемъ, прекрасно написанныхъ, которыя всѣ у меня сохраняются. Проза ея для меня лучше стиховъ, но, къ сожалѣнію, она ничего въ прозѣ не напечатала. Поэтическія произведенія ея, конечно, не самыя отличныя, но между русскими авторами своего пола она занимаетъ первое мѣсто, особенно по совершенному знанію нашего языка. Бесѣда ея была занимательная, и разговоръ исполненъ воображенія, но сужденія ея были нерѣдко пристрастныя, и она придерживалась крайностей; когда мы что-нибудь вмѣстѣ читали или разговаривали о какой-либо книгѣ или стихахъ, то она или превозносила ихъ до небесъ, или совершенно унижала; во всякомъ случаѣ надлежало быть весьма осторожнымъ въ мнѣніяхъ своихъ, потому что при противорѣчіи она краснѣла отъ досады. Несмотря на то, она имѣла доброе сердце, которое замѣняло тѣлесную красоту, ибо она собою была дурна. По ходатайству покровителя своего, Шишкова, одного изъ почтеннѣйшихъ мужей нашего времени, она получала двѣ тысячи рублей пенсіона. Помѣщаю здѣсь одну изъ ея записокъ ко мнѣ.

«Вы слишкомъ милостивы къ моей бѣдной музѣ, и я не знаю, какими словами благодарить васъ за снисхожденіе къ ней, тѣмъ болѣе, что россійская словесность не обращаетъ на себя вниманія ни русскихъ, ни иностранцевъ, и жалкіе наши писатели, хорошіе и дурные, сами

Библиотека "Руниверс"

не знаютъ, для кого пишутъ, потому что никто ихъ не читаетъ и не покупаетъ».

Мая 29-го. Поутру государь смотрѣлъ учебные эскадроны, находившіеся въ Липецкѣ, а я ходилъ по городу, любовался красивымъ мѣстоположеніемъ его и осмотрѣлъ заведенія, касающіяся до минеральныхъ водъ.

Изъ Липецка мы поѣхали ночевать въ Данковъ черезъ Лебедянь, гдѣ была ярмарка. Я тогда еще не живалъ въ губерніяхъ и, привыкнувши видѣть богатые магазины въ Петербургѣ и ярмарки въ Лейпцигѣ и Франкфуртѣ, съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на товары, продававшіеся въ Лебедяни. Но когда я взглянулъ на произведенія живописи, заключавшіяся въ дурныхъ портретахъ какихъ-то архіереевъ и, на единственную книжную лавку, находившуюся въ Лебедяни, въ которой ничего не было другаго, кромѣ искаженныхъ переводовъ французскихъ и нѣмецкихъ романовъ и комедій, то мнѣ надобно было нѣкоторое усиліе воображенія, чтобы повѣрить, что я живу въ девятомъ на десять вѣкѣ.

Мая 30-го. Поутру, въ прекрасное время, мы отправились изъ Данкова въ Рязань. Почти непрерываемый рядъ селеній украшалъ дорогу съ обѣихъ сторонъ. Въ деревняхъ передъ каждымъ домомъ накрытъ былъ столъ чистою скатертью, на немъ поставлены были хлѣбъ и соль, а подлѣ стола находились семьи крестьянъ. «Добрый народъ русскій», думалъ я, и говорилъ съ Державинымъ:

«О сколь счастливъ монархъ!
Кто россами владѣть умѣетъ!»

Вечеромъ, часу въ восьмомъ, мы пріѣхали въ Рязань, гдѣ я остановился въ одномъ домѣ съ государемъ у богатаго откупщика Рюмина. Между тѣмъ какъ его величество принималъ въ кабинетѣ дивизіоннаго генерала Талызина и губернатора, я поспѣшилъ въ залу, гдѣ собрана была публика для бала, чтобы, согласно данному мнѣ въ прошломъ году приказанію, осмотрѣть, не было ли тамъ изображеній государя. Я нашелъ бюстъ его величества, увѣнчанный лаврами, и тотчасъ приказалъ его вынести къ удивленію рязанской публики, которая взирала на поступокъ мой, какъ на святотатство. Вскорѣ пріѣхалъ императоръ и, по окончаніи польскихъ съ почетнѣйшими изъ дамъ, подозвалъ меня къ себѣ и на ухо сказалъ мнѣ, указывая на одного бывшаго тутъ человѣка, развѣдать поосторожнѣе, не служилъ ли онъ лѣтъ за двадцать въ кавалергардскомъ полку. Впослѣдствіи я узналъ, что императоръ принялъ сего человѣка за одного изъ участниковъ въ происшествіи, бывшемъ въ Михайловскомъ замкѣ въ мартѣ мѣсяцѣ 1801 года.

Мая 31-го. Поутру былъ разводъ, и я, идучи на оный за нѣсколько минутъ прежде государя, встрѣтилъ у лѣстницы его величества

Библиотека "Руниверс"

человѣка съ блѣднымъ лицомъ, державшаго въ рукѣ бумагу. Полагая, что это была просьба, которыя въ высочайшемъ путешествіи мнѣ велѣно было принимать, я спросилъ, чего онъ желаетъ. Онъ мнѣ подалъ бумагу, и я удивился, найдя, что это былъ свертокъ стиховъ. Я сказалъ поэту, чтобы онъ пришелъ ко мнѣ послѣ развода, и узналъ тогда, что это былъ Сибиряковъ, крѣпостной человѣкъ помѣщика Маслова, который писалъ изрядные стихи и подавалъ надежду сдѣлаться современемъ порядочнымъ поэтомъ. Не нужно было долго думать, чтобы угадать, что онъ желалъ получить свободу; я его увѣрилъ въ моемъ ходатайствѣ и сообщилъ стихи его нѣкоторымъ изъ нашихъ литераторовъ, которые съ такимъ жаромъ приняли участіе въ его положеніи, что въ непродолжительномъ времени внесли сумму, которую требовалъ за него помѣщикъ. Изъ благодарности онъ написалъ мнѣ предлинное посланіе въ стихахъ; впослѣдствіи же, не имѣя никакихъ средствъ содержать себя одною поэзіею, къ которой онъ имѣлъ большія способности, онъ сдѣлался посредственнымъ актеромъ на петербургскомъ театрѣ.

Послѣ развода въ Рязани, мы отправились въ Москву; можно легко себѣ вообразить, съ какимъ нетерпѣніемъ я летѣлъ въ сію столицу, чтобы обнять моихъ домашнихъ. Въ Коломнѣ приготовлено было дворянствомъ угощеніе для государя и для свиты его; но на всѣ приглашенія предводителя я отвѣчалъ только просьбою, чтобы поспѣшнѣе запрягали мнѣ лошадей.—«Можетъ ли что сравниться съ вашимъ счастіемъ, говорилъ онъ мнѣ, вы ежеминутно съ государемъ». Но я думалъ про себя съ Дмитріевымъ:

Видѣлъ славный я дворецъ
Нашей матушки-царицы и пр.

Поздно вечеромъ я пріѣхалъ въ Москву.

Въ семъ путешествіи, считая со дня отъѣзда государя изъ Москвы до высочайшаго возвращенія въ сію столицу, то есть съ 26-го февраля до 31-го мая, мы проѣхали 5500 верстъ и употреблено на всѣ вообще расходы, какъ-то: на содержаніе двора, путевые издержки, отправленіе курьеровъ, вспоможеніе бѣднымъ, подарки денежные, кромѣ подарковъ вещами, слѣдующія суммы:

Ассигнаціями	226,025	руб.
Серебромъ	62,444	»
Червонными	18,445	»
Золотыми польскими.	461,673	»

Изъ того числа сдѣланы между прочимъ слѣдующіе расходы:

1) Въ Варшавѣ издержано:

Ассигнаціями	53,603	руб.
Серебромъ	56,194	»

Библиотека "Руниверс"

Червонными	14,929	руб.
Золотыми польскими.	457,573	»

2) Изъ сихъ денегъ, издержанныхъ въ Варшавѣ, выдано къ награжденіе и въ подарки польскимъ войскамъ въ Варшавѣ:

Ассигнаціями	2,900	руб.
Серебромъ	56,167	»
Червонными	271	»
Золотыми польскими.	30,274	»

Въ сіе число не включено содержаніе карауловъ, находившихся при его величествѣ.

3) Въ путешествіи по Таврическому полуострову употреблено ассигнаціями	22,100 руб.
Въ томъ числѣ выдано:	
a) Переводчикамъ и волостнымъ головамъ, бывшимъ на южномъ берегу Крыма	2,400 руб.
b) Хозяевамъ двухъ верховыхъ лошадей, на которыхъ ѣздилъ государь императоръ по южному берегу	500 руб.
c) На татарскую свадьбу въ Бакчисараѣ, при которой его величество присутствовалъ	1,000 руб.
d) Дервишамъ въ Бакчисараѣ	500 руб.
4) Прислугѣ графини Орловой-Чесменской въ селеніи Хрѣновомъ.	7,500 руб.
Да управителю конскаго ея завода перстень цѣною въ	3,000 руб.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ Москва, которая въ сіе время года обыкновенно бываетъ пуста, уподобилась шумной столицѣ по случаю пребыванія двора, рожденія великаго князя Александра Николаевича и пріѣзда короля прусскаго. Одинъ изъ блестящихъ дней былъ тотъ, въ который происходила закладка храма Спасителя въ воспоминаніе Отечественной войны. Ежели бы колоссальное зданіе сіе, которое огромностію, ежели не должно было превосходить, то по крайней мѣрѣ не уступать, церкви св. Петра въ Римѣ, приведено было къ окончанію, то оно, служа монументомъ войнѣ 1812-го года, свидѣтельствовало бы въ то же время и о наклонности Александра къ мистицизму, потому что расположеніе храма и украшенія его должны были относиться къ священному писанію и къ Апокалипсису.

Я видѣлъ въ это время доказательство обширной памяти императора. Когда король прусскій пріѣхалъ въ Москву, то, по принятому обыкновенію, ему представляли всѣхъ тѣхъ особъ, которыя имѣли пріі-

Библиотека "Руниверс"

ѣздъ ко двору: то-есть военныхъ генераловъ и штабъ-офицеровъ, министровъ, сенаторовъ и другихъ, такъ что насъ находилось въ залѣ болѣе двухъ сотъ человѣкъ, изъ коихъ многихъ, какъ постоянныхъ жителей Москвы, государь рѣдко видалъ. Не взирая на то, императоръ называлъ королю каждаго по имени и ошибся только въ имени одного адъютанта московскаго генералъ-губернатора. Болѣе еще разительный примѣръ его памяти есть слѣдующій. Послѣ происшествія, случившагося въ 1820 году въ Семеновскомъ полку, нашли ругательный пасквиль насчетъ правительства. Графъ Милорадовичъ, бывшій главнокомандующимъ въ Петербургѣ, препроводилъ оный въ подлинникѣ къ государю, находившемуся въ Веронѣ, а императоръ, возвращая его графу, приказалъ стараться отыскать сочинителя и присовокупилъ, что почеркъ сего пасквиля похожъ на почеркъ одного чиновника, писавшаго обыкновенно доклады министра юстиціи Трощинскаго. Немедленно былъ отправленъ курьеръ за симъ чиновникомъ, и хотя онъ и оказался невиннымъ, но нашли предполагаемое сходство въ его почеркѣ. Ежели вообразимъ, какое безчисленное множество бумагъ поступали къ императору, то какъ не подивиться сему памятованію, тѣмъ болѣе, что чиновникъ, о коемъ идетъ рѣчь, уже нѣсколько лѣтъ оставилъ службу, и слѣдственно бумаги его руки давно не были представляемы государю.

Вотъ еще анекдотъ о памяти государя. Въ 1813 году, когда мы стояли въ Калишѣ, генералъ Толь просилъ императора объ опредѣленіи брата его, бывшаго въ чинѣ маіора, въ главную квартиру по иностранной перепискѣ:

— Не тотъ-ли это, который передъ войною посѣщалъ въ Петербургѣ домъ французскаго посла Лористона?—спросилъ императоръ.

Толь въ тотъ же день разсказывалъ мнѣ о семъ отвѣтѣ въ Калишѣ и присовокупилъ, что, дѣйствительно, братъ его, какъ виртуозъ на скрипкѣ, бывалъ приглашаемъ къ Лористону въ 1811 году, но что онъ полагалъ, что существованіе брата его не было извѣстно государю.

Сообщилъ Н. Шильдеръ.

Библиотека "Руниверс"

ДВИЖЕНІЕ РУССКИХЪ ВОЙСКЪ

ОТЪ

Москвы до Красной Пахры.

III [1]).

Успѣшныя дѣйствія русскихъ войскъ такъ тѣсно были связаны съ выгодами и видами Англіи въ это время, что не можетъ подлежать сомнѣнію, что ея агентъ усердно хлопоталъ о томъ, чтобы устранить все то, что бы могло препятствовать успѣху дѣйствій. Что же могло быть вреднѣе и опаснѣе ссоръ и розни между главными военачальниками? Но примиряя ихъ между собою, серъ Робертъ Вильсонъ понималъ, что не можетъ достигнуть этой цѣли. «Къ крайнему сожалѣнію—писалъ онъ въ тоже время къ англійскому посланнику въ Петербургѣ лорду Каткарту, согласіе не существуетъ, да и не можетъ существовать между начальниками. Борьба за главное начальство есть неискоренимая причина раздора. Князь Кутузовъ, по мнѣнію всѣхъ въ арміи, сталъ слишкомъ дряхлъ, но онъ мало склоненъ оставить команду, да если бы то случилось, то генералъ Барклай не можетъ остаться въ арміи подъ начальствомъ генерала Беннигсена, такъ какъ примѣръ несогласія вредитъ и теперь пользѣ службы государю, а тогда сіе зло еще умножится. Успѣшныя наступательныя дѣйствія загладятъ можетъ быть это зло на нѣкоторое время и рѣшатъ споръ о первенствѣ, «т. е. сила обстоятельствъ выставитъ впередъ генерала Беннигсена и устранитъ другихъ [2])». Беннигсенъ ищетъ главнаго начальства, князь Кутузовъ не

[1]) См. Русскую Старину, іюль 1897 г.

[2]) Письмо Вильсона лорду Каткарту, 16-го (28-го) сентября 1812 г.

Библиотека "Руниверс"

думаетъ отъ него отказываться, генералъ Барклай не хочетъ быть подъ начальствомъ! Задача трудная, которую, конечно, можетъ рѣшить или воля государя императора, или сила обстоятельствъ.

Генералъ Барклай, добровольно удалившись изъ арміи, первый началъ ея разрѣшеніе. «Хотя армія теряетъ въ лицѣ генерала Барклая, писалъ Робертъ Вильсонъ императору, офицера весьма храбраго, но я утѣшаюсь мыслію, что общая польза здѣшней арміи отъ того не потерпитъ, что онъ ее оставилъ. Напротивъ, отъ этого прекратится вредное соперничество, и я надѣюсь, что генералъ Беннигсенъ подастъ теперь примѣръ строгой подчиненности, представляя только фельдмаршалу Кутузову и вашему величеству о тѣхъ неудовольствіяхъ, которыя могутъ ему встрѣтиться отъ возраженій противъ его плановъ». Въ письмѣ къ лорду Каткарту, выражая то же мнѣніе о Барклаѣ, Вильсонъ прибавляетъ: «я не намѣренъ входить въ разсужденія о достоинствахъ или недостаткахъ главныхъ начальниковъ арміи, но отъѣздъ того или другаго не могъ не имѣть хорошаго послѣдствія. Если генералъ Беннигсенъ сдержитъ данное мнѣ обѣщаніе, то я смѣло могу сказать, что присутствіе его здѣсь будетъ очень выгодно».

Серъ Робертъ Вильсонъ въ то время воплощалъ въ себѣ общій характеръ политики сентъ-джемскаго кабинета, которую очень вѣрно опредѣлилъ въ письмахъ къ императору Бернадотъ, наслѣдный принцъ Шведскій. Она желала всѣ враждебныя Наполеону державы превратить въ свое орудіе и руководить ихъ дѣйствіями исключительно въ свою пользу. Такъ и генералъ Вильсонъ всѣми способами старался выдвинуть впередъ англійскаго подданнаго (Беннигсена) и вручить ему главное начальство надъ русскими войсками. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что онъ дѣйствительно старался всѣми способами укротить строптивое самолюбіе и самоувѣренность Беннигсена и направилъ его дѣйствія такимъ образомъ, чтобы представить въ глазахъ государя всю его способность быть главнокомандующимъ, а по дряхлости—всю неспособность князя Кутузова.

Но способенъ ли былъ генералъ Беннигсенъ поступать по мудрому совѣту своего защитника, и могъ ли хладнокровно и спокойно сдержать данное ему обѣщаніе? Былъ ли такъ дряхлъ князь Кутузовъ, чтобы съ его опытностію и умомъ не замѣтить ловушки и попасться въ нее?

Послѣдовавшія событія отвѣчаютъ опредѣленно на эти вопросы. Случайно и неожиданно баронъ Беннигсенъ сдѣлался главнокомандующимъ русскими войсками въ 1806 и 1807 годахъ, но эта кампанія окончилась Тильзитскимъ миромъ и убѣдила наши войска въ «несоразмѣрности дарованій Беннигсена съ геніемъ Наполеона» [1]), и по заключеніи

[1]) Сочиненія Д. В. Давыдова. Ч. II, стр. 241.

Библиотека "Руниверс"

этого мира императоръ уволилъ его въ отставку, для поправленія здоровья (Беннигсенъ страдалъ падучею болѣзнею [1]). Но онъ самъ считалъ себя достойнымъ соперникомъ Бонапарта и хвастался побѣдами надъ нимъ при Пултускѣ и Прейсиш-Эйлау [2]).

При свиданіи императоровъ въ Тильзитѣ, Наполеонъ сказалъ Беннигсену: «вы были злы подъ Эйлау», — выражая этимъ изреченіемъ упорство и ярость, съ какимъ дрались войска наши въ этомъ сраженіи, и заключилъ разговоръ съ нимъ словами: «я всегда любовался вашимъ дарованіемъ, а еще болѣе вашею осторожностію».—Самолюбіе почтеннаго старца-воина приняло эту полу-эпиграмму за полный мадригалъ, ибо, по мнѣнію великихъ полководцевъ, осторожность почитается послѣднею военною добродѣтелью, предпріимчивость и отважность первыми. «Беннигсенъ разсказывалъ мнѣ нѣсколько разъ этотъ разговоръ съ Наполеономъ и каждый разъ съ новымъ одушевленіемъ», прибавляетъ Д. В. Давыдовъ.

До назначенія главнокомандующимъ князя Кутузова, баронъ Беннигсенъ не имѣлъ никакого особаго назначенія въ дѣйствующихъ войскахъ. Онъ находился при главной квартирѣ императора въ Вильнѣ, потомъ послѣ отступленія войскъ и по взятіи непріятелемъ Смоленска, онъ отправился въ Петербургъ. На пути онъ встрѣтился съ княземъ Кутузовымъ, ѣхавшимъ принять начальство надъ войсками, который объявилъ ему высочайшее повелѣніе состоять при немъ начальникомъ штаба. Получивъ вслѣдъ затѣмъ и рескриптъ императора, онъ отвѣчалъ: «Лестныя выраженія о моей преданности августѣйшей особѣ вашей и привязанности къ отечеству наполнили мою душу чувствами благодарности. Конечно, какой бы ни было угодно вамъ предназначить мнѣ кругъ дѣятельности, когда дѣло идетъ о службѣ моему государю и отечеству, должны смолкнуть всякія честолюбивыя желанія. Всѣ мои стремленія я сочту исполненными, если мои слабыя дарованія будутъ способствовать успѣхамъ вашего оружія и славѣ вашего царствованія» [3]). Неудовлетворенное самолюбіе, несмотря на выраженіе покорности верховной волѣ, невольно выражается и въ этихъ строкахъ. Зная недовѣріе войскъ къ главнокомандующему первою арміею, понимая невозможность необходимаго, однако же, единства и правильности въ военныхъ дѣйствіяхъ, при двухъ главнокомандующихъ съ двумя отдѣльными штабами, и предвидя неизбѣжныя перемѣны въ этомъ отношеніи, Беннигсенъ поэтому и спѣшилъ въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы объяснить положеніе дѣлъ и предстать передъ лицомъ императора готовымъ кандидатомъ для общаго начальства надъ арміями. Но онъ опоздалъ.

---

[1]) Сочиненія Михайловскаго-Данилевскаго.

[2]) Сочиненія Д. В. Давыдова. Ч. II, стр. 253 и 254.

[3]) Письмо баронъ Беннигсена. 20-го августа 1812 г.

Библиотека "Руниверс"

Эта случайная, конечно, причина совпадала со взглядами императора на Беннигсена, какъ человѣка и главнокомандующаго. Вѣроятно, онъ не облекъ бы его этимъ званіемъ въ такое важное время, какое переживала Россія; но, неохотно назначая и князя Кутузова, онъ счелъ полезнымъ воспользоваться опытностію и познаніями генерала Беннигсена, назначилъ его начальникомъ штаба фельдмаршала.

Покоряясь волѣ императора, Беннигсенъ однако же *искалъ главнаго начальства* надъ войсками, какъ выражается серъ Робертъ Вильсонъ. Перелагая высказанную въ этихъ словахъ мысль на почву дѣйствительной жизни, кажется дѣйствія генерала Беннигсена могутъ быть объяснены тѣмъ, что онъ употребилъ всѣ средства, съ тою цѣлью, чтобы выказать на дѣлѣ князя Кутузова неспособнымъ начальствовать русскими войсками и—занять его мѣсто. «Странно, говоритъ издатель воспоминаній о 1812 годѣ гр. Толя, вообще гораздо болѣе благосклонный къ Беннигсену, нежели къ Кутузову,—что во время Бородинскаго сраженія Беннигсенъ какъ-будто исчезъ и его вліяніе не было замѣтно. Изъ нѣкоторыхъ показаній можно придти къ тому заключенію, что онъ преимущественно находился невдалекѣ отъ фельдмаршала, у Горокъ, довольно смѣло появлялся онъ тамъ и самъ, но едва-ли былъ подъ непріятельскимъ огнемъ; также тщетно будемъ искать показаній во всѣхъ русскихъ извѣстіяхъ о его совѣтахъ, которые онъ давалъ, или о какихъ-либо предложенныхъ или исполненныхъ имъ мѣрахъ, но зато, вслѣдъ за окончаніемъ битвы, онъ дѣятельно выступилъ съ тою цѣлью, чтобы управленіе ходомъ дѣлъ забрать въ свои руки». Онъ сравнивалъ Бородинское сраженіе съ Прейсишъ-Эйлау, называя послѣднее произведеннымъ въ порядкѣ, а второе безпорядочнымъ. Это мнѣніе, очевидно подъ его вліяніемъ, повторяетъ и серъ Робертъ Вильсонъ въ письмѣ къ императору. «Кажется, писалъ онъ, Бородинское сраженіе нельзя назвать правильнымъ, какъ бывшія при Прейсишъ-Эйлау и Фридландѣ».

Мы не позволимъ себѣ оцѣнивать военныя дѣйствія и распоряженія ходомъ сраженій, но не можемъ не замѣтить, что если распоряжается ими не одинъ главнокомандующій, а подчиненныя ему лица позволяютъ дѣлать распоряженія, силой своей власти и не доводя даже до свѣдѣнія главнокомандующаго, то едва-ли и можетъ быть соблюденъ порядокъ боя. А именно такъ и дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ Беннигсенъ, и весь успѣхъ сраженія приписывалъ себѣ [1]). Мы говорили уже о дѣйствіяхъ Беннигсена передъ оставленіемъ Москвы; онъ избралъ мѣсто для сраженія подъ столицею, признанное всѣми негоднымъ; онъ не защищалъ его пригодности на военномъ совѣтѣ въ Филяхъ, но сдѣлалъ предложеніе дѣйствовать наступательно, тогда какъ

[1]) По свидѣтельству графа Толя, Бернгарди. Ч. II, стр. 42 и 43.

Библиотека "Руниверс"

по недостатку времени не представлялось уже никакой возможности привести въ исполненіе его предложеніе и которое не обѣщало успѣха. Въ случаѣ неуспѣха, который входилъ въ соображенія и генерала Беннигсена, онъ предполагалъ отступить на Калужскую дорогу. Въ этомъ послѣднемъ и весьма вѣроятномъ случаѣ послѣдствія могли быть тѣ же, къ которымъ привели и распоряженія князя Кутузова, но съ нѣкоторою разницею. Князь Кутузовъ провелъ черезъ Москву и выигралъ время спокойно, соединивъ въ Тарутинѣ 108.000 армію, еще способную противустоять непріятелю. Но, если бы онъ далъ сраженіе подъ Москвою, то, вслѣдствіе понесенныхъ потерь, отступилъ бы, если-бъ ему позволилъ непріятель, съ такими ничтожными силами, что не могъ бы и предпринять съ ними никакихъ военныхъ дѣйствій и не могъ бы перервать его сообщеніе съ Смоленскомъ. Самоувѣренность Беннигсена могла увлекать его за предѣлы благоразумія, но едва-ли онъ поддался этому увлеченію въ такой мѣрѣ, если-бъ отвѣтственность лежала всецѣло на немъ, а не на главнокомандующемъ, и даже едва-ли самъ, если и не въ ту минуту, какъ подавалъ свой голосъ въ военномъ совѣтѣ въ Филяхъ, то немедленно вслѣдъ за тѣмъ, не пошелъ бы противъ непріятеля по неисполнимости своихъ предложеній. Несмотря на то, съ полковникомъ Мишо, посланнымъ съ донесеніями къ императору объ оставленіи Москвы, онъ отправилъ письмо къ графу Аракчееву. «Я полагаю, писалъ онъ, что сдача Москвы произвела впечатлѣніе въ Петербургѣ. Перваго сентября въ семь часовъ вечера былъ собранъ военный совѣтъ, на которомъ рѣшено отдать Москву, что̀ немедленно и исполнено. Генералъ Барклай усерднѣе всѣхъ поддерживалъ это мнѣніе, увѣряя, что самъ государь одобритъ его. Время покажетъ намъ, въ какой мѣрѣ справедливо его увѣреніе. Я очень бы желалъ довести до свѣдѣнія монарха, что я никакъ не соглашался на такое предложеніе, объясняя причины моего противорѣчія и указывая на тѣ вредныя послѣдствія, которыя я предвидѣлъ. Когда мнѣніе Барклая было принято, я оставилъ совѣтъ. Кажется, князь Кутузовъ нынѣ убѣдился, что онъ сдѣлалъ большую ошибку, и совѣтуется со мною насчетъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Надѣюсь, что наше положеніе скоро поправится».

Это письмо свидѣтельствуетъ, что генералъ Беннигсенъ желалъ довести до свѣдѣнія императора, что, оставивъ Москву безъ боя въ добычу непріятеля, князь Кутузовъ сдѣлалъ большую ошибку, которая поправится лишь потому, что Беннигсену не будутъ мѣшать приводить въ исполненіе его предначертанія, т. е., что на дѣлѣ онъ будетъ главнокомандующимъ, смиренно ожидая, чтобы въ воздаяніе его заслугъ, наконецъ, онъ былъ дѣйствительно облеченъ въ это званіе, которымъ такъ неосторожно его обошли и тѣмъ подвергли крайней опасности Россію. Но графъ Аракчеевъ имѣлъ къ свѣтлѣйшему вождю большое довѣріе,

Библиотека "Руниверс"

которое ускользнуло отъ вниманія не только Беннигсена и Барклая, но и весьма многихъ другихъ русскихъ людей, кромѣ самого императора.

Едва только началось фланговое движеніе и войска поворотили отъ Боровскаго перевоза на Рязанской дорогѣ, на Калужскую, какъ Беннигсенъ требовалъ наступательныхъ дѣйствій. Его настоянія были такъ назойливы и усилены, что вывели изъ терпѣнія спокойнаго и мягкаго въ рѣчахъ и обхожденіи князя Кутузова. Какъ бы соглашаясь остановить отступленіе и укрѣпляться въ этой мѣстности, онъ сказалъ Беннигсену: «Вы начальствуете надъ войсками, я здѣсь только волонтеръ» и, поручая ему обозрѣніе позиціи, велѣлъ всѣмъ своимъ адъютантамъ и штабу слѣдовать за нимъ.

Беннигсенъ, конечно, не ожидалъ такого оборота дѣлъ: онъ порицалъ распоряженія фельдмаршала, давалъ свои совѣты, но не желалъ принять на себя отвѣтственности за дѣйствія, которыя могли послѣдовать, какъ исполненіе его совѣтовъ. Нѣсколько смущенный необычною для него многочисленною и блестящею свитою, онъ употребилъ три часа времени для тщательнаго обозрѣнія мѣстности. Къ концу этого обзора, свита начала замѣчать особенное движеніе мускуловъ его лица и подергиванье въ губахъ, обличавшихъ внутреннее волненіе. Возвратившись назадъ, онъ объявилъ фельдмаршалу, что позиція нехороша, что дать на ней сраженіе нельзя, прибавивъ съ досадою: «на сторонѣ этихъ проклятыхъ французовъ всегда бываетъ удобство мѣстности».

— Въ такомъ случаѣ я снова принимаю на себя главное начальство—спокойно отвѣчалъ князь Кутузовъ. Затѣмъ, обратясь къ свитѣ, сказалъ,—господа прошу васъ попрежнему находиться при мнѣ, а потомъ обратился къ дежурному генералу Коновницыну,—Петръ Петровичъ напишите диспозицію для отступленія [1]).

Это происшествіе, безъ сомнѣнія, оставило непріятное впечатлѣніе на душѣ Беннигсена и оскорбило его самолюбіе особенно потому, что совершилось при множествѣ свидѣтелей. Выраженіемъ этого впечатлѣнія было новое столкновеніе съ фельдмаршаломъ въ тотъ же самый день, какъ главная квартира достигла Тарутина. Обозрѣвъ эту мѣстность, Беннигсенъ явился къ князю Кутузову и началъ доказывать ея неудобства, по которымъ невозможно принять на ней сраженіе. Разговоръ начался хладнокровно, но потомъ перешелъ въ споръ, и упорство Беннигсена вышло изъ границъ и вывело изъ терпѣнія князя Кутузова.

— Вы находили, что ваша позиція при Фридландѣ была хороша для васъ,—замѣтилъ князь Кутузовъ,—а я нахожу, что эта позиція хороша,

---

[1]) Бернгарди—Denkwürdigkeiten aus dem Leben der gr. Toll, томъ II, стр. 192 и 193.

Библиотека "Руниверс"

и мы на ней останемся, потому что я на ней командую и я отвѣчаю за все [1]).

Устраняя всѣ личности, сущность разногласій между фельдмаршаломъ, Барклаемъ и Беннигсеномъ можетъ быть выражена такъ: въ это время князь Кутузовъ не хотѣлъ угрожающимъ положеніемъ вызывать непріятеля на рѣшительныя дѣйствія, а тѣмъ болѣе начать наступленіе противъ него. Мы утраняемъ пока вопросъ: былъ ли онъ правъ или нѣтъ въ этомъ случаѣ, хотя послѣдствія совершенно оправдали его планъ дѣйствій, но, конечно, должны полагать, что его порицали, предлагая противное мнѣніе, думали, что и время благопріятно и наши войска достаточно сильны для того, чтобы дѣйствовать такимъ образомъ. Это предположеніе можетъ ввести въ недоумѣніе только въ отношеніи генерала Барклая, который такими мрачными красками описалъ состояніе нашихъ войскъ не только князю Кутузову, но и самому императору. Что же касается до бар. Беннигсена, то онъ давалъ совѣты въ тѣхъ единственно видахъ, чтобы сложить съ себя всякую отвѣтственность въ томъ случаѣ, если бы князь Кутузовъ вздумалъ имъ послѣдовать и потерпѣлъ неудачу, а въ случаѣ успѣха присвоить себѣ всю заслугу.

На чью же сторону должно было склоняться наиболѣе сочувствія войскъ, одушевленныхъ послѣ оставленія Москвы единственно желаніемъ отмстить дерзкому врагу? Не говоря уже о лицахъ близкихъ къ Барклаю и Беннигсену, но и бо́льшая часть офицеровъ, съ самоотверженіемъ и храбростью готовыхъ драться за спасеніе отечества, слыша увѣренія опытныхъ предводителей, сѣтовали на мнимую медленность и нерѣшительность фельдмаршала. Только глубокое довѣріе войскъ къ давно знаменитому вождю могло предотвратить опасное волненіе и ограничить борьбу мнѣній штабными толками и сплетнями. Но тѣмъ не мѣнѣе фельдмаршалъ не могъ не знать, что войска стремились сразиться съ непріятелемъ; что слухи о предложеніяхъ Барклая и Беннигсена не оставались тайною, извѣстною лишь немногимъ начальствующимъ лицамъ, но разносились по всей арміи. Такое положеніе дѣлъ не могло не имѣть вліянія на рѣшенія главнокомандующаго, оно мѣшало свободѣ его дѣйствій и внесло колебанія и нерѣшительность, если не въ отношеніи къ общему плану, но къ отдѣльнымъ дѣйствіямъ.

Такое настроеніе духа стараго фельдмаршала замѣчаютъ и всѣ современники, а за ними и послѣдовавшіе писатели въ распоряженіяхъ, предшествовавшихъ Тарутинскому сраженію и непосредственно за ними послѣдовавшихъ. Серъ Робертъ Вильсонъ, поздравляя императора съ побѣдою при Тарутинѣ, какъ началомъ наступательныхъ дѣйствій, доносилъ: «я желалъ бы имѣть возможность ограничить мои замѣчанія

[1]) Записки о войнѣ 1812 года князя А. Б. Голицына.

Библиотека "Руниверс"

только похвалою войскамъ, участвовавшимъ въ этомъ дѣлѣ и тому неограниченному усердію, которымъ всѣ здѣсь одушевлены; но мой долгъ вынуждаетъ меня донести вашему величеству, что несогласія между фельдмаршаломъ и генераломъ Беннигсеномъ, по случаю вчерашнихъ происшествій, достигло высочайшей степени огорченія. Беннигсенъ жалуется, что фельдмаршалъ не подкрѣпилъ его и не позволилъ преслѣдовать непріятеля, такимъ образомъ, какъ было возможно съ большею пользою для вашего величества. Я долженъ сказать, что хотя и много сдѣлано, но успѣхъ могъ быть гораздо значительнѣе, потому что нападеніе было сдѣлано неожиданно для непріятеля, ротныя атаки въ тылъ его лѣваго крыла и въ центръ привели его въ крайнее смятеніе и не должны были дать ему ни минуты къ сопротивленію. Но онъ отступилъ довольно далеко, чтобы обезпечить свои сообщенія. Планъ былъ превосходный, но исполненіе недовольно быстрое или недовольно сильное для пріобрѣтенія всѣхъ блестящихъ трофеевъ, какъ возможно было ожидать. «Я находился въ корпусѣ Багговута, который одинъ только былъ въ настоящемъ дѣлѣ и съ казаками, а потому могу судить о послѣдствіяхъ; не знаю о причинахъ, побудившихъ фельдмаршала къ такой осторожности.

«Но никакое объясненіе не можетъ примирить возникшаго несогласія, и я долженъ просить ваше величество, чтобы вы благоволили прекратить, какъ можно поспѣшнее, примѣръ раздора, несовмѣстнаго съ общимъ порядкомъ, и который долженъ очень повредить службѣ вашего величества» [1]).

Не одни серъ Робертъ Вильсонъ и баронъ Беннигсенъ негодовали на Кутузова, что онъ оставилъ преслѣдованіе разбитаго авангарда французской арміи, но и многіе изъ русскихъ генераловъ. Но ихъ негодованіе не выходило изъ предѣловъ подчиненности фельдмаршалу, необходимой въ военномъ дѣлѣ и особенно въ боевое время, и учтивости, всегда и повсюду необходимой. Между тѣмъ, генералъ Беннигсенъ по окончаніи Тарутинскаго сраженія не только неучтиво отозвался на поздравленіе фельдмаршала съ побѣдою и не слѣзъ даже съ лошади, по случаю будто бы полученной имъ контузіи, но даже на другой день въ донесеніи о сраженіи, позволилъ себѣ написать слѣдующія строки: «Поспѣшаю донесть вашей свѣтлости о вчерашнемъ сраженіи, которое я имѣлъ честь начать, продолжать и окончить», а затѣмъ далѣе: «я желалъ бы, чтобы обстоятельства вамъ позволили быть тамъ, какъ былъ я, свидѣтелемъ порядка и мужества, съ каковыми ввѣренные мнѣ войска совершили различныя атаки, въ коихъ они покрыли себя славою и честью».

---

[1]) Донесеніе Вильсона императору 10-го октября 1812 года.

Библиотека "Руниверс"

Безъ сомнѣнія начальнику штаба было дерзко и неприлично въ оффиціальномъ донесеніи приписывать себѣ весь успѣхъ сраженія и насмѣшливо бросать упрекъ въ бездѣйствіи своему начальнику; но это было возможно объяснить негодованіемъ горячаго и прямаго по характеру человѣка, если-бъ съ этимъ не соединялись иныя виды. Нѣсколько дней спустя генералъ Беннигсенъ написалъ слѣдующее письмо императору: «День 6-го октября имѣлъ великіе успѣхи, которыя я и предполагалъ. Непріятель оставилъ Москву; онъ находится въ полномъ отступленіи, и я спѣшу съ глубочайшимъ чувствомъ повергнуть къ стопамъ вашего величества мои покорныя поздравленія по этому случаю. Какія бы ни употребилъ Наполеонъ хитрости военнаго искусства, теперь только вслѣдствіе нашихъ ошибокъ могъ бы спастись хотя бы одинъ человѣкъ изъ его арміи. Я постоянно опасался, чтобы для своего отступленія онъ не избралъ направленія къ Двинѣ или на Полоцкъ, гдѣ, присоединивъ къ великой арміи всѣ корпуса, дѣйствовавшіе на сѣверѣ, могъ еще собрать значительныя и даже грозныя силы, если мы съ своей стороны не будемъ преслѣдовать его съ надлежащею быстротою всею первою арміею. Намѣренія Наполеона должны объясниться завтра или послѣзавтра, пойдетъ ли онъ по этому направленію или обратится на Смоленскую дорогу. Но во всякомъ случаѣ его отступленіе такъ-же неизбѣжно, какъ и совершенное разрушеніе его арміи, если мы не будемъ упускать удобныхъ случаевъ, которые должны еще встрѣтиться для окончательнаго истребленія его арміи. Какое бы было счастье, государь, если-бъ въ такіе прекрасные случаи, которые насъ ожидаютъ, случаи единственные, которые могли бы насъ вознаградить за столькія тяжелыя мгновенія, мы имѣли бы счастье увидѣть ваше императорское величество во главѣ вашихъ храбрыхъ войскъ. Къ этому личному желанію я присоединяю одно соображеніе, къ которому вынуждаютъ меня чувства истины и чести, что для пользы вашей имперіи, государь, вы должны какъ можно приблизиться къ театру военныхъ дѣйствій, потому что обстоятельства таковы, что, если только ваши войска будутъ дѣйствовать съ надлежащею силою, эта одна кампанія рѣшитъ какъ участь войны, такъ и всей Европы» [1]).

Весь успѣхъ Тарутинскаго сраженія Беннигсенъ приписывалъ себѣ, такъ же, какъ и прежде Бородинскаго; но полагалъ, что въ обоихъ случаяхъ успѣхъ былъ бы гораздо дѣйствительнѣе, если бы фельдмаршалъ болѣе слѣдовалъ его совѣтамъ и не мѣшалъ ему распоряжаться.

Въ послѣднемъ сраженіи онъ прямо обвинилъ кн. Кутузова въ томъ, что не подкрѣпилъ его во-время и, остановивъ преслѣдованіе, умышлен-

---

[1]) Письмо барона Беннигсена 16-го октября 1812 года. Полотняные заводы.

Библиотека "Руниверс"

но желалъ лишить его заслуженной славы. «Я не могу и вообразить какія могли быть послѣдствія этого прекраснаго и блистательнаго дня, если-бъ меня поддержали, писалъ Беннигсенъ своей женѣ за шесть дней передъ приведеннымъ письмомъ къ императору и стало быть три дня спустя послѣ Тарутинскаго сраженія,—и если-бъ я могъ продолжать далѣе это дѣло, но здѣсь меня преслѣдуетъ неудача, худшая даже, нежели при Пултускѣ. Въ виду всего войска Кутузовъ не позволяетъ никому поспѣшить мнѣ на помощь, такъ онъ выразился. Милорадовичъ, который начальствовалъ надъ лѣвымъ крыломъ, горѣлъ желаніемъ двинуться впередъ и помочь мнѣ, онъ запретилъ, и чтобы лишить его возможности что-либо предпринять, онъ два раза во время сраженія призываетъ его къ себѣ,—за пять верстъ назадъ. Изъ этого ты можешь понять, на какомъ разстояніи отъ поля сраженія находился нашъ старикъ. Его трусость превышаетъ всякую возможность. Уже при Бородинѣ онъ достаточно ее обнаружилъ и покрылъ себя презрѣніемъ и насмѣшками всей арміи.

«Поэтому-то я въ одномъ изъ моихъ предшествовавшихъ писемъ сказалъ, что надо желать, чтобы государь самъ пріѣхалъ къ арміи или, по крайней мѣрѣ, находился поближе къ ней, иначе я не отвѣчаю ни за что, потому что Кутузовъ не окончитъ этой войны. Вообрази себѣ мое положеніе, каждый разъ какъ слѣдуетъ сдѣлать одинъ шагъ противъ непріятеля, мнѣ приходится ссориться съ нимъ до такой степени, что я принужденъ слушать грубости этого человѣка. По истинѣ никакая сдержанность и никакое хладнокровіе этого долго выдержать не можетъ. Какое прекрасное время для меня удалиться изъ арміи, послѣ этой побѣды и полученной мною контузіи, говоритъ Беннигсенъ въ концѣ этого письма, но желая выразить свою безпредѣльную преданность, прибавляетъ: зная, что мое удаленіе могло бы быть непріятно императору, я страдаю и терплю»—конечно не теряя надежды, что его положеніе перемѣнится, т. е. или онъ на мѣсто Кутузова, какъ неспособнаго будетъ назначенъ главнокомандующимъ, или самъ государь пріѣдетъ къ войскамъ. Поэтому, вызывая на рѣшительную мѣру, онъ заканчиваетъ угрозою, что рано или поздно ему придется оставить армію. «Но всякое зло имѣетъ свой конецъ, потому что въ этомъ положеніи мнѣ невозможно долго оставаться» [1]).

Частныя письма, посылаемыя въ Петербургъ изъ дѣйствующей арміи, особенно отъ лицъ, занимавшихъ такія важныя должности, какъ Беннигсенъ, безъ сомнѣнія не укрывались отъ вниманія правительства и немедленно дѣлались извѣстными въ обществѣ, которое съ жадностью ловило всякое извѣстіе, приходившее изъ дѣйствующей арміи, и разносило его

[1]) Письмо Беннигсена супругѣ отъ 10 октября 1812 года.

Библиотека "Руниверс"

по городу. Это обстоятельство было извѣстно такимъ лицамъ какъ Беннигсенъ и они пользовались имъ. Поэтому приведенное нами его письмо къ женѣ служитъ только объясненіемъ того, что не было выражено имъ прямо въ письмѣ императору, но только подразумѣвалось. Война приняла благопріятный оборотъ, что предвидѣлъ Беннигсенъ и чему онъ способствовалъ; она можетъ окончиться блистательно, но только при одномъ условіи—если не князь Кутузовъ будетъ начальствовать войсками.

Баронъ Беннигсенъ конечно зналъ, что его донесенія о дѣйствіяхъ фельдмаршала подкрѣплялись частными извѣстіями изъ дѣйствующей арміи, сообщаемыми какъ императору, такъ и лорду Каткарту, серъ Робертомъ Вильсономъ, съ которымъ онъ находился въ близкихъ отношеніяхъ. Послѣ сраженія при Маломъ Ярославцѣ онъ порицалъ отступленіе князя Кутузова и писалъ лорду Каткарту: «если Наполеонъ достигнетъ до Нѣмана, съ неразгромленными корпусами и съ тѣми подкрѣпленіями, которыя онъ соберетъ по дорогѣ или получитъ изъ Германіи, то весьма намъ будетъ трудно вытѣснить его изъ польскихъ провинцій. Вся кровь, тамъ пролитая, всѣ затрудненія, которыя Россія тамъ испытать можетъ, падутъ на голову фельдмаршала Кутузова. Генералъ Беннигсенъ съ честью можетъ оправдаться. Его совѣтъ, который спасъ государство, движеніемъ на Калужскую дорогу, могъ бы спасти вселенную, *если-бъ ему послѣдовали*. Его совѣтъ и теперь бы могъ улучшить наши ожиданія; но онъ не имѣетъ ни вліянія, ни власти въ управленіи» [1]). Подобныя соображенія онъ писалъ не для личнаго только свѣдѣнія англійскаго посланника въ Петербургѣ, но напротивъ просилъ его сообщить ихъ императору. «Если вы можете способствовать удаленію фельдмаршала Кутузова, то этимъ окажете великую услугу Россіи и Европѣ. До тѣхъ поръ, пока онъ будетъ командовать, мы не встрѣтимся съ непріятелемъ. Онъ желаетъ только видѣть непріятеля оставляющаго Россію, утомленнаго, но не уничтоженнаго. То, что уже сдѣлано, исполнено *безъ его вѣдома*, то, что должно сдѣлать, надо предпринять также *безъ его повелѣній*» [2]). Послѣднія строки краснорѣчиво говорятъ, какой духъ распространяли въ арміи нѣкоторые изъ вліятельныхъ членовъ главнаго штаба и съ какими препятствіями предстояло бороться престарѣлому русскому вождю, побѣждать рознь и давать единство военнымъ дѣйствіямъ.

Подкрѣпленный такими сообщеніями сера Роберта Вильсона, Беннигсенъ надѣялся на скорую развязку затѣянной имъ интриги противъ фельдмаршала; но государь молчалъ. Наградивъ за Тарутинское сра-

---

[1]) Письмо Вильсона Каткарту 19 (31) октября 1812 г.

[2]) Письмо Вильсона Каткарту 23 октября (4 ноября) 1812 года.

Библиотека "Руниверс"

женіе какъ Кутузова, такъ и Беннигсена, онъ показалъ, что цѣнитъ заслуги обоихъ. Рескриптъ князю Кутузову, который не могъ остаться тайною для Беннигсена, показывалъ даже искреннія чувства императора къ фельдмаршалу. «Побѣда, вами одержанная надъ Мюратомъ, обрадовала меня несказанно, я льщу себя надеждою, что сіе есть начало, долженствующее имѣть за собою еще дальнѣйшія послѣдствія. Слава Россіи нераздѣльна съ вашею собственною и—съ спасеніемъ Европы» [1]).

Истинно-ли императоръ оцѣнивалъ заслуги фельдмаршала, или щадилъ его, уступая мнѣнію о немъ всей Россіи,—дѣло не въ этомъ; но этотъ рескриптъ ясно говорилъ, что государь не намѣренъ смѣнить князя Кутузова. Генералъ Беннигсенъ понялъ это и желалъ оправдаться въ глазахъ императора, придавъ другой оборотъ дѣлу: «Безъ сомнѣнія, писалъ онъ императору, что ваше величество извѣщены о томъ недостаткѣ согласія, который царствуетъ съ нѣкотораго времени между фельдмаршаломъ и мною. Я ссылаюсь на свидѣтельство всей арміи, что не я тому причиною, ссылаюсь даже на совѣсть самого князя, которому я предлагалъ услугу во всякомъ родѣ службы; даже съ казаками. Никогда, государь, какъ вамъ извѣстно, я не домогался главнаго начальства надъ войсками, я убѣжденъ въ необходимости, чтобы русское имя стояло въ главѣ войскъ и что достаточно для пріобрѣтенія славы строгаго исполненія обязанностей, возлагаемыхъ любовью къ государю, государству и военной службою. Тѣ же самыя обязанности побуждаютъ меня, государь, не скрывать передъ вами, что несогласія и непріятности всякаго рода, которыя я испытываю, происходятъ отъ поведенія полковника Толя, который считаетъ себя оскорбленнымъ, когда ему приходится дѣйствовать по моимъ указаніямъ. Однажды я совѣтовалъ ему сообразоваться съ военными законами и черезъ меня представлять князю распоряженія о движеніи войскъ. Онъ осмѣлился мнѣ отвѣчать, что въ такомъ случаѣ онъ вовсе не будетъ въ нихъ вмѣшиваться. Я жаловался фельдмаршалу; но изъ этого ничего не вышло. Мнѣ бы пришлось написать слишкомъ длинный разсказъ, если бы я желалъ перечислить всѣ случаи, когда этотъ офицеръ забывалъ свои обязанности въ отношеніи ко мнѣ. Полковникъ Толь обладаетъ конечно навыкомъ, который даютъ офицеру продолжительныя занятія въ главномъ штабѣ, но отъ него нельзя требовать ничего болѣе, какъ направлять движеніе нѣсколькихъ колоннъ. По недостатку опытности, его познанія недалеко зашли, и я могу увѣрить ваше величество, что этотъ офицеръ не имѣетъ точныхъ понятій о значеніи позицій и о порядкѣ сраженій. Поэтому одному ему мы обязаны плохимъ успѣхомъ Бородинскаго сраженія и тѣми огромными потерями, которыя мы въ

[1]) Рескриптъ князю Кутузову 18 октября 1812 года.

Библиотека "Руниверс"

немъ понесли. Его мнѣнія восторжествовали надъ моими, и мнѣ оставалось только предупредить лишь болѣе гибельныя послѣдствія. Я такъ же не позволилъ себѣ скрыть отъ вашего величества, что несмотря на блестящіе одержанные нами успѣхи, Наполеонъ не былъ разбитъ какъ это было возможно и какъ слѣдовало. Не подумайте, государь, что это мое личное мнѣніе. Я старъ, государь, а состояніе моего здоровья въ послѣдніе дни мнѣ свидѣтельствуетъ, что можетъ быть мое поприще дѣятельности непродолжительно.

«Такое положеніе и желаніе оправдать тѣ милости, которыми вы меня осыпали, побуждаютъ меня обратить ваше вниманіе на опасность назначать на такое важное мѣсто, какъ генералъ-квартирмейстеръ большой арміи, офицера, не имѣющаго опытности, потому что уроки, которые даетъ ему непріятель, слишкомъ дорого обходятся государю и государству, какъ намъ доказала эта война. Несмотря на то будьте увѣрены, государь, что если сдѣлаютъ одинъ шагъ къ примиренію со мною, то я въ отвѣтъ сдѣлаю десять. Человѣкъ, который посвятилъ вамъ свою жизнь, желаетъ только служить вамъ, что и докажетъ при всякихъ обстоятельствахъ» [1]).

Вражда Беннигсена къ Толю можетъ быть объяснена, какъ личнымъ характеромъ, такъ и положеніемъ въ штабѣ дѣйствующей арміи. Толь, несмотря на всѣ свои достоинства, умъ, познанія и ревность къ службѣ, которымъ отдаютъ похвалу всѣ его современники, былъ однакоже заносчивъ, дерзокъ, иногда до грубости. Позволяя себѣ дерзко говорить съ главнокомандующими и принцемъ Евгеніемъ Виртембергскимъ, которыхъ уважалъ въ извѣстной степени, онъ, вѣроятно, не удерживался передъ Беннигсеномъ, котораго уважать не могъ, будучи искренно преданъ князю Кутузову. Толь воспитывался въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ въ то время, когда Кутузовъ былъ въ немъ начальникомъ и давалъ тамъ уроки тактики. Онъ былъ однимъ изъ лучшихъ и любимыхъ его учениковъ; а потомъ сдѣлался домашнимъ человѣкомъ. Когда князь Кутузовъ отправился въ 1812 году изъ Петербурга принять начальство надъ войсками и разспрашивалъ о составѣ штабовъ, то выразилъ особенное удовольствіе, узнавъ, что встрѣтитъ Толя въ должности генералъ-квартирмейстера первой арміи.

Отступленіе къ Тарутину особенно было непріятно барону Беннигсену, такъ какъ эту позицію открылъ и указалъ на нее князю Кутузову полковникъ Толь. Баронъ Беннигсенъ направилъ все свое негодованіе на Толя; онъ желалъ объяснить и оправдать свой образъ дѣйствій въ отношеніи главнокомандующему, не убѣдившись достаточно, что только русское имя можетъ и должно стоять во главѣ русской

[1]) Письмо Беннигсена государю отъ 9 ноября 1812 г.

Библиотека "Руниверс"

армія; а потому желалъ прекратить ссору и свои интриги. Но, во всякомъ случаѣ, примиреніе было уже поздно. Когда онъ написалъ приведеное выше письмо, въ рукахъ князя Кутузова уже находился, собственноручный, написанный императоромъ, ровно мѣсяцъ тому назадъ, слѣдующій рескриптъ: «Князь Михаилъ Иларіоновичъ! Доходятъ до меня свѣдѣнія, что вы имѣете справедливый поводъ быть недовольнымъ поведеніемъ генерала Беннигсена. Если сіи слухи основательны, то объявите ему, чтобы онъ отъѣхалъ отъ арміи и ожидалъ во Владимірѣ отъ меня новаго назначенія». Этотъ рескриптъ отъ 9-го октября князь Кутузовъ, вѣроятно, получилъ около половины этого мѣсяца и не воспользовался имъ немедленно, а оставилъ до 15-го ноября безъ исполненія.

Въ продолженіе этого времени Беннигсенъ успѣлъ отправить императору новую жалобу на князя Кутузова: «Никогда я еще не испытывалъ болѣе тяжелаго чувства, писалъ онъ, какъ теперь, принимаясь за перо. Удостойте меня минутою вниманія. Я все переносилъ, пока дѣло не достигло до опасной гласности и пока оно могло еще быть исправлено: насмѣшки, униженіе до оскорбленія, какъ вашему величеству сдѣлается со-временемъ извѣстно, потому что пользы службы вамъ были всегда и будутъ единственнымъ двигателемъ моихъ дѣйствій. Возвращаюсь къ моему предмету. Сильный нервный припадокъ уложилъ меня въ постель. Фельдмаршалъ выразилъ мнѣ величайшую внимательность. Я съ радостію усматривалъ возможность сближенія, забылъ прошлое и лишь только я могъ выдти изъ своей квартиры, поспѣшилъ отправиться къ нему, чтобы засвидѣтельствовать мою признательность. Никогда, государь, вы не обходитесь такъ унизительно съ лакеемъ, какъ обошелся со мною фельдмаршалъ; онъ даже не отвѣчалъ на мой поклонъ и это при многихъ генералахъ. Извините меня, государь. Изъ этого унизительнаго положенія, вовсе не заслуженнаго мною, я заключаю, ваше величество, какую я могу приносить пользу при такомъ обращеніи со мною. Не подумайте, однакоже, чтобы я оставилъ армію безъ вашего дозволенія; но я надѣюсь, что вы поспѣшите меня отозвать, если не окажется никакого способа къ примиренію. Ваше присутствіе въ храбрыхъ вашихъ войскахъ могло бы водворить всеобщее согласіе и придать рѣшительность дѣйствіямъ. Не попускайте себя обманывать, государь, совѣсть моя заставляетъ меня это сказать. Весьма вѣроятно, что арміи Чичагова придется выдержать очень трудное сраженіе, потому что отсюда не преслѣдовали непріятеля, какъ слѣдовало, съ надлежащею силою и мужествомъ. Меня ужасаетъ, что при такихъ обстоятельствахъ я вынужденъ безпокоить васъ моею личною просьбою, въ которой прошу мнѣ не отказать. Я прибѣгаю къ этому средству, потому что во все продолженіе войны я исполнялъ

Библиотека "Руниверс"

правила военной дисциплины, мои обязанности и руководился чувствами неизмѣнной привязанности и преданности къ священной особѣ вашей» [1]).

Доведя разладъ съ фельдмаршаломъ до послѣдней крайности баронъ Беннигсенъ какъ будто испугался необходимыхъ послѣдствій, но не тѣхъ, которыхъ онъ ожидалъ. Вмѣсто того, чтобы смѣнить князя Кутузова, онъ понялъ, что ему самому придется удалиться отъ арміи, такъ-же какъ удалился Барклай. Но онъ былъ самолюбивъ и желалъ славы; присваивая себѣ всѣ бывшія, еще неоконченные успѣхи надъ непріятелемъ, онъ, безъ сомнѣнія, хотѣлъ удалиться только не въ то время, когда все предвѣщало окончательное торжество. Это письмо было писано изъ Копыла, 14-го ноября, когда уже остатки великой арміи въ безпорядкѣ бѣжали къ Березинѣ и гдѣ по общему плану войны имъ долженъ быть нанесенъ послѣдній и рѣшительный ударъ. Свое желаніе оставаться при арміи онъ прикрывалъ въ этомъ письмѣ необходимостію, намекая въ немъ на то, что его совѣты заставятъ фельдмаршала дѣйствовать быстрѣе и рѣшительнѣе, и тѣмъ облегчатъ Чичагову окончательно довершить пораженіе непріятеля. Поэтому онъ желалъ примириться съ нимъ и съ этою цѣлію призывалъ государя въ армію.

Простое участіе къ больному со стороны князя Кутузова онъ принялъ за первый шагъ, съ его стороны, къ примиренію, хотѣлъ имъ воспользоваться и пришелъ въ негодованіе, потерпѣвъ неудачу.

Написавъ это письмо, онъ просилъ дать ему особаго курьера для отправленія къ государю. Но ему его не назначили, и онъ счелъ нужнымъ и объ этомъ обстоятельствѣ увѣдомить императора, и въ томъ же письмѣ приписалъ: «Отказъ въ подорожной для моего курьера, замедлилъ отправленіе этого письма. Съ каждымъ днемъ, государь, событія предвѣщаютъ все болѣе и болѣе блестящее будущее. Ваше присутствіе въ губерніяхъ, въ которыя мы входимъ, и гдѣ вы заставили обожать васъ (т. е. литовскихъ) гораздо болѣе, нежели цѣлая армія расположатъ къ вамъ всѣхъ, успокоитъ умы и откроетъ безъ выстрѣла путь къ возможнымъ предпріятіямъ за границами вашей Имперіи, которыхъ требуютъ обстоятельства. Время покажетъ, государь, что я вѣрно понималъ обстоятельства и людей».

Но въ тотъ же день, какъ онъ отправилъ это письмо, получилъ отъ фельдмаршала слѣдующее предписаніе:

«По причинѣ болѣзненныхъ вашихъ припадковъ, извольте, ваше высокопревосходительство, съ полученія сего отправиться въ Калугу,

---

[1]) Письмо барона Беннигсена императору отъ 14-го ноября 1812 г.

Библиотека "Руниверс"

гдѣ ожидать дальнѣйшаго вашего назначенія отъ его императорскаго величества» [1]).

Препровождая въ подлинникѣ это предписаніе къ государю, баронъ Беннигсенъ вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ: «Имѣю честь предоставить вашему величеству предписаніе, которое я получилъ отъ фельдмаршала. Я былъ удивленъ, государь, и ничего другаго не могу предположить, какъ желаніе удалить человѣка, всегда дѣйствовавшаго впереди войскъ, въ то время, когда военныя дѣйствія приходятъ къ концу. Но что бы ни было я повинуюсь потому, что знаю обязанности службы. Если бы въ этомъ отношеніи моя служба заслуживала какого либо упрека, я прошу ваше величество судить меня. Однако же, государь, есть предѣлы власти фельдмаршала, и однажды выйдя изъ ея предназначенія, я нахожусь исключительно въ вашей власти, потому что вы изволили меня назначить состоять при его лицѣ. Поэтому я ѣду на Оршу и Великія Луки, (т. е. вопреки предписанію фельдмаршала ѣхать въ Калугу). Но я не позволю себѣ явиться въ вашу столицу, не получивъ на это приказанія вашего» [2]).

Письмо императора фельдмаршалъ могъ получить только въ то время, когда великая армія Наполеона, встрѣтивъ отпоръ при Малоярославцѣ, двинулась на большую Смоленскую дорогу, а князь Кутузовъ предпринялъ фланговое преслѣдованіе непріятеля, приведшее его въ совершенное разстройство. Достигнувъ цѣли своихъ желаній и видя неминуемую гибель Наполеоновыхъ войскъ, фельдмаршалъ, вѣроятно, уже не обращалъ болѣе вниманія на интриги Беннигсена и ограничивался только тѣмъ, что не совѣтовался съ нимъ и даже уклонялся отъ сообщенія и личныхъ свиданій. По своему добродушію и съ мягкой учтивостью въ обхожденіи съ людьми, онъ, можетъ быть, и не воспользовался бы вовсе позволеніемъ государя, и оставилъ бы его въ покоѣ, если бы баронъ Беннигсенъ могъ оставаться въ такомъ положеніи при своемъ безпокойномъ характерѣ. Но онъ постоянно высказывалъ свое неудовольствіе, говорилъ: «что онъ простой зритель происшествій» [3]). Лишь стоитъ ему подать какой-нибудь хорошій совѣтъ, чтобы онъ былъ исполненъ совершенно иначе. Онъ составилъ вокругъ себя кружокъ, около котораго соединились всѣ желающія, чтобы фельдмаршалъ преслѣдовалъ непріятеля быстрѣе и дѣйствовалъ съ большею силою. Князь Кутузовъ не хотѣлъ дѣйствовать рѣшительно въ отношеніи своего начальника штаба и думалъ воспользоваться для этого его болѣзнію и

---

[1]) Предписаніе барону Беннигсену 15-го ноября 1812 г. село Круглое.

[2]) Письмо барона Беннигсена императору изъ с. Круглаго, 16-го ноября, 1812 г.

[3]) Записки А. П. Ермолова, ч. 1, стр. 243—249.

Библиотека "Руниверс"

предложилъ ему, не желаетъ ли онъ, до возстановленія силъ, получить отпускъ, что, безъ сомнѣнія, сдѣлало бы его удаленіе изъ арміи, болѣе благовиднымъ. Но Беннигсенъ не понялъ, или не хотѣлъ понять поступка фельдмаршала и тѣмъ вынудилъ его дѣйствовать рѣшительнѣе. «Беннигсена почти не пускаю къ себѣ, скоро отправлю», писалъ онъ своей супругѣ, въ послѣднихъ числахъ октября; и лишь только онъ оправился послѣ болѣзненнаго припадка,—исполнилъ свое намѣреніе.

«Беннигсенъ удалился изъ арміи, писалъ Р. Вильсонъ, по повелѣнію фельдмаршала. Раздоры были предосудительны для службы. Фельдмаршалъ упорствовалъ въ то время, когда Беннигсенъ объявилъ свое желаніе къ примиренію для пользы службы.

«Теперь императору предстоитъ выразить свое мнѣніе о соперникахъ.

«Я не думаю, чтобы Беннигсенъ, будучи главнокомандующимъ, послѣдовалъ тому своему совѣту, который онъ давалъ будучи подкомандующимъ; но я увѣренъ, что если бы онъ имѣлъ власть фельдмаршала, Бонапартъ теперь лишился бы всей своей дѣятельности въ здѣшнемъ свѣтѣ» [1]).

Приведенныя слова благорасположеннаго къ барону Беннигсену человѣка, кажется, объясняютъ вполнѣ, что онъ не могъ быть терпимъ въ арміи, какъ начальникъ штаба, тѣмъ болѣе, какъ соперникъ фельдмаршала, который даетъ ему такіе совѣты, которымъ самъ никогда бы не послѣдовалъ, если бъ занялъ его мѣсто...

Таковы были отношенія двухъ наиболѣе видныхъ и вліятельныхъ вождей русскихъ войскъ, выдвинутыхъ правительствомъ для противодѣйствія нашествію всего Запада Европы, предводимаго геніальнѣйшимъ изъ полководцевъ, къ старому и заслуженному фельдмаршалу, которому ввѣрила, во время грозной опасности, свою судьбу вся Россія въ лицѣ своихъ сыновъ.

А. Н. Поповъ.

Сообщилъ П. Н. Щуриковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Письмо С. Р. Вильсона женѣ, 19-го ноября (1-го декабря) 1812 г.

Библиотека "Руниверс"

Всеподданнѣйшее поздравленіе императора Александра княгинею Суворовою Рымникскою.

21-го марта 1801 г., Москва.

Во всеобщей верноподданныхъ радости, каковою вожделенное вашего императорскаго величества на прародительскій наслѣдственный престолъ восшествіе пополняетъ сердца ихъ, и я вдова съ детьми моими дерзаю припасть ко освященнѣйшимъ стопамъ всеавгустейшаго монарха и повергнуть себя сними во всевысочайшее вашего императорскаго величества благоволеніе, со всеглубочайшимъ благоговеніемъ пребывая, всемилостивѣйшіи государь, вашего императорскаго величества верноподданнѣйшая покойнаго генералисимуса жена княгиня Варвара италійская, графиня, князь Иванова дочь Суворова Рымникская.

Рескриптъ императора Александра княгинѣ В. И. Суворовой Рымникской.

26-го марта 1801 г.

Княгиня Варвара Ивановна! пріимите искренную признательность мою за поздравленіе отъ васъ принесенное, служба и подвиги супруга вашего на пользу отечества подъятые даютъ вамъ полное право на особенное мое вниманіе. Симъ щитаю я себя обязаннымъ памяти его никогда незабвенной и собственнымъ вашимъ чувствамъ, пребываю вамъ всегда доброжелательный.

Библиотека "Руниверс"

ЯКУТСКІЙ РОЗЫСКЪ
О РОЗНИ
БОЯРСКИХЪ ДѢТЕЙ и КАЗАКОВЪ.

(Очеркъ изъ жизни XVII вѣка).

I.

Якутское «розыскное дѣло» 1668—1669 г.г. о розни и раздорахъ между боярскими дѣтьми и казаками [1]) представляетъ любопытный эпизодъ изъ исторіи сравнительно рѣдко возникавшей у насъ сословной борьбы между разными группами населенія. Разсматриваемый эпизодъ получаетъ тѣмъ большее значеніе, что обѣ враждовавшія въ Якутскѣ группы принадлежали къ одному и тому же служилому сословію. Но разница въ служебномъ и житейскомъ положеніи въ правахъ и обязанностяхъ боярскихъ дѣтей и казаковъ была такъ существенна, что обѣ стороны естественно смотрѣли другъ на друга, какъ на отдѣльныя сословныя группы.

Боярскія дѣти въ Якутскѣ, какъ и вездѣ въ Сибири XVII вѣка, составляли служилую аристократію города, которая и по службѣ, и въ житейскомъ обиходѣ доминировала надъ остальными группами служилыхъ людей. Въ житейскомъ отношеніи боярскія дѣти были обставлены лучше остальныхъ служилыхъ людей: первыя получали лучшіе, высшіе оклады государева жалованья, дававшіе имъ возможность жить болѣе чѣмъ безбѣдно. По службѣ боярскимъ дѣтямъ были предоставлены всѣ

[1]) См. въ Моск. архивѣ министерства юстиціи Сибирскаго приказа столбецъ № 874. Краткое изложеніе этого дѣла см. въ моемъ „Обозрѣніи столбцовъ и книгъ Сиб. прик.“, 1, 188, 363, 364.

Библиотека "Руниверс"

лучшія мѣста въ городѣ и уѣздѣ; именно боярскія дѣти обязательно выступали въ роли «приказныхъ людей» въ уѣздныхъ острожкахъ и ясачныхъ зимовьяхъ или «начальныхъ людей» надъ казаками, стрѣльцами и другими разными людьми, какъ въ мирное время, такъ и въ походахъ на «немирныхъ иноземцевъ», на «измѣнниковъ-инородцевъ», въ поискахъ «новыхъ землицъ» и т. п. Участвуя въ этихъ походахъ и поискахъ или сидя «на приказѣ» въ далекихъ отъ города острожкахъ и зимовьяхъ, играя тамъ роль маленькихъ воеводъ, боярскія дѣти служили не столько «великому государю», сколько себѣ и своей мамонѣ... Они страшно тамъ наживались путемъ самыхъ возмутительныхъ насилій и всяческихъ беззаконій какъ надъ вполнѣ беззащитными инородцами, такъ отчасти и надъ своею низшею русскою братіей, особенно надъ торговыми и промышленными людьми... Эта служба «на приказахъ» была особенно выгодна въ обширномъ Якутскомъ уѣздѣ, съ его многочисленными и «дальними» острожками, зимовьями, «землицами», гдѣ воеводская власть была чисто номинальною, гдѣ воеводы по цѣлымъ годамъ ничего не знали, что дѣлается у нихъ, напримѣръ, въ Охотскомъ, Анандырскомъ и т. п. острожкахъ. Тутъ приказные люди царили вполнѣ самостоятельно и беззаконничали совершенно безнаказанно...

Сравнительно съ боярскими дѣтьми казаки были паріями: окладишки ихъ жалованья были ничтожные, а наживаться путемъ грабежа инородцевъ и своихъ хотя и казаки не были лишены возможности, но въ болѣе скромныхъ размѣрахъ, чѣмъ у аристократовъ—боярскихъ дѣтей... Между тѣмъ, всѣ тягости службы ложились именно на казаковъ: они массами гибли и въ походахъ на «новыя землицы», и при замиреніи взбунтовавшихся инородцевъ, и при объясаченіи послѣднихъ, гибли какъ отъ руки инородцевъ, такъ и отъ физическихъ лишеній и борьбы съ природою. Вся работа «приведенія подъ государеву руку» инородцевъ была дѣломъ казачьихъ рукъ и головъ, а сливки съ этого дѣла снимали боярскія дѣти... Они жирѣли, богатѣли, прославлялись, а казакамъ перепадали только крохи съ господскаго стола, да горькія воспоминанія о пролитыхъ потокахъ крови, массѣ жизней, загубленныхъ во имя «великаго государя»...

Естественно, что казаки не могли симпатизировать боярскимъ дѣтямъ. Правда, казакамъ не былъ закрытъ доступъ «въ чинъ» боярскихъ дѣтей. Въ Сибири сословіе послѣднихъ не было такою (относительно говоря) кастою, какъ въ Московской Руси: въ Сибири боярскія дѣти не рождались таковыми, но производились въ это званіе за долголѣтнюю службу, за особыя отличія, и крайне рѣдко «по родству». Каждый казакъ имѣлъ право добиться современемъ званія боярскаго сына, но не каждому это удавалось и не всегда сбывались казачьи меч-

Библиотека "Руниверс"

танія о переходѣ въ высшій рангъ сибирскихъ служилыхъ людей, со всѣми ихъ служебными преимуществами и подозрительными правами на всякія «радости жизни...» Пока все это оставалось въ едва достижимыхъ мечтаніяхъ, казаки отъ всей души ненавидѣли эту служилую аристократію, завидуя всячески ея положенію...

Въ Якутскѣ, въ 60-хъ годахъ XVII в., эта ненависть дошла до такихъ размѣровъ, что казаки подали на боярскихъ дѣтей общую «войсковую челобитную», обвиняя ихъ «въ налогахъ, и въ обидахъ, и во всякихъ неправдахъ» и рѣшительно заявляя, что имъ, казакамъ, «служить не мочно» съ боярскими дѣтьми вмѣстѣ!..

Любопытенъ и моментъ подачи «войсковой челобитной»: казачьи депутаты подали ее «на смотру, который производилъ всѣмъ наличнымъ якутскимъ ратнымъ людямъ воевода князь Иванъ Петровичъ Барятинскій. Значитъ, казаки не таились со своимъ челобитьемъ и смѣло выступили съ нимъ на глазахъ всего города, конечно уже давно знавшаго о борьбѣ и раздорахъ между служилыми людьми. Быть можетъ, у казаковъ былъ и особый мотивъ для такого публичнаго выступленія съ челобитной: они могли опасаться, что если бы подали челобитную въ приказной избѣ, то воевода, пожалуй, и не далъ бы ей хода, замялъ бы все дѣло, дѣйствуя въ интересахъ боярскихъ дѣтей, стоявшихъ къ воеводѣ ближе, чѣмъ казаки.

Но теперь воевода, принявши челобитную на смотру, не могъ скрыть ее и началъ «розыскъ». Казаки выступили съ цѣлымъ рядомъ самыхъ серьезныхъ обвиненій противъ боярскихъ дѣтей. Послѣднія не остались въ долгу и съ своей стороны стали раскрывать массу казачьихъ злоупотребленій. Получилась такая яркая картина самовольства, безчинствъ и всякаго «воровства» служилыхъ людей, какой мы не имѣли бы, если бы ее не раскрыла взаимная вражда двухъ сторонъ... Пусть обѣ онѣ увлекались и преувеличивали взаимныя обвиненія, но если въ ихъ показаніяхъ есть хотя десятая доля правды, и то страшно становится за тѣхъ, кто былъ жертвами бѣшенствъ, чинимыхъ служилыми людьми во славу «великаго государя...»

Въ виду такого двойнаго интереса якутскаго розыска 1668—69 г.г., представляющаго рѣдкій эпизодъ изъ исторіи сословной борьбы и раскрывающаго массу злоупотребленій служилыхъ людей, дѣло это заслуживаетъ обстоятельнаго изложенія. Интересъ его увеличивается оттого, что разыгралось оно на крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири, удаленномъ отъ всѣхъ сдерживающихъ элементовъ центра тогдашней Россіи. Если гдѣ въ XVII вѣкѣ, то именно въ Якутскомъ уѣздѣ служилые люди пользовались наибольшею долею самостоятельности и безотвѣтственности. Именно здѣсь они могли свободно развить свои лучшія и

Библиотека "Руниверс"

худшія стороны. А что именно они развили въ себѣ—пусть покажетъ разсматриваемое дѣло...

II.

23-го февраля 1668 года якутскій воевода, князь Иванъ Петровичъ Барятинскій, и его товарищъ дьякъ Степанъ Ельчуковъ производили обычный весенній смотръ ратныхъ людей—боярскихъ дѣтей, конныхъ и пѣшихъ казаковъ, стрѣльцовъ, пушкарей и др. Предстояла весенняя отправка ратныхъ людей по острогамъ и зимовьямъ уѣзда, на смѣну отбывшихъ тамъ свою годичную (въ нѣкоторыхъ пунктахъ и двухгодичную) службу, и для этого нужно было осмотрѣть наличный составъ людей, ихъ вооруженіе и проч., опросить объ ихъ нуждахъ, выдать жалованье.

Процедура смотра подходила къ концу, когда изъ казачьихъ рядовъ выступили трое выборныхъ людей—пятидесятникъ Никифоръ Аргамаковъ, десятникъ Андрей Щербакъ и рядовой казакъ Ѳедоръ Павловъ, которые подали воеводѣ «войсковую челобитную» отъ имени всѣхъ казаковъ, съ жалобами «на дѣтей боярскихъ» Якутскаго острога, «на Матвѣя Сосновскаго съ товарищи, въ ихъ воровствахъ и во всякихъ неправдахъ...»

Желая убѣдиться, всѣ ли казаки поддерживаютъ челобитье, воевода велѣлъ дьяку Ельчукову прочитать вслухъ поданную депутатами челобитную: «и ся челобитная служилымъ людямъ на смотрѣ ч т е н а. И выслушавъ челобитную, служилые люди (казаки) сказали, что-де такову челобитную писали и великому государю бьютъ челомъ по той своей заручной челобитной в с ѣ, которые нынѣ не въ посылкахъ, а живутъ въ Якутскомъ острогѣ». Послѣ этого никакихъ сомнѣній не оставалось, и воевода принялъ челобитную.

Челобитную подписали 36 казаковъ за себя «и за всѣхъ пятидесятниковъ, и десятниковъ, и рядовыхъ служилыхъ людей».

Челобитчики пишутъ: «Жалоба, великій государь, намъ... на дѣтей боярскихъ, съ которыми посылаютъ насъ воеводы на дальнія службы за море, и на Ламу, и по инымъ сторонним рѣкамъ для пріиску вновь неясачныхъ иноземцевъ... и для соболинаго сбору. И намъ с ъ д ѣ т ь м и б о я р с к и м и твоей службы с л у ж и т ь н е м о ч н о, потому—куда они на твою службу пойдутъ, и мы п о д ъ н и м ъ р о б и м ъ, и подъ ихъ хлѣбными запасы, и подъ товары». Хлѣба они берутъ по 300—400 пудовъ, чтобы въ острожкахъ и зимовьяхъ «пиво варить на про-

Библиотека "Руниверс"

дажу и вино курить». Заставляютъ они казаковъ строить для себя «особыя зимовья». За малѣйшую вину «нашу братью они, дѣти боярскія, своими руками бьютъ и ноги ломаютъ, и въ колоды садятъ...» Для своей бездѣльной корысти они «отказываютъ казакамъ отъ ясачнаго сбору» и вмѣсто казаковъ ставятъ ясачными сборщиками болѣе податливыхъ промышленныхъ людей. Изъ тѣхъ же корыстныхъ видовъ боярскія дѣти «аманатовъ добрыхъ изъ казенокъ выпущаютъ, а въ то мѣсто худыхъ аманатовъ емлютъ». Это тѣмъ болѣе огорчаетъ челобитчиковъ, что боярскія дѣти «сами нигдѣ, ни на которыхъ рѣкахъ, ни единаго аманата своими руками не изымывали»: труднымъ дѣломъ ловли «добрыхъ аманатовъ» всегда занимались только казаки... Между тѣмъ, боярскія дѣти «жалованье имѣютъ большое—рублевъ по 15-ти, и по 16-ти, и больше [1]), а хлѣбное жалованье емлютъ они все сполна», чего не всегда добиваются казаки. Вообще, какъ челобитчикамъ, такъ и ясачнымъ людямъ приходится терпѣть отъ боярскихъ дѣтей «тѣсненіе большое и изгою всякую». Съ инородцами они обращаются крайне жестоко: «иноземцевъ огнемъ жгутъ и вѣшаютъ безъ твоего, великаго государя, указу...» Инородцы за то мстятъ и всего болѣе достается тутъ казакамъ; и насъ «иноземцы побиваютъ многихъ смертнымъ убойствомъ...»

Казаки слезно просятъ: «пожалуй насъ! не вели съ дѣтьми боярскими и съ безыменники намъ служить твоей, великаго государя, службы, потому что намъ съ дѣтьми боярскими и съ безыменники всякихъ твоихъ службъ служить не мочно!..»

Въ другомъ документѣ казаки объясняютъ, что «безыменниками» они называютъ тѣхъ служилыхъ людей, которые не имѣютъ правъ на званіе боярскаго сына, а между тѣмъ пользуются ихъ правами и сидятъ «на приказахъ», благодаря собственнымъ происканъ и воеводскому произволу; «а для того ихъ безыменниками написали, что они въ Якутскомъ острогѣ въ оклады (боярскихъ дѣтей) не поверстаны, а ходятъ по приказамъ приказными людьми», то-есть занимаютъ тѣ мѣста, которыя за недостаткомъ боярскихъ дѣтей могли бы занять и казачьи начальные люди—пятидесятники и др.

III.

Принявши казачью челобитную, воевода, князь И. П. Барятинскій, медлилъ давать ей дальнѣйшій ходъ: съ 23-го февраля, когда происхо-

[1]) Пятнадцать рублей половины XVII вѣка равняются нашимъ 200—250 рублямъ.

Библиотека "Руниверс"

дилъ смотръ, и до начала марта князь ничего не предпринималъ. Можетъ быть, онъ ждалъ того момента, когда главные коноводы челобитья разъѣдутся по дальнимъ службамъ, и поднятое ими дѣло замретъ само собою... Но казаки не дремали, волновались, и ихъ начальные люди приставали къ воеводѣ съ требованіемъ начать розыскъ по челобитной. Воевода понялъ, что замолчать это дѣло нельзя, иначе волненіе казаковъ могло разростись до нежелательныхъ размѣровъ—до открытаго бунта... Шутить съ казаками было опасно: это была главная ратная сила Якутска, безъ поддержки которой воеводская власть ничего не значила въ этомъ далекомъ и глухомъ краю, гдѣ инородцы далеко не всѣ еще были «замирены» и объясачены...

Такъ какъ войсковая челобитная была составлена въ очень общихъ выраженіяхъ и совсѣмъ голословно, безъ всякихъ указаній на факты и лица, то воевода потребовалъ отъ казаковъ дополнительныхъ «сказокъ», съ болѣе точною формулировкою обвиненій противъ боярскихъ дѣтей и съ указаніемъ именъ и событій.

12-го марта казачьи депутаты—пятидесятники Никифоръ Аргамаковъ, Друганъ Прокопьевъ и Герасимъ Цыпандинъ (его подписи не было на челобитной, вѣроятно за отсутствіемъ изъ Якутска) подали воеводѣ «войсковую скаску», которая была составлена не только отъ имени всѣхъ казачьихъ пятидесятниковъ, десятниковъ и рядовыхъ, но и «ото всего города...» Очевидно, движеніе противъ боярскихъ дѣтей разрослось и захватило всѣхъ ратныхъ людей—стрѣльцовъ, пушкарей и др. Правда, подписей послѣднихъ нѣтъ на «войсковой скаскѣ»—она подписана только казаками. Но казаки не могли лгать, когда увѣряли, что за ними стоитъ «весь городъ...» Стоило воеводѣ воспользоваться этимъ указаніемъ, потребовать «скасокъ» отъ стрѣльцовъ и другихъ ратныхъ людей,—и ихъ скаски посыпались бы въ приказную избу... Но воевода, видимо, старался смягчить общее возбужденіе противъ боярскихъ дѣтей и ограничился розыскомъ только по казачьимъ скаскамъ. У него было и формальное оправданіе, что сами-де стрѣльцы и другіе ратные, кромѣ казаковъ, не подавали челобитныхъ на боярскихъ дѣтей.

«Войсковая скаска» шла отъ наличныхъ въ Якутскѣ казаковъ, которые замѣчаютъ, что когда остальные казаки съѣдутся въ городъ, то «и они будутъ свои скаски писать и въ приказъ подавать, въ обидахъ и въ изгонахъ отъ дѣтей боярскихъ и отъ безыменниковъ...» Войсковую скаску «писалъ по ихъ войсковому велѣнью служилой человѣкъ Ондрюшка Ортемьевъ».

Этотъ обвинительный актъ начинаетъ съ общихъ обвиненій противъ всего «чина» боярскихъ дѣтей, а затѣмъ переходитъ къ отдѣльнымъ лицамъ и ихъ преступленіямъ. Въ общихъ обвиненіяхъ отчасти

Библиотека "Руниверс"

повторяются старыя, изложенныя въ «войсковой челобитной», но теперь съ нѣкоторыми дополненіями, а отчасти высказываются новыя обвиненія. Такъ, казаки повторяютъ, что боярскія дѣти «нашу братью отъ ясачнаго сбора отметываютъ», и что они «аманатовъ перемѣняютъ безъ совѣту (съ нами) и нашей статьи не спрашиваютъ» ни о чемъ, хотя сами выѣзжаютъ на казачьей службѣ. Дѣти боярскія «бьютъ челомъ на Москвѣ государю и высылаютъ ложно чужими службами и ранами кровавыми въ дѣти боярскія. А оклады они берутъ себѣ большіе изъ нашихъ окладовъ, а себѣ они грамотъ на особые оклады не привозятъ», но воеводы имъ вѣрятъ и даютъ увеличенные оклады, вслѣдствіе чего страдаютъ остальные служилые люди, такъ какъ происходитъ «недодача въ денежномъ и хлѣбномъ жалованьѣ». Оттого казаки «оскудали и обдолжали большими неокупными долгами». Пользуясь лучшимъ жалованьемъ, якутскія боярскія дѣти уклоняются отъ всякой службы и только «ходятъ приказными людьми, для своей бездѣльной корысти». Отъ всякихъ другихъ службъ, безвыгодныхъ и тяжелыхъ, они отказываются, а за нихъ все работаютъ казаки и остальные служилые люди.

Переходя ка частнымъ обвиненіямъ, казаки указываютъ какъ на общее злоупотребленіе боярскихъ дѣтей — на обладаніе «заповѣдными товарами»; «да у нихъ же, дѣтей боярскихъ, объявляютца шубы добрыя соболи и лисицы черные, а продаютъ шубу ста по два и по три...

По этому обвиненію воевода потребовалъ отъ казаковъ «принести особую скаску», которую они и подали 18-го марта. Въ этой скаскѣ казаки указали на боярскихъ дѣтей: Втораго Катаева, Матвѣя Вескина и др., какъ на имѣвшихъ соболи шубы и мѣха чернобурыхъ лисицъ.

Но этихъ лицъ не было тогда въ Якутскѣ, и потому съ нихъ не сняты отвѣтныя скаски. Всѣ же остальныя обвиняемыя казаками боярскія дѣти подавали каждый отдѣльно оправдательныя скаски. Боярскіе отвѣты собирались воеводою и дьякомъ Ельчуковымъ въ теченіе всего 1668 года и до сентября 1669 года, по мѣрѣ того, какъ боярскія дѣти съѣзжались съ приказовъ въ Якутскъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи буду приводить казачьи скаски параллельно съ отвѣтными скасками боярскихъ дѣтей.

IV.

Казачья «войсковая скаска» начинаетъ съ обвиненій, направленныхъ противъ боярскаго сына Матвѣя Сосновскаго, занимавшаго пер-

Библиотека "Руниверс"

вое мѣсто среди боярскихъ дѣтей, какъ старый якутскій служака изъ ссыльныхъ поляковъ [1]). Сосновскаго казаки обвиняли въ тайномъ винокуреніи, которымъ онъ занимался не только въ Жиганскомъ зимовьѣ, гдѣ онъ сидѣлъ «на приказѣ», но и въ самомъ Якутскомъ острогѣ: вездѣ онъ «вино курилъ и пиво варилъ».

Второе обвиненіе противъ него: однажды ему было поручено перевезти государевы хлѣбные запасы на Чичюйскій волокъ и въ Илимскій острогъ. Но Сосновскій «на государевѣ баркѣ приплавилъ с в о и хлѣбные запасы съ 1.000 пудъ, а государевъ запасъ п о к и н у л ъ вверху, и по тѣ запасы ходили мы, служилые люди, в д р у г о р я д ъ лѣтомъ...»

Сосновскій оправдывался такъ: при прежнемъ якутскомъ воеводѣ Иванѣ Голенищевѣ-Кутузовѣ сидѣлъ онъ шесть лѣтъ «за приставомъ и за карауломъ» (за какую вину—не говоритъ), слѣдовательно не могъ тогда ни курить, ни продавать вина, такъ какъ къ нему никого не пропускали. Однако, онъ ничего не говоритъ о позднѣйшемъ времени, когда его «всѣмъ городомъ оправили», и онъ сталъ свободнымъ человѣкомъ... Но Сосновскій сознается, что въ Жиганскомъ зимовьѣ велѣлъ «высидѣть пуда съ два» вина и пиво варилъ, но только для себя—«оцынжалъ»-де тогда,—«а не на продажу».

Относительно же исторіи съ «государевой баркой» Сосновскій, видимо, путается и чего-то не договариваетъ... Онъ увѣряетъ, что весь государевъ хлѣбъ доставилъ «сполна», но илимскій воевода «ложно-де» увѣрилъ якутскаго воеводу Кутузова, что Сосновскій «покинулъ» дорогою хлѣбные запасы. Кутузовъ зато взялъ въ казну собственный хлѣбъ Сосновскаго въ количествѣ 600 пудовъ, пока не будетъ доставленъ государевъ хлѣбъ. Сосновскій долженъ былъ нанять торговаго человѣка Василья Протопопова съ товарищи для доставки государева хлѣба. Въ то же время Сосновскій сознается, что везъ на государевой баркѣ 1.000 пудовъ своего хлѣба, который доставилъ въ Якутскъ «для хлѣбной скудости», но государевой казнѣ «оттого никакого убытка не было, потому барка-де плыла на низъ безработно». Барка была такъ «велика», что онъ поднялъ бы на ней и государевъ хлѣбъ, если бы онъ былъ.

Болѣе серьезныя обвиненія выставлены казаками противъ боярскаго сына Ѳедора Пущина, довольно извѣстнаго якутскаго служилаго человѣка [2]). Начинаютъ они съ общаго обвиненія, что Ѳедоръ Пущинъ съ сыномъ Григорьемъ «на заимкахъ и въ Жиганахъ на приказѣ» вино курили и пиво варили. Затѣмъ казаки увѣряютъ, что Григорій Пущинъ,

[1]) См. мое „Обозрѣніе столбцовъ и книгъ. Сиб. прик.“, I, 202.

[2]) О службѣ Ѳедора Пущина въ Охотскомъ острогѣ см. въ „Исторіи Россіи“ Соловьева, т. III, стр. 586—587. См. также мое „Обозр. Сибир. прик“, т. I, стр. 363—364.

Библиотека "Руниверс"

разъѣзжая по якутскимъ «улусамъ» съ толмачомъ новокрещенымъ Афонькою, «съ якутовъ головщину ималъ лѣтъ за десять и за пятнадцать, всякимъ животомъ и скотомъ», за что при воеводѣ Голенищевѣ-Кутузовѣ оба они «въ застѣнкѣ были и въ томъ дѣлѣ винились...»

Съ Ѳедоромъ Пущинымъ,—продолжаютъ казаки,—было послано «вверхъ по Олекмѣ, на Аргунь», 50 служилыхъ людей. Но Пущинъ, «для своей бездѣльной корысти, на Аргунь не пошелъ, а сплылъ внизъ по Амуру», гдѣ соединился съ отрядомъ служилыхъ людей, бывшихъ подъ командою Онуфрія Кузнеца. Здѣсь, въ борьбѣ съ инородцами, Пущинъ «своимъ самовольствомъ потерялъ» 44-хъ служилыхъ людей...

Онъ же на Ламѣ, въ Охотскомъ острожкѣ, своимъ небереженьемъ потерялъ служилыхъ людей 50 человѣкъ...» Онъ писалъ якутскому воеводѣ «ложно, будто онъ поставилъ на Охотѣ рѣкѣ городъ, а города на Охотѣ-рѣкѣ не бывало...» Тамъ же Ѳедоръ Пущинъ, вмѣстѣ съ боярскимъ сыномъ Архипомъ Лыткинымъ, «вѣшали иноземцевъ, которые великому государю прямили и про измѣну сказывали...»

Ѳедоръ Пущинъ сознался, что въ Жиганскомъ зимовьѣ «вина усидѣлъ для своей болѣзни, про себя, а не на продажу», за что «и заповѣдь взята». Относительно аргунскаго похода Пущинъ увѣрялъ, что казаки «солгали» на него: вверхъ по рѣкѣ Аргуни онъ ходилъ десять дней, съ 50-ю служилыми людьми, но «иноземцовъ не нашелъ», и когда «хлѣбные запасы оголодали», онъ двинулся обратно на устье Аргуни и здѣсь поставилъ зимовье. 43 казака изъ отряда, «его, Ѳедора, покиня, побѣжали» на Амуръ къ Онуфрію Кузнецу съ товарищи. Въ Аргунскомъ зимовьѣ осталось всего семь человѣкъ. Самъ Пущинъ бросился догонять ушедшихъ, нагналъ ихъ уже на Амурѣ и остался съ ними зимовать «въ Гиляхахъ». Весною, собравши соболиную казну, пошелъ въ Якутскъ съ двадцатью казаками. Остальные его «не послушали», остались на Амурѣ, «и безъ него» инородцы «ихъ побили», кромѣ двухъ казаковъ, вернувшихся позже въ Якутскъ. Одинъ изъ нихъ Андрей Ивановъ, подтвердилъ ссылку на него Пущина и добавилъ, что часть оставшихся на Амурѣ казаковъ погибла «голодною смертью», а другіе побиты «богдоскими людьми».

Далѣе Пущинъ увѣрялъ, что казаки «солгали» и про его охотскую службу. Дѣйствительно, пятьдесятъ служилыхъ людей погибли, но не отъ его «небереженья...» Они были посланы, подъ командою казака Потапа Мухоплева, «на неясачныхъ людей на кукигиръ» (т. е. на юкагировъ). Мухоплевъ съ товарищи взяли у нихъ семь аманатовъ, «съ женами, и съ дѣтьми, и съ ихъ животы» и оставили стеречь ихъ

Библиотека "Руниверс"

шесть казаковъ. Остальные казаки «разошлись въ разныя мѣста для своей добычи» и по частямъ были побиты тунгусами: «и о томъ-де убойствѣ тѣ иноземцы въ винахъ своихъ, и отчего убойство учинилось: прислали въ Якутскій острогъ челобитную за свои знамены...»

«Иноземцевъ, которые великому государю прямили», Пущинъ «не вѣшивалъ». Но Архипъ Лыткинъ, по воеводскому наказу, повѣсилъ двухъ инородцевъ, а Пущинъ повѣсилъ трехъ инородцевъ, за то, что они убили двухъ служилыхъ людей и «приступали къ острогу», такъ что русскіе «сидѣли въ осадѣ...» На рѣкѣ Охотѣ Пущинъ «городъ ставилъ», но не могъ его докончить—«иноземцы лѣсу возить не дали...»

Такимъ образомъ, Ѳедоръ Пущинъ въ сущности подтвердилъ всѣ обвиненія казаковъ, но далъ имъ только иное толкованіе, конечно въ свою пользу... Сынъ его Григорій Пущинъ голословно отвергалъ взведенное на него обвиненіе въ незаконномъ сборѣ «головщины» съ инородцевъ.

V.

Боярскаго сына Ивана Ярастова казаки обвиняли, помимо обычнаго корчемства, еще въ томъ, что когда ему было поручено доставить изъ Москвы въ Якутскъ 3.000 рублей государева жалованья, онъ «издержалъ 1.000 рублей для своей бездѣльной корысти—купилъ въ русскихъ городахъ всякихъ русскихъ товаровъ»: суконъ, холстовъ, вина и проч. Въ Якутскѣ вмѣсто денегъ онъ раздавалъ служилымъ людямъ свои товары «въ наши оклады, дорогою цѣною: середней холстъ въ пять алтынъ и въ двѣ гривны аршинъ» и т. д. Купленное же вино «продавалъ въ чарки».

Иванъ Ярастовъ пробовалъ оправдываться, будто онъ покупалъ товары на свои деньги и проч. Но спрошенный о томъ бывшій якутскій воевода Михаилъ Голенищевъ-Кутузовъ «сказалъ» на розыскѣ, что въ 1666 году Ярастовъ изъ 3.000 рублей государева жалованья «не довезъ въ Якутскъ 949 рублей, за что «стоялъ на правежѣ, и съ правежу тѣхъ денегъ не платилъ, и у него, Ивана, взяты товары», которые и розданы служилымъ людямъ «въ жалованье».

Боярскій сынъ Иванъ Жегловъ обвинялся казаками въ томъ, что, будучи «на приказѣ» на Чичюйскомъ волокѣ «великаго государя казенной ящикъ съ деньгами у цѣловальника Агѣя Шелковника «сильно взялъ» и тѣ деньги издержалъ на свои нужды.

Жегловъ отвѣчалъ, что ящикъ съ деньгами бралъ у цѣловальника

Библиотека "Руниверс"

по воеводскому наказу, для счета денегъ, который производился въ присутствіи цѣловальника и подъячаго. Деньги, дѣйствительно, взялъ, но на государево дѣло—«для мельнишного строенья».

На «тѣсненіе» и «изгоню» боярскаго сына Андрея Булыгина, когда онъ былъ приказнымъ человѣкомъ «за моремъ, на Индигиркѣ», подавали челобитныя и русскіе, и инородцы. Тамъ же онъ «отставливалъ безъ государева указу отъ ясачного сбору служилыхъ людей (Ѳедора Плотника и еще три человѣка), для своей бездѣльной корысти», а на ихъ мѣсто взялъ промышленныхъ людей. Онъ же пріобрѣталъ заповѣдную мягкую рухлядь и проч.

Булыгинъ увѣрялъ, что инородцевъ онъ не тѣснилъ, если и были на него «иноземскія челобитныя», то не дѣйствительныя, а «воровски» составленныя отъ имени инородцевъ казакомъ Андреемъ Унжакомъ, который «и знамена иноземскія къ тѣмъ челобитнымъ прикладывалъ за очи, безъ ихъ вѣдома...» Служилыхъ людей «не отставливалъ» отъ ясачнаго сбора, «а принималъ промышленныхъ людей вприбавку къ служилымъ людямъ для того, чтобъ-де было людиѣе...» Соболиная шуба у него была, но онъ ее продалъ за 80 рублей, за что и заплатилъ «десятую пошлину» въ Якутской таможенной избѣ.

Противъ обычнаго обвиненія въ корчемствѣ «безымянникъ» (по опредѣленію казаковъ) боярскій сынъ Яковъ Шульгинъ оправдывался нѣсколько своеобразно: «съ вѣдома-де воеводы Ивана Голенищева-Кутузова «вина сталъ-было сидѣть, и усидѣлъ въ араку, и Иванъ Голенищевъ-Кутузовъ прислалъ выимщиковъ, и ту араку у него, Якова, выняли и принесли въ съѣзжую избу...» О дальнѣйшей судьбѣ такъ неожиданно высиженнаго арака Шульгинъ скромно умалчиваетъ... Въ Чичюйскомъ волокѣ онъ варилъ пиво для себя, а вино присылалъ ему илимскій воевода Лаврентій Обуховъ «и не однова, и онъ-де то вино пилъ, а никому не продавывалъ...»

Приказнаго человѣка на Чичюйскомъ волокѣ Семена Епишева казаки обвиняли въ томъ, что «у мельницы поставилъ рѣли (висѣлицу) и три петли связалъ, невѣдомо по какому умыслу...» Онъ же «билъ батоги пашеннаго крестьянина Коровая, и тотъ крестьянинъ съ тѣхъ батоговъ заболѣлъ и померъ...» Отъ его же «изгони» другой крестьянинъ «сбѣжалъ» съ семьей на рѣку Тунгуску и «пашню покинулъ...» Во время службы на рѣкѣ Охотѣ Семенъ Епишевъ «Охотскій острожекъ покинулъ пустъ, и пришедъ иноземцы, тотъ острожекъ сожгли». Онъ же отпустилъ тамъ аманатовъ и проч.

Семенъ Епишевъ признался, что на Чичюйскомъ волокѣ, по воеводскому приказу, «висѣлицу велѣлъ поставить для острастки даурскихъ бѣглецовъ и для того, что бѣгаютъ на Нижнюю Тунгуску и на Турухань многіе всякихъ чиновъ люди, а петель-де на висѣлицѣ не

Библиотека "Руниверс"

бывало...» Крестьянина Савву Коровая билъ батогами «за татьбу, что онъ крадъ великаго государя хлѣбъ съ сыномъ боярскимъ съ Иваномъ Жегловымъ» (см. о немъ выше). Но умеръ Коровай «не отъ побой...»

Во время охотской службы (еще въ 1652 году) Епишевъ аманатовъ «не отпускивалъ»: «ушли-де они изъ-за караула у служилыхъ людей у Ивана Чернигова съ товарищи». Когда инородцы измѣнили, Епишевъ съ служилыми людьми «сидѣлъ въ осадѣ больше году, дожидался изъ якутскаго острогу на выручку служилыхъ людей, а острожекъ-де онъ покинулъ для того, что-де ему сидѣть въ осадѣ было не мочно, и послѣ-де того иноземцы тотъ острожекъ сожгли».

Въ особо поданной «росписи» Епишевъ торжественно сознался только въ одной маленькой винѣ: «объявляю я, Сенька Епишевъ, предъ великимъ государемъ свою страдничью вину», что въ 1654 году, въ Якутскѣ, на праздникъ Алексѣя, человѣка Божія, «ссидѣлъ съ ведро вина, и тѣмъ виномъ не торговалъ—выпилъ съ добрыми людьми. И въ той моей, Сенькиной, винѣ воленъ великій государь!..»

VI.

Боярскія дѣти не ограничились одними оправдательными сказками лично за себя, но выдвинули на свою защиту двухъ лицъ, выступившихъ съ особыми «росписями казачьихъ винъ». Впрочемъ, эти росписи были поданы не отъ имени всѣхъ боярскихъ дѣтей Якутска, но только отъ ихъ составителей: одну роспись подалъ боярскій сынъ Павелъ Шульгинъ, другую—вышеупомянутый Семенъ Епишевъ. Послѣдній называется то просто служилымъ человѣкомъ, то казачьимъ десятникомъ. Очевидно, онъ не былъ въ числѣ боярскихъ дѣтей и если примыкалъ къ нимъ, то развѣ въ качествѣ «безымянника».

Павла Шульгина казаки задѣли въ своей «войсковой сказкѣ», обвиняя въ разныхъ злоупотребленіяхъ. Шульгинъ отвѣчалъ на это какъ личною оправдательною «сказкою», такъ и особою «росписью казачьихъ винъ». Въ сказкѣ онъ говоритъ (противъ обвиненія казаковъ), что казака Ѳедора Заплетая «въ колоду сажалъ за воровство, что-де онъ, Ѳедька, укралъ хлѣбъ великаго государя»... Въ Жиганскомъ зимовьѣ «никакой изгони» не чинилъ инородцамъ. Правда, билъ на него челомъ одинъ якутъ, но его «научилъ на то казакъ Василій Новгородъ. О «воровскомъ винномъ куреньѣ» Шульгина ложно показываютъ «воры и корчемники и всякому воровскому дѣлу заводчики»—казаки Герасимъ Цыпандинъ, Ѳедоръ Заплетай, Панфилъ Мокрошубовъ, Семенъ

Библиотека "Руниверс"

Прибылой, Алексѣй Годневъ и др. Всѣ они дѣйствуютъ противъ боярскихъ дѣтей дружно, «стакався съ небольшими людьми, съ такими же ворами, и хотя (желая) въ посылкахъ быть сами приказными людьми, а его-де, Павла, ненавидя, для того, что служитъ-де онъ, Павелъ, великому государю, помня государево крестное цѣлованье, а къ ихъ воровству не пристаетъ», и самихъ казаковъ отъ «воровства унимаетъ»... Возможно, что Шульгинъ былъ правъ, объясняя именно этимъ мотивомъ неудовольствія казаковъ на боярскихъ дѣтей. На тотъ же мотивъ намекаетъ и Семенъ Епишевъ въ своей «росписи», гдѣ объясняетъ всѣ взведенныя на него казаками обвиненія, и именно тѣмъ, что онъ всегда «удерживалъ» служилыхъ людей отъ всякихъ злоупотребленій и «къ ихъ заводнымъ дѣламъ не приставалъ».

Чтобы не быть голословнымъ, Павелъ Шульгинъ перечисляетъ въ своей «росписи» многія злоупотребленія казаковъ. Оговоренныя имъ лица подавали въ свое оправданіе отвѣтныя «скаски».

Шульгинъ начинаетъ съ вышеупомянутаго казака Ѳедора Заплетая. Въ 1651 г. Заплетай былъ «на приказѣ» въ Олекминскомъ острожкѣ и тамъ сильно «корыстовался великаго государя ясачными лутчими собольми». Чтобы скрыть это воровство отъ служилыхъ людей, онъ—«и у государевыхъ дѣлъ, и у всякаго толмачества, для своего воровства, велѣлъ толмачить у иноземцевъ женѣ своей». Когда его въ «воровствахъ стали обличать товарищи его, казаки», Заплетай «говорилъ воровски—называлъ Олекминскій уѣздъ своею землицею»!..

Въ 1656 г. Заплетай былъ приказнымъ человѣкомъ въ Майскомъ зимовьѣ и тамъ грабилъ инородцевъ—бралъ у нихъ оленей, женъ ихъ ималъ къ себѣ на блудъ» и проч.

Позже Заплетай былъ посланъ съ Павломъ Шульгинымъ въ Илимскій острогъ для пріема государева хлѣба и здѣсь отличился — укралъ 25 пудовъ хлѣба, который былъ отысканъ: «и за то его воровство былъ онъ, Ѳедька, скованъ, а наказанье ему не учинено, для того, что бить его батоги за такое большое воровство мало, а кнутомъ никого бить по наказу мнѣ (т. е. Шульгину) не велѣно»...

На устьѣ р. Муки Заплетай ограбилъ Спасскую часовню: «выбивъ окно, ходилъ въ часовню и полъ высѣкъ, а что изъ той часовни пограбилъ—того подлинно не вѣдаю», но знаютъ это въ Илимскѣ, гдѣ воевода Петръ Бунаковъ билъ кнутомъ Заплетая за это святотатство... Семенъ Епишевъ въ своей росписи называетъ Ѳедора Заплетая казачьимъ пятидесятникомъ и дополняетъ обвиненія Шульгина указаніемъ, что у одного якута Заплетай увезъ дочь-дѣвку...

На всѣ обвиненія Шульгина и Епишева Заплетай отвѣчалъ голословнымъ отрицаніемъ.

Далѣе Шульгинъ переходитъ къ казачьему десятнику Панфилу Мо-

*

Библиотека "Руниверс"

крошубову. Въ 1663 году онъ былъ посланъ на приказъ на р. Анандыръ и проѣздомъ зазимовалъ на р. Янѣ, въ Нижнемъ зимовьѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ котораго сталъ вино курить и продавать. Это мѣсто знали юкагиры и «примѣтили, что того вина напиваютца у него, Панфилка, почасту многіе люди». Однажды, когда у Панфила не было никого изъ служилыхъ людей, къ нему явились юкагиры—стали «вино пить и напились пьяны». Въ пьяномъ возбужденіи юкагиры отправились въ Нижнее Янское зимовье, служилые люди котораго ушли въ то время почти всѣ на промыслы. Оставались въ зимовьѣ только ясачные сборщики Алексѣй Бусурмановъ съ товарищи. Всѣхъ ихъ юкагиры избили до смерти, выпустили аманатовъ и «отъ ясаку отложилисъ». Словомъ, произошелъ бунтъ инородцевъ, благодаря вину Панфила...

Раненый тогда юкагирами казакъ Семенъ Ѳонеминъ подалъ Панфилу Мокрошубову челобитную, чтобы идти въ походъ за юкагирами. О томъ же настаивали бывшіе въ зимовьѣ торговые и промышленные люди, предлагая на помощь своихъ работныхъ людей, оружіе, порохъ и свинецъ. Но Панфилъ, кругомъ во всемъ виноватый, «своровалъ» и тутъ—«за тѣми иноземцами не пошелъ и упустилъ ихъ, не хотя покинуть воровскаго своего промыслу—винной поварни». И это несмотря на то, что въ зимовьѣ собралось тогда около 60 казаковъ, торговыхъ, промышленныхъ и другихъ русскихъ людей.

Одинъ только казакъ Семенъ Ѳонеминъ не послушался Мокрошубова и съ 4-мя товарищами погнался все-таки за юкагирами и «нашелъ ихъ на первыхъ станахъ». Юкагиры, «чая за собою большихъ людей, побѣжали наспѣхъ, пометавъ на станахъ рухледишко свое». Однако, при своемъ малолюдствѣ Семенъ не рѣшился продолжать дальше погоню и вернулся въ зимовье.

Семенъ Епишевъ въ своей росписи подтверждалъ это обвиненіе противъ Мокрошубова и также разсказывалъ, какъ Панфилъ споилъ инородцовъ и вызвалъ ихъ бунтъ. Мокрошубовъ отдѣлывался однимъ голословнымъ отрицаніемъ этого факта.

Казачьяго пятидесятника Герасима Цыпандина Шульгинъ обвинялъ въ тайномъ винокуреніи и продажѣ вина въ Жиганскомъ и Алазейскомъ зимовьяхъ, гдѣ Герасимъ былъ на приказахъ. Притѣсняя инородцевъ, онъ такъ сильно здѣсь нажился, что «тѣхъ у него пожитковъ и нынѣ въ заморскихъ зимовьяхъ въ долгахъ съ 1000 рублевъ и больше». Собирать эти долги онъ послалъ «вора брата своего Ондрюшку».

Въ Учурскомъ зимовьѣ Герасимъ Цыпандинъ «чинилъ обиды и налоги» инородцамъ, за что, вслѣдствіе ихъ челобитій, въ 1667 г. битъ кнутомъ по воеводскому приговору.

Семенъ Епишевъ дополняетъ это обвиненіе указаніемъ на крайнюю

Библиотека "Руниверс"

жестокость Герасима Цыпандина: на р. Индигиркѣ Герасимъ, вмѣстѣ съ боярскимъ сыномъ Кирилломъ Ванюковымъ — многихъ иноземцевъ пытая зажгли до смерти и Уянду — лучшаго человѣка, по ихъ зову князца—повѣсили, для своихъ пожитковъ разорили многихъ иноземцевъ».

О братѣ этого негодяя казакѣ Андреѣ Цыпандинѣ Шульгинъ разсказываетъ: приказный человѣкъ Жиганскаго зимовья боярскій сынъ Матвѣй Сосновскій послалъ Андрея и другаго казака Михаила Лифанова, въ качествѣ ясачныхъ сборщиковъ, по якутскимъ улусамъ. Оба они во время сбора ясака сильно «воровали—великаго государя соболи перемѣняли», отбирая въ свою пользу лучшіе экземпляры, а худшіе отдавая въ государеву казну. За это они были «пытаны» по приказу якутскаго воеводы и «съ пытки винились» въ своемъ воровствѣ.

Ни Герасимъ, ни Андрей Цыпандины не могли сказать ничего существеннаго въ свое оправданіе.

VII.

Переходя къ обвиненіямъ противъ остальныхъ рядовыхъ казаковъ и отмѣчая общую ихъ страсть къ данному винокуренію (въ чемъ и казаки обвиняли всѣхъ вообще боярскихъ дѣтей), Павелъ Шульгинъ относительно казака Ивана Хвораго говоритъ, что хотя онъ и изобличенъ въ корчемствѣ за время его службы «за моремъ, въ разныхъ зимовьяхъ», но «въ казачьей (войсковой) скаскѣ о томъ винномъ куреньи и продажѣ не написано, потому что онъ (Хворой) ихъ братъ-казакъ»...

Воевода Иванъ Голенищевъ-Кутузовъ послалъ на приказъ въ Верхнее Вилюйское зимовье «полика» Василья Петрова, а съ нимъ казака Ивана Жука съ 10-ю товарищами. Всѣ казаки, а Жукъ въ особенности, чинили тамъ инородцамъ «обиды и насильства большія: свои товары на ясачныхъ людей сильно наметывали (т. е. силою заставляли брать), и рухлядью за тѣ наметные товары на нихъ имали». Объ этихъ казачьихъ поборахъ производился «сыскъ». Иванъ Жукъ сосланъ въ Якутскъ «въ смутное время, изо Пскова, за многія воровства»...

Казакъ Алексѣй Годневъ, посланный Голенищевымъ-Кутузовымъ за Алданъ въ Боягактайскую волость, встрѣтилъ одного тунгуса, несшаго къ ясачному сборщику свой ясакъ-соболи. Годневъ «отнялъ» у тунгуса не только эти соболи, но и двухъ коней его. Тунгусъ подавалъ на Годнева челобитную.

Годневъ пробовалъ увѣрить, что тунгусъ его «поклепалъ», но, однако,

Библиотека "Руниверс"

долженъ былъ сознаться, что поклепу въ Якутскѣ повѣрили: по челобитной тунгуса «за то-де ему, Олешкѣ, и наказаніе было», какое именно—скромно о томъ умалчиваетъ...

Казакъ Семенъ Шелыхановъ «продалъ» якуту Теренею «якутскую женку», а взялъ за нее двѣ коровы. И у того якута та баба сбѣжавъ утонула. И онъ, Сенька, умысля воровски, за большими угрозами, а иное и силою, взялъ за ту бабу (за которую уже получилъ 2 коровы) на немъ Теренеѣ дѣвку, племянницу его», которая и нынѣ живетъ у Сеньки, и крещена. Но Сенька не удовольствовался 2 коровами и дѣвкою и еще обобралъ Теренея, очевидно угрожая ему отвѣтственностію за смерть «якутской женки»... Съ того же Теренея «за ту же бабу взялъ онъ по якутской вѣрѣ головщину»—коня, «кобылу бережую», 8 «скотинъ рогатыхъ», 6 соболей и красную лисицу. Словомъ, Сенька обобралъ якута начисто... Все это знаютъ якуты той волости, гдѣ живетъ Тереней. Всѣ они хотѣли бить челомъ на Сеньку, но тотъ «съ друзьями своими застращалъ» Теренея,—и якуты молчатъ...

Сенька Шелыхановъ такъ оправдывался: якутскую женку онъ не продавалъ, а «выдалъ замужъ» за Теренея, за что «калымъ у взялъ за нее 5 животинъ». Женка утонула, когда еще не весь «калымъ» былъ полученъ, а потому Сенька считалъ себя вправѣ и послѣ ея смерти дополучить остальной калымъ... Племянницы Теренея Сенька «не имывалъ», но самъ Тереней за недоплаченный калымъ «привелъ къ нему женку якутскую, а не племянницу». Эта женка и нынѣ живетъ у Сеньки еще не крещена, но «дана ей молитва».

О казакѣ Семенѣ Прибыломъ, бывшемъ московскомъ стрѣльцѣ, сосланномъ въ Якутскъ «за великія воровства, и за поклепы, и за воровскіе бунты», Шульгинъ говоритъ, что это—пущій воръ и затѣйщикъ: у казачьей челобитной и у составной ихъ сказки многихъ наговариваетъ»... А между тѣмъ самъ Прибылой далеко не безгрѣшный человѣкъ: на службѣ въ Патомскомъ зимовьѣ онъ и другіе казаки «наметывали сильно» тунгусамъ свои товары «большою цѣною, а имали (съ нихъ) всякою рухлядью малою цѣною»... Не успѣвши все обобрать у бѣдныхъ инородцевъ, казаки захватили у нихъ въ качествѣ залога «лишняго аманата»...

Въ 1667 г., при сдачѣ Прибылымъ государевой соли, обнаружилось его прямое воровство...

Подобно своимъ товарищамъ, Прибылой могъ прибѣгнуть только къ голословному отрицанію всѣхъ фактовъ: «воровства»-де за нимъ на Москвѣ «не бывало», и въ Якутскѣ онъ «не воровывалъ», служилыхъ людей «не учивалъ и не наговаривалъ» къ «составнымъ челобитнымъ» на боярскихъ дѣтей, государскою солью «не корыстовался», своихъ товаровъ инородцамъ «не наметывалъ», и проч. и проч.

Библиотека "Руниверс"

Остальныхъ казаковъ Павелъ Шульгинъ обвиняетъ въ разныхъ мелкихъ злоупотребленіяхъ, главнымъ образомъ въ томъ, что какъ въ Якутскѣ, такъ особенно въ ясачныхъ зимовьяхъ и волостяхъ казаки курили вино и варили пиво не только для себя, но и на продажу, при чемъ сильно спаивали инородцевъ. До чего доходило это спаиванье, показываетъ указанный выше юкагирскій бунтъ въ Нижнемъ Янскомъ зимовьѣ...

Казаки сознавались въ винокуреніи, но старались увѣрить, будто курили вино только «для себя», за что-де и «пеню» платили.

Примѣру служилыхъ людей, увѣряетъ Павелъ Шульгинъ, стали подражать торговые и промышленные люди. Послѣдніе съ разрѣшенія служилыхъ людей курили вино какъ въ уѣздныхъ зимовьяхъ, такъ и въ самомъ Якутскѣ, гдѣ напримѣръ занимались этимъ «многижды» торговые люди Гаврило Романовъ, Родіонъ Щепеткинъ, Ѳедоръ Оглоблинъ и другіе.

Все это можно было безнаказанно продѣлывать въ Якутскѣ, такъ какъ, по словамъ Шульгина, «большого заказу о томъ не бывало, потому что и воеводы Иванъ Голенищевъ-Кутузовъ, и сынъ его Михайло и а себя вино курили же»... А каковъ-де попъ, таковъ и приходъ...

На этомъ собственно и оканчивается розыскъ, сдѣланный якутскимъ воеводою кн. Иваномъ Петровичемъ Барятинскимъ и дьякомъ Степаномъ Ельчуковымъ. Все розыскное дѣло «въ спискѣ» отправлено ими при отпискѣ въ Сибирскій приказъ, куда оно дошло только осенью 1672 года. Именно этотъ списокъ розыскнаго дѣла и дошелъ до насъ (въ столбцѣ № 874). На спискѣ читаемъ помѣту Сибирскаго приказа: «выписать въ докладъ». Очевидно, докладъ назначался для поднесенія царю, а можетъ быть и боярской думѣ. Къ сожалѣнію, этотъ докладъ, повидимому, не сохранился, или по крайней мѣрѣ не найденъ доселѣ. Такимъ образомъ, мы не знаемъ, какъ отнеслось центральное правительство къ поднятому якутскими казаками вопросу и къ злоупотребленіямъ, раскрытымъ взаимными обвиненіями казаковъ и боярскихъ дѣтей.

По всей вѣроятности обѣ враждовавшія стороны были виноваты и обѣ въ равной мѣрѣ заслуживали строгаго наказанія за свое разнообразное «воровство», особенно же за возмутительное отношеніе къ несчастнымъ инородцамъ... Но наказать почти весь наличный составъ якутскихъ служилыхъ людей—было дѣломъ рискованнымъ и трудно-выполнимымъ. Привыкшіе къ большой самостоятельности, своенравные и свободолюбивые служилые люди далекаго отъ Москвы Якутскаго края могли бы «учиниться сильными», не пошли бы подъ государево наказанье...

Библиотека "Руниверс"

Возможно даже, что дѣло дошло бы до открытой «смуты и бунта»... Въ виду этого московское правительство, по всей вѣроятности, ограничилось или однимъ легкимъ «осудомъ» поведенія служилыхъ людей, или наказаніемъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ, отличившихся особенно безобразными подвигами.

Н. Оглоблинъ.

Библиотека "Руниверс"

Василій Григорьевичъ Рубанъ.

Василій Григорьевичъ Рубанъ принадлежитъ къ числу довольно извѣстныхъ, но мало изслѣдованныхъ второстепенныхъ русскихъ писателей второй половины XVIII вѣка. Хотя имя его, какъ литературнаго дѣятеля, и встрѣчается въ различныхъ словаряхъ, но свѣдѣнія, въ нихъ сообщаемыя, слишкомъ краткія и отрывочныя, не даютъ яснаго и вѣрнаго понятія о личности и дѣятельности этого записнаго любителя литературы и трудолюбивѣйшаго писателя Екатерининской эпохи [1]).

В. Г. Рубанъ происходилъ отъ нѣкоего Мирона Рубана, который, еще задолго до Петра Великаго, пріобрѣлъ въ собственность много земель въ Малороссіи. Какого происхожденія былъ этотъ Рубанъ—неизвѣстно. Съ нѣкоторою вѣроятностью можно предполагать, что онъ

[1]) Изданная А. Н. Неустроевымъ брошюра: „Литературные дѣятели XVIII вѣка. I. В. Г. Рубанъ". С.-Пб. 1896, представляетъ собою лишь хронологическій списокъ трудовъ Рубана, не лишенный, однако, пропусковъ, которому предпослана краткая біографическая замѣтка о Рубанѣ. Въ настоящей статьѣ мы поставили себѣ цѣлью свести въ одно цѣлое все, что могли собрать о Рубанѣ въ печатныхъ и рукописныхъ источникахъ. Къ послѣднимъ относятся бумаги Рубана, хранящіяся въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Въ этихъ бумагахъ находятся стихотворенія Рубана, имѣющія автобіографическое значеніе, патенты его на чины и письма къ нему Георгія Конисскаго (напечатаны въ «Русск. Старинѣ» 1896 г. № 11), П. Д. Еропкина, графа П. И. Панина и князя Суворова. Существеннымъ пособіемъ при составленіи нашей статьи служилъ также біографическій словарь питомцевъ Московскаго университета, не выходившій въ свѣтъ и остановившійся печатаніемъ на 240-й страницѣ, какъ разъ на срединѣ біографіи Рубана, писанной Н. С. Тихонравовымъ.

Библиотека "Руниверс"

былъ изъ казаковъ [1]). Одинъ изъ дальнихъ потомковъ Мирона имѣлъ нѣсколькихъ сыновей, изъ которыхъ Кириллъ, женившись на богатой полтавской помѣщицѣ Тимченкѣ, сдѣлался родоначальникомъ фамиліи Тимченко-Рубанъ, а другой, Григорій, былъ отцомъ нашего писателя и жилъ въ царствованіе Елисаветы Петровны [2]). Григорій Рубанъ былъ женатъ два раза. Второй его женой была вдова Марѳа Васильевна Салтанова [3]). Василій Григорьевичъ былъ его сыномъ отъ перваго брака и родился въ Бѣлгородѣ 14-го марта 1742 г. [4]). Какъ прошло его дѣтство и кто были его первые наставники и учители—неизвѣстно; знаемъ только, что первоначальные уроки получилъ онъ въ домѣ отца, который впослѣдствіи помѣстилъ его въ Кіевскую духовную академію [5]) бывшую разсадникомъ просвѣщенія въ Россіи до открытія Московскаго университета. Академія находилась тогда на верху своей славы. Кіевскимъ митрополитомъ былъ преосвященный Тимофей Щербацкій, а ректоромъ Академіи—извѣстный духовный витія, Георгій Конисскій. Въ то время, когда Рубанъ находился въ Академіи, составъ преподавателей ея отличался высокимъ уровнемъ. Слава Академіи была такъ велика, что не только духовные лица, но даже дворяне считали за честь помѣщать туда своихъ дѣтей. Между послѣдними, однокашни-

---

[1]) Нашъ извѣстный генеалогъ, В. В. Руммель, указалъ намъ, что существуетъ много фамилій Рубанъ, большинство которыхъ происходитъ отъ казаковъ.

[2]) И. Р. Тимченко-Рубанъ. Изъ воспоминаній о прожитомъ („Истор. Вѣстникъ“ 1890 г., т. 40, стр. 332—333).

[3]) Она была двоюродной теткой П. Ѳ. Печерина, отца Ѳ. П. Печерина автора записокъ („Русск. Старина“ 1891 г., т. LXXII, стр. 595).

[4]) Въ брошюрѣ: „Памятникъ на кончину россійскаго пѣснопѣвца, кол. сов. В. Г. Рубана сказано, что Рубанъ умеръ на 54 году, слѣдовательно родился въ 1739. Самъ же Рубанъ считаетъ годомъ своего рожденія 1742 годъ, что видно изъ слѣдующихъ строкъ его стихотворенія: «Благодареніе его превосходительству Петру Ивановичу Новосильцову за оказанную милость», отъ 27-го февраля 1794 г.:

Я жизни пятьдесятъ два года ужъ провелъ,
Но Богъ меня досель кормилъ, поилъ и грѣлъ.
(Рук. И. П. Библ. F. XIV, № 46).

Въ письмѣ къ епископу Бѣлгородскому Ѳеоктисту Мочульскому, отъ 8-го марта 1795 г. Рубанъ пишетъ:

Ужъ три за пятьдесятъ лѣтъ жизни скончеваю:
Четвертый на десять день мѣсяца сего
Годъ новый возраста настанетъ моего.
(тамъ же).

Указанія на 1742 годъ, какъ годъ рожденія Рубана, встрѣчаются и въ другихъ его рукописныхъ стихотвореніяхъ.

[5]) В. И. Аскоченскій. Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ-академіей Кіевъ 1856, ч. II, стр. 204—205.

Библиотека "Руниверс"

ками Рубана были братья Бантыши-Каменскіе, Николай и Иванъ. Окончивъ двухлѣтній курсъ философіи, но не прослушавъ курса богословія [1]), на прохожденіе котораго полагалось четыре года, Рубанъ около 1754 г. перешелъ въ Московскую духовную академію [2]), но сколько времени пробылъ въ ней—неизвѣстно. Въ 1755 году былъ основанъ Московскій университетъ и учреждены при немъ двѣ гимназіи: одна для дворянъ, другая—для разночинцевъ. Покинувъ Московскую академію, Рубанъ и опредѣлился въ одну изъ этихъ гимназій, по всей вѣроятности въ разночинскую [3]), такъ какъ, по правиламъ, нельзя было поступать въ университетъ прямо, безъ подготовки въ гимназіи. Воспитанники духовныхъ академій и семинарій тоже должны были поступать въ соотвѣтственные ихъ познаніямъ классы гимназій и, сообразно съ оказанными успѣхами, удостоивались званія студента и, по выдержаніи экзамена, допускались къ слушанію факультетскихъ лекцій [4]). Въ первый разъ университетъ произвелъ въ студенты учениковъ своихъ гимназій 27-го апрѣля 1759 г., и въ числѣ новыхъ студентовъ мы находимъ и В. Г. Рубана [5]). Проходя университетскій курсъ, Рубанъ слушалъ, между прочимъ, лекціи по риторикѣ и стихотворству у Н. Н. Поповскаго, съ которымъ занимался еще будучи въ гимназіи и «за успѣхи въ наукахъ получалъ медали золотыя и серебряныя» [6]). Въ числѣ товарищей Рубана по университету были лица, извѣстныя впослѣдствіи въ русской литературѣ: Д. И. Фонвизинъ, С. Г. Домашневъ, Ип. Ѳ. Богдановичъ, М. Д. Чулковъ и другіе. Многіе изъ нихъ сотрудничали въ журналѣ Хераскова «Полезное увеселеніе», въ которомъ принялъ участіе и Рубанъ, напечатавъ въ немъ въ 1761 году, первый свой литературный трудъ: «Папирія, римскаго отрока, остроумные вымыслы и молчаніе», переводъ съ латинскаго. Въ томъ же году Рубанъ кончилъ курсъ въ университетѣ съ чиномъ колежскаго актуаріуса коллегіи иностранныхъ дѣлъ [7]) и вѣроятно, тотчасъ же поступилъ на службу. По аттестату, выданному изъ

---

[1]) Аскоченскій. Кіевъ, ч. I, стр. 139.

[2]) С. К. Смирновъ. Исторія славяно-греко-латинской академіи. М. 1855, стр. 253.

[3]) Въ спискахъ воспитанниковъ благородной гимназіи (въ словарѣ питомцевъ Московскаго университета, стр. 195 и 216) Рубана не значится.

[4]) П. И. Страховъ. Краткая исторія Академической гимназіи. М. 1855, стр. 3—4.

[5]) С. П. Шевыревъ. Исторія Московскаго университета. М. 1855, стр. 59.

[6]) Н. И. Новиковъ, Словарь писателей, изд. П. А. Ефремова. С.-Пб. 1867, стр. 95.

[7]) Шевыревъ. Исторія Московскаго университета, стр. 93.—Словарь воспитанниковъ, стр. 220.

Библиотека "Руниверс"

«Коша войска ея императорскаго величества запорожскаго-низоваго [1]) отъ 10-го августа 1763 г. видно, что въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Рубанъ служилъ переводчикомъ съ турецкаго языка [2]) въ Запорожьѣ, пребывая у Никитина перевоза, на Днѣпрѣ, [3]) для выдачи паспортовъ русскимъ подданнымъ, ѣздившимъ по торговымъ дѣламъ въ Крымъ.

Съ 1764 года мы видимъ Рубана уже въ Петербургѣ, сперва сотрудникомъ журнала В. Д. Санковскаго «Доброе Намѣреніе» (1764 г.), а впослѣдствіи—«Парнасскаго Щепетильника» (1770 г.), М. Д. Чулкова и Новиковскихъ изданій: «Трутня» (1770 г.) [4]) и «Живописца» (1772 г.). Рубанъ помѣщалъ въ этихъ изданіяхъ переводы съ французскаго, нѣмецкаго, а также и оригинальныя свои стихотворенія. Не ограничиваясь сотрудничествомъ въ журналахъ того времени, Рубанъ предпринялъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ изданій собственныхъ трудовъ, какъ мелкихъ, въ видѣ торжественныхъ одъ и надписей, такъ и крупныхъ, состоявшихъ исключительно изъ переводовъ съ французскаго, латинскаго и греческаго языковъ [5]).

Съ 1769 года, какъ извѣстно, начался расцвѣтъ русской журналистики. Въ Петербургѣ издавалось тогда семь періодическихъ изданій, изъ которыхъ первыми по времени появленія были: «Всякая Всячина» Г. В. Козицкаго и «И то и сіо» Чулкова. Примѣръ послѣднихъ подѣйствовалъ на Рубана, и онъ также рѣшился выступить на журнальное поприще. Съ 21-го февраля 1769 г. Рубанъ сталъ выпускать еженедѣльные листки подъ заглавіемъ: «Ни то ни сіо». Такое названіе, безъ сомнѣнія, было дано въ соотвѣтствіе къ журналу Чулкова, появившемуся за мѣсяцъ передъ тѣмъ. Причиной, побудившей Рубана сдѣлаться журналистомъ, было, по его словамъ, самолюбіе. «Эта страсть, говоритъ онъ, будучи сопровожаема еще охотою показаться грамотными и желаніемъ услужить публикѣ, сдѣлала изданіе сихъ листковъ необходимымъ. И такъ, три только обстоятельства остались, о которыхъ намъ нѣсколько позаботиться надобно, а именно: сочиненіе наше покажется читателямъ или полезно, или безполезно, или ни то ни другое.

---

[1]) Справочный энциклопедическій словарь А. В. Старчевскаго, т. IX, стр. 219.

[2]) Неизвѣстно, гдѣ Рубанъ могъ изучить турецкій языкъ. Не былъ ли это татарскій языкъ, входившій въ число предметовъ, преподававшихся въ университетской гимназіи?

[3]) Нынѣ Никополь, мѣстечко Екатеринославской губерніи.

[4]) Указаніе на сотрудничество Рубана въ „Трутнѣ“ находится въ „Книжномъ Вѣстникѣ“ 1865 г., стр. 293.

[5]) Къ нимъ относятся: 1) „Настоятель Килеринскій“, соч. д'Аржанса. С.-Пб. 1765—1781; 2) „Капонъ пасхи“, І. Дамаскина С.-Пб. 1770; 3) „Царскій свитокъ“, діакона Агапита. С.-Пб. 1771 и 4) „Омирова Ватрахоміомахія“. С.-Пб. 1772.

Библиотека "Руниверс"

Что до перваго принадлежитъ, то мы обѣщаемся понести великодушно, если кто наше «Ни то ни сіо» захочетъ превратить въ нѣчто. Что же касается до втораго, то мы не обязуемся отвѣтствовать за тѣхъ читателей, которые изъ сего нашего затору произведутъ непріятную чувствамъ кислоту; а если случится третье, то мы уже будемъ не первые отягощать свѣтъ безполезными сочиненіями: между множествомъословъ и мы вислоухими быть не покраснѣемъ... Насъ въ семъ случаѣ будетъ веселить лишь то, что мы черезъ сіе окажемся честными и справедливыми людьми, сдержавъ свое слово передъ публикою, то-есть что выйдетъ изъ сего настоящее и безпримѣсное «Ни то ни сіо» (листъ 1, стр. 3—5).

Кромѣ самого Рубана, помѣстившаго въ своемъ журналѣ нѣсколько стихотвореній и переводныхъ статей, въ немъ принимали участіе: С. Башиловъ, В. П. Петровъ, М. В. Поповъ и другіе, менѣе извѣстные писатели. Содержаніе журнала, какъ показываетъ и самое названіе его, было смѣшаннаго характера, о чемъ говоритъ и самъ Рубанъ въ первомъ же листѣ своего изданія: «Читателямъ объявляется, что въ листкахъ сихъ будетъ смѣсь, состоящая изъ прозы и стиховъ, сочиненій и переводовъ». Далѣе, выражая свои редакторскіе взгляды, Рубанъ говоритъ, что для большей занимательности журнала «надежнѣе всего мѣшать поученія съ увеселеніями и угрюмость строгихъ правилъ умягчать какими-нибудь пріятностьми или закрывать прелестными цвѣтами». Понятно, что при такомъ взглядѣ на дѣло сатира, преобладавшая въ другихъ журналахъ того времени, не могла имѣть мѣста въ изданіи Рубана. Исключеніе въ нѣкоторомъ родѣ представляетъ собою стихотвореніе, помѣщенное въ 11-мъ листѣ журнала: «Планъ воспитанія и вояжа Г.,*** имъ самимъ написанный». Статья эта изображаетъ грубую картину преувеличеннаго не въ мѣру невѣжества современныхъ автору педагоговъ. Напримѣръ, учитель, преподававшій Г.*** исторію, разсказываетъ своему ученику, что

Устрицы растутъ
На тѣхъ же деревахъ, гдѣ птицы гнѣзда вьютъ;
Медвѣди въ Индіи по воздуху летаютъ,
Изъ пушекъ на мышей во Франціи стрѣляютъ и т. п.

Г***, получившій образованіе подъ руководствомъ подобныхъ учителей, совершенно не знавшихъ, притомъ, русскаго языка, приводитъ всѣхъ своихъ знакомыхъ въ восторгъ и изумленіе; самъ собою также доволенъ и желаетъ найти себѣ невѣсту, равную по уму и образованію. Для этого онъ намѣренъ отправиться въ путешествіе и составляетъ планъ послѣдняго, при чемъ обнаруживаетъ такого рода знанія географіи:

Библиотека "Руниверс"

Пойду отсель въ Китай, оттуда прямо въ Вѣну;
Изъ Вѣны въ Индію, оттоль на Рейнъ и Сену,
Оттуда въ Вавилонъ и, прямо черезъ Клинъ,
Чрезъ Кіевъ, Амстердамъ, Камчатку и Туринъ
Достигну до Бендеръ...

Въ изданіи Рубана любопытна полемика, возгорѣвшаяся между этимъ журналомъ и «Всякой всячиной». Ссору вызвало помѣщенное въ «Ни то ни сіо» (стр. 6—8) слѣдующее тяжеловѣсное стихотвореніе, давшее въ наше время поводъ А. И. Незеленову причислить Рубана къ нигилистамъ:

Скажите, отъ чего родилось „То и сіо“,
Что „Всяку всячину“ произвело и все,
Что есть на свѣтѣ семъ предъ нашими глазами,
И смертному понять возможно что умами?
Какъ „Всякой всячины“, такъ и „Того сего“
Начало сдѣлалось обѣхъ изъ ничего.
Имѣвъ отъ должности свободное мы время,
И сѣемъ, и садимъ нулей въ сихъ нивахъ сѣмя...
Но для „Ни то ни сіо“ назначимъ день субботу: [1])
Пусть по субботнимъ днямъ всѣ чтутъ нулей работу;
И въ прозѣ оная пусть будетъ, и въ стихахъ,
И весь сей трудъ основанъ на нуляхъ;
Нули хоть суть ничто, науку жъ числъ кто знаетъ,
Тотъ пользу и нулей довольно понимаетъ.

Хотя Незеленовъ въ своемъ изслѣдованіи: «Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху» (Спб. 1889) и приписываетъ журналу Рубана отрицательное и матеріалистическое направленіе, но врядъ ли мнѣніе это можно считать основательнымъ. Главное доказательство нигилистическаго направленія журнала «Ни то ни сіо» Незеленовъ видитъ въ приведенномъ уже нами стихотвореніи: «Скажите, отъ чего родилось «То и сіо»; матеріализмъ же выводитъ изъ стихотворенія: «Деньги», напечатаннаго во второмъ листѣ журнала. Что касается перваго, то нужно «мудрствовать лукаво», чтобы въ этомъ стихотвореніи видѣть проповѣдь нигилизма. Для уясненія дѣла приводимъ и второе:

Можно ли вященство
Деньгамъ предпочесть?
Деньги—лучше средство
Въ свѣтѣ все обрѣсть.
Деньги въ честь выводятъ,

[1]) Этотъ день Рубанъ выбралъ въ отличіе отъ „Всякой всячины“, выходившей по пятницамъ, и „И то и сіо“, выходившаго по вторникамъ.

Библиотека "Руниверс"

Намъ друзей находятъ.
Гдѣ сребро блестнетъ,
Взоры тамъ народны;
Гдѣ богачъ идетъ—
Путь открытъ свободный.

Хитрыя затѣи,
Что нашъ тѣшатъ взоръ,
Садъ, пруды, аллеи
И другой приборъ
Зрѣлищей пріятныхъ,
Мыслямъ непонятныхъ,
Можно имъ причесть.
Что вдали родится,
Коли деньги есть,
Въ мигъ у насъ явится.

Царствъ великолѣпность,
Блескъ безбранныхъ дней,
Въ брани нужну крѣпость,
Всѣхъ союзъ вещей
Деньги составляютъ.
Деньги прикрываютъ
И пороки злыхъ..
Кто сребромъ запасенъ,
Тотъ въ глазахъ людскихъ
Честенъ, остръ, прекрасенъ.

Мудрость драгоцѣнна,
Что черпаемъ изъ книгъ,
Деньгамъ покоренна;
Достаемъ чрезъ нихъ
Всѣхъ родовъ машины—
Знать вещей причины.
Деньги во страны
Носятъ насъ далеки,
Имъ отворены
Всѣ библіотеки.

О, сребро и злато!
И ты, звонка мѣдь!
Что у насъ отъято,
Коли васъ имѣть?
Вы чрезъ пищу голодъ,
Чрезъ одежду холодъ
Отвративши прочь,
Въ изнуренно тѣло
Льете прежню мочь,
То бодря на дѣло.

Библиотека "Руниверс"

Капли пить врачебны,
Чтобъ болѣзнь прогнать,
Вы и тутъ потребны:
Безъ васъ—умирать.
Въ деньгахъ пользу многу,
Сильную помогу
Видитъ человѣкъ.
Деньги намъ прибавить
Могутъ краткій вѣкъ,
Насъ съ одра возставить

Жизненну ли силу
Отнялъ смертный часъ—
Деньги и въ могилу
Провожаютъ насъ.
Деньги землю роютъ,
Деньги въ землю кроютъ
Трупъ нашъ отъ живыхъ.
Это есть безспорно:
Деньгамъ все покорно,
Все находимъ въ нихъ.

Вслѣдъ за этимъ стихотвореніемъ, Рубанъ, какъ бы предвидя возможность обвиненія въ матеріализмѣ, объясняетъ, что «Ни то ни сіо» «заглядѣлось такъ пристально» на деньги только потому, что имѣетъ въ нихъ нужду: «У голодныхъ хлѣбъ на умѣ, а мы недавно вышли изъ безсребренаго Минервиныхъ питомцевъ жилища [1]), гдѣ и слово «деньги» только въ лексиконахъ видали... При всемъ томъ мы не обинуясь можемъ сказать, что не они насъ взманили писать сіи листки; но дѣло въ томъ только состоитъ, что недостатокъ оныхъ не дозволяетъ намъ быть щедрыми». Далѣе Рубанъ говоритъ, что «Ни то ни сіо» пишетъ о деньгахъ потому только, что «жило съ ребячества въ такихъ обществахъ, гдѣ ничто такъ не маловажно, какъ деньги... Потомъ, какъ выступили вдругъ на такой ѳеатръ, гдѣ почти всѣ дѣйствія производятся деньгами, то не можно повѣрить, какъ мы были удивлены чудесами, творимыми отъ оныхъ».

Но изданіе Рубана, не удовлетворяя вкусамъ тогдашней читающей публики, просуществовало всего около пяти мѣсяцевъ и закончилось двадцатымъ листомъ, вышедшимъ 11-го іюля. Неудача, постигшая Рубана на журнальномъ поприщѣ, видимо огорчила его. Въ послѣднемъ листѣ своего изданія онъ помѣстилъ слѣдующее стихотвореніе, въ которомъ, однако, видно стараніе дѣлать „bonne mine au mauvais jeu“:

Ужъ намъ «Ни то ни сіо» наскучило писать,
Читатели, а вамъ наскучило читать.

---

[1]) т. е. изъ университета.

Библиотека "Руниверс"

Къ другимъ трудамъ свои мы обратили руки,
Но нынѣ публика терпѣть не будетъ скуки.
Здѣсь „Всяка всячина“ досель еще цвѣтетъ,
Отъ ней „И то и сіо“ и съ „Трутнемъ“ „Смѣсь“ растетъ.
И пишется притомъ „Полезное съ пріятнымъ“:
Предметовъ много есть и добрымъ, и развратнымъ.
Для умноженія забавы и отрадъ
Помѣсячно вавелъ свою здѣсь почту адъ.
Пусть публика сіи листы теперь читаетъ,
Веселья съ пользой ей «Ни то ни сіо» желаетъ.
Но нынѣ для чего окончилось оно,
То въ слѣдующемъ здѣсь письмѣ помѣщено.

Вотъ это письмо: «Господа читатели! Съ нынѣшняго года извѣстно стало, что марать бумагу прозою есть столь же прилипчивая болѣзнь, какъ и плести стихи, а мы, по собственному опыту, нашли на нее и лѣкарство. Оно называется многодѣліемъ, котораго если дать добрый пріемъ больному, то сколь бы въ немъ болѣзнь сія ни застарѣлась, только онъ, если не навсегда, то по крайней мѣрѣ на нѣсколько мѣсяцевъ исцѣлится. Примѣчено еще, что въ сей болѣзни люди бываютъ неодинаковы: иные веселы, пріятны и въ полномъ умѣ, а иные совсѣмъ шалѣютъ, взъѣдаются, не будучи никѣмъ дразнимы, и много безтолковаго бредятъ. Что касается насъ, то мы хотя и не надѣемся, чтобы насъ здоровые читатели включили въ число первыхъ, такъ по крайней мѣрѣ не боимся быть поставлены между послѣдними; а если такъ, то по всѣмъ выкладкамъ причтется нашей болѣзни назваться чистымъ «Ни тѣмъ ни сѣмъ». Правду сказать, мы не угодили ни петиметрамъ, ни степеннымъ людямъ: первымъ—потому что не грезили ни объ нарядахъ, ни объ модахъ, но о томъ жалѣть нечего: вѣдь они и сами больны головою, однако не ломомъ, а пустотою въ головѣ; а вторымъ—потому что мы писали на лоскуткахъ, которыхъ они и въ руки не берутъ; они охотники до увѣсистыхъ книгъ, но по несчастію прекратившаяся скоропостижно наша болѣзнь не дала намъ времени сгромоздить ничего такого, что бы имъ руки обломить могло. Итакъ осталось намъ ожидать себѣ похвалы отъ однихъ здоровыхъ людей, но по несчастію ихъ очень мало. Прощайте, господа читатели, мы съ вами разговаривать не будемъ: здоровымъ изъ васъ желаемъ быть здоровыми и впредь, а больнымъ—скораго выздоровленія. Впрочемъ, вы черезъ наше излѣченье не лишитесь удовольствія забавляться разными нелѣпостями, отъ больныхъ содѣваемыми».

Прекращеніе журнала «Ни то ни сіо» вызвало насмѣшку надъ нимъ со стороны «Смѣси», которая въ 17-мъ листѣ помѣстила слѣдующую эпитафію:

Немного времени «Ни то ни сіо» трудилось,
Въ исходѣ февраля родившися на свѣтъ:
Вся жизнь его была единый только бредъ,

Библиотека "Руниверс"

И въ блоху, [1]) наконецъ, въ іюлѣ преродилось;
А сею тварію, презрѣнно бывъ вездѣ,
Исчезло во своемъ убогонькомъ гнѣздѣ.

«Смѣсь», впрочемъ, и раньше недружелюбно относилась къ Рубану осмѣявъ его дѣятельность въ своемъ «Разсужденіи», въ которомъ авторъ послѣдняго играетъ словомъ р у б и т ь, пользуясь сходствомъ фамиліи Рубана съ этимъ словомъ:

Не будетъ тотъ столяръ, кто рубитъ лишь дрова,
Не будетъ тотъ пінтъ, кто русскія слова
Разрубитъ на куски и ремнями окончитъ.
Кто рубитъ, кто клеитъ, кто стружетъ и кто точитъ,
То всякому изъ нихъ различны имена.
Такъ для чего жъ у насъ та вольность всѣмъ дана,
Что можетъ и рубачъ пінтомъ называться?
За имя же сіе рубачъ готовъ хоть драться
И, нарубивъ стиховъ, онъ мнитъ, что славенъ въ вѣкъ.
Такъ славенъ посему и всякій дровосѣкъ. [2])

Какъ бы то ни было, «Ни то ни сіо», несмотря на свои недостатки, разошлось сполна и въ 1771 году вышло вторымъ изданіемъ.

Къ этому времени прекратили свое существованіе всѣ петербургскіе журналы, и Рубанъ, пользуясь удобнымъ случаемъ, не замедлилъ явиться передъ публикою съ новымъ еженедѣльнымъ изданіемъ, «Трудолюбивымъ Муравьемъ», который сталъ выходить со второй половины 1771 г. и въ томъ же году прекратился. Взявъ за образецъ «Трудолюбивую Пчелу» Сумарокова, но задавшись единственною цѣлью «увеселять» публику и тѣмъ доставить «сугубое удовольствіе себѣ и читателямъ, сидящимъ во скукѣ безъ еженедѣльныхъ новостей», Рубанъ приглашалъ въ сотрудники журнала «всѣхъ и каждаго», обѣщая печатать все, что только не будетъ идти въ разрѣзъ съ «здравымъ разсудкомъ и благопристойностію». Но благопристойность Рубана зашла уже слишкомъ далеко. Изъ программы своего журнала онъ исключилъ не только серіозную критику на общественныя явленія современной жизни, но даже и невинную сатиру.

Сотрудниками «Трудолюбиваго Муравья», кромѣ самого Рубана, были: В. И. Майковъ, Иванъ Вансловъ, М. Г. Спиридовъ, Димитрій Грозинскій,—архимандритъ спасскаго монастыря въ Новгородѣ-Сѣверскомъ и многіе другіе лица, скрывшія свои имена подъ различными инніціалами. Не останавливаясь на содержаніи «Трудолюбиваго Муравья», отличительной чертой котораго являлась безсодержательность, упомянемъ, что

---

[1]) Намекъ на стихотвореніе «Блоха, изъ Овидіевыхъ фрагментовъ» напечатанное въ послѣднемъ листѣ журнала.

[2]) „Смѣсь", листъ 12-й, стр. 96.

Библиотека "Руниверс"

большая часть статей его была лишена не только общественнаго, но и литературнаго интереса и состояла преимущественно изъ переводовъ французскихъ и латинскихъ писателей, выбранныхъ наудачу. Хотя Рубанъ и говорилъ въ послѣднемъ выпускѣ своего журнала, что онъ удостовѣрился во вниманіи къ нему публики «великимъ, бывшимъ налисты его, расходомъ, во все время своего теченія», но трудно допустить, чтобы публика, оставшаяся недовольною журналомъ «Ни то ни сіо», могла удовлетвориться «Трудолюбивымъ Муравьемъ», который отличался еще меньшими достоинствами, чѣмъ первое изданіе Рубана, и представлялъ изъ себя какой то безъидейный сбродъ, мало пригодный даже и для тѣхъ читателей, которые на литературу смотрѣли, какъ на «забаву въ скукѣ». Тѣмъ не менѣе, Рубанъ не отказался отъ мало свойственной ему роли журналиста и въ августѣ 1772 г. явился съ новымъ періодическимъ изданіемъ: «Старина и новизна», вторая и послѣдняя книжка которой вышла въ слѣдующемъ, 1773 году.

Содержаніе «Старины и новизны», представляющей собою подобіе альманаха, чрезвычайно разнообразно. Въ первой части этого сборника преобладаетъ литературный элементъ въ видѣ стихотвореній и повѣстей оригинальныхъ и переводныхъ; во второй части — историческій, состоящій изъ матеріаловъ и статей, касающихся преимущественно Россіи. Кромѣ того, въ сборникѣ Рубана отведено мѣсто духовному краснорѣчію, статистикѣ и даже педагогіи. Такая случайность содержанія объясняется тѣмъ, что, по словамъ самого Рубана, [1]) у него накопилось много «сочиненныхъ и переведенныхъ, прозаическимъ и стихотворныхъ разнаго содержанія небезполезныхъ рукописей», которыя онъ, «желая услужить публикѣ, къ чтенію книгъ охоту имѣющей, за пристойно почелъ издать въ свѣтъ», очевидно безъ всякой системы, сообразуясь только съ матеріаломъ, бывшимъ подъ руками. Въ числѣ сотрудниковъ «Старины и новизны» мы встрѣчаемъ Херсакова, княжну Е. С. Урусову, Георгія Конисскаго, М. Г. и А. Г. Спиридовыхъ, петербургскаго митрополита Гавріила Петрова, М. И. Веревкина, Н. Н. Бантыша-Каменскаго, Г. Н. Теплова и самого Рубана. Здѣсь же впервые появляется въ печати и имя Державина, помѣстившаго свой анонимный переводъ съ нѣмецкаго: «Ироида, или письмо Вивлиды къ Кавну».

Въ 1773 году Рубанъ изъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ перешелъ на службу въ Сенатъ протоколистомъ Межевой экспедиціи, [2]) подъ начальство князя А. А. Вяземскаго бывшаго тогда генералъ-прокуроромъ, которому и посвятилъ вторую часть «Старины и новизны»

[1]) «Старина и новизна», ч. I. Предувѣдомленіе, стр. 3.

[2]) Мѣсяцесловъ съ росписью чиновныхъ особъ на 1774 г., стр. 27.

*

Библиотека "Руниверс"

за «благодѣянія», которыя получалъ отъ князя. [1]) Однако, служба Рубана въ Сенатѣ была непродолжительна. Уже въ началѣ 1774 г. Василій Григорьевичъ былъ приглашенъ Г. А. Потемкинымъ занять должность секретаря [2]) и несъ эту обязанность безпрерывно въ теченіе 18-ти лѣтъ. Самъ Рубанъ такъ вспоминаетъ о службѣ у Потемкина въ своемъ письмѣ къ А. Н. Самойлову, отъ « » января 1794 г., сохранившемся въ черновыхъ рукописяхъ:

Осмнадцать лѣтъ при немъ я безпрерывно былъ,
Прежъ Турчанинова, Вершинскаго, Чулкова,
Бушуева и ихъ преемника Попова;
Я изъ сенатскихъ взятъ къ нему секретарей,
Правителемъ его былъ письменныхъ идей.
И въ прозѣ, и въ стихахъ и день, и ночь трудился,
Нерѣдко бодрствовалъ, спать сутки не ложася;
Чрезъ то и зрѣніе, и слухъ мой потерялъ,
И болѣе служить уже не въ силахъ сталъ.

Рубанъ умѣлъ жить въ ладу съ своимъ начальникомъ,

Зрѣлъ милости его и гнѣвы иногда.
Но гнѣвы мнѣ его не принесли вреда.

пишетъ онъ къ тому же графу Самойлову. Потемкинъ любилъ своего секретаря и сбирался наградить его за усердную службу помѣстьемъ, но намѣреніе это, за смертію князя, не осуществилось, о чемъ и упоминаетъ Рубанъ въ своемъ рукописномъ посланіи къ П. Б. Пассеку:

Пять тысячъ четвертей земли мнѣ князь Тавриды
Давалъ, но на письмѣ ея лишь зрятся виды;
Въ помѣстье-жъ не пришла сія поднесь мнѣ часть,
И я не знаю, кто пріялъ ее во власть,
Или казенною она осталася понынѣ.

Въ 1775 году, когда Потемкинъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Новороссійской, Азовской и Астраханской губерній, онъ взялъ съ собою и Рубана, какъ человѣка уже знакомаго съ югомъ Россіи во время службы у Никитина перевоза [3]). 20-го сентября

---

[1]) Въ 1793 году Рубанъ почтилъ умершаго князя слѣдующей эпитафіей, сохранившейся въ рукописи:

Сей царства Россскаго законы и доходы
Въ порядокъ приведя, распредѣлилъ на роды,
Любилъ и ободрялъ наградами Парнассъ,
И вѣрный былъ по смерть Екатерины глазъ.

[2]) П. Ѳ. Караваѣовъ. Историческіе разсказы и анекдоты („Р. Старина" 1872 г., т. V, стр. 467).

[3]) Мѣсяцесловъ на 1776 г., стр. 262.

Библиотека "Руниверс"

1777 г. Рубанъ былъ произведенъ въ надворные совѣтники и, оставаясь секретаремъ Потемкина, назначенъ исправляющимъ должность директора Новороссійскихъ училищъ [1]). Но директорство было непродолжительно, судя по тому, что въ мѣсяцесловѣ на 1780 г. Рубанъ уже не показанъ въ этой должности. Замѣтимъ, что къ этому времени относится знакомство Рубана съ княземъ А. А. Безбородко, съ которымъ сблизила его любовь къ родной для нихъ обоихъ Украйнѣ.

Съ назначеніемъ Потемкина президентомъ Военной коллегіи, 13-го декабря 1784 г. былъ помѣщенъ туда и Рубанъ въ качествѣ завѣдывающаго иностранной перепиской и переводчика съ польскаго языка дѣловыхъ бумагъ [2]). Въ рукописномъ посланіи къ графу П. А. Зубову, отъ 23-го января 1794 г., поздравляя послѣдняго съ назначеніемъ въ члены Военной коллегіи, Рубанъ говоритъ:

> Въ Военной бо и я совѣтникомъ служу,
> Но не совѣтую, а только превожу
> На русскій польскіе патенты и дѣла.

Переводчикомъ въ Военной коллегіи Рубанъ находился до самой смерти своей, дослужившись до чина коллежскаго совѣтника, который получилъ 12-го февраля 1786 г.

Покончивъ въ 1773 году съ «Старниной и новизной», Рубанъ уже навсегда оставилъ поприще журналиста и направилъ свою дѣятельность на изданіе книгъ историческаго содержанія, памятниковъ русской литературы и другихъ сочиненій, оригинальныхъ и переводныхъ, своихъ и чужихъ, по разнымъ отраслямъ человѣческихъ знаній. На ряду съ этимъ онъ продолжалъ заниматься своимъ излюбленнымъ стихотворствомъ и переводами, преимущественно древнихъ классиковъ, сотрудничая въ петербургскихъ журналахъ: «Собраніе новостей» (1776 г.), «Утренній свѣтъ» (1779 г.), «С.-Петербургскій Вѣстникъ» (1780 г.), «Растущій виноградъ» (1786 г.) и «Новыя ежемѣсячныя сочиненія» (1791—1796 гг.) [3]).

---

[1]) Мѣсяцесловъ на 1778 г., стр. 346.

[2]) Свѣдѣніе это сообщено намъ С. Н. Перетерскимъ, бывшимъ начальникомъ общаго архива главнаго штаба.

[3]) Изъ чужихъ трудовъ Рубаномъ были изданы: 1) „Китайскій мудрецъ или наука жить благополучно въ обществѣ". Пер. съ франц. Спб. 1773; 2-е изд. 1777; 3-е изд. 1785. Изъ предисловія Рубана видно, что переводъ этого сочиненія приписывался сенатскому протоколисту Степану Прокофьевичу Колосову, уже въ то время умершему; 2) „Энеида" Виргилія, пер. съ лат. В. Санковскаго, съ комментаріями Рубана. Спб. 1775; 3) „Слово о промыслѣ Божіи", Гавріила Бужинскаго, произнесенное 11-го октября 1720 года. Спб. 1776; 4) „Путешествіе англійскаго лорда Балтимура изъ Константинополя въ

Библиотека "Руниверс"

Избравъ новый путь посильнаго служенія обществу посредствомъ распространенія въ немъ полезныхъ книгъ научнаго содержанія, Рубанъ, какъ ревностный патріотъ, прежде всего обратилъ вниманіе на свою родину [1]), а за тѣмъ на «Любопытные мѣсяцесловы» на 1775, 1776, 1778 и 1780 гг. Всѣ они печатались въ Петербургѣ, за исключеніемъ «Московскаго любопытнаго мѣсяцеслова» на 1776 годъ. Кромѣ

Лондонъ". Пер. съ англ. С. И. Плещеева. Спб. 1776; 2-е изд. 1778; 5) „Исторія философическая", Фр. Генцкенія. Пер. съ лат. Кирилла Быстрицкаго. Спб. 1781; 6) Гимназическій или семинарскій, то-есть школьный наставникъ учащагося юношества", Генриха Милса. Пер. съ лат. Гавр. Данкова. С.-Петербургъ. 1781.

[1]) Въ 1773 году онъ напечаталъ въ Петербургѣ „Краткія географическія, политическія и историческія извѣстія о Малой Россіи", съ приложеніемъ почтовыхъ и дорожныхъ свѣдѣній, списка духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, находящихся на службѣ въ Украйнѣ и различныхъ статистическихъ данныхъ. Книга Рубана имѣла успѣхъ и въ 1777 году вышла вторымъ дополненнымъ изданіемъ. Въ этомъ же году (у Сопикова ошибочно указанъ 1779 г.) была издана Рубаномъ въ Петербургѣ и „Краткая лѣтопись Малыя Россіи съ 1506 по 1776 годъ, съ изъявленіемъ настоящаго образа тамошняго правленія и съ пріобщеніемъ списка прежде бывшихъ гетмановъ, генеральныхъ старшинъ, полковниковъ и іерарховъ, тако жъ землеописанія, съ показаніемъ городовъ, рѣкъ, монастырей, церквей, числа людей, извѣстій о почтахъ и другихъ нужныхъ свѣдѣній". Эта книга была издана на средства П. К. Хлѣбникова, служившаго въ штатѣ гетмана Малороссіи графа К. Г. Разумовскаго, и посвящена графу П. А. Румянцову-Задунайскому.

Въ предисловіи Рубанъ говоритъ, что лѣтопись Малороссіи до 1734 г была получена имъ отъ Георгія Конисскаго; позднѣйшія же событія были дополнены А. А. Безбородко, которому принадлежитъ и „изявленіе образа правленія", а также списки гетмановъ, генеральныхъ старшинъ и полковниковъ; землеописаніе же и іерархія сообщены были кѣмъ-то изъ Украйны. Безбородко дѣйствительно принималъ живѣйшее участіе въ изданіи „Краткой лѣтописи" и собиралъ отовсюду матеріалы, а впослѣдствіи хотѣлъ, вмѣстѣ съ Рубаномъ, приступить къ составленію полной исторіи Малороссіи, какъ это видно изъ писемъ его къ отцу въ 1776 и 1778 гг. Трудомъ Рубана пользовался Д. Н. Бантышъ-Каменскій при изданіи своей „Исторіи Малой Россіи" (1822 и 1842 гг.).

Въ томъ же году, какъ и „Краткая лѣтопись", издано было въ Петербургѣ, въ видѣ дополненія къ ней, „Землеописаніе Малыя Россіи". Начинается оно топографическимъ очеркомъ Малороссіи, а затѣмъ слѣдуетъ статистика полковыхъ и сотенныхъ городовъ и мѣстечекъ съ числомъ жителей въ городахъ и въ каждомъ полку отдѣльно. Подробнѣе другихъ описанъ Полтавскій полкъ; къ его описанію приложено еще дополненіе, содержащее въ себѣ краткія историческія свѣдѣнія о 15-ти городахъ этого полка. Затѣмъ идутъ почтовыя свѣдѣнія, статистика церквей и монастырей. Для удобства справокъ, къ „Землеописанію" приложенъ алфавитный географическій указатель

Библиотека "Руниверс"

чисто календарныхъ и почтовыхъ свѣдѣній [1]), они заключаютъ въ себѣ: лѣтопись историческихъ событій и изобрѣтеній, свѣдѣнія о медаляхъ, орденахъ, генеалогическія таблицы русскихъ государей [2]), статьи по географіи, астрономіи, морскому дѣлу. Но самое важное мѣсто въ «Мѣсяцесловахъ» занимаетъ исторія русской духовной іерархіи и историко-статистическій отдѣлъ, въ которомъ описываются намѣстничества, губерніи, города, села, епархіи, монастыри, церкви, кладбища, духовныя училища, аптеки и типографіи, сообщаются свѣдѣнія о торговлѣ и податныхъ сословіяхъ [3]).

Говоря о болѣе выдающихся историческихъ трудахъ Рубана, слѣдуетъ упомянуть и о его «Начертаніи, подающемъ понятіе о достославномъ царствованіи Петра Великаго», напечатанномъ въ 1778 году въ Петербургѣ, съ посвященіемъ графу З. Г. Чернышеву. Послѣ вступленія, въ которомъ представлена картина состоянія Россіи при Грозномъ, Алексѣѣ Михайловичѣ и правительницѣ Софьѣ, Рубанъ въ краткомъ очеркѣ описываетъ государственную дѣятельность Петра Великаго. Къ этому очерку приложенъ хронологическій перечень «знатнѣйшихъ приключеній его жизни», начиная съ дня рожденія до самой смерти! Трудъ Рубана, по отзыву Е. Ф. Шмурло, написанъ отчасти подъ вліяніемъ иностранныхъ пособій и не лишенъ промаховъ, но имѣетъ то достоинство, что отличается равномѣрностью въ распредѣленіи матеріала касающагося внѣшней и внутренней исторіи Петровскаго царствованія [4]).

Собирая матеріалы для своего «Начертанія», Рубанъ напалъ на рукописную исторію Петербурга, составленную Богдановымъ, и рѣшился издать. трудъ Богданова, снабдивъ его собственными дополненіями. Въ 1779 году онъ и былъ напечатанъ подъ заглавіемъ: «Историческое, географическое и топографическое описаніе С.-Петербурга, отъ начала заведенія его, съ 1703 по 1751 годъ». Книга посвящена

---

[1]) Къ числу отдѣльныхъ изданій Рубана по почтовому дѣлу относятся: а) „Дорожникъ чужеземный и россійскій". Спб. 1777; б) „Всеобщій и совершенный гонецъ и путеуказатель". Спб. 1791; изд. 2-е Спб. 1793; изд. 3-е Спб. 1808.

[2]) Позднѣе Рубанъ издалъ по тому же вопросу: а) „Историческую табель владѣтельныхъ великихъ князей, царей и императоровъ всероссійскихъ". Спб. 1782; б) „Россійскій царскій памятникъ, содержащій по азбучному порядку краткое описаніе жизни Россійскихъ государей". Спб. 1783 (выдержалъ 6 изданій); в) „Краткій степенникъ владѣтельныхъ великихъ князей, императоровъ и императрицъ всероссійскихъ". Спб. 1786.

[3]) Въ 1785 году Рубанъ издалъ въ Петербургѣ подобный же историко-статистическій трудъ свой: „Изъявленіе по полосамъ губерній, намѣстничествъ и областей всей Россійской имперіи".

[4]) „Петръ Великій въ русской литературѣ". Спб. 1889 г., стр. 93.

Библиотека "Руниверс"

Екатеринѣ II-й, которой, по словамъ Рубана, «сей градъ всѣмъ своимъ великолѣпіемъ и славою одолженъ». Въ предисловіи издатель сообщаетъ, между прочимъ, свѣдѣнія о Богдановѣ, заимствованныя изъ словаря Новикова [1]), и говоритъ, что подлинникъ изданнаго имъ «Описанія» находится въ Академической библіотекѣ, а печатаніе производилось по списку, принадлежащему сенатору Николаю Ивановичу Неплюеву. «Описаніе Петербурга», тщательно и толково составленное по архивнымъ документамъ, и до сихъ поръ представляетъ драгоцѣнную справочную книгу, благодаря обилію и разнообразію заключеннаго въ ней историческаго матеріала, пользованіе которымъ облегчается предметнымъ указателемъ, приложеннымъ въ концѣ книги. Кромѣ того, изданіе это украшено множествомъ гравюръ, изображающихъ большею частію различныя зданія Петербурга, теперь уже не существующія. Не менѣе любопытенъ и важенъ помѣщенный въ книгѣ Рубана списокъ надгробій Александро-Невскаго монастыря съ памятниковъ, теперь уже давно исчезнувшихъ. По свидѣтельству Петрова, «Описаніе Петербурга», изданное на средства князя Потемкина въ пользу Рубана, по точности и добросовѣстности собранныхъ свѣдѣній, а также по ихъ достовѣрности, превосходитъ всѣ прочіе матеріалы для исторіи столицы за первое полустолѣтіе по основаніи ея [2]).

Можно предполагать, что «Описаніе Петербурга» пользовалось успѣхомъ у современниковъ Рубана и упрочило его литературную извѣстность, потому что на заглавномъ листѣ своего «Описанія императорскаго столичнаго города Москвы», напечатаннаго въ Петербургѣ въ 1782 г., онъ называетъ себя: «издателемъ «Описанія С.-Петербурга», какъ бы давая этимъ понять, что имя автора служитъ уже достаточной порукой за достоинство его новаго труда.

Задавшись цѣлью знакомить русское общество съ его прошлымъ посредствомъ изданія книгъ историческаго содержанія, Рубанъ вмѣстѣ съ тѣмъ заботился и о сохраненіи потомству старинныхъ памятниковъ литературы, издавая которые имѣлъ, между прочимъ, въ виду и обогащеніе роднаго языка, «отъ чужеземныхъ нарѣчій введенія оскудѣвать начинавшаго». Дѣйствуя въ такомъ направленіи, Рубанъ не держался

---

[1]) П. Н. Петровъ говоритъ, что составитель „Описанія Петербурга“ у Новикова смѣшанъ съ другимъ Богдановымъ, сыномъ японца, служившимъ тоже при Академіи Наукъ, но живописцемъ. Составитель же „Описанія“, Андрей Ивановичъ Богдановъ, былъ помощникомъ библіотекаря и архиваріуса Академіи. Онъ былъ родомъ изъ Новгорода, куда и возвратился на житье, выйдя въ отставку въ 1760 году. Этимъ и объясняется нахожденіе его бумагъ въ Новгородской семинарской библіотекѣ („Исторія С.-Петербурга“, Спб., 1884, стр. 3).

[2]) „Исторія С.-Петербурга“, стр. 3 и

Библиотека "Руниверс"

никакой системы, а издавалъ то, что попадалась ему подъ-руку. Такъ, въ 1773 году онъ отпечаталъ въ Петербургѣ, съ посвященіемъ графу П. И. Панину, журналъ Шеина, совершившаго въ 1695 и 1696 гг. двѣ экспедиціи въ Азовъ, подъ заглавіемъ: «Походъ боярина и большого полку воеводы Алексѣя Семеновича Шеина къ Азову».

Въ 1775 году, въ Оружейной палатѣ былъ найденъ списокъ «Устава ратныхъ, пушечныхъ и другихъ дѣлъ, касающихся до воинской науки», составленный по иностраннымъ источникамъ въ 1607—1621 гг. Онисимомъ Михайловымъ. Потемкинъ, въ вѣдѣніи котораго находилась Оружейная палата, передалъ рукопись Рубану съ приказаніемъ издать ее. Первая часть была напечатана въ Петербургѣ, въ 1777 году, а вторая—вышла только въ 1781, такъ какъ Рубанъ долгое время старался отыскать утерянные чертежи къ «Уставу», что ему однако, не удалось. Хотя въ предисловіи ко второй части Рубанъ говоритъ, что въ его изданіи «ничего въ подлинникѣ находящагося не упущено, исключая явныхъ нѣкоторыхъ погрѣшностей писцовыхъ», но на самомъ дѣлѣ оказалось, что, кромѣ этого, онъ дозволялъ себѣ и другія произвольныя поправки въ рукописномъ текстѣ «Устава». «Уставъ» этотъ, по отзыву Н. Н. Обручева, хотя и отличается сбивчивой системой изложенія, но представляетъ собою любопытный памятникъ своего времени, дающій ясное понятіе о тогдашнемъ способѣ веденія войны [1]).

Въ 1778 году, по волѣ того же Потемкина и на его средства, Рубанъ издалъ въ Петербургѣ «Путешествіе къ святымъ мѣстамъ, въ Европѣ, Азіи и Африкѣ находящимся, Василія Григоровича-Барскаго-Плаки-Албова, уроженца кіевскаго, монаха антіохійскаго, предпринятое въ 1723 и оконченное въ 1747 году». «Путешествіе» это пользовалось въ XVIII в. большой извѣстностью и ходило по рукамъ въ многочисленныхъ спискахъ съ подлинника, хранившагося у матери Барскаго, которая охотно давала снимать съ него копіи. При изданіи «Путешествія» братъ Василія Григоровича, Иванъ, сообщилъ Рубану многія грамоты, данныя Барскому во время его странствованія разными лицами, и краткую біографію путешественника; о сообщеніи же подлинной рукописи въ предисловіи Рубана ничего не говорится.

При редактированіи «Путешествія» Барскаго Рубанъ допустилъ слишкомъ много произвола, почему изданіе и вышло неудовлетворительнымъ въ научномъ отношеніи. Рубанъ исключалъ цѣлые разсказы Барскаго, руководствуясь тѣмъ, что они «находятся уже въ другихъ россійскихъ церковныхъ и гражданскихъ книгахъ», а взамѣнъ того

---

[1]) Обзоръ рукописныхъ и печатныхъ памятниковъ, относящихся до военнаго искусства въ Россіи. Спб., 1853, стр. 21—28.

Библиотека "Руниверс"

вставлялъ дополненія, заимствованныя изъ различныхъ русскихъ и иностранныхъ сочиненій, а также налагалъ свою руку и на слогъ автора, стараясь вводить современныя и болѣе изысканныя выраженія. Рисунки же и чертежи, приложенные къ рукописи Барскаго, въ изданіи Рубана были опущены, на томъ основаніи, что «всѣ видѣнныя сочинителемъ мѣста столь обстоятельно и живо описаны, что и безъ рисунковъ читатель совершенное попятіе пріобрѣсть можетъ [1]).

Въ 1783 году, получивъ отъ А. В. Олешева списокъ «Путешествія московскаго купца Трифона Коробейникова съ товарищи въ Іерусалимъ, Египетъ и къ Синайской горѣ въ 1583 году», Рубанъ не замедлилъ напечатать и этотъ памятникъ, въ Петербургѣ. Съ изданіемъ Коробейникова случилось почти то же, что и съ Барскимъ. Хотя въ предисловіи Рубанъ и распространяется о своемъ желаніи «соблюсть во всей точности древнее сказаніе», но по свидѣтельству И. П. Сахарова, занимавшагося сличеніемъ рукописей «Путешествія Коребейникова», въ Рубановскомъ изданіи замѣчаются иногда произвольныя вставки и исправленія въ слогѣ [2]). Издавая въ свѣтъ этотъ памятникъ, Рубанъ не былъ увѣренъ въ принадлежности его Коробейникову, что видно изъ предисловія къ «Путешествію». Сомнѣнія Рубана оказались справедливыми и въ настоящее время разрѣшены Х. М. Лопаревымъ, подъ редакціей котораго напечатано «Хожденіе» Коробейникова въ 27-мъ выпускѣ «Православнаго Палестинскаго сборника» (1888 г.). Давая подробный обзоръ всѣхъ мнѣній, высказанныхъ въ печати о Коробейниковѣ, г. Лопаревъ пришелъ къ тому выводу, что памятникъ, изданный Рубаномъ, есть пересказъ въ большей мѣрѣ записокъ паломника 1552 г. Василія Познякова.

Послѣдніе годы своей жизни Рубану пришлось вести постоянную борьбу съ болѣзнями и нуждой [3]). Всѣ его стихотворныя посланія, относящіяся къ этому времени, проникнуты горькимъ сознаніемъ полнаго своего одиночества, вѣчной нужды и приближающейся смерти. Чтобы сколько-нибудь обезпечить свое матеріальное положеніе, Рубанъ обращался нѣсколько разъ къ А. Н. Самойлову, графу Н. И. Салтыкову и къ другимъ вельможамъ, прося исходатайствовать ему пенсію. Такъ,

---

[1]) „Путешествіе“ Барскаго выдержало много изданій, но безукоризненнымъ можетъ считаться только изданіе Православнаго палестинскаго общества, по подлинной рукописи, подъ редакціей Н. П. Барсукова: „Странствованія Василія Григоровича-Барскаго по св. мѣстамъ Востока съ 1723 по 1747 гг.“ Спб., 1885—1887

[2]) „Сказанія русскаго народа“, т. II, Спб., 1849, стр. 136.

[3]) Въ 1794 году Рубанъ издалъ свой довольно гладкій переводъ сочиненія Мартина Баумгартена: „Посѣтитель и описатель святыхъ мѣстъ, въ трехъ частяхъ свѣта состоящихъ“.

Библиотека "Руниверс"

28-го августа 1794 г., за годъ съ небольшимъ до смерти, онъ писалъ графу Салтыкову:

...Не лишнихъ требую при старости наградъ,
Но чтобъ коллежскихъ мнѣ совѣтниковъ окладъ
Какой въ семъ городѣ по штатамъ утвердила [1]),
Чтобъ оный дать и мнѣ по смерть опредѣлила,
Или, яснѣй сказать, чтобъ до послѣднихъ дней
Мнѣ семьсотъ пятьдесятъ въ годъ пенсіи рублей
Высокимъ повелѣть изволила указомъ,
И чтобъ уволенъ я военнымъ былъ приказомъ
Отъ службы, ибо я и слѣпъ уже, и глухъ,
Лишился зрѣнія и потерялъ мой слухъ [2]).

Просилъ онъ также и о томъ, чтобы ему дали клочекъ земли, на которомъ онъ, вѣроятно, хотѣлъ провести остатокъ дней своихъ. Когда П. Б. Пассекъ былъ избранъ президентомъ Вольнаго Экономическаго Общества, Рубанъ написалъ ему поздравленіе, въ которомъ, между прочимъ говорилъ:

Я бобылемъ живу и въ горестной судьбинѣ
И нанимаю домъ, хоть не весьма хорошъ,
Доколѣ есть еще въ карманѣ царскій грошъ;
Своей же нѣтъ земли ни четверти аршина.
Наслѣдіе мое—всѣхъ улицъ грязь и тина,
Котору всякій день ногами я мѣшу...

Однако, оба желанія Рубана остались неисполненными. По крайней мѣрѣ въ позднѣйшихъ стихахъ своихъ къ разнымъ лицамъ онъ продолжалъ жаловаться на свою необезпеченность, а также на болѣзнь, тоску и одиночество. Друзья Рубана старались его ободрить и совѣтовали уѣхать изъ Петербурга. Ѳеоктистъ, епископъ Курскій, звалъ его въ Украйну; С. Г. Зоричъ приглашалъ его къ себѣ въ Шкловъ, при чемъ выслалъ даже 300 рублей на проѣздъ [3]). Но Рубанъ не могъ уже ѣхать и 24-го сентября 1795 г. скончался. Онъ не оставилъ послѣ себя ничего, кромѣ долговъ, для уплаты которыхъ скромное имущество его, состоявшее главнымъ образомъ изъ книгъ, было продано съ молотка [4]). Рубанъ былъ похороненъ на кладбищѣ Большой Охты [5]). но могилы его уже давно не существуетъ [6]). Сохранился портретъ Рубана,

---

[1]) Т. е. императрица

[2]) Рукописи. Импер. Пуб. Библ. F, XIV, № 46.

[3]) Письмо Зорича отъ 8-го марта 1795 г. (Рукопись, F. XIV, № 46).

[4]) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1795 г., № 89, стр. 2004.

[5]) По свидѣтельству И. К., лично знавшаго Рубана („Сынъ Отечества“ 1821 г., ч. 71, № 30, стр. 191).

[6]) А. Н. Неустроевъ. В. Г Рубанъ, Спб., 1896 г., стр. 7.

Библиотека "Руниверс"

писанный въ 1786 году масляными красками Алексѣемъ Клепиковымъ, находящійся въ конференцъ-залѣ Академіи Наукъ [1]). Рубанъ былъ однимъ изъ старѣйшихъ членовъ Вольнаго россійскаго собранія при Московскомъ университетѣ, открывшагося 2-го августа 1771 г. [2]), а съ 6-го сентября 1777 г. вступилъ въ члены Вольнаго Экономическаго Общества [3]).

Между современниками, Рубанъ былъ извѣстенъ прежде всего какъ стихотворецъ-панегиристъ, прославлявшій сильныхъ міра сего, своихъ покровителей. И дѣйствительно, Рубанъ не пренебрегалъ покровительствомъ вельможъ-меценатовъ, въ чемъ легко можно убѣдиться изъ его многочисленныхъ печатныхъ и рукописныхъ посланій, одъ, надписей на разные случаи частной и общественной жизни разныхъ милостивцевъ. Эта неумѣренность въ восхваленіи послѣднихъ сдѣлала то, что нѣкоторые собратья по стихотворству обвиняли Рубана въ пресмыкательствѣ съ корыстолюбивыми цѣлями. Такъ, графъ Д. И. Хвостовъ, самъ далеко не чуждый искательнаго духа, говорилъ, что Рубанъ «не иначе восходилъ на Парнасъ, какъ для прославленія богатыхъ и знатныхъ особъ» [4]). Еще болѣе ранній современникъ Рубана, В. В. Капнистъ, въ своей «Сатирѣ первой», далъ такой рѣзкій отзывъ о немъ:

Но можно ли какимъ спасительнымъ закономъ
Принудить Рубова мириться съ Аполлономъ,
Не ставить на подрядъ за деньги гнусныхъ одъ
И рыломъ не мутить Кастальскихъ чистыхъ водъ? [5]).

Фактъ, подмѣченный современниками, остается фактомъ; но нѣкоторымъ оправданіемъ для Рубана можетъ служить бѣдность, которая волей-неволей заставляла его преклоняться предъ богатствомъ и знатностью. Кромѣ того, нужно принять во вниманіе, что въ XVIII вѣкѣ, и даже значительно позже, подобное преклоненіе не считалось вообще предосудительнымъ. Многіе русскіе писатели не только считали обязанностію прославлять своихъ меценатовъ, но не гнушались принимать отъ нихъ и подарки деньгами и вещами. На такого рода подарки мы находимъ любопытныя указанія и въ бумагахъ Рубана, которому то и дѣло приходилось писать благодарственныя посланія своимъ покровителямъ. Напримѣръ, онъ благодарилъ извѣстнаго богача С. С. Яковлева за шубу и муфту,

---

[1]) Копія съ этого портрета приложена къ настоящей книжкѣ «Русской Старины».

[2]) „Опыты трудовъ вольнаго россійскаго собранія", М., 1775, стр 17.

[3]) Продолженіе „Трудовъ Вольнаго Экономическаго Общества", 1779 г., ч. I. Реестръ членамъ.

[4]) „Русская Старина" 1892 г., т. LXXV, стр. 425.

[5]) „С.-Петербургскій Вѣстникъ" 1780, іюнь, стр. 446.

Библиотека "Руниверс"

митрополита Гавріила—за бутылку меду, графиню Е. А. Мусину-Пушкину—за три пары манжетъ, Даева—за нюхательный табакъ, С. Г. Зорича—за 300 рублей, графа П. И. Панина—за бархатъ и т. д., и т. д.

Помимо пользы, которую Рубанъ извлекалъ изъ занятій своихъ стихотворствомъ, послѣднее служило ему и удовлетвореніемъ страсти къ сложенію стиховъ, которою онъ былъ одержимъ почти въ равной степени съ своимъ критикомъ, графомъ Хвостовымъ. Стихотворная производительность Рубана простиралась до огромныхъ размѣровъ, выражаясь въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Дѣло доходило до того, что даже частная переписка велась съ его стороны не прозою, а стихами. Сохранился разсказъ, записанный П. Ѳ. Карабановымъ о томъ, какъ Потемкинъ, знавшій слабость своего секретаря, предложилъ ему однажды написать въ Соляную контору вмѣсто отношенія стихотворное посланіе о выдачѣ 10.000 рублей [1]). Иногда случалось, что въ одинъ день Рубанъ сочинялъ по нѣскольку стихотвореній; даже во время своей предсмертной болѣзни онъ не пропускалъ почти дня, чтобы не написать кому-нибудь поздравленія, письма въ стихахъ и т. п. Нельзя, однако заключать изъ этого, что Рубану легко доставалось его стихотворство. Онъ часто по многу разъ измѣнялъ тотъ или другой стихъ, а иногда и цѣлое стихотвореніе передѣлывалъ съ начала до конца. Само собою разумѣется, что Рубанъ не былъ поэтомъ, какъ и большинство русскихъ стихотворцевъ того времени, наводнявшихъ нашу литературу одами, эпистолами, всевозможнаго рода пѣснями и видѣвшихъ поэзію въ риемѣ. Рубанъ выработалъ въ себѣ только навыкъ и, пользуясь излюбленнымъ пріемомъ того времени, почти всегда примѣнялъ риторическое сравненіе въ своихъ одахъ. Эта риторика, замѣнявшая искреннее чувство, дѣлала оды Рубана тяжелыми и искуственными. Почти то же самое можно сказать и о надписяхъ его [2]), изъ которыхъ большую извѣстность получила «Надпись къ камню, назначенному для подножія статуи императора Петра Великаго» [3]):

Колосъ Родосскій! свой смири прегордый видъ,
И нильскихъ зданія высокихъ пирамидъ
Престаньте болѣе считаться чудесами:
Вы—смертныхъ бренными содѣланы руками!
Нерукотворная здѣсь росская гора,
Внявъ гласу Божію изъ устъ Екатерины,
Прешла во градъ Петровъ чрезъ невскія пучины
И пала подъ стопы Великаго Петра.

---

[1]) „Русская Старина“ 1872 г., т. V, стр. 467.

[2]) Отдѣльное изданіе ихъ вышло въ Петербургѣ, въ 1771 году.

[3]) Издана въ Петербургѣ въ 1770 году отдѣльнымъ листкомъ. Напечатана также въ „Описаніи Петербурга“, стр. 216.

Библиотека "Руниверс"

Эта надпись долгое время считалась образцовою и создала «славу» Рубану. Она приведена и Державинымъ въ его «Разсужденіи о лирической поэзіи» (1811 г.) въ примѣръ «правдоподобія», а также во многихъ сборникахъ и хрестоматіяхъ, какъ образецъ стихотвореній этого рода. Однако, несмотря на свое относительное достоинство, надпись Рубана вызвала насмѣшки со стороны Хемницера, который написалъ по этому поводу двѣ эпиграммы [1]). Въ связи съ надписью на памятникъ Петру I находится и слѣдующее стихотвореніе Рубана, сохранившееся въ бумагахъ его и представляющее горькую насмѣшку надъ своею литературною извѣстностью:

Къ Фебу, при отдачѣ стиховъ на камень.

Мнѣ камень славу далъ, а прочимъ—вѣчный хлѣбъ:
При славѣ дай и мнѣ кусочекъ хлѣба, Фебъ,
Да не истлѣетъ весь отъ глада лирный пламень!
Внемли моленьямъ, Фебъ! Не буди твердъ, какъ камень!
Ты видишь самъ, что я жизнь бѣдную влачу
И щедростей твоихъ воспѣть не премолчу.

Обозрѣвая литературную дѣятельность Рубана, мы видимъ, что, какъ бездарный стихотворецъ, онъ получилъ отрицательную извѣстность у современниковъ и полное забвеніе въ потомствѣ. Рубанъ оказался и плохимъ журналистомъ, потому что не понималъ прогрессивнаго духа своего времени, отличительной чертой котораго было критическое отношеніе къ жизни, выразившееся въ литературѣ стремленіемъ къ сатирѣ. Чуждаясь обсужденія современныхъ вопросовъ, Рубанъ преподносилъ читателямъ или образцы легкой литературы, или сухіе историческіе матеріалы, и потому періодическія изданія его являлись скучными сборниками, а не органами современной общественной жизни. Отсутствіе свѣжаго, жизненнаго элемента въ журналахъ Рубана тѣмъ болѣе должно было бросаться въ глаза, что въ это же время дѣйствовалъ Новиковъ и другіе издатели сатирическихъ журналовъ. Но въ литературной дѣятельности Рубана была область, въ которой ему посчастливилось болѣе, нежели въ предыдущихъ, и благодаря которой имя его сохранилось въ памяти потомства. Мы разумѣемъ труды Рубана по отечественной исторіи, статистикѣ и географіи, въ особенности Малороссіи, а также изданія литературныхъ памятниковъ. Работая въ этомъ направленіи онъ положилъ много труда и энергіи и, конечно, изъ любви къ дѣлу, а не изъ корыстныхъ цѣлей. Правда, что труды его въ этой области не отличались строго научными пріемами, но Рубанъ и не

[1]) Сочиненія И. И. Хемницера. С.-Петербургъ 1873, стр. 362.

Библиотека "Руниверс"

былъ ученымъ, а только диллетантомъ. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что во времена Рубана даже среди присяжныхъ русскихъ ученыхъ не всѣ изъ нихъ имѣли ясное представленіе о требованіяхъ строгой науки. Дѣятельность Рубана сводилась главнымъ образомъ къ обнародованію историко-географическихъ матеріаловъ, безусловно полезныхъ въ научномъ отношеніи и для современниковъ, и въ особенности для потомства. Въ дѣлѣ собиранія этихъ то матеріаловъ Рубанъ и занимаетъ довольно видное мѣсто среди многочисленныхъ «трудолюбивыхъ муравьевъ» Екатерининскаго времени.

В. Л. Модзалевскій.

Библиотека "Руниверс"

Письмо императора Александра I къ князю Платону Александровичу Зубову.

24-го декабря 1801 года, С.-Петербургъ.

Князь Платонъ Александровичь. Снисходя на прошеніе ваше я позволяю вамъ путешествовать въ чужіе краи, пребывая въ прочемъ вамъ благосклонный.

Собственноручное письмо императора Александра I къ князю Платону Александровичу Зубову.

1-го іюля 1802 года, С.-Петербургъ [1]).

Князь Платонъ Александровичь. Имелъ я удовольствіе получить письмо ваше и буду на оное ответствовать съ темъ чистосердечіемъ съ коимъ я обыкъ всегда говорить. Ваше возвращеніе въ Россію подастъ неминуемо поводъ думать что вы уклоняетесь отъ кончательняго решенія дела съ Елгудомъ, темъ более что слово ваше дано явнымъ образомъ въ письмѣ вашемъ къ нему и которое всемъ зделалось известно. Я уверенъ что вы сами почувствуетѣ оное въ полной мерѣ. Благодарю васъ искренно за присланныя бумаги; я оными нынѣ занимаюсь съ крайнимъ любопытствомъ и удовольствіемъ. Желая вамъ всякаго успеха и благополучія пребываю на всегда вамъ доброжелательной.

[1]) Печатается съ сохраненіемъ правописанія подлинника.

Библиотека "Руниверс"

Изъ бумагъ статсъ-секретаря А. Д. Комовскаго.

(Переписка его съ разными лицами [1]).

24.

А. Д. Комовскій—великому князю Константину Николаевичу.

Флоренція, 21-го января (2-го февраля) 1857 г.,
понедѣльникъ. Lungo l'Arno, ponte Trinita.

Ваше императорское высочество.

Не смѣя, безъ разрѣшенія вашего высочества, пріѣхать въ Ниццу, чтобы лично привѣтствовать благополучное ваше туда прибытіе, пріемлю смѣлость встрѣтить васъ представляемымъ при семъ трудомъ, котораго дозвольте объяснить и происхожденіе.

Отдыхая за границею для возстановленія своихъ силъ,—мыслями я постоянно посреди того, что совершается теперь въ дорогомъ нашемъ отечествѣ. Придумываю, обдумываю, разбираю! Недавно прислали ко мнѣ сюда изъ канцеляріи морскаго министерства Проектъ устройства каспійскихъ портовъ [2]), и я немедленно принялся за чтеніе, а, между тѣмъ, у меня приводятся уже въ порядокъ замѣтки мои на первые два проекта.

Какъ бы въ исполненіе руской пословицы, что: «умъ хорошъ, а два лучше», ваше высочество изволите призывать многихъ извѣстныхъ

---

[1]) См. „Русскую Старину", іюль 1897 г.

[2]) Долженъ замѣтить, что отношеніе канцеляріи ко мнѣ отъ 4-го декабря, а я получилъ здѣсь 3-го января. Въ Вѣнѣ къ конверту приложена австрійскаго почтамта печать и сдѣлана надпись, что русская казенная прибыла туда будто-бы взломанною.

Библиотека "Руниверс"

вамъ лицъ какъ морскаго, такъ и постороннихъ вѣдомствъ, выразить на проекты откровенно свои взгляды. Мѣра великодушная! Мѣра превосходная! Путь вѣрный, чтобъ изъ суммы многихъ мнѣній, взглядовъ и разборовъ вышло что-нибудь дѣльное.

Такой способъ дѣйствій по преобразованію морской части, навелъ меня на мысль, которой я—во имя той откровенности, съ какою имѣютъ доступъ къ вашему высочеству всѣ благія побужденія, прошу милостиваго вниманія.

Безъ претензій на то, чтобы моя мысль имѣла ходъ, я и не облекаю ея въ форму записки, а представляю статью изъ моего дневника въ томъ видѣ, какъ она вылилась у меня съ пера.

По разбору же проектовъ обязываюсь доложить, что на первые два—замѣчанія у меня почти уже готовы. Составленную по этому предмету записку я раздѣляю на три отдѣла:

Въ первомъ — излагаю: какъ, по моимъ понятіямъ, должно бы исполняться вообще дѣло устройства какого бы то министерства ни было;

во второмъ — подвожу подъ эти понятія дѣло переустройства морскаго и бросаю общій взглядъ на проекты съ выводами: въ какой мѣрѣ они выполняютъ, или не выполняютъ требованій моихъ понятій;

и съ третьемъ (на особыхъ листкахъ, какъ предписано)—замѣтки мои на каждую часть, либо на каждую статью проектовъ отдѣльно.

Безъ переписчика я затрудненъ здѣсь буду только въ перебѣленіи сего послѣдняго отдѣла записки—довольно много объемнаго. Первые же два,—на немногихъ листахъ, перебѣлю самъ и по окончаніи поспѣшу имѣть честь представить вашему императорскому высочеству, лично, либо пересылкою—какъ и куда приказать изволите.

Между тѣмъ, дозвольте испросить теперь же милостиваго разрѣшенія, какъ поступить мнѣ въ нижеслѣдующемъ обстоятельствѣ.

Исходатайствованный мнѣ вашимъ высочествомъ годовой отпускъ—по сроку паспорта—кончается 1-го мая сего года, а по выѣзду моему изъ Петербурга—20-го. Курсъ леченія въ Киссингенѣ и Діеппѣ оказалъ пользу. Для радикальнаго же результата необходимо два курса сряду и мнѣ совѣтуется: весною еще разъ попить недолго Ragozzi и вмѣсто Діеппа покупаться въ Вильдбадѣ. На эти оба курса потребно не менѣе 8 недѣль. Начавъ самое раннее леченіе, т. е. съ 1-го мая, я долженъ буду просрочить отпускъ. Могу ли я надѣяться на всемилостивѣйшее дозволеніе возвратиться въ первыхъ числахъ іюля? Соизволите ли, ваше высочество, быть снова ко мнѣ столько милостивымъ, чтобы испросить высочайшее на просрочку разрѣшеніе? Или, по отсутствію вашему изъ Россіи, прикажете мнѣ обратиться объ этомъ къ

Библиотека "Руниверс"

управляющему морскимъ министерствомъ генералъ-адъютанту барону Врангелю, къ которому я тотчасъ бы написалъ отсюда.

Въ ожиданіи, для дальнѣйшихъ моихъ здѣсь дѣйствій, благосклонныхъ приказаній вашего высочества, съ чувствами глубочайшаго уваженія и неизмѣнной преданности имѣю честь быть и проч.

Выписка изъ дневника статсъ-секретаря Комовскаго.

Флоренція 6-го (18-го) января 1857 года (воскресенье).

...Принятый способъ устройства морской части навелъ меня на мысль, которую и спѣшу внести въ мой дневникъ. Ежели не теперь, то можетъ быть современемъ она пригодится.

Россія закипѣла новою, молодою дѣятельностію! На многое уже обращено полезное вниманіе!.. Безпрестанно читаешь въ газетахъ о новыхъ учрежденіяхъ, постановленіяхъ, преобразованіяхъ!.. Предприняты гигантскія работы! Родной, громадный нашъ корабль чинится, подновляется, тимбируется, словомъ: капитально исправляется! Нельзя не сознаться, что трудъ обширный, сложный; что одному строителю съ его ближайшими помощниками не легко съ нимъ справиться!..

«Да вѣдь гдѣ-жъ, родимый, одному все видѣть?» выразился недавно поэтъ Бенедиктовъ въ прекрасной патріотической пьесѣ, напечатанной въ русскихъ газетахъ... Конечно нельзя. Нужно побольше сотрудниковъ, нужно побольше работниковъ!.. Они и призываются. Работники ужъ и явились съ молодыми энергическими силами!.. Дай Богъ царю счастья въ выборѣ! Пошли ему Царь небесный въ помощь работниковъ умныхъ, честныхъ, усердныхъ, ему и благому дѣлу преданныхъ!..

Изъ всего, что доходитъ до моего свѣдѣнія здѣсь на чужбинѣ, я вижу, что ломка ужъ началась, начались исправленія, начались преобразованія! Словомъ, Россія начала устраиваться по требованіямъ времени, по указаніямъ опытовъ. А опытовъ и испытаній было много у нея!... Общее вниманіе подстрекнуто. Надежды всѣхъ—возбуждены. Ожиданія каждаго—нетерпѣливы. Увѣренность въ благоустройствѣ—разлита повсюду, отъ высшаго слоя понятій до низшаго! Общественное мнѣніе, которое такъ чутко, которое всегда насторожѣ, и до сихъ поръ рѣдко снисходительное, только и ждетъ исполненій, чтобы выразиться радостно или грустно!..

Начнутся скоро и исполненія предпринятаго! Надо будетъ ими оправдать обѣщанное; надо будетъ съ каждымъ своимъ трудомъ идти

*

Библиотека "Руниверс"

безукоризненно и смѣло на встрѣчу къ этому неумолимому общественному мнѣнію!

Вотъ тутъ-то и мудрость задачи!.. Чѣмъ живѣе, чѣмъ сильнѣе вниманіе, надежды, ожиданія и увѣренность,—тѣмъ строже, тѣмъ придирчивѣе будутъ сужденія! А потому-то и нужно, кажется, быть крайне осторожнымъ, чрезвычайно осмотрительнымъ, обстоятельнымъ и въ особенности на первыхъ порахъ, предпринимая коренныя переустройства. Отъ обдуманности и основательности первыхъ опытовъ зависитъ не только собственный ихъ успѣхъ на дѣлѣ, но также (что не менѣе важно) и довѣріе Россіи къ прочности всѣхъ грядущихъ преобразованій!.. Этими первыми шагами долженъ заключиться тѣсный и полезный союзъ общественнаго мнѣнія съ избранными строителями въ Россіи! Ими только можетъ упрочиться и то довѣріе, которое необходимо для успѣха будущихъ переустройствъ!.. А чтобы не дать повода къ разрыву этого союза, чтобы не пошатнуть довѣрія и къ предположеннымъ еще работамъ,—не должно: ни затѣвать многаго разомъ, ни—особенно—торопиться исполнять затѣянное. «Три раза примѣрь, да разъ отрѣжь», — говоритъ мудрая русская пословица. Есть еще и другая, въ подкрѣпленіе этой: «тише ѣдешь, дальше будешь!»

Я сказалъ выше, что для предпринятыхъ громадныхъ работъ по капитальному исправленію роднаго корабля нужно побольше сотрудниковъ; нужно побольше работниковъ! Выражу мою мысль еще обширнѣе: нужно, чтобы въ устройствѣ Россіи помогала царю—вся Россія!»

Завѣряя современниковъ въ прочности государственнаго устройства Англіи, графъ Монталамберъ въ послѣднемъ сочиненіи своемъ: «De l'avenir politique de l'Angleterre» приводитъ одно, весьма поучительное и превосходное, выраженіе какого-то оратора, который сказалъ:

«The public business of England—is the private business of every Englishman» [1]).

---

[1]) Не могу, чтобы не выписать здѣсь изъ книги гр. Монталамбера еще слѣдующихъ строкъ на стр. 257, изд. Didier. Paris. 1856.

„On trouve dans une lettre de Lord Grenville, Secrétaire d'Etat et Collègue de Pitt ce passage: „pour sauver ce pays, il faut fortifier le Gouvernement; mais il faut avant tout, que le Gouvernement ne soit pas chargé de tout; il faut, que tout citoyen mette la main à l'oeuvre selon son rang et sa position sociale... Toute notre législation repose sur cette hypothèse, que les propriétaires et les magistrats à titre gratuit feront leur devoir; s'il ne le font pas, – le pouvoir ne fera ni le leur ni le sien" (Lettre du 14 Novembre 1792).

Ce concours de tous à l'oeuvre commune—говоритъ авторъ – n'est pas seulement la base de la vie politique; c'est la base fondamentale de toute l'organisation sociale.

Библиотека "Руниверс"

Неоспоримо, что ежели эта мысль примѣнима ко всѣмъ государствамъ, то въ настоящее время—къ Россіи, болѣе, чѣмъ къ которому-либо! Желательно, чтобы изъ безкорыстной любви къ родному дѣлу, желательно, чтобъ ею были проникнуты всѣ у насъ!

Допустимъ, что этою мыслію уже и проникнута бо́льшая часть благонамѣренныхъ людей въ Россіи,—какимъ же образомъ, какими путями дать ей возможность полезно выразиться на дѣлѣ?..

Мнѣ представляется пока одно—и, кажется, весьма простое средство, а именно:

Допустить конкурсную систему въ путяхъ преобразованій, или устройствъ по крайней мѣрѣ главнѣйшихъ государственныхъ учрежденій въ Россіи.

Т. е. я думаю, «что было бы весьма полезно разрѣшить каждаго министра, предпринимая какое-либо важное коренное преобразованіе по ввѣренному ему вѣдомству, не ограничиваться только кабинетною, канцелярскою, или совѣтскою работою, а вызывать гласно на конкурсъ всѣхъ въ Россіи къ составленію проекта устройства и при этомъ обѣщать, что за лучшій, который будетъ, по обсужденіи въ подлежащемъ мѣстѣ, принятъ къ исполненію, либо къ руководству при начертаніи правительствомъ окончательнаго законоположенія, составитель удостоенъ будетъ всемилостивѣйшей награды» (знакомъ-ли отличія, либо деньгами — смотря по тому, что́ окажется впослѣдствіи для счастливаго конкурента лестнѣе и необходимѣе).

Поясню мысль мою примѣромъ:

Положимъ, что министръ юстиціи предпримет устроить на иномъ основаніи порядокъ нашего судопроизводства въ низшихъ инстанціяхъ, а это можетъ быть уже необходимо и ожидается. Достигнетъ ли онъ вполнѣ практическихъ результатовъ, поручивъ это дѣло у себя въ канцеляріи, департаментѣ, даже въ палатахъ, даже лучшему изъ своихъ юрисконсультовъ? Между лицами въ сихъ мѣстахъ могутъ быть, безъ сомнѣнія, люди очень умные, дѣльные, усердные, образованные, даже теоретически спеціальные, но при занятіяхъ ихъ текущими дѣлами, при той спѣшности, съ которою обыкновенно стараются окончить всякое особое казенное порученіе,—можно ли ожидать, чтобы трудъ ихъ былъ обстоятельно во всѣхъ отношеніяхъ обработанъ и въ должной мѣрѣ отвѣтилъ бы всѣмъ практическимъ требованіямъ какъ мѣстностей, обычаевъ и нравовъ, такъ и развитыхъ въ массѣ понятій и образованности? А вѣдь это все—весьма важно и необходимо къ соображенію при начертаніи всякаго закона, а особливо законовъ судопроизводства въ такой обширной и разноплеменной имперіи, какъ Россія! Можетъ ли министръ юстиціи съ увѣренностію ска-

Библиотека "Руниверс"

зать, что составленный лицами его вѣдомства проектъ не погрѣшитъ противу всего этого?

Но получи онъ монаршее разрѣшеніе объявить черезъ газеты:

Во 1-хъ, что всѣ усердные доброжелатели отечеству благоустройства,—всѣ опытные люди—юристы и не юристы, помѣщики, чиновники, словомъ всѣ, кто по совѣсти чувствуетъ себя въ состояніи, высочайше приглашаются на конкурсъ къ составленію (къ такому-то сроку) проекта преобразованія порядка судопроизводства въ низшихъ судебныхъ мѣстахъ (или иного предмета—смотря по тому, что будетъ въ вопросѣ).

Во 2-хъ, что за лучшій, по обсужденіи лицами отъ правительства, проектъ, который примется къ исполненію либо руководству при начертаніи новаго законоположенія, дана будетъ составителю всемилостивѣйшая награда (для вящшаго побужденія къ болѣе обстоятельному и обдуманному труду—она должна непремѣнно быть довольно значительная, такъ напримѣръ деньгами отъ 3 до 5 т. р. с. и болѣе даже).

и въ 3-хъ, что кромѣ награды и гласнаго объявленія имени составителя, ему предоставится честь получить, по желанію, какое нибудь лестное и гражданскому его положенію соотвѣтственное—служебное назначеніе.

Я увѣренъ, что по такому вызову не одинъ, а нѣсколько дѣльныхъ проектовъ явится въ помощь правительственному дѣлу.

Въ самомъ дѣлѣ, сколько можетъ быть въ Россіи есть людей и неслужащихъ или мелкихъ, но опытныхъ, изучающихъ ея нужды, испытывая ихъ такъ сказать осязательно, усматривающихъ на дѣлѣ всѣ недостатки судебнаго у насъ устройства,—сколько—говорю—есть людей, которыхъ здравая, чисто практическая мысль, ничѣмъ оффиціально доселѣ не вызываемая, явилась бы во всемъ блескѣ на конкурсное состязаніе и значительно облегчила бы правительству трудъ?

Выбравъ изъ взглядовъ и предложеній болѣе или менѣе дѣльныхъ только самые лучшіе, цѣли и потребностямъ отвѣчающіе,—ему оставалось бы: обдуманно и обстоятельно воспользоваться ими и составителя, какъ обѣщано, достойно поблагодарить!

Точно такимъ же образомъ могли бы поступить и министръ внутреннихъ дѣлъ, министръ финансовъ, просвѣщенія и другихъ вѣдомствъ, когда примутся за переустройство у себя тѣхъ частей, которыхъ дѣйствія въ прямой связи съ народною жизнію въ Россіи и которыхъ тотъ или другой порядокъ существованія долженъ быть не кабинетнымъ, или канцелярскимъ сочиненіемъ чиновниковъ, а выработаннымъ результатомъ и выраженіемъ современныхъ понятій и потребностей Россіи.

За симъ, весьма естественно, представился мнѣ вопросъ: «что могутъ

Библиотека "Руниверс"

возразить противу такой конкурсной системы въ путяхъ преобразованій или устройствъ»?

А вотъ что:

Во 1-хъ, что этимъ, можетъ быть, уронится достоинство правительства, поколеблется довѣріе къ нему; ибо такого рода дѣйствія могутъ въ массѣ быть приняты за сознаніе, что, не чувствуя себя вполнѣ способнымъ исполнить дѣло, на его обязанности лежащее,—оно униженно прибѣгаетъ къ помощи постороннихъ и даже частныхъ лицъ.

Возраженіе ошибочное! У правительства, занятаго текущими дѣлами и по возможности ограничивающаго себя числомъ служащихъ, конечно не можетъ быть достаточно ни времени, ни рукъ, ни головъ, чтобы предпринять составленіе многоразличныхъ проектовъ для каждаго переустройства. Оно, дѣйствуя совершенно изолированно, по необходимости должно разсматривать и принимать одинъ составленный въ подлежащемъ вѣдомствѣ проектъ, и составленный еще можетъ быть людьми, которые не легко отстаютъ отъ старой, привычной ихъ взгляду колеи. Утвержденіемъ же такого рода проектовъ—неумышленно и незамѣтно для себя, допуститъ всѣ тѣ промахи, которые обнаружатся только при практическомъ примѣненіи закона къ дѣлу и которые непремѣнно встрѣтятъ справедливое осужденіе въ общественномъ мнѣніи, а особенно тѣхъ лицъ—частныхъ и постороннихъ, къ вызову коихъ будто-бы предосудительно ему прибѣгать.

При томъ, такъ какъ на правительствѣ остается обязанность, разсматривая многіе, представляемые на конкурсъ, проекты, утверждать, или принимать къ руководству токмо лучшіе, полезнѣйшіе,—то ужъ этимъ выборомъ, обстоятельнымъ и безпристрастнымъ, оно будетъ выражать свою способность, довѣріе къ которому предлагаемые мною вызовы въ состояніи будто бы у него отнять.

Напротивъ, къ удовлетворенію всѣхъ благомыслящихъ людей, оно еще этимъ докажетъ, что въ существенныхъ своихъ мѣрахъ, связанныхъ съ общественными вопросами, оно поступаетъ по старинной и для всего міра пригодной истинѣ: «умъ хорошъ, а два лучше!» Десять же, сто умовъ, съ благою цѣлію размышляющіе, какъ бы разнообразны размышленія ихъ ни были, конечно въ состояніи еще болѣе, чѣмъ два, направить на здравый взглядъ, на основательные выводы всякаго, кто только захочетъ внимательно и нелицепріятно выслушать ихъ! Вотъ окончательное дѣло правительства. Кто же за такой путь въ его главнѣйшихъ переустройствахъ не будетъ ему благодаренъ?—Чѣмъ же еще болѣе оно можетъ заслужить уваженіе и довѣріе къ себѣ?

Еще могутъ возразить:

Во 2-хъ, что такими вызовами на конкурсъ—дѣло пойдетъ медленнѣе и что по многимъ весьма важнымъ, а тѣмъ болѣе и не-

Библиотека "Руниверс"

отлагательнымъ мѣрамъ, правительство будетъ завалено бездною проектовъ недѣльныхъ, разсматриваніе которыхъ отниметъ у его дѣльцовъ время полезнѣйшихъ занятій.

Опровергать это возраженіе—считаю достаточнымъ только мудростью русскихъ пословицъ, изъ которыхъ двѣ повторю: «тише ѣдешь—дальше будешь»—«три раза примѣрь, да разъ отрѣжь», а третью приведу въ подкрѣпленіе этихъ двухъ: «скоро — да не споро!»

Что же касается потери времени дѣльцами, то благой результатъ, который можетъ послѣдовать отъ разсмотрѣнія съ не дѣльными и проектовъ дѣльныхъ, докажетъ, что оно не было. А при томъ по большей части предметовъ на гласное состязаніе проектовъ явится едва ли очень много,—хотя чѣмъ больше, тѣмъ лучше!

Наконецъ 3-е, и главнѣйшее, возраженіе: могутъ замѣтить, что вызовами на конкурсъ введется яко-бы новый элементъ въ правительственныя занятія, а именно: общественное мнѣніе, выражающееся въ видѣ проектовъ, мнѣніе, которому до сихъ поръ не признавалось полезнымъ давать право высказываться гласно, а еще менѣе обращаясь къ правительству съ совѣтомъ или указаніями.

На это возражу: идя отъ того начала, что «въ устройствѣ Россіи должна помогать царю вся Россія», я не вижу бѣды, ежели настоящія громадныя работы исполняться будутъ съ участіемъ и общественнаго мнѣнія, т. е. общественнаго усердія, которое, конечно, преимущественно, а можетъ быть и единственно, способно выразить дѣйствительныя потребности государства и указать на ближайшія точно практическія средства къ удовлетворенію ихъ.

Кто же не знаетъ, что всегда и всѣ мѣры правительства сталкиваются непремѣнно съ общественнымъ мнѣніемъ; но до сего времени онѣ сталкивались обыкновенно поздно, когда уже этому мнѣнію, какъ я сказалъ выше, чуткому и всегда на сторожѣ, но не вызываемому, не выслушиваемому сначала, предварительно,—остается только тайкомъ и злобно выразить свое осужденіе и такимъ образомъ умышленно или неумышленно, подрывать въ массѣ кредитъ къ правительственнымъ распоряженіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, былъ ли хоть одинъ законъ, было ли хоть одно государственное переустройство, которые бы, составленные въ министерствахъ кабинетно, не подвергались при исполненіи строгому разбору общественнаго мнѣнія? По всей вѣроятности, каждый нумеръ «Сенатскихъ Вѣдомостей», принося съ собою новое постановленіе, или новое положеніе, сопровождается внутри имперіи письменными, но болѣе словесными обсужденіями, и конечно по большей части не снисходительными, потому что «незванными и непрошенными»,

Библиотека "Руниверс"

тѣмъ не менѣе, однако, можетъ быть иногда и очень дѣльными, но уже безполезными потому собственно, что опоздалыми [1]).

Одобрительныя мнѣнія и разсужденія о правительственныхъ мѣрахъ едва-ли составляются, по весьма естественной причинѣ, что они правительству не нужны, а обществу—не занимательны. Мыслительная дѣятельность внутри Россіи пробуждается сильно тогда, когда есть что̀ покритиковать, есть надъ чѣмъ позлобиться. А это все она находитъ въ томъ, въ чемъ не было ея участія, въ чемъ съ нею не совѣтовались.

Спрашивается: въ самомъ дѣлѣ, какое было бы зло, какая бѣда, если бы у насъ каждый министръ, предпринимая важное дѣло какого нибудь *кореннаго переустройства* (а такихъ дѣлъ въ настоящее время можетъ быть очень много), по тѣмъ собственно вопросамъ, *разрѣшеніе* коихъ связывается съ общественными интересами и слѣдовательно, противное общимъ потребностямъ и ожиданіямъ, должно возбудить невыгодное и можетъ быть враждебное о принятыхъ правительствомъ мѣрахъ *общее* мнѣніе,—какое то зло, какая бѣда, говорю, ежели вызовомъ этого мнѣнія: высказаться добросовѣстно, серьезно и дѣльно на конкурсъ,—министръ, предварительно начертанія закона, познакомится съ дѣйствительною *практическою* стороною дѣла и вслѣдствіе этого знакомства, новыми мѣрами своими, постарается удовлетворить, по возможности, только истинныя потребности, только дѣльныя ожиданія?.. Какая бѣда?..

Въ пьесѣ Бенедиктова, на которую я и выше сослался, очень основательно совѣтуется:

«Истинѣ священной путь стели открытый!»
«Выслушай порою съ благостію кроткой
«Искреннее слово мужика съ бородкой,
«Пусть, Отецъ нашъ,—тѣми, кто къ Тебѣ приближенъ
«Не глушится голосъ—что идетъ изъ хижинъ!»

Въ самомъ дѣлѣ, какъ знать: сколько есть внутри Россіи, гдѣ нибудь въ захолустьи, умовъ здравыхъ, готовыхъ отозваться искренно и честно на всякій вызовъ правительства, но которые молчатъ потому, что ихъ не спрашиваютъ, или (что̀ еще хуже) говорятъ только тогда, когда уже поздно было бы ихъ и спрашивать, и въ этихъ случаяхъ

---

[1]) Недавно самъ пославъ отсюда мнѣніе мое къ князю А. С. Меншикову насчетъ закона о пріобрѣтеніи правъ потомственнаго дворянства, я долженъ былъ, отбросивъ всякое самолюбіе, признать его во всякомъ случаѣ безполезнымъ, потому что съ береговъ Арны оно уже не своевременно! Нѣтъ сомнѣнія, что объ этомъ законѣ, по распубликованіи его въ газетахъ составились внутри Россіи разные взгляды.

Библиотека "Руниверс"

по свойственной людямъ привычкѣ къ осужденіямъ, говорятъ обыкновенно злобно.

Этимъ-то злобнымъ говоромъ и выражается у насъ до сего времени о бо́льшей части предметовъ—общественное мнѣніе, не вызываемое, не принимаемое, даже воспрещаемое,—можетъ ли оно выражаться иначе? Вотъ почему, при такомъ характерѣ и зная условія своего положенія, оно рѣдко воздерживается, чтобы тайкомъ не попорочить «все и вся», самыхъ даже безукоризненныхъ мѣръ правительства?

Предлагаемою же конкурсною системою эта вредная черта общественнаго мнѣнія, кажется, сама собою уничтожится. Призывая его предварительно высказаться чрезъ людей опытныхъ и способныхъ быть его выраженіемъ,—правительство естественно устранитъ всѣ послѣдующія невыгодныя объ его мѣрахъ разсужденія. Конечно, на всѣхъ угодить нельзя!—По крайней мѣрѣ для бо́льшей части не будетъ основательнаго повода. Иначе участникъ сталъ бы недобросовѣстно осуждать свое участіе.

А участіе это, неоспоримо, полезно тѣмъ, что въ массѣ мнѣній, вызванныхъ правительствомъ на вышеизложенномъ основаніи и съ готовностію послѣдовать наиболѣе цѣли отвѣчающему,—непремѣнно обнаружится взглядъ, который выразитъ дѣйствительныя потребности и ближайшіе практическіе способы удовлетворить ихъ. А это-то и важно при составленіи всякаго законоположенія. Ибо законъ тогда только дѣйствителенъ, проченъ и полезенъ, когда онъ не сочиненіе чье-нибудь, а выработанный законодателемъ результатъ, современныхъ, общихъ или мѣстныхъ, требованій. Люди же, удаленные отъ осязанія этихъ требованій, не легко, несмотря на свою теоретическую и служебную опытность, подойдутъ къ нимъ безошибочно закономъ. Содѣйствіе чисто практическихъ голосовъ, откуда и чьи бы они ни были, необходимо, а уже во всякомъ случаѣ не безполезно!

Изложенная здѣсь конкурсная система представляется мнѣ простѣйшимъ для этого путемъ.

Въ заключеніе представлю общій очеркъ выгодъ и пользы этой системы:

во 1-хъ, она дастъ возможность всей Россіи помогать Царю устроивать Россію;

во 2-хъ, ею можетъ утвердиться и у насъ истина, провозглашенная для Англіи «that the public business of England is the private business of every Englishman. И въ 60-милліонной семьѣ нашей убѣдятся, что для блага и устройства отечества нужно, чтобы общественное дѣло всей Россіи было частнымъ, безкорыстнымъ дѣломъ каждаго Россіянина;

въ 3-хъ, обстоятельнѣе, прочнѣе, хотя, можетъ быть, и медленнѣе, но

Библиотека "Руниверс"

зато и не требуя безпрестанныхъ измѣненій (что только дѣлаетъ законъ шаткимъ и разрушаетъ довѣріе къ законодателю) будутъ совершаться у насъ всѣ благія и обѣщанныя переустройства;

въ 4-хъ, уничтожится въ большей части случаевъ поводъ къ злобному и вредному говору о б щ е с т в е н н а г о м н ѣ н і я, которое ужъ не колебать, а поддерживать будутъ всѣ, этимъ путемъ исполненныя, правительствомъ, мѣры;

и наконецъ въ 5-хъ, обнаружатся изъ массы полезныя, но не знаемыя и доселѣ съ трудомъ находимыя правительствомъ способности по каждой части; явятся свѣжія практическія головы, выползутъ изъ своихъ норъ нужные къ труду работники, закипитъ стройно, усердно и обдуманно общая въ Россіи дѣятельность; сильно двинется впередъ родное дѣло и увидѣвъ, какъ рабочихъ много, какъ пламенно и дѣльно, какъ безкорыстно всѣ трудятся къ устройству корабля,—никто не Царь и ни его министры.

«И не скажутъ люди, что у насъ безлюдье!»

(Бенедиктовъ).

Но довольно!.

Dixi et salvavi animam meam.

25.

А. Д. Комовскій—вел. кн. Константину Николаевичу.

Флоренція 22-го января (3-го февраля) 1857 г. вторникъ. Lungo l'Arno, ponte Trinita.

Судьбы Всевышняго неисповѣдимы! Святому Промыслу Его угодно было, чтобы за границею я встрѣтилъ существо, которому конечно, также свыше опредѣлено было порѣшить вопросъ жизни моей, какъ семьянина.

Дозвольте мнѣ изложить вашему высочеству исторію этой встрѣчи.—Разными путями, но въ одинъ день и въ одно число, т. е. 20 мая, выѣхали мы изъ Петербурга. Не знакомые и нигдѣ дотолѣ не встрѣчаясь, съ разныхъ концовъ съѣхались мы въ Дрезденѣ, и тутъ я впервые увидѣлъ свою суженую. Старинной дворянской фамиліи изъ Малороссіи, дѣвица Анна Кулябко, которой отецъ былъ нѣкогда предводителемъ дворянства въ Полтавѣ и давно уже умеръ, а мать, урожденная Шеншина (двоюродная сестра флигель-адъютанта), вышла вторично замужъ, имѣя отъ перваго брака только одну дочь,—ѣхала по совѣту врачей въ Киссингенъ, куда и мнѣ предстояла дорога. Съ нею сестра отъ втораго

Библиотека "Руниверс"

брака ея матери. Въ Киссингенѣ, остановясь также случайно въ одномъ домѣ, мы еще болѣе познакомились, и въ теченіе четырехъ недѣль я имѣлъ уже случай оцѣнить христіанскія ея качества и прекрасное нравственное воспитаніе. Она вышла, лѣтъ 10 тому, изъ Екатерининскаго института, гдѣ отличалась особенно пѣніемъ.

Поѣздка моя на воды въ Діепцъ разлучила насъ на нѣсколько недѣль. Потомъ путешественно соединясь во Франкфуртѣ и Женевѣ, мы безъ особеннаго уговора, какъ-бы по внушенію предопредѣленнаго уже намъ, поѣхали на зиму во Флоренцію. Здѣсь три мѣсяца каждодневныхъ и безпристрастныхъ наблюденій надъ нею и надъ собою убѣдили меня, что союзъ нашъ предуказанъ свыше, что лучшаго и болѣе прочнаго для семейной жизни я ничего желать не долженъ.

17-го (29-го) янв. с. г., призвавъ мысленно благословеніе Божіе и благословеніе родителей моихъ я сдѣлалъ ей предложеніе принять скромную долю жизни со мною. Она согласилась. Зимовавшая здѣсь жена посланника нашего въ Греціи д. с. с. Озерова (урожд. Пашкова), оцѣнившая и полюбившая искренно мою суженую, 19-го числа с. м. благословила насъ, какъ жениха и невѣсту.

Ваше императорское высочество! Не-скрою отъ васъ, что мнѣ, счастливому совершенно въ настоящее время, тяжело только думать о предстоящихъ трудностяхъ устроить себя семейно, не имѣя для этого никакихъ средствъ и безъ достаточнаго служебнаго обезпеченія. Все упованіе мое на неисчерпаемое милосердіе Божіе и неоставленіе благодѣтельствующихъ мнѣ.

Повергаю себя благословенію вашего высочества и въ надеждѣ, что вы изволите исходатайствовать мнѣ разрѣшеніе государя императора на вступленіе въ первый законный бракъ; я думаю обвѣнчаться тихо, скромно, безъ лишнихъ расходовъ—за границею. Признаюсь, долгое пребываніе въ качествѣ жениха—по многимъ отношеніямъ тяжело! А потому, ежели бы ваше высочество признали возможнымъ удостоить меня теперь же начальническимъ вашимъ разрѣшеніемъ, по состоянію моему въ морскомъ вѣдомствѣ, то я постарался бы сократить время жениховскаго моего положенія и не замедлилъ бы до поста еще исполнить обрядъ бракосочетанія, такъ чтобы до поѣздки въ маѣ мѣсяцѣ въ Киссингенъ (если и на это послѣдуетъ испрашиваемое мною разрѣшеніе) дѣлать уже за границею вмѣстѣ с ъ ж е н о ю необходимыя закупки для скромнаго нашего устройства потомъ въ Россіи.

Смѣю надѣяться, что въ милостивыхъ предписаніяхъ вашихъ разрѣшатся всѣ вопросы столь близкаго моему сердцу дѣла.

Ваше высочество, благословите!

Съ чувствами глубочайшаго уваженія и искреннѣйшей преданности имѣю честь быть и проч.

Библиотека "Руниверс"

26.

Вел. князь Константинъ Николаевичъ—А. Д. Комовскому.

9-го (21-го) февраля 1857 года. Штутгартъ.

Письмо ваше отъ 21-го января я получилъ вчера въ Карлсруэ и съ искреннимъ сочувствіемъ прочелъ похвальныя чувства, выраженныя въ доставленной вами выпискѣ изъ вашего дневника. Располагая прибыть въ Ниццу 17-го (29-го) числа и пробыть съ императрицей въ Ниццѣ или Римѣ весь нашъ постъ и первый день Пасхи, я съ удовольствіемъ встрѣтился бы съ вами тамъ, но прошу не предпринимать переѣздовъ, сопряженныхъ для васъ съ разстройствомъ или издержками. Желаю душевно, чтобъ здоровье ваше поправилось. Дабы доставить вамъ полную возможность лечиться, я поручаю нынѣ управляющему морскимъ министерствомъ доложить государю императору ходатайство мое о продолженіи вамъ заграничнаго отпуска еще на годъ со времени истеченія нынѣшняго вашего отпуска и съ сохраненіемъ вамъ содержанія и увѣдомить васъ о томъ во Флоренцію.

27.

А. Д. Комовскій—вел. князю Константину Николаевичу.

16-го (28-го) февраля 1857 года, суббота. Пиза.

Богъ благословилъ меня—исполнить вчера, въ церкви Сан-Донато, великое таинство бракосочетанія. Съ чистою молитвою о счастіи для семейнаго теперь моего быта, я, конечно, соединилъ самыя теплыя и о благоденствіи вашего высочества, моего благодѣтеля, столь милостиво поспѣшившаго удостоить меня изъ Женевы, по телеграфу отъ 12-го (24-го) числа, разрѣшеніемъ обвѣнчаться. Оставалась до поста одна только пятница 15-го (27-го) числа, и я воспользовался ею.

Грядущее, конечно, только Единому Создателю міра извѣстно! На Него и все упованіе мое! Но ежели кротость, благочестіе и благое воспитаніе, съ глубокою и небезсознательною, взаимною привязанностію, могутъ давать человѣку хотя самое малое право съ нѣкоторою увѣренностію надѣяться на счастье, то мнѣ кажется, что при безпристрастной оцѣнкѣ судьбою посланной мнѣ спутницы въ жизни—право это мнѣ дозволено! Не въ богатствѣ или даже достаткахъ, которыхъ ни у меня, ни у жены моей рѣшительно нѣтъ, не въ блестящей суетной сторонѣ жизни

Библиотека "Руниверс"

желаю найти я мое благо—какъ христіанинъ, семьянинъ и гражданинъ,—нѣтъ, а въ святомъ, чистомъ, скромномъ и съ покорностью волѣ Божіей исполненіи долга, по этимъ тремъ условіямъ для положенія нашего въ свѣтѣ. Вотъ желаніе, цѣль и стремленіе насъ обоихъ.

Наканунѣ моей свадьбы, полученныя мною милостивыя строки вашего императорскаго высочества отъ 9-го (21-го) февраля изъ Штутгардта преисполнили меня такою благодарностью, что я и не смѣю предпринять выразить ее вамъ достаточно словами. Въ чувствахъ же моихъ—утѣшаюсь мыслію—ваше высочество не сомнѣваетесь.

Сюда, въ Пизу, мы пріѣхали, чтобы скромность и тишину нашей свадьбы продолжить на нѣсколько первыхъ дней безсуетнымъ пребываніемъ здѣсь вдвоемъ уединенно. Потомъ снова во Флоренцію, гдѣ и буду ожидать предвозвѣщенныхъ мнѣ вашимъ высочествомъ отъ ген.-адъют. барона Врангеля сообщеній.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ и искреннѣйшею и неизмѣнною преданностію имѣю честь быть.

28.

Вел. князь Константинъ Николаевичъ—А. Д. Комовскому.

18-го февраля (1-го марта) 1857 года. Ницца.

Узнавъ отъ А. П. Озерова, что мое разрѣшеніе на женитьбу пришло къ вамъ во-время и что вы успѣли обвѣнчаться, мнѣ пріятно поздравить васъ и пожелать отъ души вамъ и супругѣ вашей полнаго счастія.

29.

А. В. Головнинъ—А. Д. Комовскому.

18-го февраля (1-го марта) 1857 г. Ницца.

Поздравляю васъ отъ всей души, почтеннѣйшій Александръ Дмитріевичъ, съ вашимъ счастіемъ и могу засвидѣтельствовать, что вел. князь принимаетъ въ васъ самое живое участіе. Вчера только мы пріѣхали сюда и еще не совсѣмъ устроились. Поэтому я еще не видалъ Чачкова. Еще не рѣшено, долго ли останемся здѣсь и поѣдемъ ли въ Римъ. Зная, что теперь вамъ не до писемъ, спѣшу кончить, прося отрекомендовать меня вашей супругѣ. Искренно преданный Головнинъ.

Библиотека "Руниверс"

Если найдете минуту свободную, увѣдомьте, пожалуйста, обстоятельно, какія непріятности имѣли морскіе офицеры наши съ Демидовымъ, и кто тутъ виноватъ. Вел. князю весьма бы хотѣлось узнать правду.

30.

А. Д. Комовскій—А. В. Головнину.

22-го февраля (5 марта) 1857 г., пятница. Флоренція.

Сейчасъ (и именно въ тотъ часъ, когда недѣля тому меня здѣсь вѣнчали) я получилъ и милостивыя посланія его императорскаго высочества и ваше дружеское поздравленіе, любезнѣйшій Александръ Васильевичъ, отъ 18-го февраля (1-го марта) изъ Ниццы. Въ это же число я послалъ изъ Пизы къ его высочеству письмо, которое, конечно, сегодня же дошло по назначенію. Не смѣя безпрестанно утруждать великаго князя моими граматками, я прошу васъ: потрудитесь доложить его высочеству, что высокое вниманіе, оказанное мнѣ въ настоящихъ моихъ обстоятельствахъ, не могло уже прибавить что-либо къ чувствамъ моей благодарности, которая за все прежнее уже безпредѣльна; оно прибавило только къ моимъ постояннымъ молитвамъ за великаго князя чистую молитву моей жены, давно исполненной вѣры, что его высочество—единственный нашъ теперь ходатай и благодѣтель! Все грядущее—не мое, а наше—въ рукахъ его высочества! Мы ждемъ и надѣемся!..

Спасибо искренное и вамъ, любезнѣйшій Александръ Васильевичъ, за привѣтъ!

Женѣ моей (не правда ли, какъ странно слышать отъ меня это слово?). женѣ моей я отрапортовалъ вашъ поклонъ. Говорю не въ чаду, а совершенно безпристрастно: чудное, славное, благочестивое, умное, кроткое, мило образованное созданіе послано мнѣ судьбою. Музыку любитъ до страсти и утѣшаетъ меня великолѣпнымъ своимъ пѣніемъ.

Озеровъ уѣхалъ отсюда въ въ совершенномъ восторгѣ отъ симпатическихъ качествъ моей половины, съ которою онъ, собственно, только теперь ближе познакомился. Прекрасные люди—оба: и мужъ, и жена. Озеровы пригласили насъ на зиму въ Аѳины, чтобы ѣхать вмѣстѣ въ Іерусалимъ. Можете себѣ вообразить, какъ все это воспламенило наши мечты! Но «стопъ машина!»—къ чему заранѣе увлекаться?—Qui vivra—verra!—Хотя многія здѣсь сердобольныя дамы и жалѣли мою Annette, что она выходитъ за старика 56 лѣтъ (?), старикъ этотъ, однако, тряхнулъ стариной и въ Пизѣ, гдѣ мы уединенно провели пять сутокъ, по требованію м о л о д о й, сочинилъ ей, сидя передъ каминомъ и куря сигару, слѣдующія вирши:

Библиотека "Руниверс"

Женѣ моей Нинѣ на 4-й день нашего брака:

Мы въ пизанскую долину
Поспѣшили, другъ, съ тобой,
Чтобъ семейную картину
Здѣсь начать—какъ долгъ святой!
Тихо, скромно насъ вѣнчали!..
Тихо, скромно будемъ жить!..
Жизнь какъ Божій даръ любить;
И все: радость и печали,
Сердцемъ и душой дѣлить!
Тогда будетъ святъ и проченъ,
Нашъ союзъ любви съ тобой!
Будетъ онъ и непороченъ,
Словомъ, дѣломъ и мечтой!

Озеровъ совѣтовалъ только моей женѣ вырвать у меня хоть на первое время перо изъ рукъ, чтобы я не такъ много писалъ! Онъ знаетъ за мной эту страстишку!.. Но это все пустяки. Обращаюсь къ дѣлу.

Въ ссорахъ Демидова съ нашими моряками—трудно добраться до истины, чтобы безпристрастно произнесть приговоръ. Отъ Демидова я ничего не слыхалъ, потому что съ нимъ незнакомъ и никакого дѣла не имѣлъ, кромѣ просьбы по телеграфу, чтобы разрѣшилъ въ церкви его обвѣнчаться. Моряки мнѣ жаловались на мецената сан-донатовскаго, но я, признаться сказать, люблю выслушать обѣ стороны, чтобы признать которую либо правою. Во всякомъ случаѣ, есть множество обстоятельствъ, которыя какъ будто заставляютъ думать, что разсудокъ взбалмашнаго баховня судьбы не въ нормальномъ положеніи.—Его странныя выходки съ священникомъ, котораго онъ заставлялъ служить въ неосвященной, какъ по православному обряду слѣдуетъ, церкви; его обхожденіе съ нимъ, предосудительное, по моему, вообще, въ католической землѣ въ особенности, наконецъ, запрещеніе по телеграфу служить обѣдню въ первое воскресенье передъ постомъ, что заставило священника пріостановиться, а всѣхъ русскихъ—съ досадою и бранью разъѣхаться по домамъ,—все это, говоря, вмѣстѣ взятое не дѣлаетъ меня поклонникомъ нашего полу-русскаго креза, хотя я полагаю также, что многое разсказываемое должно быть непремѣнно процѣживаемо сквозь самое мелкое сито.

Вотъ все, что́ я могу сказать о той и о другой сторонѣ. Но которая изъ нихъ виновата—не знаю, да едва-ли разспросами до правды доберешься!

Скажите же мнѣ, carissime Александръ Васильевичъ, будетъ ли мнѣ прислано письменное разрѣшеніе? Священникъ въ страхѣ, что митрополитъ, которому я телеграфировалъ въ среду 13-го февраля, проси

Библиотека "Руниверс"

благословить бракъ въ пятницу на масляной,—до сихъ поръ ничего не отвѣчалъ.

Жду также разрѣшенія вопросовъ по финансовой моей части. Оставленное мнѣ содержаніе 2.300 р. с., изъ которыхъ 800 р. с. остается въ Петербургѣ за квартиру мою и сестрѣ, заставитъ меня по необходимости прибѣгнуть къ займу.

Однако пора кончить. Жена ждетъ, чтобы идти гулять. Господь да хранитъ васъ своею милостію!

31.

А. Д. Комовскій—великому князю Константину Николаевичу.

14-го (26-го) іюля 1857 года, воскресенье. Киссингенъ.

Въ Киссингенѣ, гдѣ я уже доканчиваю свое леченіе и гдѣ лично для меня, многія обстоятельства служили поводомъ къ размышленіямъ, осмѣлился бы сказать, не совсѣмъ утѣшительнымъ, если бы не страшился выразить этимъ, можетъ быть и грѣшное, заблужденіе. Въ Киссингенѣ, какъ вездѣ и всегда, досугъ моего тихаго, внутренняго, семейнаго счастія я посвящалъ думамъ о дѣлѣ родной стороны, дорогаго всѣмъ намъ отечества.

На чужбинѣ свѣдѣнія о Россіи доходятъ по бо́льшей части безъ подробностей, въ общихъ только видахъ, иногда просто какъ «слухи»—а потому и разсужденія о слышанномъ принимаютъ невольно тотъ же размѣръ, «въ общихъ только чертахъ». По обстоятельствамъ моимъ, не имѣя никакого непосредственнаго участія въ настоящемъ дѣлѣ переработки разныхъ учрежденій, я только слышу о многихъ проектахъ и размышляю о нихъ—для удовлетворенія собственнаго чувства любви къ родинѣ и изъ желанія ей добра и блага, а потомъ нѣкоторыя мысли мои, какъ отчетъ самому себѣ, вношу въ обычный свой дневникъ.

Дозвольте мнѣ представить при семъ на благоусмотрѣніе вашего императорскаго высочества небольшую выписку изъ этого дневника, въ которой изложены соображенія мои «о существующей связи и необходимости нѣкотораго уровня при развитіи настоящей дѣятельности министерствъ: просвѣщенія, внутреннихъ дѣлъ и юстиціи».

Благосклонно милостивый отзывъ вашего высочества на первую подобную же выписку, ободряя мои труженическія, умственныя занятія, даетъ мнѣ смѣлость утрудить васъ статейкою, выработавшеюся у меня

Библиотека "Руниверс"

здѣсь, въ Киссингенѣ. Въ ней, также какъ и въ первой,—посильное разумѣніе мое соединено съ откровенностью изложенія,—всегда удостоиваемыя драгоцѣннаго вниманія вашего императорскаго высочества.

Достаточно исправленный цѣлительнымъ Ragozzi, ѣду отсюда дотимбировываться въ Вильдбадъ. Нервы мои требуютъ укрѣпленія.

Если Богъ благословитъ меня совершеннымъ возстановленіемъ здоровья, долженъ ли вашему высочеству говорить, кому буду обязанъ за великодушно исходатайствованныя мнѣ средства?.. Сердцевидѣцъ знаетъ мои молитвы!..

Повергая себя снова благодатному вниманію вашего высочества, съ чувствами глубочайшаго уваженія и безпредѣльной преданности имѣю честь быть и проч.

Выписка изъ дневника статсъ-секретаря Комовскаго.

6-го (18-го) іюля 1857 года, суббота. Киссингенъ.

«La Russie ne boude pas; elle se recueille!»—сказалъ въ одной изъ первыхъ своихъ нотъ нынѣшній глава нашей политики, съ которымъ я разсуждалъ здѣсь о многомъ, соглашаясь не во всемъ. Это широкое выраженіе надѣлало столько же шума въ Европѣ, сколько успокоило и возбудило внутри имперіи надежды и ожиданія, возбужденныя еще болѣе словами всемилостивѣйшаго манифеста, послѣ которыхъ началась новая дѣятельность, съ первыхъ же шаговъ обнаруживая сильное и искренное стремленіе правительства къ переустройству многихъ частей какъ по указанію опыта, такъ и по требованію современныхъ понятій и положенія имперіи!

Казалось, что заботы объ упроченіи внѣшняго значенія Россіи какъ бы уступили на время мѣсто заботамъ о благоустройствѣ внутренней ея силы, внутренняго ея порядка,—хотя, правду сказать, в н ѣ ш н я я жизнь государства нерѣдко ничего общаго съ внутренней не имѣетъ, кромѣ развѣ непрочнаго мѣрила для своихъ политическихъ вѣсовъ. Но и въ нихъ шаткость зависитъ отъ многихъ случайностей,—такъ что политическое значеніе страны н е в с е г д а точно выражаетъ крѣпость, силу и порядокъ в н у т р е н н е й ея жизни. Вспомнимъ только недавно минувшее и сравнимъ съ настоящимъ!..

Какъ бы то ни было, внутреннее переустройство нашего отечества озабочиваетъ теперь каждаго, въ комъ истинно русскіе умъ, душа и сердце. Во всѣхъ углахъ пространной Россіи, вѣроятно, только и разсуждаютъ что о реформахъ, преобразованіяхъ, которыхъ ждутъ и

Библиотека "Руниверс"

ждутъ, конечно, по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія. Безъ сомнѣнія, повсюду ходятъ слухи, что ни одно министерство не останется нетронутымъ! Для всѣхъ ихъ въ мозгѣ существуютъ уже разные проекты! Не будетъ недостатка и въ предложеніи десятка новыхъ!..

Но пока ничего нѣтъ положительнаго и окончательно предпринятаго,—принесу и я посильную лепту своего разумѣнія. Можетъ быть и мой взглядъ кое на что, хотя и въ общихъ видахъ, по необходимости изложенный, будетъ не безплоденъ и какъ зерно, брошенное на плодовитую почву, дастъ современемъ ростки!

Убѣжденный, что государственное устройство вообще тогда только представляетъ собою одно твердое и прочное цѣлое, когда въ организаціи его частей есть взаимная связь, а въ дѣйствіяхъ ихъ обнаруживается явное стремленіе достигнуть какъ отдѣльной для каждой, такъ и общей для всѣхъ цѣли,—я естественно прихожу къ тому заключенію, что только спеціальныя управленія, какъ, напримѣръ: внѣшнею политикою, военною и морскою силами, путями сообщеній, даже финансами и т. п., могутъ существовать безъ видимой и непремѣнной между собою связи,—не требуя безусловно уровня по развитію своей дѣятельности. Но учрежденія, которыхъ предметы находятся въ прямомъ и непосредственномъ отношеніи къ быту всей націи, затрогивая всѣ ея жизненные интересы,—какъ напримѣръ: министерство просвѣщенія—заботящееся о повсемѣстномъ народномъ образованіи въ государствѣ; министерство внутреннихъ дѣлъ—обязанное пещись, чтобы благоустройство всѣхъ сословій и состояній народа согласовалось съ мѣрою его образованности, просвѣщенія, являя собою результатъ развитыхъ понятій и выраженныхъ улучшенными нравами потребностей, и наконецъ министерство юстиціи, которое должно не сочинять, а по соображеніи всего вышесказаннаго составлять законы, вырабатывать по духу времени порядокъ судопроизводства, такъ чтобы первые, т. е. законы, были для всѣхъ и каждаго понятны и дѣйствительны, а послѣдній, т. е. порядокъ судопроизводства, не противорѣчилъ народнымъ нравамъ, обычаямъ, разумѣнію и въ практикѣ было бы удобно и полезно примѣнимъ къ дѣлу,—эти три учрежденія, думаю я, при настоящемъ или предстоящемъ развитіи своей дѣятельности по требованіямъ уже современныхъ понятій, идти независимо одно отъ другаго безъ уровня ихъ направленія не могутъ, не должны! Опережая одно другое, или развиваясь одно болѣе другаго, они либо не дадутъ никакихъ прочныхъ результатовъ, оставаясь превосходнымъ теоретическимъ сочиненіемъ на бумагѣ, либо нарушеніемъ той необходимой для нихъ взаимной соразмѣрности, повредятъ общему

Библиотека "Руниверс"

дѣлу спокойнаго и правильнаго движенія всего впередъ, въ чемъ собственно, по моему мнѣнію, и состоятъ истинные успѣхи цивилизаціи государства.

Не подлежитъ, кажется, никакому сомнѣнію, что устройство быта народнаго по сословіямъ и состояніямъ обусловливается мѣрою его образованности, т. е. указаніями развитыхъ въ массахъ понятій, нравами и обычаями! Это же самое должно служить основою и для начертанія законоположеній, которыми обезпечивается гражданская жизнь каждаго отдѣльно и всѣхъ вмѣстѣ, опредѣляя многоразличныя общественныя и взаимныя отношенія въ народномъ быту. Слѣдовательно связь между предметами заботливости министерствъ: просвѣщенія, внутреннихъ дѣлъ и юстиціи нравственно существуетъ, а необходимость проявлять ее въ общемъ и уравнительномъ направленіи дѣятельности сихъ трехъ министерствъ постараюсь выставить рельефно въ нижеслѣдующихъ разсужденіяхъ:

Обращаясь прежде всего къ народной образованности, какъ къ источнику, какъ ключу всѣхъ вообще государственныхъ развитій.

Умное, осторожное развитіе образованности въ такой имперіи, какъ Россія, дѣло капитальной важности! Идти рука-объ-руку съ естественнымъ потокомъ идей и потребностью въ нихъ, не ставя ему ненужныхъ и насильныхъ преградъ, но также и отнюдь не давая ему излишнихъ рукавовъ и притоковъ,—должно быть постояннымъ предметомъ наблюдательной и просвѣщенной бдительности предусмотрительнаго современнаго министра.

Образованіе народа—религіозное, нравственное и умственное—ведетъ непосредственно къ дальнѣйшей цивилизаціи его, подъ которою въ общемъ смыслѣ я разумѣю: стройное и уравнительное развитіе государства и народа во всѣхъ отношеніяхъ.

Усиленныя мѣры, безъ соблюденія той постепенности, которая, конечно, не легко съ точностью опредѣлима, но тѣмъ не менѣе должна быть,—усиленныя и рѣзкія мѣры, говорю, для распространенія вдругъ умственнаго образованія въ массахъ всѣхъ слоевъ общества, могутъ быть такъ же вредны, какъ (приведу здѣсь давно извѣстное сравненіе) вредно поднятіе вдругъ шлюзовъ, сдерживающихъ напоръ воды. Потокъ хлынетъ со всею силою, бурно и въ безпорядкѣ понесетъ съ собою многое, изломанное его порывомъ.—Сдержать этотъ побѣгъ будетъ уже поздно, а можетъ статься и невозможно!..

Да не потребуютъ отъ меня теперь же указанія: какія постепенныя мѣры должны быть приняты для прочнаго и полезнаго развитія образованности въ массахъ народа? Эти мѣры выскажутся сами тому, что близко поставленъ къ дѣлу управленія народнымъ просвѣщеніемъ и не

Библиотека "Руниверс"

лашенъ, такъ сказать, чутья къ современнымъ потребностямъ, наблюдая, слѣдя ихъ, прислушиваясь къ нимъ каждодневно!

Засимъ перейду ко взгляду на предметы занятій министерства внутреннихъ дѣлъ:

«Народное благоустройство по сословіямъ, состояніямъ и мѣстностямъ»—вотъ широкое, многообъятное опредѣленіе обязанностей этого министерства! Не легко быть на уровнѣ съ настоящими потребностями современныхъ понятій!.. Но повторю здѣсь уже однажды сказанное мною въ этомъ же дневникѣ: вызовомъ искреннихъ голосовъ со всѣхъ концовъ Россіи,—взглядъ на дѣйствительныя нужды ея и ближайшія, простѣйшія и точно практическія средства удовлетворить ихъ—значительно бы уяснился! — Преобразованія по управленію губерніями и въ губерніяхъ такой обширной и разнообразной имперіи—какъ наша Русь,—должны быть глубоко обдуманы и всѣ основаны на практическихъ, мѣстныхъ указаніяхъ. Тутъ канцелярскія, или кабинетныя сочиненія менѣе всего въ состояніи принести пользу. А безпрестанныя пробы то тѣхъ, то другихъ мѣръ—только вредны.

Положеніе крестьянъ и крѣпостное право въ Россіи—вопросъ громадной сложности! Сотни увлекательныхъ проектовъ могутъ быть представлены для разрѣшенія его. Но гдѣ увлеченія — тамъ и ошибки... Въ этомъ вопросѣ важную роль играетъ современное наше народное образованіе, независимо отъ порядка вещей, укоренившагося вѣками... А потому разрѣшеніе его, непремѣнно должно быть соображено съ потребностями, истекающими изъ степени, на которой это образованіе находится. Уничтоженіе крѣпостнаго права и устройство новаго крестьянскаго быта могутъ и должны быть исполнены не иначе, какъ вслѣдствіе уже развитыхъ объ этомъ въ массахъ понятій. Ежели это развитіе несомнѣнно и, такъ сказать, осязательно вызываетъ правительство на коренное измѣненіе крестьянскаго крѣпостнаго быта, то оно должно осторожно и обдуманно приступить къ мѣрамъ преобразованія какъ этого быта, такъ и помѣщичьихъ правъ.—А ежели, прислушиваясь къ голосу общественнаго мнѣнія, будетъ ясно, что большинство практическихъ взглядовъ и соображеній доказываетъ рановременность подобной реформы, то на правительство ляжетъ только обязанность—не приступая теперь же къ рѣшительному перевороту въ этомъ отношеніи—не менѣе обдуманно и постепенно подготовлять къ тому заинтересованныя въ дѣлѣ этого вопроса массы, развивая въ нихъ, образованностію конечно, понятія о новомъ бытѣ, о новыхъ отношеніяхъ и облегчая къ тому и другимъ переходъ нѣкоторыми предварительными, не рѣзкими мѣрами, такъ чтобы крестьяне и помѣщики въ давнишней своей взаимной связи разобщались естественно, безобидно.

Библиотека "Руниверс"

въ соображеніи того, къ чему именно въ настоящее время слѣдуетъ приступить, и (гдѣ) лежитъ ключъ разрѣшенія сего важнаго и сложнаго вопроса о крѣпостныхъ отношеніяхъ въ Россіи. Иначе, опередивъ мѣрами, самую въ нихъ потребность, потрясутъ только связь извѣстныхъ началъ съ извѣстными отъ нихъ послѣдствіями; нарушатъ союзъ, который необходимъ между государственными мѣрами и вызывающими ихъ государственными же потребностями,—союзъ, отъ котораго безспорно зависитъ спокойный, правильный и безъ внутреннихъ потрясеній переходъ отъ состоянія, укоренившагося столѣтіями, къ состоянію, въ которомъ каждый шагъ будетъ новизною, каждое общественное отношеніе—новымъ вопросомъ.

Ежели не безусловный я защитникъ крѣпостнаго у насъ права, то не могу также, вторя нѣкоторымъ мыслителямъ нашего времени, согласиться, что уничтоженіе его—легко, вполнѣ теперь своевременно и можетъ быть исполнено безъ основательнаго соображенія съ состояніемъ и успѣхами народной нашей образованности. Эта задача—одна изъ важнѣйшихъ въ Россіи. Кого Господь благословитъ успѣшно разрѣшить ее, тотъ смѣло можетъ включить себя въ число избранниковъ святой воли Его!..

Наконецъ перейду къ трудамъ по законодательной части.

З а к о н ы—гражданскіе и уголовные. П о р я д о к ъ судопроизводства по тѣмъ и другимъ давно уже въ служебной практикѣ подвергается за многое порицанію, хотя, конечно, и не безусловно основательному. Однако плодовитость и встрѣчающіяся противорѣчія въ п е р в ы х ъ, сложная запутанность нѣкоторыхъ процедуръ п о с л ѣ д н я г о, не требуютъ ли дѣйствительно новой обработки, новыхъ начертаній?.. Если такъ, то дѣло предстоитъ не маловажное, и безъ соображеній съ потребностями развитой у насъ въ массахъ образованности и степенью благоустройства народнаго быта исполнить его нельзя. По крайней мѣрѣ не должно бы...

При этомъ можетъ представиться вопросъ: не пригодны ли будутъ для современной Россіи законы, порядокъ судопроизводства и судилища, которые существуютъ уже въ другихъ, извѣстныхъ своею цивилизаціею, государствахъ?

На это отвѣчу:

Законы должны истекать изъ потребностей обычаевъ, нравовъ и степени образованности той и м е н н о страны, въ которой предназначаются дѣйствовать. Смысломъ и сущностью своею они служатъ однимъ изъ признаковъ ц и в и л и з а ц і и, выражая мѣру развитія ея! Какъ самая ц и в и л и з а ц і я, подъ которою въ обширнѣйшемъ значеніи я разумѣю: успѣхи вообще всѣхъ отраслей государственной жизни, какъ самая цивилизація, говорю, не можетъ не подвигаться, не идти впередъ, такъ и

Библиотека "Руниверс"

законы—одно изъ выраженій этой жизни, этого движенія впередъ не могутъ, въ продолженіе многихъ сотенъ или десятковъ лѣтъ, безусловно быть неподвижными; измѣненія и усовершенствованія необходимы. Они естественны, какъ слѣдствіе, какъ доказательство, что нѣтъ въ жизни государства того застоя, которымъ упорно по сіе время отличается только Небесная имперія, подъ скипетромъ богдыхана.

Дѣйствія законовъ, прилагаясь къ разнымъ случаямъ народной жизни и общественныхъ отношеній, подчиняются извѣстному порядку, который составляетъ въ государствѣ—судопроизводство. Этотъ порядокъ также подлежитъ измѣненіямъ по требованію цивилизаціи, совершенствуясь по временамъ въ своихъ формахъ, упрощаясь въ практическомъ исполненіи. И то и другое указывается потребностями развитыхъ понятій, условіями быта и благоустройства народнаго, которыя всегда обнаруживаютъ степень образованности его.

Слѣдовательно, какъ законы вообще, такъ и порядокъ судопроизводства, ни цѣликомъ перенесены, ни частями примѣняемы изъ одного государства въ другое не могутъ, какъ не могутъ быть мѣрами (правительства?) перенесены нравы, обычаи и образованность одной страны въ другую.—Допустить можно только извѣстную степень позаимствованій смысла и сущности—по отысканному нравственному сходству двухъ націй. Въ вѣрномъ отысканіи этого и въ удачномъ позаимствованіи сущности законовъ и судопроизводства отъ другихъ, конечно, проявится вся, можно сказать, геніальная прозорливость законодателя.

Легко было бы взять законы Англіи, Франціи, либо Пруссіи и ввести ихъ въ дѣйствіе у насъ. Не трудно изучивъ порядокъ судопроизводства котораго-либо изъ этихъ государствъ, перенесть его, съ приличными измѣненіями названій, къ намъ. Но что-бы изъ этого вышло? Законы могли бы оказаться въ совершенномъ противорѣчіи нашимъ нравамъ, обычаямъ, воспитанію и степени нашей образованности. Порядокъ судопроизводства былъ бы вовсе непригоденъ порядку нашей гражданской жизни и нашихъ гражданскихъ взаимныхъ отношеній.

Поэтому-то обязанность министра-законодателя изучить все свое и у себя, прислушиваясь къ голосамъ о дѣйствительныхъ, практическихъ потребностяхъ Россіи въ этомъ отношеніи. Должно стараться мѣрами своими такъ ловко подойти къ этимъ потребностямъ, чтобы всѣ реформы и новыя начертанія законоположеній никому не показались насильственнымъ привитіемъ къ намъ чего-то чужаго, рѣдко безъ вреда прививающагося, а напротивъ, чтобы въ преобразованіяхъ ясно обнаруживалось практическое удовлетвореніе современныхъ требованій нашей цивилизаціи, для которой старый порядокъ вещей уже не приго-

Библиотека "Руниверс"

день, дѣлая законы безсильными, а судопроизводство—только къ злоупотребленію ведущимъ.

Изложивъ здѣсь, конечно только въ общихъ чертахъ, взглядъ мой на ту естественную связь, которая существуетъ и должна существовать и проявляться между тремя, вышеразобранными государственными управленіями, подкрѣпивъ мои соображенія краткимъ указаніемъ на тѣ точки изъ народной жизни, въ которыхъ они, по предметамъ своей дѣятельности, соприкасаются,—я невольно навожу на вопросы: не полезно ли будетъ слить эти три министерства—въ одно; или полезнѣе—предоставить ихъ высшему надзору одного лица, которое, не касаясь подробностей административныхъ распоряженій, вело бы ихъ уравнительно къ главнѣйшей и общей для всѣхъ ихъ цѣли, т. е. къ усовершенствованію и упроченію народнаго благосостоянія, достигаемаго только путями образованности, устройства быта и законодательствомъ?

Не разрѣшая, съ своей стороны положительно ни котораго изъ этихъ двухъ вопросовъ, въ заключеніе моей, и безъ того уже довольно длинной, статьи скажу: сущность послѣдняго, т. е. сосредоточеніе въ одномъ лицѣ высшаго надзора и общаго направленія, въ Европѣ не безпримѣрно, не токмо надъ тремя, но и надъ всѣми, сколько ни есть въ государствѣ, министерствами! Но я самъ выше сего признался, что чужое не всегда удобопрививаемо, а потому смолкну, предоставляя другимъ обсудить эти вопросы.

Сообщ. княгиня А. А. Голицына—графиня Остерманъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

Еще къ вопросу о началѣ знакомства Гоголя съ Пушкинымъ.

Въ только-что полученной іюньской книгѣ «Русской Старины» я прочелъ направленную противъ замѣтки г. Авенаріуса «О началѣ знакомства Гоголя съ Пушкинымъ и Россетъ» [1]) статейку г. Витберга, основное положеніе и многія частности которой легко опровергаются несомнѣнными данными. Позволю себѣ для разъясненія дѣла указать ихъ.

Отказавшись, повидимому, отъ прежнихъ шаткихъ предположеній, которыми г. Витбергъ въ своей статьѣ «Гоголь въ 1831 году» (помѣщенной въ іюньской книгѣ «Историческаго Вѣстника» за 1892 г.) пытался установить, будто бы первое знакомство Гоголя съ Пушкинымъ произошло въ іюлѣ 1831 года,—онъ выставляетъ теперь иное, но уже безусловно невѣроятное соображеніе о томъ, что знакомство это слѣдуетъ отнести будто уже не только «ко второй половинѣ лѣта 1831 года», но именно ко времени «послѣ 24 іюля» этого года. Между тѣмъ намъ извѣстно достовѣрно, что именно 24 іюля 1831 г. Гоголь писалъ матери изъ Павловска: «Помните ли адресъ? на имя Пушкина, въ Царское Село» (см. соч. и письма Гоголя, томъ V, стр. 118), откуда ясно, что еще въ предыдущемъ, правда не дошедшемъ до насъ, письмѣ, слѣдовательно уже за нѣкоторый промежутокъ до 24 іюля, Гоголь просилъ адресовать ему письма на имя Пушкина. Промежутокъ этотъ слѣдуетъ считать приблизительно отъ 4 до 24 іюля (см. соч. и письма Гоголя т. V, стр. 118 и 133). Слѣдовательно, не только знакомство, но въ извѣстной степени даже сближеніе Гоголя съ Пушкинымъ во всякомъ случаѣ произошло до 24

[1]) См. «Русскую Старину» № 2, февраль.

Библиотека "Руниверс"

іюля, когда Гоголь уже вторично напоминалъ матери этотъ сообщенный ей адресъ. Правда, въ изданіи писемъ Гоголя, на письмѣ отъ 24 іюля ошибочно выставленъ годъ, по предположенію въ скобкахъ, какъ всегда поступалъ покойный Кулишъ въ сомнительныхъ случаяхъ, но, во-первыхъ, есть ясныя доказательства принадлежности этого письма именно къ 1831 году, подробно указанныя мною въ первомъ примѣчаніи къ 329 страницѣ перваго тома моихъ «Матеріаловъ для біографіи Гоголя» [1]), а во-вторыхъ, подвергать сомнѣнію эту дату отнюдь не въ интересахъ г. Витберга, который тогда окончательно долженъ былъ бы отказаться отъ доказываемаго имъ предположенія и отнести знакомство Гоголя съ Пушкинымъ къ еще болѣе раннему времени.

Но даже оставляя въ сторонѣ это, мы снова читаемъ на страницѣ 133 того же V тома сочиненій и писемъ Гоголя, въ письмѣ его къ матери отъ 27 іюля: «Письма адресуйте ко мнѣ на имя Пушкина, въ Царское Село». Слѣдовательно, если допустить возможность первоначальнаго знакомства обоихъ поэтовъ не ранѣе 24 іюля 1831 г. (или даже позднѣе) то такое поспѣшное сближеніе (въ три дня или меньше) представляется значительно менѣе вѣроятнымъ, нежели предполагаемое г. Авенаріусомъ не сближеніе, а только знакомство, начавшееся между Гоголемъ съ одной стороны и Пушкинымъ и Россетъ съ другой, въ теченіе недѣльнаго промежутка отъ перваго до восьмаго мая.

Но вглянемъ на тотъ же вопросъ съ другой стороны. Вмѣсто прежнихъ доказательствъ въ пользу іюльской даты г. Витбергъ теперь единственно выдвигаетъ въ сущности скорѣе противорѣчащія такому заключенію слѣдующія строки въ письмѣ Гоголя къ А. С. Дани-

---

[1]) Позволю себѣ привести это разъясненіе съ небольшими нужными дополненіями, взятыми изъ другихъ мѣстъ того же перваго и втораго тома. „Правда, въ изданіи г. Кулиша это письмо (соч. и письма Гоголя т. V стр. 117) отнесено къ 1830 г., но годъ поставленъ въ скобкахъ—знакъ того, что онъ опредѣляется только по предположенію. Между тѣмъ рѣчь идетъ о холерѣ, которая была въ Петербургѣ въ 1831 году, какъ видно и изъ писемъ Пушкина. Кромѣ того, ср. въ V т. стр. 132: „Примите радушно нашего Александра Семеновича (Данилевскаго). Это вѣстникъ о моемъ прибытіи на слѣдующій годъ", (письмо отъ 28 апрѣля 1831 г. Въ 1832 г. Гоголь дѣйствительно пріѣзжалъ на родину), и стр. 118: (24 же іюля 1831 г.). Гоголь соскучившись, что Данилевскій съ самаго отъѣзда не писалъ ему (а уѣхалъ Данилевскій обратно изъ Петербурга въ Малороссію именно 28 апрѣля 1831 г.; см. „Матеріалы для біографіи Гоголя", т. I, стр. 345, примѣч.), говоритъ матери: „Увѣдомьте о Данилевскомъ. Я до сихъ поръ не имѣю никакого извѣстія о немъ, со времени выѣзда его изъ Петербурга". Есть и другія соображенія. Къ 1832 же году это письмо не можетъ уже никакъ относиться, потому что 24 іюля этого года Гоголь жилъ съ матерью въ Васильевкѣ.

Библиотека "Руниверс"

левскому отъ 2 ноября 1831 года: «Все лѣто я прожилъ въ Павловскѣ и въ Царскомъ Селѣ. Почти каждый вечеръ собирались мы: Пушкинъ, Жуковскій и я» (соч. и письма Гоголя томъ V, стр. 139). Чрезвычайно любопытно, что по соображеніямъ г. Витберга эти слова слѣдуетъ принять въ основаніе при рѣшеніи вопроса, но съ тѣмъ однако, чтобы отнюдь не относить ихъ «ко всему лѣту», а только «ко второй его половинѣ, послѣ пріѣзда въ Царское Село Жуковскаго (24 іюля)». Между тѣмъ, если принять въ соображеніе то, что Гоголь вернулся въ Петербургъ около 14 августа (21 онъ писалъ матери: «Уже около недѣли живу въ Петербургѣ»; см. соч. и письма Гоголя т. V, стр. 134), и если припомнить, что самъ г. Витбергъ въ заключительныхъ строкахъ, составляющихъ какъ бы резюме его замѣтки, склоненъ думать, что «знакомство Гоголя съ Пушкинымъ и Россетъ произошло безъ торопливости», то придется «все лѣто» свести въ сущности только къ первой половинѣ августа, не говоря уже о странной натяжкѣ, именно: часть петербургскаго августа отождествлять со «всѣмъ лѣтомъ». Что же касается до указываемаго г. Витбергомъ соображенія относительно времени пріѣзда Жуковскаго въ Царское Село съ дворомъ 24 іюля, то дѣлаемое имъ сопоставленіе этого факта со словами Жуковскаго въ письмѣ къ И. И. Козлову отъ 1 іюля: «мы остаемся въ Петергофѣ» и «пиши ко мнѣ въ Петергофъ», едва ли можетъ имѣть какое-нибудь значеніе, такъ какъ и независимо отъ переѣзда двора для Жуковскаго лично возможны были сообщенія между такими близкими пунктами какъ Царское Село и Петергофъ, хотя отчасти въ началѣ іюля это и затруднялось карантинами. Если же вѣрить запискамъ Смирновой,—справедливо признаваемымъ г. Витбергомъ ненадежными въ хронологическомъ отношеніи, но все-таки не заслуживающими недовѣрія въ вопросахъ, подобныхъ насъ занимающему—то окажется что дворъ, повидимому, не разъ переѣзжалъ въ это лѣто изъ Царскаго Села въ Петергофъ (см. «Матеріалы для біографіи Гоголя,» т. I, стр. 321: «Послѣ завтра уѣзжаемъ въ Царское» и спустя нѣкоторое время: «Завтра ѣдемъ въ Петергофъ» и проч). Наконецъ, придавая безусловное значеніе разнымъ летучимъ выраженіямъ и тому подобнымъ отрывочнымъ даннымъ, какими такъ увѣренно пользуется г. Витбергъ, вродѣ: «пиши ко мнѣ въ Петергофъ», мы могли бы пожалуй, если бы не сохранилось другихъ данныхъ, вывести заключеніе, что Жуковскій и въ концѣ іюля не былъ въ Царскомъ Селѣ. Вообще, что касается побочныхъ соображеній, приводимыхъ г. Витбергомъ, то, не разбирая ихъ въ отдѣльности, достаточно указать на крайнюю субъективность и произвольность ихъ, которая и внѣшнимъ образомъ сказывается въ неразъ употребленномъ выраженіи: «врядъ ли» и т. п. Соображенія эти не могутъ служить по своей недостаточности ни доказательствами, ни опроверженіями. Мож-

Библиотека "Руниверс"

но ли напримѣръ изъ того, что такого-то числа Пушкинъ былъ въ Петербургѣ, а тогда-то переѣхалъ въ Царское Село, заключать, что слѣдовательно до переѣзда онъ и не могъ уже быть въ Царскомъ Селѣ, или если Пушкинъ былъ въ извѣстное время въ хлопотахъ, а въ то же время у Гоголя и Плетнева, какъ преподавателей, былъ мѣсяцъ экзаменовъ, то значитъ они и не могли тогда видѣться. Но вѣдь кто же не знаетъ, что въ подобныхъ вещахъ дѣло зависитъ отъ характера, привычекъ и степени подвижности каждой личности, и то, что одному кажется почти невѣроятнымъ, для другого совершенно обычно; мнѣ лично, напримѣръ, казалось бы болѣе невѣроятнымъ при близкомъ разстояніи не совершить за лѣто нѣсколькихъ поѣздокъ изъ Петербурга въ Царское и Петергофъ и обратно, или во время экзаменовъ ни съ кѣмъ не видаться изъ моихъ знакомыхъ. Притомъ вѣдь все-таки Жуковскій съ Пушкинымъ, какъ предполагаю я и г. Авенаріусъ, могли видѣться между собой и съ Гоголемъ *еще въ маѣ*.

Г. Витбергъ говоритъ впрочемъ, что «*самымъ главнымъ доказательствомъ*, что знакомство Гоголя съ Пушкинымъ *не могло*(?) состояться въ маѣ, служитъ тотъ фактъ, что въ ихъ письмахъ за май, іюнь и первую половину іюля 1831 года нѣтъ даже и намека на это знакомство». «Почему же — продолжаетъ г. Витбергъ разъясняя свою мысль—въ его (Гоголя) письмахъ за это время (*до 27 іюля*) нѣтъ ни одного слова о знакомствѣ съ Пушкинымъ? И это тѣмъ страннѣе (?), что оба они жили внѣ Петербурга и довольно близко другъ къ другу: Гоголь въ Павловскѣ, Пушкинъ—въ Царскомъ Селѣ» (что же тутъ страннаго? поэтому-то они *скорѣе* могли видаться и *въ первой половинѣ іюля*, и ничто не мѣшаетъ тому, чтобы они и раньше видались въ Петербургѣ или его окрестностяхъ, напримѣръ еще въ маѣ). «Отрѣзанные отъ столицы—говоритъ г. Витбергъ—они не могли свободно сноситься со своими петербургскими друзьями. При такихъ обстоятельствахъ, если бы они были знакомы другъ съ другомъ уже въ первой половинѣ лѣта 1831 г., или *несомнѣнно*» (что значитъ здѣсь это слово?) часто видѣлись бы, то объ этихъ свиданіяхъ Гоголь поторопился бы (!) сообщить своимъ друзьямъ». Но во-первыхъ, въ іюнѣ они могли быть всѣ въ Петербургѣ, изъ котораго, напримѣръ, Гоголь выѣхалъ на дачу лишь въ началѣ іюля, а главное, всѣ эти соображенія подобны прежде указаннымъ и не выдерживаютъ никакой критики. Начать съ того, что Гоголь переписывался тогда только съ матерью, которую, какъ извѣстно, онъ никогда не вводилъ въ свои литературныя дѣла и положительно избѣгалъ этого по достаточно, какъ надѣюсь, разъясненнымъ мною причинамъ; но и въ перепискѣ съ ней онъ *не упоминаетъ о* знакомствѣ съ Пушкинымъ *только въ единомъ письмѣ* отъ 9 іюня 1831 г. (см. соч. и письма Гоголя т. V, стр. 132—133), да въ маленькой записочкѣ отъ 4 іюля (см. стр.

Библиотека "Руниверс"

133), но потомъ онъ уже долженъ былъ косвенно упоминать объ этомъ знакомствѣ по поводу адреса. Съ Данилевскимъ онъ тогда не переписывался по незнанію его адреса и во всякомъ случаѣ вслѣдствіе неполученія отъ него писемъ, что̀ ясно изъ приведенныхъ уже словъ: «Увѣдомьте меня пожалуйста о Данилевскомъ» и проч. Правда, въ изданіи Кулиша были напечатаны не всѣ письма Гоголя къ Данилевскому, но недостававшія письма были переданы мнѣ Данилевскимъ и напечатаны мной, да они и относятся къ болѣе позднему времени кромѣ одного только письма отъ 2 мая («Матеріалы для біографіи Гоголя», т. I стр. 350—351), написаннаго вслѣдъ за отъѣздомъ Данилевскаго, когда ни по чьимъ предположеніямъ Гоголь не могъ еще быть знакомъ съ Пушкинымъ. Все касающееся отношеній обоихъ друзей уже разсказано мною со словъ Данилевскаго же. Съ другими «петербургскими» друзьями, Гоголь могъ не переписываться уже вслѣдствіе не особенно продолжительной разлуки съ ними (около мѣсяца) и во всякомъ случаѣ писемъ этихъ не сохранилось, слѣдовательно по всему этому ни какихъ заключеній дѣлать рѣшительно невозможно. Если же знакомство съ Пушкинымъ состоялось еще въ маѣ, то Гоголь могъ тогда изустно сообщить объ этомъ своимъ друзьямъ. Слѣдовательно «самаго главнаго» доказательства вовсе не существуетъ. О знакомствѣ же Гоголя съ Россетъ мы не говоримъ теперь въ виду справедливаго замѣчанія г. Витберга относительно хронологической ненадежности «записокъ Смирновой», но вообще всѣ соображенія г. Витберга ни малѣйшимъ образомъ не только не исключаютъ возможности этого знакомства въ началѣ лѣта, но наоборотъ скорѣе могутъ говорить въ пользу свиданій Пушкина съ Гоголемъ и Россетъ еще въ маѣ и іюнѣ.

Оставляя въ сторонѣ другіе, менѣе существенные промахи г. Витберга, не могу не выразить удивленія, во-первыхъ, по поводу того, что онъ самъ же все-таки допускаетъ возможность знакомства Гоголя съ Пушкинымъ и Россетъ, если не въ промежутокъ отъ 5 до 8, то отъ 20 до 23 мая, *что̀ и требовалось доказать*, а во-вторыхъ, по поводу его невѣрной цитаты на несуществующую 390 страницу перваго тома моихъ «Матеріаловъ» (тогда какъ въ немъ *только* 385 страницъ); любопытно, что приблизительно тоже случалось и *раньше*, и снова, несмотря на мое возраженіе на стр. 345 (*существующей*) перваго тома, (примѣчаніе 3-е), приписываетъ мнѣ колебаніе относительно даты знакомства Гоголя съ Пушкинымъ, которое я *всегда* относилъ *къ лѣтнимъ мѣсяцамъ* 1831 года въ частности пріурочивая его къ маю.

Въ заключеніе приведу слѣдующія слова г. Витберга, съ которыми и я согласенъ: «Въ сущности, развѣ не все равно, когда именно состоялось знакомство Гоголя съ Пушкинымъ: въ маѣ, іюнѣ или іюлѣ? Важно только не выдумывать того, на что нѣтъ никакихъ указаній,

Библиотека "Руниверс"

что противорѣчитъ имѣющимся у насъ въ рукахъ хотя бы и скуднымъ даннымъ». Дѣйствительно, это вѣрно.

Влад. Шенрокъ.

Отъ редакціи.

Статья В. И. Шенрока была уже набрана, когда нами была получена статья по тому-же вопросу и отъ г. Авенаріуса. Въ виду того, что въ нѣкоторыхъ возраженіяхъ своихъ противъ замѣчаній г. Витберга г. Авенаріусъ вполнѣ сходится съ г. Шенрокомъ, мы помѣщаемъ здѣсь изъ статьи г. Авенаріуса только слѣдующія дополнительныя соображенія:

«Совершенно справедливо замѣчаніе г. Витберга, что въ запискахъ А. О. Россетъ-Смирновой «никакихъ точныхъ опредѣленныхъ датъ нѣтъ, и самые факты перепутаны». Но факты фактамъ рознь Если Россетъ въ концѣ разсказа о своей первой встрѣчѣ съ Гоголемъ (на урокѣ его въ домѣ Балабиныхъ) прибавляетъ: «Послѣ завтра уѣзжаемъ въ Царское Село», то сомнѣваться въ достовѣрности этой собственно прибавки нѣтъ никакой причины; это послѣ завтра не находится ни въ какой связи съ предшествующими строками и прибавлено, очевидно, въ наскоро набросанныхъ запискахъ такъ, какъ нанизываются въ нихъ тѣ или другія случайныя обстоятельства, имѣющія минутный интересъ. Для насъ же это послѣ завтра имѣетъ то существенное значеніе, что даетъ намъ твердую увѣренность, что первая встрѣча Россетъ съ Гоголемъ была именно въ маѣ мѣсяцѣ до переѣзда Россетъ съ императрицею Александрою Ѳеодоровною (при которой она состояла фрейлиною) изъ Петербурга на лѣтнее пребываніе въ Царское Село. Спрашивается только: въ маѣ какого года?—Г. Витбергъ склоняется болѣе къ тому взгляду, что эта встрѣча имѣла мѣсто не 1831, а въ 1830 году. Но до апрѣля 1830 года прослуживъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, Гоголь 10-го апрѣля былъ зачисленъ въ штатъ департамента удѣловъ министерства императорскаго двора, а три мѣсяца спустя, 10-го іюля, былъ назначенъ на штатную должность помощника столоначальника [1]). «Служба моя идетъ очень хорошо, начальники мои всѣ прекрасные люди», писалъ онъ матери 1-го сентября 183) г. О томъ чтобы онъ въ это время, кромѣ того, давалъ еще уроки или хотя бы помышлялъ о педагогической дѣятельности не упоминается ни однимъ словомъ ни въ его собственныхъ письмахъ, ни въ чьихъ-либо воспоминаніяхъ. Только въ письмѣ Плетнева къ Пушкину отъ 22-го февраля 1831 г. [2]), гдѣ Плетневъ совѣтуетъ своему другу прочесть только что

[1]) Послужной списокъ Гоголя въ „Новыхъ матеріалахъ для біографіи Гоголя“ („Русская Мысль“ 1896 г. № 5).

[2]) Сочиненія Плетнева, изд. 1885 г., т. III. (Переписка).

Библиотека "Руниверс"

напечатанные въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» и «Литературной Газетѣ» небольшія беллетристическіе отрывки и серьезныя статьи Гоголя, говорится, что онъ (Гоголь) «любитъ науки только для нихъ самихъ, какъ художникъ, готовъ для нихъ подвергать себя всѣмъ лишеніямъ». «Это меня трогаетъ и восхищаетъ», заключаетъ Плетневъ и, чтобъ только дать возможность принятому имъ подъ свое покровительство молодому писателю покинуть опостылѣвшую ему чиновничью карьеру, предоставляетъ ему (съ марта 1831 г.) [1]) уроки исторіи въ Патріотическомъ институтѣ, а затѣмъ рекомендуетъ его учителемъ въ нѣсколько аристократическихъ семействъ, въ томъ числѣ и Балабинымъ. Итакъ Россетъ могла встрѣтить Гоголя у Балабиныхъ только въ маѣ 1831 г. А такъ какъ «на другой день она приказала Плетневу доставить къ ней хохла», что и «было имъ тотчасъ исполнено» при посредствѣ Жуковскаго и Пушкина [2]), а еще черезъ день она, какъ сказано, переѣхала уже въ Царское Село, то ясно, кажется, что и вторая встрѣча Россетъ съ Гоголемъ (у нея на дому) должна была произойти въ Петербургѣ, притомъ въ присутствіи Пушкина, съ которымъ Гоголя, стало быть, успѣли познакомить еще ранѣе его два доброжелателя: Плетневъ и Жуковскій. Да и могло ли быть иначе? Плетневъ, по собственнымъ его словамъ (въ вышеупомянутомъ письмѣ отъ 22-го февраля 1831 г.) горѣлъ нетерпѣніемъ подвести Гоголя «подъ благословеніе Пушкина; Жуковскій былъ отъ него «въ восторгѣ»; а Пушкинъ, до переселенія на дачу въ Царское Село, пробылъ въ Петербургѣ (по разсчету самого г. Вятберга) по меньшей мѣрѣ недѣлю (съ 18-го по 25-го мая); по средамъ собирались у Плетнева, по субботамъ—у Жуковскаго; мыслимо ли, чтобы Плетневъ забылъ вдругъ о Гоголѣ, съ которымъ видѣлся постоянно въ Патріотическомъ институтѣ, и не воспользовался первымъ случаемъ представить его Пушкину?

«Изъ всего вышеизложеннаго, казалось бы, вытекаетъ само собою то основное положеніе, которое было высказано въ моей первой замѣткѣ: что Гоголь встрѣтился впервые какъ съ Пушкинымъ, такъ и съ А. О. Россетъ-Смирновой въ маѣ 1831 г. въ Петербургѣ, причемъ вторая его встрѣча съ Россетъ у нея на дому (въ Шепелевскомъ дворцѣ) послѣдовала на другой же день послѣ первой у Балабиныхъ».

В. Авенаріусъ.

---

[1]) См. тотъ-же формулярный списокъ.

[2]) В. И. Шенрокъ; Матеріалы для біографіи Гоголя Т. I. стр. 333 (Отрывокъ изъ дневника О. Н. Смирновой).

Издатель С. Зыковъ. **Редакторъ Н. Дубровинъ.**

Библиотека "Руниверс"

Объявленіе объ открытіи учено-литературнаго общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ.

27 апрѣля 1897 года состоялось открытіе „Учено-Литературнаго Общества“ при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Юрьевскомъ Университетѣ. Уставъ Общества утвержденъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 4 марта 1897 года.

Общество имѣетъ цѣлію содѣйствовать разработкѣ и распространенію знаній въ области археологіи, исторіи, литературы и права и взаимному обмѣну мыслей по вопросамъ, относящимся къ упомянутымъ наукамъ, а равно по тѣмъ отдѣламъ біологіи, которые имѣютъ соприкосновеніе съ науками гуманитарными и общественными (§ 1 Устава).

По мѣрѣ потребности, Общество имѣетъ въ виду открыть слѣдующія отдѣленія: 1) историко-филологическихъ наукъ, 2) юридическихъ и общественныхъ наукъ, 3) педагогическое (§ 3).

Общество состоитъ изъ членовъ почетныхъ, дѣйствительныхъ, членовъ-соревнователей и членовъ-сотрудниковъ. Дѣйствительными членами могутъ быть лица какъ состоящія на учебной службѣ въ Университетѣ, такъ и прочія лица (обоихъ половъ), занимающіяся входящими въ кругъ занятій Общества науками. Въ члены-соревнователи избираются лица, оказавшія Обществу значительныя матеріальныя услуги; въ члены-сотрудники - лица, принимающія участіе въ дѣятельности Общества своими научными работами. Ежегодный взносъ для дѣйствительныхъ членовъ опредѣленъ общимъ собраніемъ на первое пятилѣтіе въ размѣрѣ *трехъ рублей;* этотъ взносъ можетъ быть замѣненъ единовременнымъ въ размѣрѣ *пятидесяти рублей*, освобождающимъ отъ ежегоднаго денежнаго взноса на всегда. Члены-соревнователи и члены-сотрудники освобождаются отъ обязательныхъ членскихъ взносовъ (§§ 4, 6, 7, 8 и 9).

Засѣданія Общества и отдѣленій имѣютъ быть закрытыя и открытыя. Въ закрытыхъ присутствуютъ одни члены Общества; въ открытыхъ, кромѣ членовъ, могутъ присутствовать и гости, вводимые членами по заявленіи о томъ предсѣдателю. Въ открытыхъ засѣданіяхъ выслушиваются и обсуждаются научные рефераты и сообщенія членовъ Общества или посторонникъ лицъ (§§ 23 и 24).

Средства Общества составляются: изъ членскихъ взносовъ; изъ субсидій Университета, если послѣдній признаетъ возможнымъ разрѣшить таковыя; изъ добровольныхъ пожертвованій; изъ суммъ, выручаемыхъ отъ продажи изданій Общества; изъ сбора за публичныя лекціи, читаемыя въ его пользу (§ 33).

Должностныя лица Общества на 1897—1898 годъ, по избранію Общаго Собранія: Предсѣдатель—проф. А. С. Будиловичъ, Товарищъ предсѣдателя—проф. Е. В. Пѣтуховъ, Секретарь—проф. М. Е. Красноженъ, Казначей—проф. С. К. Богушевскій, Члены Совѣта: проф. В. Г. Алексѣевъ, проф. А. В. Никитскій и лекторъ С. И. Роше, Библіотекарь—проф. А. Ф. Зачинскій.

Общество обращается ко всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, сочувствующимъ его цѣлямъ, съ просьбой оказать ему содѣйствіе и поддержку.

Библиотека "Руниверс"

какъ на средствѣ для поднятія доходности казны отъ крупнаго торговаго оборота. Въ 1699 г. Петръ Великій, болѣе своихъ предшественниковъ озабоченный „пополненіемъ“ казны для трудныхъ политическихъ предпріятій его времени, обнародовалъ указъ, повелѣвавшій „купецкимъ людямъ“ торговать такъ же, какъ торгуютъ въ иныхъ государствахъ,— **компаніями и**... имѣть межь собой съ общаго совѣта установленія, какъ пристойно бъ было къ распространенію торговъ ихъ, отъ чего надлежитъ быть казнѣ пополненіе“. Въ 1711 г. онъ распорядился спросить у купцовъ мнѣніе о свободномъ торгѣ, который онъ хотѣлъ установить для всякаго чина людей, „если подлинно“ для „купеческихъ“ людей не будетъ отъ этого ущерба. Въ указѣ 1719 года говорилось, что государь объявляетъ вольный торгъ „милосердуя къ купечеству“. Но, несмотря на всевозможныя льготы, русскіе купцы въ теченіе долгаго времени неохотно вступали въ торговыя компаніи.

Въ третьей главѣ этого очерка Н. Н. Ѳирсовъ приводитъ различныя мнѣнія по вопросу о поднятіи крупнаго торговаго оборота и выясняетъ причины, тормозившія его развитіе въ Россіи: основа торговли — промышленность въ странѣ,—все еще находилась на очень низкой степени, несмотря на то, что въ 1-ю половину XVIII вѣка было предпринято не мало мѣръ для усовершенствованія промышленности вообще.

Главныя общія положенія, которыя развиваетъ авторъ во второмъ очеркѣ—**Промышленныя компаніи** (главы IV—VII), могутъ быть выражены слѣдующимъ образомъ: частно компанейскимъ принципомъ, который былъ завѣщанъ Петромъ I русскому торгово промышленному міру, воспользовался, въ силу сложившихся благопріятно обстоятельствъ, вліятельный государственный дѣятель, графъ П. И. Шуваловъ, бывшій вдобавокъ остроумнымъ финансистомъ; въ результатѣ чего получилось: 1) господство графа Шувалова въ промышленной и торговой сферѣ; 2) единеніе его съ крупнѣйшими русскими и иностранными капиталистами, скрѣпленное и оффиціальнымъ, и „купецкимъ“ значеніемъ графа П. И. Шувалова; 3) уничтоженіе внутреннихъ таможенъ, проведенное графомъ какъ непосредственно въ своихъ интересахъ, такъ и въ интересахъ указаннаго единенія, и наконецъ, 4) разстройство государственныхъ финансовъ.

Въ послѣднемъ, третьемъ очеркѣ, озаглавленномъ **Общественныя осложненія и промышленныя затрудненія, вызванныя „компаніейщиками“** и состоящемъ изъ двухъ главъ, г. Ѳирсовъ говоритъ: о „содержателяхъ“ и рабочихъ, о „мочномъ“ и „маломочномъ“ купечествѣ. Вопросъ о рабочихъ рукахъ принесъ немало трудныхъ минутъ государственнымъ людямъ XVIII вѣка. Рабочихъ рукъ не было, ихъ не хватало. Между тѣмъ государство, „казна“, потомъ высшіе общественные классы почувствовали необходимость въ національной промышленности. И вотъ, для удовлетворенія новымъ потребностямъ государства и высшихъ классовъ, пришлось привлечь къ дѣлу заводской и фабричной промышленности крестьянство; прежде всего стали приписывать государственныхъ крестьянъ къ казеннымъ заводамъ; вмѣстѣ съ ними было зарегистровано за заводами значительное число бѣглыхъ. Такимъ образомъ уже самый составъ рабочаго населенія на заводахъ могъ повлечь за собою значительныя осложненія. Дѣйствительно, открывается „цѣлый рядъ безпорядковъ среди заводскаго населенія.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ обрисовываетъ положеніе „мочнаго“ и „маломочнаго“ купечества. Маломочный попадалъ въ тайную канцелярію за то, что выражалъ слишкомъ откровенно свои чувства по адресу лицъ, занимавшихъ высокое положеніе въ періодъ наибольшаго развитія привилегированной промышленности и торговли. Большинство сборовъ съ купечества падало особенно ощутительно на ту часть его, которая состояла изъ „маломочныхъ“, „мизерныхъ“. Этимъ объясняется, что купцы такъ же, какъ и крестьяне, стремились „избыть“ всякими способами тѣ „тягости“, подъ давленіемъ которыхъ они находились вслѣдствіе всего строя государственнаго хозяйства: одни совсѣмъ удалялись изъ купечества; другіе, оставаясь въ немъ, старались ускользнуть изъ-подъ контроля финансоваго вѣдомства.

Вотъ, въ общихъ чертахъ, содержаніе интересной книги г. Ѳирсова. Жаль, что она издана крайне неудовлетворительно въ техническомъ отношеніи: кромѣ замѣченныхъ авторомъ и оговоренныхъ опечатокъ,—онѣ попадаются почти на каждой страницѣ, а иногда и по нѣскольку сряду (напр. стр. 100, 186).

М. К-ш-ъ.

Библиотека "Руниверс"

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1897 г.

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, ДЕВЯТЬ руб., съ пересылкою. За границу ОДИННАДЦАТЬ руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста заграницу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ «Русской Старины», Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Циммерлинга (бывшій Мелье и К°.), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова (Моховая, д. Коха), Н. И. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. Ф. В. Духовникова (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

☞ Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала «Русская Старина». Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☞ Можно получать въ конторѣ редакціи Русскую Старину за слѣдующіе годы: 1876—1880 по 8 рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1896 по 9 рублей.

Библиотека "Руниверс"